Олег
ПЛАТОНОВ

КОНЕЦ ЭПОХИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

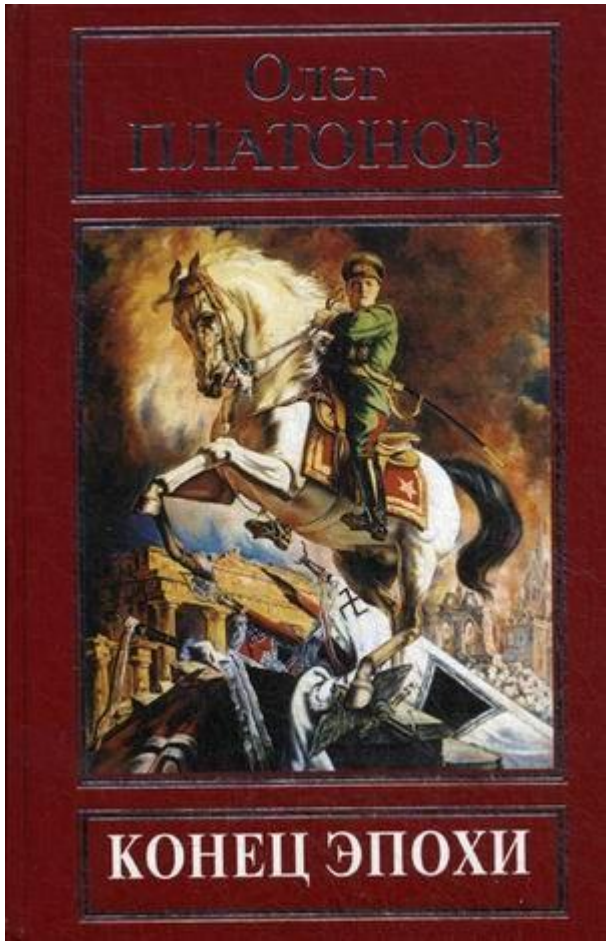
В воспоминаниях Олега Платонова впервые открываются некоторые страницы тайной войны Запада против России. После долгих лет молчания, вынужденного соблюдением конспирации, автор получил возможность опубликовать важные сведения о деятельности подрывных, антирусских организаций, финансируемых правительством США и их западноевропейскими сателлитами. Десятки зарубежных поездок, встречи с видными деятелями антисионистского и антимасонского движения, многолетние исследования в отечественных и иностранных архивах позволили Платонову сделать крупные исторические открытия и находки, развеять ряд мифов, созданных иудейско-масонской пропагандой, чтобы опорочить русскую жизнь. Большое внимание в книге уделено отражению событий, связанных с деятельностью внутренних врагов России и, прежде всего, «сионистской партии» и еврейских экстремистов, сеющих национальную рознь и пытающихся возвыситься над народами России. Опираясь на дневниковые записи своих путешествий, автор приводит многочисленные факты чудовищных преступлений еврейских экстремистов в разных регионах страны.

Книга пронизана чувством веры в великое будущее России, в неизбежность ее победы над внутренними и внешними врагами, над всеми силами мирового зла, эпицентром которого сегодня являются США. Русское сопротивление этим зловещим силам, по мнению автора, служит удерживающим фактором международной стабильности и устойчивого миропорядка.

- ПРЕДИСЛОВИЕ
- ГЛАВА 1
- ГЛАВА 2
- ГЛАВА 3
- ГЛАВА 4
- ГЛАВА 5
- ГЛАВА 6
- ГЛАВА 7
- ГЛАВА 8
- ГЛАВА 9
- ГЛАВА 10
- ГЛАВА 11
- ГЛАВА 12
- ГЛАВА 13
- ГЛАВА 14

- ГЛАВА 15
- ГЛАВА 16
- ГЛАВА 17
- ГЛАВА 18
- ГЛАВА 19
- ГЛАВА 20
- ГЛАВА 21
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36

- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42



Олег
ПЛАТОНОВ

РУССКАЯ ПРАВДА

РУССКАЯ ПРАВДА

Серия книг Олега Платонова о судьбах русского народа и его войне с силами мирового зла, русофобии и расизма.

Русский путь
Душа России
Русский порядок
Покушение на русское царство
Революция против России
Разрушение русского царства
Во власти зверя
Эпоха Сталина
Будем жить при коммунизме
Государственная измена
Масонский заговор в России
Большие деньги делают историю
Еврейский вопрос в русском государстве
Еврейский вопрос в СССР
Правда и мифы о погромах
Николай II: жизнь и царствование
Николай II в секретной переписке
История цареубийства
Жизнь Григория Распутина
История сионских протоколов
Сионские протоколы в мировой политике
Тайное мировое правительство

Почему погибнет Америка
Тайна беззакония
Россия и мировое зло
Война с внутренним врагом
Битва за Россию
Масонство и революция
Масонство и сионизм
Конец эпохи
Перестройка как преступление
Холодная война против России
История русофобии
Русский труд
1000 лет русского предпринимательства
Уроки русский экономической мысли
Русская экономика без Талмуда

Олег ПЛАТОНОВ
Конец эпохи
Из воспоминаний и дневников
«Родная страна»
Москва
2014
УДК 94(47) ББК 63.3.(2) П37

митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева), благословившего мой труд

Платонов О. А.
П 37 Конец эпохи. Из воспоминаний и дневников. — М.: «Родная страна», 2014. — 400 с.
ISBN 978-5-903942-26-8

В воспоминаниях Олега Платонова впервые открываются некоторые страницы тайной войны Запада против России. После долгих лет молчания, вынужденного соблюдением конспирации, автор получил возможность опубликовать важные сведения о деятельности подрывных, антирусских организаций, финансируемых правительством США и их западноевропейскими сателлитами. Десятки зарубежных поездок, встречи с видными деятелями антисионистского и антимасонского движения, многолетние исследования в отечественных и иностранных архивах позволили Платонову сделать крупные исторические открытия и находки, развеять ряд мифов, созданных иудейско-масонской пропагандой, чтобы опорочить русскую жизнь.

Большое внимание в книге уделено отражению событий, связанных с деятельностью внутренних врагов России и, прежде всего, «сионистской партии» и еврейских экстремистов, сеющих национальную рознь и пытающихся возвыситься над народами России. Опираясь на дневниковые записи своих путешествий, автор приводит многочисленные факты чудовищных преступлений еврейских экстремистов в разных регионах страны.

Книга пронизана чувством веры в великое будущее России, в неизбежность ее победы над внутренними и внешними врагами, над всеми силами мирового зла, эпицентром которого сегодня являются США. Русское сопротивление этим зловещим силам, по мнению автора, служит удерживающим фактором международной стабильности и устойчивого миропорядка.

© Платонов О. А., 2014 © «Родная страна», 2014

Посвящается моим детям и всей русской молодежи, которым предстоит сделать то, что не успели мы.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Главное в жизни каждого человека — вера. Только она одухотворяет жизнь и придает ей смысл. Для русского человека вера — это путь к святой Руси. Все остальное — дорога в пустоту, какой бы мишурой, внешним богатством, славой и популярностью оно не обставлялось.

К Святой Руси я шел всю свою жизнь, однако не всегда на этом пути я проявлял последовательность, бывало, спотыкался, серьезно отклонялся от главного. Моя жизнь была богата поисками, путешествиями по России и миру, встречами с интересными, опытными, значительными людьми, разделявшими со мной главные идеи моей жизни.

Я благодарен Богу за то, что Он всегда помогал мне идти по этому пути. Я благодарен Богу за то, что встретил на своем пути (наверно, это было неизбежно) великого подвижника Русского православия митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Знакомство с ним в 1992 году осветило ярким духовным светом мое прошлое и окончательно определило мою дальнейшую жизнь.

Только встретившись с митрополитом Иоанном, я понял, что большая часть моей творческой жизни прошла не зря, не утонула в обыденной суете, а наоборот, стала основанием всех моих дальнейших трудов, получивших одобрение в православной среде и благословение авторитетных церковных иерархов.

Главная мысль, которая поразила меня на нашей многочасовой встрече в Комиссии по канонизации святых Православной церкви в 1994 году, что «каждый человек имеет свою историю встречи с Богом и встречи с Дьяволом... И то и другое обыденно как прогулка в горах возле глубокого озера. Только в первом случае твоя душа воспаряет в Небо, а во втором — падает с высокого обрыва. Большая часть людей не понимают значения этих встреч, не умеют читать знаки высших сил, духовная неграмотность приводит их на край гибели. Жизнь человеческую нужно воспринимать как поле битвы Бога и сатаны, Христа и антихриста, добра и зла. Для многих с юных лет жизнь становится поражением, когда, привыкнув к злу, они покорно плывут по реке обыденности, как духовные трупы, больше всего радуясь материальным благам и комфорту. Эти люди не достойны даже сожаления, так как они не оправдали надежды Спасителя».

Путь к Святой Руси — это прежде всего путь «борьбы со всеми, кто противостоит Богу, прежде всего, с черной ратью

антихриста — сионистами и масонами, воплощающими собой дух преисподней». «Сегодня Запад, — говорил мне митр. Иоанн, — является прихожей в преисподнюю. Сегодняшняя западная культура построена на богоборчестве и отрицании Христа. Борьба антихриста против Христа является первопричиной антагонизма между Западом и Россией».

Сейчас, возвращаясь мыслью к тем годам, я ясно осознаю, что без этих слов великого подвижника я вряд ли бы нашел в себе силы оставить все прежние дела и несколько лет заниматься исследованием масонских документов Особого архива КГБ СССР, в результате которого мною был написан ряд книг по истории иудаизма и масонства, вышедших в серии «Терновый венец России». Само название серии принадлежит митрополиту Иоанну. Благословляя выход в свет первой книги «Тайная история масонства», владыка сказал «выпустить ее как можно большим тиражом и на все деньги». Митрополиту Иоанну принадлежит мысль использовать в работе не только исторические данные архивов, но и собирать информацию на действующих политических деятелей, осуществляющих свою подрывную деятельность против православной России. (Гайдар, Собчак, Старовойтова, Ковалев, Юшенков, Яковлев и др.). По его инициативе и с помощью людей, которых он рекомендовал нам, мы несколько лет собирали досье на современных масонов с привлечением информаторов из разных организаций, в том числе из спецслужб.

Слова митрополита Иоанна стали ключом к моим исследованиям западной цивилизации. Изучая масонские и иудейские архивы, я столкнулся с таким количеством фактов, раскрывающих преступный характер западных государств и общества, ориентации их на захват чужих земель, имущества, геноцид всех непокорных народов. О того момента, когда Западная церковь под влиянием иудейской идеологии отпала от Православия, история Запада приобретает откровенно криминальный характер. Массовые убийства и геноцид целых народов проходят красной чертой через главные события европейской цивилизации — крестовые походы, колониальные захваты, «эпоху Возрождения» и новое время — логически завершившиеся самой жестокой общественной системой, которая когда-либо существовала на Земле, — Соединенных Штатов Америки. ОША по жестокости превзошли все рекорды геноцида, уничтожив десятки индейских народов, живших в Северной Америке (около 100 млн человек), миллионы африканцев, используемых в качестве рабов, только за последние 50 лет Америка убила в агрессивных войнах более 4 млн человек. Для

того, чтобы скрыть эти преступления, создавались мифы о гуманизме, свободе и демократии. Реально же эти понятия были применимы, согласно Талмуду, к узкому кругу «избранных». Большинство же людей, не входивших в этот круг, считались стоявшими вне закона. Этими мыслями я делился с митрополитом Иоанном и чувствовал его одобрительное отношение.

Самое же главное — митрополиту Иоанну принадлежит идея создания Института русской цивилизации и энциклопедии «Святая Русь», подводящей итоги русской духовности с древнейших времен до наших дней. Первая такая энциклопедия была создана в середине XVI века митрополитом Макарием — «Великие Четьи Минеи». Современному поколению православных людей, считал владыка Иоанн, следует продолжить эту работу, чтобы открыть перед читателем огромное значение духовных ценностей Святой Руси, высшего достижения христианской цивилизации.

Святая Русь — особое благодатное свойство русского народа, делающее его оплотом христианской веры во всем мире. Жертвенное служение идеалам добра и справедливости, стяжание Духа Святого, устремленность к безгрешности и совершенству и преображению души сделали русских новым Богом избранным народом, но не в смысле противостояния другим народам и стремления господствовать над ними, а в смысле первенства в борьбе с мировым злом, за построение Православного царства.

Святая Русь раскрывается в следующих понятиях:

— Духовная цельность — неразрывность веры и жизни;

— Добротолюбие — критерий истинной христианской жизни и святости;

— Нестяжательство — преобладание духовно-нравственных мотивов жизни над материальными;

— Соборность — растворение личности в Церкви, государстве, Православном народе;

— Патриотизм — любовь к земному отечеству как преддверию Царствия Небесного. После веры в Бога патриотизм — высшее выражение духовности человека.

С началом работы над осуществлением идеи митрополита Иоанна о создании энциклопедии «Святая Русь» для меня начался новый и главный этап жизни. Мысли, высказанные владыкой, были поддержаны многими старцами, монахами, священниками, православными учеными и предпринимателями. Важный клад в разработку идей энциклопедии внес митрополит Питирим (Нечаев). И совершилось чудо: то, что совсем недавно казалось мне неосуществимым и неподъемным, стало воплощаться в жизнь

молитвами митрополита Иоанна, его последователей и учеников. Работа над энциклопедией увенчала и мою жизнь.

С начала 70-х годов я начал делать записи о своих путешествиях, встречах и событиях, в которых участвовал. В моих записных книжках скопилось большое количество уникальных наблюдений за деятельностью разного рода противников русской цивилизации, членов тайных иудейских и сионистских организаций, масонских лож и спецслужб. По роду своих занятий и исследований мне приходилось совершать негласные посещения тайных обществ — масонских орденов, сатанинских сборищ. Разоблачение перед всем христианским миром подрывной деятельности противников христианской веры — задача православного человека. Как писал свт. Кирилл Иерусалимский: «Знаешь признаки антихристовы — не сам один помни их, но и всем сообщай щедро». Настало время и для меня раскрыть все, что я знал и видел о проявлениях антихриста. Как учил митрополит Иоанн, «Антихрист — это реальная политическая возможность нашего времени, грядущий мировой диктатор, дорогу которому сегодня прокладывают Израиль, США и другие страны Запада».

Антихрист — дух, помысливший встать против своего создателя и за это низвергнутый с Небес. Как озлобленный и безумный в гордыне раб восстает против господина, так и дьявол, воплощенный в антихристе, стал против всех Законов Божиих.

В духовном понятии антихрист, как воплощенный сатана, — абсолютное зло. В вещественном же — это особый человек. Св. Иоанн Дамаскин (VII в.) указывает: «Не сам дьявол сделается антихристом, но родится человек от блудодеяния и примет на себя все действия сатаны. Ибо Бог, предвидя будущее развращение его воли, попустит дьяволу поселиться в нем. Родившись от блудницы, воспитается тайно, неожиданно для всех объявится и воцарится» (кн. 4, гл. 27).

Явление антихриста связано с иудаизмом. Как говорится в Евангелии, иудеи примут антихриста с великой радостью, уверуют в него как в Мессию, обещанного пророками. Поэтому и сказал Христос, отвергнутый евреями Мессия: «Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете» (Ин. 5, 43).

По происхождению своему антихрист будет необрезанный еврей, сперва явится к евреям, а затем привлечет и др. народы. По писанию св. Андрея Кесарийского, антихрист родится от еврейского колена Данова, которое поэтому не причислено к др. 12 коленам.

Ап. Павел указывает: когда будет взят от среды

Удерживающий, «тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия своего того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякой силой и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду» (2 Сол. 2, 8—12).

По свидетельству св. Ипполита Римского, жившего в I—II вв., «антихрист сперва будет кроток, тих, любезен, нищелюбив, люди будут видеть в нем, в его делах много добродетели и поставят его царем над собой. Они будут рассуждать: «Где мы найдем среди нас более благого и праведного человека?» Евреи будут думать, что восстанавливается их царство. После этого антихрист откроет свое лицо истинное («вознесется сердцем») и станет открыто жестоким, немилостивым и безбожным. Антихрист сделается царем, будет требовать от всех поклонения («всемирный царь») и будет знаменовать своей печатью покоряющихся, а непокорных замучит и убьет».

Армией антихриста станут талмудические иудеи.

«Ваш отец дьявол, — говорил Господь иудеям, — и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца из начала и не устоял в истине; ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое; ибо он ложь и отец лжи» (Ин. 8, 44). Называются иногда дьяволом и детьми дьявола, так же как и сатаною, и люди, по злым качествам душ их (Ин. 6, 70; 8, 44; 1 Ин. 3, 10).

Как писал русский духовный писатель С. А. Нилус, «первый на земле народ, который признал дьявола своим богом и поклонился ему как Богу, был Израиль, ставший чрез то из народа Божия, богоизбранного, каким он был по первородству своему среди сынов человеческих, народом-богоборцем — богоубийцей, Вавилоном — женою любодеицею».

Т. о., тайна беззакония, над которой так деятельно трудился князь тьмы дьявол (Ин. 12, 31; 13, 2, 27), приобрела наконец в лице иудейского народа самую восприимчивую почву, где могло возрастать семя грядущего антихриста. Только в этом народе, превратившемся из народа богоизбранного в народ богоотверженный, только в его безграничной ненависти ко

Христу дьявол мог заложить прочный фундамент для своей церкви антихриста. Об этой служебной роли иудейства в осуществлении сатанинских планов говорит и свт. Иоанн Богослов: они «говорят о себе, что они иудеи, а они не таковы, но

сборище сатанинское» (Откр. 2, 9).

Правильно ли рассматривать всех евреев как врагов христианства и пособников антихриста? совершенно неправильно. Все мы, православные христиане, боремся не с еврейским народом и даже не с отдельными евреями, одурманенными талмудизмом, но против сатанинской идеологии, против антихриста, сделавших часть евреев исполнителями своих богоборческих планов.

самая страшная трагедия в истории любого народа — это когда он становится заложником богоборческой, античеловеческой системы взглядов, превращается в тупое орудие претворения их в жизнь. В каждом народе есть люди хорошие и плохие, добрые и злые, искренние и равнодушные. Однако богоборческая, античеловеческая система превращает их в единую организацию, точнее, организованное стадо, ведомое преступными вождями, а на весь народ ложится их вина.

Вот несколько примеров из истории.

В XIII веке монгольские племена стали заложниками чудовищной идеологии Чингисхана, превратившего их из мирных кочевников в кровожадных и жестоких завоевателей.

Подобную трагедию испытал немецкий народ, жертва бредовых расистских идей Гитлера, сделавшего из культурной нации банду обнаглевших мародеров и насильников.

Заложником богоборческой, античеловеческой системы большевизма в течение двух десятилетий (1917—1937 гг.) был русский народ, ценой огромных жертв перемоловший большевистскую диктатуру.

Но самым типичным примером идеологического заложничества стала значительная часть еврейского народа, которая уже два с половиной тысячелетия не может преодолеть богоборческое, античеловеческое мировоззрение Талмуда, проповедующего расизм, расовую исключительность, «особые» права евреев. Идеология Талмуда предопределила многие трагические события в истории человечества, противопоставив евреев всему миру.

Раскрывая содержание и высший смысл борьбы Православия с сионизмом и масонством, я неизбежно касаюсь деятельности представителей отдельных народов и организаций. Это не означает, что у меня есть предубеждение против какого-либо народа. Я твердо следую указаниям священного Писания, что у Бога нет плохих народов, а есть люди, противопоставляющие себя Богу, стремящиеся подчинить своей воле народы и человечество в целом. Тайные иудейские сатанинские секты и организации, а впоследствии сионистский режим Израиля сделали немало, чтоб

превратить часть еврейского народа в преступное сообщество, стремящееся к господству над всем миром.

Речь идет не о борьбе какого-либо народа, а о ликвидации правящих элит, создавших преступные режимы, вроде гитлеровского или сионистского. Освобождение еврейского народа от тотальной диктатуры сионистского режима приведет к неизбежному крушению преступных планов антихриста и торжеству истин Нового Завета.

Не вина, а беда евреев, что иудейские сектанты-талмудисты превратили часть из них в «сынов дьявола», «врагов рода человеческого». Иудейские талмудисты внушают евреям сатанинские чувства избранности, исключительности и вражды к другим народам, тем самым противопоставляя их всему миру. Только освободившись от притязаний на избранность и исключительность, иудеи смогут найти выход из духовного тупика, в который их завел Талмуд, и вместе со всеми народами выйти на ту столбовую дорогу, направление которой указал нам спаситель.

В отличие от иудеев-талмудистов, которые возносят молитвы только за своих «богоизбранных» соплеменников, православные христиане всегда молятся за спасение душ всех людей, живущих на Земле, в том числе и евреев. с этой молитвы я и начинаю свою книгу.

ГЛАВА 1

ПЕРВОЕ РОДОВОЕ ВОСПОМИНАНИЕ. - ОТ ДУНАЯ ДО ВОЛГИ. - ПРЕДКИ ПО МАТЕРИ. - ТРУЖЕНИКИ И ПРОСВЕТИТЕЛИ. - СМЕРТЬ МОИХ ПРАДЕДА И ПРАБАБУШКИ ОТ РУК ЕВРЕЙСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ. - ПЕРВОЕ ИЗВЕСТИЕ ОБ АНТИХРИСТЕ

Первое родовое воспоминание славянина связано с Дунаем и Карпатами. Какой-то особой интуицией я ощущал, что Дунай — прародина моих предков. Помню, необъяснимо торжественное и сладкое чувство охватило меня, когда ранним утром я ехал в автобусе рядом с Дунаем по равнине Сербии. В русском сознании, отраженном в народных песнях, на Дунай ходят по воду, в нем мочат холсты, почтительно величают его на чисто русский манер «по батюшке» Дунай, сын Иванович. То же чувство, что и на Дунае, я испытывал, путешествуя по Карпатам. Когда я просыпался поздно ночью в горах возле глубокого озера, во мне оживало чувство домашнего очага, спокойного уюта. Не менее сильное родовое воспоминание связано с землями моих ближайших предков. Корни их уходят во Владимирскую (по отцу) и Саратовскую (по матери) земли. Эти места были важными центрами зарождения русского народа. Истовая вера в Бога, напряженный труд, постоянная борьба с завоевателями выковали один из наиболее жизнеспособных типов великороссов — трудолюбивых, настойчивых, энергичных, уверенных в себе.

Места моих предков по отцу с местами моих предков по матери объединяют великие русские реки Ока и Волга. Недалеко от Вязников, где жили предки по отцу, р. Вязьма впадает в р. Оку, а сама Ока соединяется с Волгой, по которой водный путь вел в землю моих предков по матери в Саратовскую губернию. Активное заселение этих мест началось в XVI веке. Сам Саратов служил боевым центром русского государства для наблюдения за движениями ордынцев и истребления их «воровских шаек». саратовские земли заселялись вольными людьми, способными и напряженно трудиться, и крепко держать оружие в руках. Мои предки по матери (Кузнецовы) пришли сюда не позднее XVII века и поселились в слободе Баланда Аткарского уезда. Были они старообрядцами, и появление их в этих местах объяснялось, скорее всего, гонениями, которые шли на сторонников старой веры. Первый Кузнецов был кузнец Иван (г.р. 1700), его профессия дала имя роду. У него были трое сыновей — Михаил, Гаврила и Никифор (г.р. 1725), которые, по всей вероятности,

продолжили кузнечное дело. Однако сын Никифора Василий (г.р. 1750) разбогател, и с него в роду Кузнецовых пошли купцы Михей, Иван, Михаил (г.р. 1775). Сын Михаила Андрей (г.р. 1800), женатый на Евдокии Ивановне, имел от нее двух сыновей Осипа и Василия (г.р. 1830). С Василия уже могу посмотреть своим предкам в глаза. Сохранилась старинная фотография, на которой изображены он и его семья. Все одеты в типичные для староверов одежды, лица суровы и замкнуты. С Василия в род Кузнецовых два раза входят представители рода Склешиновых, известных тем, что один из его членов Трофим Гаврилович (XVIII в.) был писарем графа Шереметева. Василий Андреевич Кузнецов женился на Прасковье Склешиновой. От их брака родился мой прадед Афанасий (1856—1918(19?), женившийся на другой представительнице рода Склешиновых, Наталье Ивановне (1856—1918(19?), своей четвероюродной сестре. От этого брака родился мой дед.

Места, где они жили, граничили с Донской (казачьей) областью, были по рельефу очень ровные, степные, лежали по берегам реки Медведицы. Лесов здесь почти не было. Земли в основном черноземные, позволявшие получать большие урожаи пшеницы и ржи. Хлеб сплавлялся по р. Медведице к Дону. Крупным торговым центром по торговле хлебом служила как раз слобода Баланда. Именно этой торговлей и занимались купцы Кузнецовы. К концу XIX века в слободе Баланда было 1316 дворов с более чем семью тысячами жителей, 38 промысловых заведений (в основном мельницы и винокуренные заводы), три трактира, 28 лавок, несколько базаров, ярмарка. Интересным занятием некоторых жителей слободы была ловля в окрестных степях мелких грызунов — сурков, вытапливание из них сала, выделка их шкурок.

Купеческая деятельность рода Кузнецовых прерывается на сыне Василия Афанасии, моем прадеде[1]. Он закончил Казанский университет и поступил на службу по линии Министерства народного образования, преподавал, к концу жизни был смотрителем народных училищ. Афанасий Васильевич воспитал двух сыновей-инженеров: Дмитрия (1896—1962), моего деда Алексея (1882—1942) и пятерых дочерей — Анну (1877-1943), Лидию (1884-1971), Елизавету (1890— 1958), Александру (1893—1971), Клавдию (1907—1989), которые всю жизнь были школьными учительницами. По Табели о рангах мой прадед был статским генералом, от отца ему досталось богатое наследство, семья жила в достатке.

От старообрядцев в семье Кузнецовых вплоть до первой половины XX века сохранялось пренебрежение к внешним

удобствам и комфорту, безразличие к стяжанию материальных благ. Чувство христианского долга преобладало над стремлением к личному счастью. Именно эти чувства и составляли основу устойчивости русского государства. Как справедливо отмечал М. Пришвин, также вышедший из старообрядцев: «Стыд личного счастья есть основная черта русской культуры».

Именно таким и был мой прадед — человек долга, бессребреник, настоящий консерватор, близкий к кругу купцов Бардыгиных, С. Ф. Шарапову, Н. П. Гилярову-Платонову. Последний сформулировал жизненные правила русского человека, которые стали главными для моего прадеда:

«Жизнь есть подвиг, а не наслаждения.

Труд есть долг, а не средство своекорыстия.

Верховный закон междучеловеческих отношений есть всеотдающая любовь, а не зависть.

Люби ближнего, как самого себя: вот в двух словах все начало должных общественных отношений, истинно христианских и истинных во всяком другом значении этого слова.

Лицо, сохрани свою инициативу, владей свободой, какой одарено, употребляя всю энергию, к какой способно, но клони все свои действия на благо человечества, на пользу братьев».

Хорошо образованный и начитанный, Афанасий Васильевич Кузнецов сумел избежать модного тогда либерализма. Христианин, считал он, не может быть либералом. Откуда пошел либерализм? Из Англии, а в Англии всю власть жиды захватили. Либерализм создало еврейство для утверждения своего господства над миром. Конституция в западном смысле, которую требуют либералы, христианам не нужна, ибо все главные положения для человечества и общества содержатся в Евангелии. Законы для общества должны строиться не по конституции, а по Новому Завету. Прадед мой терпеть не мог либералов за их враждебность к царю, за атеизм и двуличие.

Либерализм, считал прадед, может превратить в преступника самого честного, самого порядочного человека. В связи с этой его мыслью мне сразу же вспоминаются нравственные мучения Ф. М. Достоевского, которыми он поделился с А. С. Сувориным.

«Представьте себе, — говорил Достоевский, — что мы с вами стоим у окон магазина Дациаро и смотрим картины. Около нас стоит человек, который притворяется, что смотрит. Он чего-то ждет и все оглядывается. Вдруг поспешно подходит к нему другой человек и говорит: “Сейчас Зимний дворец будет взорван. Я завел машину”. Мы это слышим. Представьте себе, что мы это слышим, что люди эти так возбуждены, что не соизмеряют обстоятельств и

своего голоса. Как бы мы с вами поступили? Пошли ли бы мы в Зимний дворец предупредить о взрыве или обратились бы к полиции, к городовому, чтоб он арестовал этих людей? Вы пошли бы?

— Нет, не пошел бы...

— И я бы не пошел. Почему? Ведь это ужас. Это — преступление. Мы, может быть, могли бы предупредить. Я вот об этом думал до Вашего прихода, набивая папиросы. Я перебрал все причины, которые заставляли бы меня это сделать. Причины основательные, солидные, и затем обдумал причины, которые мне не позволяли бы это сделать. Эти причины — прямо ничтожные. Просто — боязнь прослыть доносчиком. Я представлял себе, как я приду, как на меня посмотрят, как меня станут расспрашивать, делать очные ставки, пожалуй, предложат награду. Напечатают: “Достоевский указал на преступников”. Разве это мое дело? Это дело полиции. Мне бы либералы не простили. Они измучили бы меня, довели бы до отчаяния. Разве это нормально?»

По такой логике либерализм был убежищем негодяев и преступников. Именно такое либеральное отношение к цареубийцам сделало русское общество беззащитным перед преступниками и разрушило его. Не боясь преследований либералов, мой прадед выступал за строгое наказание государственных преступников. В нашей семье сохранились сведения, что в апреле 1881 года он присутствовал на казни цареубийц Желябова, Перовской, Кибальчича, Рысакова. совершив самое страшное убийство, преступники вели себя трусливо, дрожали всем телом, до самого конца ожидали, что их помилуют. В момент подготовки казни они хватали палачей за ноги, стремясь хоть на минуту продлить свою подлую жизнь. Ни у кого из присутствующих на казни судьба извергов не вызвала сожаления. Такие же публичные казни государственных преступников, считал прадед, следовало бы проводить и в 1905—1907 годах. Тогда бы страна не пришла к краху 1917 года.

Судя по всему, многие взгляды своего отца разделял и мой дед. Лучшими годами своей жизни он считал учебу в Егорьевской гимназии и приятельские отношения с младшим внуком купца Н. Ф. Бардыгина. Известно, что после 1917 года младший Бардыгин попал на Соловки, где закончил свою жизнь.

Смерть Афанасия Васильевича и его жены Натальи в разгар Гражданской войны окутана тайной. Известно только, что они умерли в Егорьевске. Мой дед Дмитрий Афанасьевич и его сестры, конечно, знали, как они умерли, но ничего не рассказывали. Помню, как спрашивал у тети Клаши и тети Лизы о

последних днях прадеда и прабабки. В ответ они лепетали что-то невразумительное о трудном времени и об обстоятельствах жизни. Думаю, что если бы прадед и прабабка умерли от голода, болезни или от бандитских налетов, то вряд ли их дети стали бы скрывать причину смерти. скорее всего, они стали жертвой Егорьевской Чека, состоявшей в то время сплошь из евреев, занимавшихся грабежами состоятельных граждан. Есть версия, которую высказывал мой дядя Глеб (сын тети Шуры — Александры), что Афанасия Васильевича с женой взяли в заложники и при удобном случае расстреляли. Все, что им принадлежало, — дом, имущество, драгоценности — было конфисковано. Ничего ценного от былого достатка в семье не осталось, сохранились только некоторые фотографии. Мой дед в то время учился в Коммерческом училище, позже он закончил Институт народного хозяйства им. Плеханова. Тяжелее всего пришлось его пятерым сестрам. Они в одночасье оказались без крыши над головой. Тем не менее продолжали учительствовать, а самая младшая тетя Клаша готовилась вступить на их стезю.

Только двое из пятерых сестер (тетя Лиза и тетя Шура) вышли замуж, всю жизнь над ними довлела тайна смерти родителей (возможно, чекисты взяли с них расписку о неразглашении).

Переехав в Москву, тетя Шура и тетя Лиза вынуждены были скрыть свое происхождение. В 1929 году тетя Шура сумела договориться со священником старообрядческой Введенской церкви в с. Баланда, убедила его, что она якобы является крестьянкой. По этой справке и получила паспорт.

К политике у теток было отвращение. Разговоров о современных исторических событиях они не поддерживали. И тем не менее в обыденной жизни они были предупредительны и доброжелательны. Стремились помочь родне, хотя возможности у них были очень скромные. Из своей маленькой учительской зарплаты, а позднее пенсии, тетя Лиза и тетя Клаша ухитрялись сэкономить, чтобы помочь семье брата. Тетя Клаша, выйдя на пенсию, устроилась работать безвозмездно в библиотеку. Лет за пять до смерти она приезжала в Москву к моей маме. Как-то за чаем мы разговорились, и она рассказала несколько историй из жизни Егорьевска первых лет революции. Хотя она рассказывала их от лица подруги, которой в 1918 году было 14 лет, мне показалось, что эти истории относились к ней самой.

В конце 1918-го группа еврейских чекистов проводит обыск в богатой русской семье. Чекисты перетрясают дом, отбирают все ценности. Одежду, лампы, музыкальные инструменты грузят в машину. Ограбив семью полностью, садятся «жрать», вытаскивают

все съестное из подпола, заставляют женщин жарить картошку с луком, выпивают, поют песни на идише, глумятся над «русскими буржуями», пристают к девушкам. Попытка отца семейства образумить насильников вызывает у них ярость. Руководитель чекистов на глазах четырнадцатилетней девушки убивает ее отца, затем насилуют и убивают мать и сестру, а потом насилуют ее саму. Единственной из всей семьи ей оставляют жизнь, потому что она понравилась главарю чекистов. Он делает четырнадцатилетнюю девушку своей наложницей. Занимая ответственные посты в ЧК, он переезжает с ней из города в город. Она панически боится его. Он ее по-своему любит.

Занимаясь грабежами при производстве арестов и обысков, чекист приносит ей драгоценности, наряды, меха, но надевать их она может только дома. В одном из городов чекиста убивают. Узнав об этом, малолетняя наложница впервые ощущает себя свободной, поджигает квартиру с награбленным добром и с одним маленьким узелком убегает к тетке в Егорьевск. Там кончает учительские курсы и навсегда замыкается в себе, неспособная ни создать семью, ни родить детей.

После смерти теток, перебирая их бумаги, я понял, что, несмотря на страшные события, в которые они были вовлечены, их души не ожесточились, а продолжали излучать привитую с детства доброту и любовь. В бумагах теток я нашел трогательное стихотворение тети Лизы, написанное незадолго до войны, выражавшее ее простую, любящую душу:

ЧТО Я ЛЮБЛЮ

Люблю я лес, люблю я горы,
Люблю я реки и луга.
Люблю небесные светила,
Люблю я сильную грозу!
Люблю встречать восход я солнца,
Люблю вечернюю зарю.
Люблю я трели соловьины,
Люблю я пенье петуха.
Люблю искать грибы в лесу я,
Люблю я ягоды сбирать.
Люблю я зайчиков пугливых,
Люблю я хитрую лису.
Люблю березки я кудрявы,
Люблю красивые цветы.
Люблю кататься на лодке,
Люблю сидеть я у руля.

Люблю я гладкие дороги,
Люблю я быструю езду.
Люблю я русские просторы,
Люблю я Родину свою.
Люблю я скромный наш Егорьевск,
Люблю я матушку Москву!

Москва, Москва!!!
Как можно не любить Москву!
Она ведь мать всего народа,
Защита наша от невзгод!
Люблю я Кремль ее старинный
И звон на башенных часах.
И площадь Красную люблю я,
Люблю гулять я по Москве.
Люблю театры и музеи,
Люблю московское метро.
Люблю я станции красивые,
Люблю я шумную толпу.

ЧТО Я НЕ ЛЮБЛЮ

Не люблю я бабских сплетен
И пустую болтовню.
Не люблю я тех, кто всюду
Выставляет свое Я,
Не люблю подхалимаж.

Л. К.

Тетя Шура воспитала двух сыновей, воспитала как патриотов. сохранились письма военного времени, которые ее сыновья писали ей и посылали друг другу. Это письма русских патриотов, уверенных в своей силе и готовых драться с врагом до конца. «Ты, конечно, поймешь меня, — писал Вениамин своему брату Глебу из военного училища, — поймешь, какие глубокие душевные раны нанесла мне война. Выход только один, только одним способом может быть восстановлено все прошлое. Надо драться за него. Драться упорно, до последнего, чего бы это ни стоило. Для этого нужно много времени, еще больше усилий, напряженности, но это выполнимо. Скоро я поеду на фронт. Буду рассчитываться с фрицами за все, за всю душевную боль, за неоправданные надежды, за нашу жизнь». Через месяц Вениамин

ушел на фронт, присылал он оттуда мужественные, ободряющие близких письма, а летом 1943 года погиб смертью храбрых.

Конечно, весь ужас, который испытали мои тетки, пронизал и моего деда. Дмитрий Афанасьевич также держался подальше от политики, избегал обсуждения партийных руководителей. Несколько раз пытался заниматься научными исследованиями. Однако жизнь пошла иначе. После окончания Плехановки дед устроился в исследовательский институт, занимавшийся разработкой военной техники. Обсчитывал экономическую сторону этих разработок. Дорос до начальника планово-экономического отдела, хотя никогда не был членом партии. В 1927 году женился на Ольге Мануиловне Лавровой (1902—1977), от брака с которой родились две дочери и два сына. Бабушка была дочерью инженера-путейца из Мелитополя, человека достаточно состоятельного до 1917 года, но также погибшего в огне еврейской революции. Бабушка получила хорошее домашнее образование, а позже закончила институт иностранных языков, знала немецкий, французский и английский. Всю жизнь проработала учительницей иностранных языков. Незадолго до отставки Председателя Совета министров Маленкова была приглашена им обучать языкам кого-то из его детей, что не осуществилось из-за падения этого деятеля. Сколько я ее помню, с ней всегда была книга, все свободное время она отдавала чтению, особенно французских романов, которые она брала у писателей из поселка Переделкино — их «оболтусов» (ее выражение) она «натаскивала на языки».

Большую часть времени дед проводил в длительных дальних командировках. Семья часто переезжала. Жили в Серпухове, Салтыковке (здесь родилась моя мать), разных других местах. Перед войной дед в очередной раз пытался уйти в науку. Однако в самом начале германского нашествия был мобилизован, получил звание капитана и стал продолжать работу в институте, но уже как военнослужащий. В 1946-м его демобилизовали. Семья, а в ней было уже трое детей, переехала на станцию Баковка — в сухое, здоровое место в 20 км от Москвы. Рядом с Баковкой начинался густой тенистый лес и протекала река Сетунь, в которой водилось много рыбы, служившей хорошим подспорьем в питании местных жителей. До 1917 года здесь было дачное место, после 1917-го местность облюбовали еврейские большевики. В частности, здесь построил себе дачу видный еврейский большевик, член Политбюро, нарком финансов Г. Я. Сокольников (настоящая фамилия — Бриллиант Гирш Янкелевич), притянувший сюда довольно большое количество еврейских семейств, оставивших о себе недобрую память.

сокольников, который приехал в Россию вместе с Лениным в пломбированном вагоне, был связан не только с немецкой разведкой, но и с масонскими ложами. Крайне растленный тип, сокольников превратил свою дачу в центр политических интриг и пьяных оргий с актрисами, воспоминания о чем надолго сохранялись в памяти старожилов. Одна старушка уже в начале 70-х годов, вспоминая о прошедшем времени, называла Сокольникова и его гостей антихристами. «Почему?» — спрашивал я. «Антихристы, жиды, и все!» — махнула она рукой.

Гостями Гирша Сокольникова были преимущественно соплеменники. По местным слухам, в конце 20-х годов именно на этой даче планировались свержение Сталина и передача всей власти в России Троцкому, Радеку и Сокольникову. Результатом переворота должна была стать передача всей русской промышленности и торговли в руки еврейских капиталистов и установление абсолютной диктатуры еврейских большевиков. Сталин нанес Троцкому и Сокольникову упреждающий удар, на Баковке прошли многочисленные аресты, сохранившиеся в памяти старожилов еще в конце 50-х — начале 60-х годов.

В 1946 году семья моего деда и бабушки с тремя детьми поселилась на Баковке, вначале в общежитии, все в одной комнате рядом с железнодорожной платформой. День и ночь рядом шли поезда в Германию и обратно, не считая местных составов и электричек. Проезжая станции, поезда сигналили, не давая заснуть ни взрослым, ни детям. К тому времени бабушка была беременна четвертым ребенком, существовать в этой комнате стало невозможно. После хождения по инстанциям власти «смиловались» и пошли на «улучшение» жилищных условий семьи. Дед и бабушка получили малюсенький (5х5) домик, бывшую кухню бывшей барской усадьбы, главное здание которой находилось невдалеке, рядом с Минским шоссе. Интересная подробность, о которой я узнал недавно: менее чем в километре от дедовского домика в годы войны была одна из резервных ставок Верховного главнокомандующего, а позже известная всем дача маршала Буденного.

Значительную часть барской кухни занимали большая русская печь и кладовка с набросанным там разным хламом, среди которого валялись книги на иностранных языках, отдельные тома энциклопедии Брокгауза и — о, ужас! — стенографические отчеты троцкистских съездов, сочинения Зиновьева, Сокольникова и других еврейских большевиков. Первое, что сделали дед и бабушка, — затопили летом печь и покидали туда сочинения еврейских большевиков, наблюдая, как в огне корчились обложки с именами и портретами палачей

русского народа.

Очистившись от скверны, дед соорудил в бывшей кухне с помощью тонких перегородок три маленькие комнатки, обнес домик штакетником. От былой роскоши и парка сохранились липовая аллея и старый вишневый сад. Они украсили жизнь семьи. Все это я хорошо запомнил, так как прожил здесь почти два года (1958-1959).

Спиртного дед почти не употреблял. Окружающим любил давать разные прозвища, часто очень смешные, например, Огурцов, Купчиха, Кабаниха, Бараний глаз, Рыбий глаз. Уже после своей болезни (в 1952-м в Чите от напряженной работы у него случился инсульт), став инвалидом, дед любил сидеть у крылечка и подолгу беседовать с проходящими по узкому переулочку соседями. Помню его в потертом офицерском кителе и с палочкой в руках. Перед смертью дед почти ничего не мог говорить. Были понятны только отдельные его слова. Именно в это время я впервые услышал слово «антихрист» как выражение чего-то крайне ужасного.

ГЛАВА 2

ВЯЗНИКИ И МУРОМСКИЕ ЛЕСА. - ПРЕДКИ ПО ОТЦУ. -ПАТРИОТЫ И БОГОМОЛЬЦЫ. - ПОЛОТНЯНАЯ И ЛЕСНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. - ЗАХВАТ НАЖИТОГО. – БЕГСТВО ОТ ЕВРЕЙСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ. - ЭПОХА Сталина. -ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ МОИХ РОДСТВЕННИКОВ

Главным водным путем владимирских земель в той части, в которой жили мои предки по отцу, была река Клязьма. с востока и юга земли моих предков охватывала река Клязьма, к востоку от Коврова текла через обширную, ровную, преимущественно болотистую или песчаную, покрытую сосновыми лесами низину, развитую по левому берегу, соединяясь далее с такой же низиной левобережья Оки, где жили мои предки по матери.

По возвышенному правобережью Клязьмы вниз от города Владимира до Гороховца в местах, где родились и жили мои предки по отцу, — села Высоково, Мстера, Вязники — господствовал холмисто-овражистый рельеф. Это был край девственных лесов, благоухающих разнотравьем лугов. Высокие холмы, глубокие овраги были очень характерны для этой местности. На одном из таких холмов на берегу Клязьмы в 5 км от нынешних Вязников возник в XII веке город Ярополч. Его основал еще раньше Москвы брат Юрия Долгорукого Яро-полк Владимирович как форпост Руси на восточном пути кочевников и для усмирения живших в окрестностях этих мест финно-угорских племен гуди, мери, веси, муромы, черемисы, мордвы. Большая часть этих племен мирно слилась с русскими, породнившись с ними, приняв их веру и обычаи, оставив память о себе только в географических названиях. Недалеко от Ярополча стоял еще более древний город Муром. Он упоминался в летописи в 862 году, однако славяне жили здесь еще до официального возникновения Ростовосуздальской Руси. В начале XIII века мирный труд моих предков был остановлен татаро-монгольскими кочевниками. Дикая орда, пользуясь численным превосходством, захватила эти земли, сожгла и уничтожила Ярополч и Муром, убив многие тысячи мужчин, увела в рабство женщин и детей. Чтобы спасти себя, многие жители ушли в леса. Память об этой трагедии из уст в уста сохранялась в десятках поколений русских и вне всяких школьных учебников, рассказывала мне про это моя бабушка.

После татарского разгрома русские города строились чаще

всего на новом месте. На новом месте был построен и Ярополч, ставший ядром исторических Вязников. Долгие годы Ярополч служил крепостью на Клязьме по пути на восток. В 1612 году через Ярополч прошло народное ополчение Кузьмы Минина и князя Пожарского освобождать Москву от польских оккупантов. слова «татарва» и «ляхи» для окрестных крестьян были синонимами врага, но не просто неприятеля, а врага веры. Ненависть к ним, помню это по реакции моих бабушки и деда, носила священный характер. Так же они относились к библейским извергам. Вспоминаю, как дед, когда я что-то неправильно говорил, неправильно излагал свои мысли, сердился и кидал фразу: «Ты что, татарин?» Поляков дед и бабка считали предателями веры православной. Помню, бабушка доказывала мне, что раньше поляки придерживались православной веры, а потом изменили ей и стали служить врагам Христовым. Так в народном сознании, вероятно, отразилось стремление польских захватчиков закрыть Христовы церкви и ввести еретический католицизм.

Главным врагом русских в православном сознании моих предков (сужу по высказываниям моих бабушки и деда) были «жиды». К своему счастью, вплоть до 1917 года они настоящих евреев почти не знали. Места, где жили мои вязниковские предки, для евреев не были прибыльны. Вязниковцы знали о жидах только по Библии, считали их самыми главными врагами веры, народом-богоубийцей, который должен постоянно каяться в совершении им самого страшного преступления всей мировой истории. Бабушка рассказывала, что некоторые вязниковцы, хотя со святой ненавистью относились к евреям, вместе с тем жалели их как несчастных, вынужденных нести несмываемое проклятье, наложенное на их предков. Вместе с тем пустить жида в дом и тем более усадить за свой стол считалось позором.

Родители моего прадеда по матери отца пряли лен, выделывали из него холсты, женщины вышивали по льняному полотну. От моей бабушки сохранился целый чемодан таких вышивок. Многие соседи занимались разными промыслами: валянием шерсти, скорнячеством, выделкой овчин, полушубков и шуб. На всю Россию в Вязниковском уезде славилась вишня, особенно так называемая «родителева», которая шла на приготовление настоек и наливок.

Вязниковский уезд на всю Россию славился своими иконописцами. В окрестных селах Мстера, Холуй, Палех эти промыслы занимали около 2 тыс. человек, расписывалось до 1800 икон в год. Возы с иконами расходились по всей России. Особенно ценилось палехское письмо.

В каждом вязниковском доме было по нескольку икон. Бабушка рассказывала, что у них стоял большой угловой иконостас в золоченой раме. Каждое воскресенье и во все праздничные дни ходили в храм. Тех, кто избегал церкви, крестьяне не любили и не доверяли им, считали их «чужими, пустяшными людьми». Большая часть жителей Вязников и уезда были благочестивы. Церковь и община (в Вязниковском уезде было 246 общин) определяли всю жизнь людей. Раз в несколько лет жители совершали паломничество по святым местам и монастырям Владимира, Суздаля, Мурома. Пренебрегала паломничеством «всяка пустельга и лодыри». Шли пешком, с котомками за плечами, на ночь останавливались в деревнях, а с утра снова шли день за днем. среди жителей Вязниковско-го уезда было широко распространено почитание серафима Саровского — еще задолго до его официальной канонизации в 1903 году. Бабушка вспоминала, как в Саров и Дивеево ходили ее отец и дяди. В семье долго хранились бумажные иконки из этих мест, одну из которых она попросила положить в свой гроб. Мне бабушка передала икону Иверской Богородицы. Для нее этот образ был самым главным. Им ее благословили на венчание, с ним она прошла всю жизнь, а сейчас он висит у постели моей дочери. 6 июля в Вязниковском уезде особенно пышно праздновали чудотворную икону Владимирской Богородицы, а через день — святых Петра и Февронии, историю которых в Вязниках и окрестных деревнях с детства знала каждая девушка. Впервые об этих святых я узнал именно от бабушки. История Петра и Февронии отражает поэтичный дух и житейскую мудрость жителей этих мест и заслуживает особого внимания, так как служит духовным ключом к пониманию мироощущения моих предков.

Преподобный Петр был младшим братом княжившего в Муроме благоверного Павла. Однажды в семье Павла случилась беда — по наваждению дьявола к его жене стал летать змей. Горестная женщина, уступившая демонской силе, обо всем поведала мужу. Князь наказал супруге выведать у злодея тайну его смерти. Выяснилось, что погибель супостату «суждена от Петрова плеча и Агрикова меча». Прознав об этом, князь Петр тотчас решился убить насильника, положившись на помощь Божию. Вскоре на молитве в храме открылось, где хранится Агриков меч, и, выследив змея, Петр поразил его. Но перед смертью змей обрызгал победителя ядовитой кровью, и тело князя покрылось струпьями и язвами.

Никто не мог исцелить Петра от тяжкой болезни. со смирением перенося мучения, князь во всем предался Богу. И

Господь, промышляя о своем рабе, направил его в Рязанскую землю. Один из юношей, посланных на поиски лекаря, случайно зашел в дом, где застал за работой одинокую девушку по имени Феврония, дочь древолаза, имевшую дар прозорливости и исцелений. После всех расспросов Феврония наказала слуге: «Приведи князя твоего сюда. Если будет он чистосердечным и смиренным в словах своих, то будет здоров!»

Князя, который сам ходить уже не мог, привезли к дому, и он послал спросить, кто хочет его вылечить, и обещал тому, если вылечит, большую награду. «Я хочу его вылечить, — без обиняков ответила Феврония, — но награды никакой от него не требую. Вот к нему слово мое: если я не стану супругой ему, то не подобает мне лечить его». Петр пообещал жениться, но в душе слукавил: гордость княжеского рода мешала ему согласиться на подобный брак. Феврония зачерпнула хлебной закваски, дунула на нее и велела князю вымыться в бане и смазать все струпы, кроме одного.

Благодатная девица имела премудрость св. отцов и назначила такое лечение не случайно. Как Господь и Спаситель, исцеляя прокаженных, слепых и расслабленных, через телесные недуги врачевал душу, так и Феврония, зная, что болезни попускаются Богом во испытание и за грехи, назначила лечение для плоти, подразумевая духовный смысл. Баня — по Св. Писанию — образ крещения и очищения грехов (Еф. 5, 26); закваске же Сам Господь уподобил Царствие

Небесное, которое наследуют души, убеленные баней крещения (Лк. 13, 21). Поскольку Феврония прозрела лукавство и гордость Петра, она велела ему оставить несмазанным один струп, как свидетельство греха. Вскоре от этого струпа вся болезнь возобновилась, и князь вернулся к Февронии. Во второй раз он сдержал свое слово. «И прибыли они в вотчину свою, город Муром, и начали жить благочестиво, ни в чем не преступая Божии заповеди».

После смерти брата Петр стал самодержцем в городе. Бояре уважали своего князя, но надменные боярские жены невзлюбили Февронию, не желая иметь правительницей над собой крестьянку, подучивали своих мужей недоброму. Всякие наветы пытались возводить на княгиню бояре, а однажды взбунтовались и, потеряв стыд, предложили Февронии, взяв, что ей угодно, уйти из города. Княгиня ничего, кроме своего супруга, не желала. Обрадовались бояре, потому что каждый втайне метил на княжье место, и сказали обо всем своему князю. Блаженный Петр, узнав, что его хотят разлучить с любимой женой, предпочел добровольно отказаться от власти и богатства и удалиться вместе с ней в

изгнание.

супруги поплыли по реке на двух судах. Некий мужчина, плывший со своей семьей вместе с Февронией, засмотрелся на княгиню. святая жена сразу разгадала его помысел и мягко укорила: «Почерпни воду с одной и другой стороны лодки, — попросила княгиня. — Одинакова вода или одна слаще другой?» — «Одинакова», — отвечал тот. — «Так и естество женское одинаково, — молвила Феврония. — Почему же ты, позабыв свою жену, о чужой помышляешь?» Обличенный смутился и покаялся в душе.

Вечером они причалили к берегу и стали устраиваться на ночлег. «Что теперь с нами будет?» — с грустью размышлял Петр, а Феврония, мудрая и добрая жена, ласково утешала его: «Не скорби, княже, милостивый Бог, творец и заступник всех, не оставит нас в беде!» В это время повар принялся готовить ужин и, чтобы повесить котлы, срубил два маленьких деревца. Когда окончилась трапеза, княгиня благословила эти обрубочки словами: «Да будут они утром большими деревьями». Так и случилось. Этим чудом она хотела укрепить супруга, провидя их судьбу. Ведь коли «для дерева есть надежда, что оно, если и будет срублено, снова оживет» (Иов 14, 7), то человек, надеющийся и уповающий на Господа, будет иметь благословение и в этой жизни, и в будущей.

Не успели они проснуться, как приехали послы из Мурома, умоляя Петра вернуться на княжение. Бояре поссорились из-за власти, пролили кровь и теперь снова искали мира и спокойствия. Блаженные Петр и Феврония со смирением возвратились в свой город и правили долго и счастливо, творя милостыню с молитвой в сердце.

Когда пришла старость, они приняли монашество с именами Давид и Евфросиния и умолили Бога, чтобы умереть им в одно время. Похоронить себя завещали вместе в специально приготовленном гробу с тонкой перегородкой посередине.

Они скончались в один день и час, каждый в своей келье. Люди сочли нечестивым хоронить в одном гробу монахов и посмели нарушить волю усопших. Дважды их тела разносили по разным храмам, но дважды они чудесным образом оказывались рядом. Так и похоронили святых супругов вместе около соборной церкви Рождества Пресвятой Богородицы, и всякий верующий обретал здесь щедрое исцеление.

Через десять дней после празднования Петра и Февронии, рассказывала бабушка, в селе Высоково молились святому Андрею Боголюбскому. В Введенском храме хранился старинный образ этого «умученного жидами» святого, который, по словам

митрополита Санкт-Петербургского Иоанна (Снычева), был «русским властителем, почувствовавшим себя не просто владельцем земли, а Божьим слугой, попытавшимся воплотить в жизнь идеал христианской государственности».

Еще одним священным преданием Вязников была история об Илье Муромце, былинном богатыре, национальном герое, канонизированном Русской Церковью. Мне запомнился рассказ деда о том, как он ездил из Вязников в Муром (расстояние километров 30), ему показывали, где стоял дом, в котором Илья Муромец просидел тридцать лет и три года и откуда пошел на служение Руси в Киев. совершенно серьезно дед рассказывал мне, что лично знал потомков Ильи Муромца, людей богатырского сложения по прозвищу Большие Пущины (Большие Гущины). Илья Муромец воплощал русский идеал — он был добродушным, чуждым зависти и недоброжелательства, готов был жизнь положить за правую веру против идолищ — татар и жидов, к жестким действиям прибегал только в крайних случаях. В начале XX века героический образ Ильи Муромца использовали в детских играх. Самый сильный и авторитетный мальчик объявлялся «богатырем Ильей Муромцем». Остальные мальчики должны были «биться» с ним или подчиняться.

Царская власть в Вязниковском уезде почиталась высоко. Бунтовщиков и агитаторов против царя крестьяне задерживали, связывали веревками по двое и вели в полицию. Некоторых перед этим секли «для порядку» перед портретом царя. Так, в мае 1905 года рабочие высекли нескольких зачинщиков, мутивших рабочих, призывая их к забастовкам.

К концу XIX века в Вязниковском уезде было 17 фабрик, главным образом ткацких. Самая большая — в деревне Ярцевой — огромная льнопрядильная Товарищества Демидова (около 2 тыс. рабочих). В самих Вязниках стояла фабрика бывших крепостных Сеньковых. Изделия завоевывали медали и дипломы на известных международных выставках в Париже и Чикаго. На фабрике работало почти полгорода. сень-ковы много строили, открыли при своей фабрике начальную школу, содействовали открытию в Вязниках мужской и женской гимназий. Себе Сеньковы построили дом в 60 комнат на Яропольческой горе. В городе жизнь Сеньковых стала легендой, о них ходило множество слухов и небылиц. среди женской части Вязников популярны были рассказы об амурных похождениях одного из Сеньковых — Сергея Ивановича. Бабушка рассказывала, что для одной из своих подруг он построил каменный особняк, в котором устраивал шумные загулы. Тем не менее были известны случаи, когда Сеньковы помогали людям, попавшим в трудное положение, при

этом демонстративно отказываясь помогать обедневшим по лени и нежеланию работать. Бабушка с юмором рассказывала, как Сеньков взашей прогнал из своего дома одного будущего красного комиссара, бывшего работника фабрики, пытавшегося шантажировать фабриканта. Впоследствии именно этот злопамятный лодырь был в числе первых, кто пришел захватывать фабрику, в короткий срок разорив ее.

Как деловые люди, Сеньковы были авторитетом для всех вязниковских предпринимателей, среди которых был и мой прадед Григорий Данилович Шмыров (1860—1938). Он владел небольшой ткацкой фабрикой в родном селе Высоково. В деле с ним, вероятно, были и два его родных брата Василий и Никита (умер в 1951-м). Шмыровы имели несколько больших домов, но все жили своим трудом. Григорий Данилович с женой Ириной Ильиничной (1865—1928) имели шестерых детей — Никанора (1883—1917), Анастасию (1885— 1932), Наталью (1888-1964), Марию (1892-1979), Алексея (1902-1963) и мою бабушку Пелагею (родные называли ее Полиной или Полей) (1900-1982). Никанор был надеждой Григория Даниловича, но его забрали на войну с Германией, откуда он вернулся в цинковом гробу. Хоронили его как героя, на похороны собрались жители со всех окрестных деревень. Бабушка много раз рассказывала мне о брате Никаноре. У него был хороший характер, его все любили. После него осталось четверо детей.

Рядом с Высоково находилась деревня Беляниха, где жила семья лесопромышленников Платоновых. Гаврила (умер в 30-х) и Матрена имели семерых детей - Федора, Михаила, Алексея, Сергея, Дмитрия и моего деда Ивана (1883-1964). Все мужчины в семье занимались лесозаготовками и торговали лесом. Много работали, жили зажиточно. Дед в молодости любил погулять. От девушек у него отбоя не было. Но из всех он выбрал Полину Шмырову. Встречи переросли в серьезное чувство. Бабушка мне рассказывала, что молодежь собиралась возле деревни Высоково. Пели, танцевали. Иван приходил с друзьями. Один из них играл на гармони. сам Иван бил в бубен. В 1918 году Иван и Полина поженились. От этого брака родились четверо детей - Ольга, Мария, Николай и самый младший -мой отец Анатолий (1924-1980). До войны дед с бабушкой жили хорошо. В войну они надолго разлучились - деда направили на организацию заготовок леса для нужд фронта. После войны они фактически разошлись (не оформляя развода). Дед встретил женщину гораздо моложе себя и увез ее. Работал директором леспромхоза на севере. После выхода на пенсию поселился вместе со своей новой подругой в Ярославле. Рассказывают, что у них были дети.

Впрочем, это было уже потом, а в 20-30-е годы дед и бабушка писали друг другу письма, полные любви.

Жизнь кругом рушилась. Незыблемой оставалась земля. Родители и бабушка с дедом были разорены большевиками, все их имущество было конфисковано[2]. Григорий Данилович с женой, чтобы избежать ареста, вынужден был бежать из родных мест и почти два десятилетия жил попеременно у своих четырех дочерей (чаще всего у Марии). Братьев Григория Даниловича, которые вовремя не уехали, некоторое время продержали в тюрьме, отобрали их дома, а после тюрьмы разрешили поселиться в подвальной комнате здания, где раньше была их фабрика. Весной подвал затапливало, их кровати стояли в воде. Почти такая же судьба была у родителей деда. Они тоже вынуждены были уехать из родных мест, скитались, как бомжи, перенося все свое имущество в заплечном мешке.

Мои дед и бабушка, не дожидаясь репрессий, переселились на станцию Мстера. Дед работал бригадиром на лесозаготовках.

На станции Мстера родился мой отец. В начале 30-х тучи над их головами стали сгущаться. Местным властям поступил донос о том, что дети бывших фабрикантов могут совершить вредительство. Не дожидаясь ареста, дед и бабушка быстро собрали свои вещи и навсегда уехали из этих мест. Поселиться они решили в Одинцове Московской области, где жил один из приятелей деда. От отца бабушке осталось несколько золотых вещей, их продали, добавили сбережения деда и купили здесь небольшой домик в 300 метрах от станции, между железной дорогой и Можайским шоссе. Чтобы прокормить детей, бабушка завела корову и кур.

Место это упоминалось в летописях еще с XIV века и было связано с именем боярина великого князя Дмитрия Донского Андрея Одинца, принадлежало оно известному родственнику царя Алексея Михайловича Артамону Матвееву и его наследникам, а потом графам Зубовым, князьям Мещерским. Имена этих государственных деятелей по рассказам на уроках истории стали первыми заинтересовавшими меня образами богатой русской истории. Учитель истории был очень интересный человек, увлеченный краеведением Одинцова. Он одним из первых возбудил у меня любовь к русской истории и к этим местам. Особенно много он рассказывал об Отечественной войне 1812 года. Одинцово тогда было оккупировано корпусом Иоахима Мюрата. Французы вели себя нагло и бесцеремонно, отбирали провизию, приставали к женщинам. Мужчины собирались в партизанские отряды и убивали оккупантов. А те в отместку сжигали дома и расстреливали мирных жителей. Зверства

французов были таковы, что население Одинцова сократилось на треть. Французы оставили в Одинцове недобрую память о себе и множество французских могил, розыском которых я впоследствии занимался вместе с друзьями, чтобы добыть оружие.

Хорошую память о себе в этих местах оставили фабриканты Якунчиковы. Они построили здесь кирпичный завод, дома для рабочих, больницу. Дед и бабушка застали Одинцово еще большим торговым селом, сохранившим остатки местной ярмарки, которая проводилась в престольные праздники Петра и Павла (с 28 по 30 июля). Поэт В. Брюсов, живший в Одинцове на даче, вспоминал, что ярмарка проводилась на площади возле церкви сразу же после торжественной литургии. Местные крестьяне торговали здесь изделиями своих промыслов. Жители соседнего села Лайково делали замки, фонари, кружки. В Перхушково был развит портняжный промысел. Акуловские крестьяне привозили на ярмарку свои деревянные игрушки, точили шашечные и шахматные фигуры, шарики для лото. Взрослых и детей привлекали карусели, качели и цирковые балаганы, народные театры.

Все это было разрушено большевиками — сначала закрыли и разобрали церковь, потом запретили проводить ярмарки, устроив обычный рынок без всяких представлений и забав. Тем не менее окрестности Одинцова оставались по-прежнему привлекательны — вокруг рос лиственный лес, рядом с кирпичным заводом сохранялись два чистых пруда, края которых были облицованы камнем (остатки этой облицовки застал даже я), недалеко было большое озеро, в прудах и озере было очень хорошо купаться, ловилось много карасей.

До войны мой отец закончил Боровский техникум землеустроительства и мелиорации. В первые дни войны пошел записываться в летное училище. Но по возрасту не прошел и был направлен военкоматом на авиационный завод в районе Кубинки. Там до конца войны он прослужил механиком при испытании новых самолетов, отвечал за исправность двигателей. Испытания проводились в разных местах, чаще всего в Казахстане. Перелеты, в которых он участвовал, были не только по СССР, но и в Иран, и в Чехию. В Праге на аэродром, на который сел их самолет, было совершено нападение отрядов власовской армии. Всем, в том числе техническому персоналу, к которому принадлежал мой отец, выдали оружие, и в течение более двух часов отбивались от предателей, целью которых был захват самолетов для бегства от советских войск. В этом бою отец был серьезно ранен. Но подошло подкрепление. Власовцев окружили. Приказ был: живыми предателей не оставлять. Два месяца отец провел в

госпитале. В апреле 1946 года отец вступил в КПСС, причем главными его соображениями, как он рассказывал позже, были патриотические. В годы войны, рассказывал мне отец, партия стала русской патриотической силой. Многим тогда казалось, что грядут положительные для русского народа изменения.

Бабушке Поле нравилось, что Сталин уничтожил всю верхушку еврейских большевиков. Она видела в этом хороший знак и тоже ожидала перемен к лучшему.

В 1948 году мой отец женился на моей маме — два рода моих предков слились воедино, дав 11 января 1950 года жизнь мне. Год моего рождения был временем великих патриотических ожиданий, началом русского духовного возрождения. Великая победа русского народа над Германией доказала Сталину, что стабильность государству может обеспечить только русский народ (включая малороссов и белорусов). Сталин проводит реорганизацию государственного аппарата на основе восстановления его преемственности с дореволюционной Россией, осуществляет национальную реформу государственной сферы, вытеснив из нее космополитические кадры, порожденные еврейским большевизмом, производит «чистку» среди своих прежних соратников по большевизму, полностью порвав со своим преступным революционным прошлым, подготавливает новую государственную элиту, в основном из русских людей.

Переименование наркоматов в министерства, введение форменной одежды для чиновников некоторых ведомств, образование судов чести по типу офицерских и ряд других подобных мероприятий во многом возродили традиционное содержание русского государственного аппарата. Возвращение к прошлому происходило не только в центре, но и на местах. Сталин довольно смело реформирует и местные органы власти.

В знаменитой речи от 9 февраля 1946 года на выборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы Сталин впервые после 1917 года не сказал ни слова о советской власти, ни слова о социализме, но с полной откровенностью определил новое место коммунистов в обществе — «полное стирание граней» между членами ВКП(б) и остальными гражданами. Таким образом как бы официально объявлялось о завершении противостояния партии и русского общества. Да и партия была уже не та. К лету 1947 года в ней состояло 6,3 млн членов и кандидатов, из которых 75% вступило в нее в годы войны или после нее. Преобладающую часть этих людей составляли русские патриоты, доказавшие свою преданность Родине на поле боя.

Сталин установил список должностей, которые

предпочтительнее отдавать русским. Сюда входили должности командующих военными округами, начальников гарнизонов и пограничных отрядов, министров МГБ республик, министров внутренних дел, руководителей железных дорог и воздушных линий, министров связи, директоров предприятий союзного значения.

В партийных организациях союзных и автономных республик Сталин создал институт вторых секретарей партийных комитетов — русских, которые назначались из Москвы. Из числа русских подбирались люди на должности заведующих ведущими отделами ЦК.

Такое же правило распространялось и на Советы министров союзных и автономных республик, где первые замы непременно были русскими.

«Если б Сталин еще лет десять поправил, — убеждал меня в 1995 году писатель В. А. Солоухин, — он бы короновался. Все шло к тому: народ его любил, враги боялись и уважали, авторитет огромный». Солоухин мне рассказывал, что когда служил в Кремлевском полку, незадолго до смерти Сталина, то сам видел, как в Кремле старательно обновляли старые царские регалии и двуглавых орлов. В полку были солдаты, которые видели, как Сталин крестился на кремлевские соборы. Конечно, путем воссоздания православной монархии Сталин мог бы спасти себя и еще сильнее укрепить страну. Вне этого решения он был обречен. Трагедия Сталина состояла в том, что, поднявшись до высот русской государственной точки зрения и мысля категориями национальных интересов русского народа, он все-таки не смог соединиться с Православием (хотя где-то и был близок к этому) и до конца своих дней не сумел окончательно вырваться из своего большевистского окружения. Развязав руки антирусской группе Маленкова—Берии—Хрущева, Сталин фактически позволил им расправиться с лучшими русскими кадрами в руководстве страны и тем самым подписал себе смертный приговор.

ГЛАВА 3

РОЖДЕНИЕ НА УРАЛЕ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ - КРЕЩЕНИЕ У СТАРООБРЯДЦЕВ. - ЖИЗНЬ В ПРИОНЕЖЬЕ В ПЛЕСЕЦКЕ. - ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ. -БЕЗ КВАРТИРЫ И ИМУЩЕСТВА. - ПЕРВЫЕ ОТКРЫТИЯ. -ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ЕВРЕЙСКИМ ВОПРОСОМ

Весной 1949 года отца направили на работу главным инженером на завод Главлесбуммаш в Екатеринбург. Маме ехать туда очень не хотелось, она была беременна, чувствовала себя неважно. Врач не советовал. Однако по тем временам отказаться от назначения было невозможно. Вначале отец и мама разместились в центре города на Московской улице на частной квартире. Здесь я и появился на свет. Мама рассказывала, что недалеко от нашей квартиры находился Харитоньев дом — легендарное место, связанное со злодеяниями уральских откупщиков-евреев. Среди местных жителей ходило множество легенд, что в его подземелье чеканили деньги. В доме существовало несколько потайных старообрядческих молелен, одна из которых помещалась под куполом, ближайшим к саду. Ходили также слухи, что в одной из комнат дворца заседала масонская ложа. Летом 1950-го к нам в гости приехала любимая сестра отца, тетя Марина (1920— 1994), в дальнейшем помогавшая мне много по жизни. Она попыталась вместе с мамой окрестить меня в ближайшей церкви. Однако священник не осмелился этого сделать без документов отца, а предоставление их могло грозить отцу крупными неприятностями, вплоть до увольнения с работы и исключения из партии. Партийная и советская администрация города [3] была безобразная, тон в ней задавали преступники — еврейские большевики, участвовавшие в убийстве Царской семьи и гордившиеся этим. Тень ритуальных преступлений витала над городом. Отец застал еще музей цареубийства в Ипатьевском доме и вечно пьяного П. Ермакова, одного из цареубийц, водившего по музею экскурсии пионеров, хвастливо рассказывавшего им о своем «подвиге». Как вспоминали мои родители, совершенно опустившийся и презираемый нормальными людьми Ермаков однажды в 1952 году был найден мертвым в канаве с «початой чекушкой в одном кармане и закуской в другом». «Героя» похоронили возле памятника «героям» Гражданской войны, и к возмущению местных жителей, власти назвали одну из улиц Екатеринбурга

именем преступника.

Через год после приезда в Екатеринбург родители получили квартиру в двухквартирном доме на улице Колхозников, недалеко от завода отца в Елизавете. Когда-то здесь находилась обширная сельскохозяйственная заимка Екатеринбургского Ново-Тихвинского женского монастыря, матушки которого снабжали продуктами питания Царскую семью. В одном из маленьких домиков в Елизавете доживали свой век две старицы из этого монастыря, прошедшие тюрьмы и ссылки, они одни из первых заговорили о том, «что будет еще время, когда царя и царицу признают святыми». Об этом в 70-х годах рассказывала мне бабушка Поля, беседовавшая с ними осенью 1953 года. Бабушка гостила у нас месяца два, поставив своей целью окрестить меня. Так как православные батюшки отказывались это делать без документов, она через стариц вышла на старообрядцев, имевших в окрестностях Елизаветы тайную молельню и попа с антиминсом, из ссыльных. Батюшка совершил обряд по-старинному, сказав, что «он истинен». Однако бабушку многие годы мучили сомнения. Уже в зрелые годы она посоветовала мне креститься еще раз. Во время одного из путешествий по Владимирской области я расспросил о сомнениях бабушки у священника. Он же сказал мне, что старообрядческое крещение истинно, но совершил надо мной дополнительный обряд и миропомазание.

Неистребимый дух еврейских большевиков отравлял жизнь моих родителей. Партийные и советские власти пытались втянуть отца в незаконные махинации, и, чтобы избежать их, он попросил своего московского руководителя перевести его на другую работу. Ждать пришлось довольно долго. Но вот летом 1954 года мы собрались в дорогу. Вещей было мало — немного одежды и коробки с книгами. Перевалив «Каменный пояс», мы, с небольшой остановкой в Москве, поехали в Архангельскую область в пос. Плесецк, где отца ждала должность директора ремонтного завода и депутата поселкового совета. Когда семья ехала в Плесецк, мы еще не знали, что недалеко от него находится секретный город Мирный с космодромом и опытным полигоном для разработок новых видов вооружений, и самое главное — с радиацией, на последствия которой в то время обращали мало внимания.

Многое из жизни в этой далекой глубинке запечатлелось в моей памяти как по личным впечатлениям, так и по рассказам отца. Война обошла Плесецк далеко стороной, но положение в нем тогда было такое, что казалось — она только окончилась. Часто не было света. Снабжение из рук вон плохое. В магазинах пусто, люди спасались огородами и заготовками даров леса, хлеб

был с перебоями, мясо, колбаса — редкостью, конфеты, даже самые простые, — настоящим праздником. Даже у нас был свой огород, где мои родители своими руками сажали картошку и выращивали овощи.

Вокруг размещались лагеря, которые к тому времени стали пустеть, через город проходило много зэков, часть из которых оставалась здесь. То тут, то там в лесу возникали пожары, люди пропадали неизвестно куда, время от времени находили трупы. Помню, как в самом начале зэки решили «поучить» моего отца и пальнули из самопала по окнам. Отец выскочил с ружьем на крыльцо и выстрелил в воздух...

Завод был в ужасном состоянии — изношенное оборудование, нехватка материалов и энергии, беспорядок, нежелание работать некоторой части рабочих, бывших зэков.

Довольно часто отец брал меня на охоту и лесные заготовки. Старенький «козел», много раз ломаясь, углублялся в чащобу, на ночлег останавливались в одной из дальних деревень, часто у одного и того же худого и седого старика по имени Антон. Как уже позднее рассказывал мой отец, Антон — бывший заключенный, из крестьян этих мест, но «выбился в люди», окончил университет, в 20-е годы за сомнения был вычищен из партии, в 30-е — получил срок, а после освобождения вернулся в родные места крестьянствовать. Я засыпал, а они еще долго сидели и спорили о чем-то очень важном. «Не с той стороны мы начали строить социализм, — передавал мне позднее слова Антона отец, — надо у мужика учиться социализму». «Знаешь, какие у нас на Севере мужики были — каждый из них, если к нему с подходом, готовая социалистическая ячейка».

Однако в социализм мой отец не верил и с жалостью относился ко всем, кто хотел увлечь его в «социалистическую веру». Мой отец был русским патриотом. Он принадлежал к поколению победителей, внес свой вклад в победу и до конца жизни жил этой победой. Его друзья и сверстники, вернувшиеся с войны, долгое время носили военную форму, постоянно в разговорах возвращались к военным событиям. Это чувство победителей, гордость за победу во имя Родины отец передал и мне.

Отец много рассказывал о войне, связывая ее с другими историческими победами России. Он читал мне «Полтаву» Пушкина, «Бородино» Лермонтова, «Тараса Бульбу» Гоголя.

От него я впервые узнал об Александре Невском, Дмитрии Донском и Куликовской битве, монахах Пересвете и Ослябе, Иване Грозном, героях Отечественной войны 1812 года, Петре I. Он любил читать исторические романы, которые потом

популярно пересказывал мне.

В Плесецке отец значительно расширил нашу семейную библиотеку. За четыре года пребывания в этом городе он купил не только сочинения всех основных русских классиков, но и самые значительные произведения мировой литературы. Картонные коробки с книгами из Екатеринбурга при отъезде из Плесецка и три больших фанерных ящика — это было все наше богатство.

Отец много ездил по району и как депутат местного совета, и просто на охоту. Часто он брал и меня. В восемь лет научил меня стрелять из ружья. В некоторых местах сохранялись красивейшие деревянные храмы. Они казались мне прекрасными, особенно по сравнению с убогой барачной архитектурой Плесецка. В деревнях еще стояли двухэтажные, отделанные тонкой резьбой избы — деревянные дворцы; в сочетании с эпическим размахом лесов и частых рек и озер они составили неизгладимое и самое яркое впечатление моего детства. Это был сказочный град Китеж, мир куда-то ушедших хороших людей, а мы почему-то существовали в параллельном мире с озлобленными мужиками и бабами, пьянством, драками, истошными воплями по ночам.

Конечно, разлад этот вносили чужаки, бывшие заключенные и ссыльные из закрытых окрестных лагерей. Они жили так, как будто все лучшее осталось позади, а впереди только бесшабашная хулиганка. В то время в Плесецком районе сохранялся один лагерь — так называемый Мехреньлаг на Пуксоозере с более чем 12 тыс. заключенных, занимавшихся лесозаготовками. Кормили их плохо. Выглядели они ужасно и у многих вызывали страх.

В 1958-м наша семья вернулась в Москву. Было это сразу же после Нового года. Столица встретила нас ясной холодной погодой. В памяти остались хорошее настроение, запах мандаринов, представление в цирке на Цветном бульваре, куда меня на следующий день повели родители.

После Плесецка и Архангельска (Екатеринбург я почти не запомнил) Москва поразила меня своими размерами и сразу же очаровала особым духом, который не покидает меня до сих пор. с самого первого дня я понял, что это мой родной город, средоточие всего, что я знаю и люблю.

Однако было все не просто. Комната в коммунальной квартире на Чистых прудах, в которой отец и мать жили до моего рождения и отъезда в Екатеринбург, оказалась занятой. В ней поселили некоего Нудельмана, родственника зав. отделом Минлесбумпрома, в котором работал мой отец. Комнату Нудельман занял незаконно. Отец очень возмущался, но был выходной день, учреждения закрыты. Мы как были с вещами, так

на том же такси, на котором приехали, отправились к бабушке в Одинцово. Встретили нас тепло. На столе стояли пироги, угощенье. По просьбе родителей я охотно облачился в свой карнавальный костюм индейца, с готовностью объясняя детали своего одеяния.

Поездка к бабушке в гости на несколько дней обернулась жизнью в ее доме на годы. Оказалось, покровители Нудельмана выписали моего отца из его комнаты, и наша семья оказалась бездомной. Сделано это было так ловко, что отец ничего не мог сделать. В Минлесбумпроме ему пообещали в ближайший год исправить положение, заверив, что дадут квартиру в новостройках, выраставших на окраинах города.

Первый вечер в Одинцове мне запомнился навсегда — так дружно и славно прошло время.

В самой большой комнате бабушкиного дома (ул. Советская, 19) стояли длинный стол с витыми ножками, два старинных кресла друг против друга и с десяток светлых венских стульев. На дверях были зеленые портьеры с кисточками. В глубине комнаты стоял обширный диван, над ним старинные часы «Павел Буре». В правом углу от входа телевизор с линзой. Стол, кресла и часы принадлежали еще отцу бабушки, она их привезла из Вязников (после смерти бабушки я забрал их себе). Кроме большой комнаты в доме было три маленьких. В одной жила сама бабушка, в остальных ее дочери, мои тети. С нашим приездом все тети переселились в одну комнату, а в освободившейся зажили мы втроем.

В доме также имелись сени, терраса, кладовка (из нее шла лестница на чердак) и туалет с выгребной ямой. В отличие от комнат зимой они не отапливались и были очень холодными.

Уже на следующий день, когда взрослые отмечали праздник, я сумел исследовать дом и его окрестности. В кладовке и на чердаке среди разного хлама я нашел десятка два старых, еще дореволюционных книг. Помню издания Пушкина, Лермонтова, Кольцова. Особенно запомнились сильно затрепанные, без титульных листов и отдельных страниц, хорошо иллюстрированные книги по истории с изображениями царей, полководцев, духовных лиц. Как завороженный, я всматривался в них. После вчерашней поездки по Москве они казались мне настоящими москвичами, более значительными и важными, чем мои современники.

Пока взрослые веселились, я снес найденные книги в нашу комнатку и положил их в тумбочку рядом с постелью. На третий день я обследовал сарайчик с углем, который примыкал к домику. В нем на полке под крышей я обнаружил еще несколько

книг. Это были советские книги военных лет с описанием подвигов русских солдат и офицеров. Так в первые дни у меня подобралась целая библиотека, в которую вошли и привезенные мной из Плесецка любимые книги.

Вскоре выяснилось, что евреи из Минлесбумпрома обманывали отца. Никаких реальных возможностей получить жилплощадь от этого министерства не было. Узнав об этом, отец немедленно уволился, перейдя на работу в проектно-технологический институт. В самом начале его направили в командировку в Сибирь в одно из труднодоступных мест на предприятие, где главным контингентом рабочих были заключенные. Из-за опасности командировки отец семью с собой не взял. Наградой за командировку должно было стать получение жилплощади в Москве. У своей матери оставить семью отец не решился. Отношения между свекровью и снохой не сложились. Мама решила вместе со мной и моей сестрой Мариной временно пожить у своих родителей, так как думала, что разлука будет недолгой. со всеми нашими скромными пожитками (книги оставили у бабы Поли) мы втроем свалились на голову бабушки и деда по линии матери. Я уже рассказывал, что маленький домик, в котором они жили с двумя другими детьми — Женей и Наташей — был бывшей барской кухней при дворянской усадьбе. Ко времени нашего приезда кухню разделили на три крохотные комнатки. В одной из них жил парализованный дед. Он почти не вставал, лишь изредка выходил посидеть рядом с крылечком. В другой комнате готовили пищу, стояли покрытый клеенкой стол и самодельные полки с посудой. В третьей комнате, побольше других, с двумя окнами в сад, протекала вся жизнь семьи. Здесь спали бабушка, Женя и Наташа. Здесь же они работали, готовились к школе, читали. Чтобы помочь семье, бабушка давала уроки иностранных языков разным «балбесам», главным образом детям писателей, живших недалеко от нас в поселке Переделкино. Большую часть комнаты занимали стол, оставшийся еще от дворянской усадьбы, три железные кровати и большой платяной шкаф. На стене между окон тикали ходики с изображением Кремля на циферблате, над столом висел широкий рыжий матерчатый абажур. Вот в такие хоромы привела мама меня и сестру, которой в то время было меньше двух лет. Помню необычность первой ночи. Дружно поужинав и почаевничав, мама и бабушка сдвинули стол, вытащили из платяного шкафа зимние пальто и шубы, постелили их на пол, покрыв сверху одной широкой простыней. Втроем мы устроились на этом, накрывшись сверху широким одеялом. В таких условиях мы провели больше года. После жизни у бабушки Поли вначале смущало отсутствие

туалета в доме. Он стоял в 20 метрах от нашей резиденции, был общим для нескольких окрестных домиков и состоял из двух широких кабинок («Ж» и «М») с тремя круглыми прорезями в каждой. Летом, конечно, было хорошо, чего не скажешь о зиме, и, чтобы не простудиться, каждому ребенку выделялся свой горшочек.

Несмотря на тяжелые условия, жили мы дружно. с сентября я пошел во второй класс. У меня появились друзья, один из которых, Федя, был сыном инвалида войны. Бабушка стала давать мне уроки английского языка. Приносила из библиотеки книги с картинками, которые мы по вечерам рассматривали вместе. Именно бабушка Ольга дала мне первый урок национальных отношений. Об этом следует рассказать особо.

В то время мы не задумывались над национальностью. Я знал, что я русский, и даже гордился этим, мы, мальчишки, как и взрослые, чувствовали себя победителями. Рядом с нами жили дети татар, грузин, армян. К ним мы относились совершенно нормально, не считали их ни хуже, ни лучше себя. Однако к евреям на Баковке отношение было иное. В памяти многих еще сохранились «художества» Гирша Сокольникова и его компании. среди моих сверстников нередко употреблялось слово «жид». Помню детскую считалочку: «Сколько время? Два еврея. Третий жид на веревочке бежит». Запомнилось и несколько пословиц: «За компанию и жид удавится», «Жида дружбой не купишь», «Свяжись с жидом — сам жидом станешь». Еще не зная вполне значения слова «жид», я познакомился с первым евреем. Его звали Миша. Он учился в соседнем классе. случилось так, что он начал подходить ко мне на переменах и рассказывать разные забавные истории, а потом «по секрету» поведал мне, что мой друг Федя — «сын шпиона». Меня это потрясло, ибо я был воспитан в духе патриотизма и дружить с сыном шпиона мне казалось постыдным. Обо всем я рассказал бабушке. Она тоже возмутилась. «Не верь ему — он жид», — сказала бабушка. «Как жид?» — удивленно спросил я. «Ну, еврей», — расшифровала она. «Они плохие люди, — продолжала бабушка, — много зла сделали нам, держись от них подальше».

Я послушался бабушку и стал избегать Мишу, да и он сам как-то сник и перестал подходить ко мне.

Случай этот запал мне в душу, и уже в студенческие годы я снова вернулся к нему, когда был в гостях у бабушки. Она рассказала мне, что Миша был племянником бывшего сотрудника НКВД, который до войны упек в лагерь отца моего приятеля Феди, а после его возвращения из лагеря распространял слухи о его шпионстве.

Летом 1959 года на Баковке было хорошо. Возле нашего домика все было зелено. Цвели липы. Созревала вишня, сплетались кусты сирени и акации. С утра мы отправлялись купаться на речку Сетуньку. По сложившемуся ритуалу проходили рядом с дачей (скорее поместьем) маршала Буденного. Шли вдоль высокого зеленого забора. В одном известном нам месте заглядывали в дырочку в заборе, чтобы видеть эту легендарную личность, совершавшую прогулки на лошади. У Сетуньки, неглубокой, чистой речки, падали на песок, купались до посинения. В наш домик возвращались к обеду, часа в три-четыре. Пообедав, шли гулять на станцию. Там перед платформой была площадь, на которой располагались главные Баковские магазины. Денег у нас, детей, никогда не было, поэтому в магазины, особенно в «Культтовары» и «Книги», мы ходили, как в музей, любуясь обложками книг, красивыми ручками и письменными принадлежностями.

К вечеру возвращались домой, через танцплощадку, заросли одичавшей, но сладкой малины. Возле нашего домика начиналась жизнь взрослых. Центром ее становилось двухэтажное общежитие за нашим забором. Людей там жило немерено. Громко орала музыка, сменявшаяся нестройным хоровым пением и матерными возгласами. Бабушка отгоняла нас от окна, усаживала читать. Терпения нам хватало ненадолго. Дождавшись, когда бабушка отвлечется, мы тихонько выскальзывали из домика в наш садик, протискивались в дырку в заборе и оказывались на пустыре, где часто горел костер и собирались мальчики и девочки со всех окрестных домов. Пекли картошку в золе. Иногда ходили за яблоками в большой сад, хозяина которого не только дети, но и взрослые не любили за скупость. Он жил в большом доме с женой и какими-то родственниками. Его считали очень богатым, так как он имел автомобиль «Победа».

Детские посиделки у костра на пустыре скоро прекратились, ибо на огонек приходили взрослые, выгнанные женами, не желавшими продолжения пьянки. В основном это были рабочие местного завода, занятые на вредных производствах и компенсирующие «вредность» алкоголем. Появлялись ребята с гитарой, по очереди они пили водку из одного граненого стакана, а потом, громко завывая, пели блатные песни. Впрочем, до этого мы, дети, редко досиживали. То из одного, то из другого дома раздавались призывы родителей, и мы разбегались восвояси. Отношения были во многом патриархальные, строгие, о каких-либо вольностях с приходящими сюда девочками мы и подумать не могли, не то чтобы об этом заговорить. Впрочем, были всякие гадости, тогда нам не всегда понятные, которые пытался говорить

Миша, но его всерьез никто не принимал, равно как и не любил. Интересно, что когда через несколько лет я, уже семнадцатилетний парень, соблазненный городом, встречался со своими одноклассницами, многие из них показались мне просто девочками, краснеющими от моих нескромных шуток. Зато Миша вырос в нагловатого самоуверенного еврейчика, сразу же предложившего мне заняться спекуляцией «ребрами» — так назывались кустарные пластинки, записанные на старых рентгеновских снимках. Его дядя имел аппарат для таких записей, снимки приносил другой родственник из больницы. Каждая такая запись стоила 20—30 копеек. На доходы от «костей» еврейское семейство купило подержанный «Москвич». Принять участие в их бизнесе я, конечно, отказался. У нас в московском дворе в подобное предприятие пытался вовлекать всех ребят Генка Болеба, тоже из «избранного народа», мелкий фарцовщик, скупавший вещи в общежитии иностранных студентов.

С 1959-го по 1963 год вся наша семья снова воссоединилась. Мы стали жить в Одинцове у бабушки Поли в комнатке восемь метров на четверых, но потом сестру снова отправили жить к тете Клаше в Егорьевск. К тому времени у меня собралась небольшая библиотечка любимых книг, среди которых главное место занимали популярные книги по истории, о войне 1812 года, о героях-пионерах в Великую Отечественную. Чтение стало моим любимым занятием. Я подружился со старушкой-библиотекаршей, которая уделяла мне особое внимание, оставляя мне книги. У меня появились два друга — Валера Богомазов и Леня Пантелеев, и первая девочка, к которой я испытывал неведомые ранее чувства: мне было приятно провожать ее до дома, нести ее портфель, что-то ей рассказывать. Жила она в красивом, тогда мне казалось — в сказочном доме, построенном в древнерусском стиле, где до революции находилась контора фабрикантов Якунчиковых.

Летом главным нашим занятием было купание в пруду (впрочем, начинали мы купаться уже в мае), зимой бегали на лыжах в парке Якунчиковых (т.н. «Якунчик»). Учился я легко, но больше «витал в облаках». Я любил слушать рассказы нашего учителя истории (к своему стыду, не запомнил его имя). Однажды он пересказал предание о том, что в подвале церкви Артамона были спрятаны несметные сокровища бояр Матвеевых, родственников царя Алексея Михайловича. После смерти этого царя один из них, Артамон Матвеев, был отправлен в далекую ссылку в Пустозерск и Мезень. Оттуда был возвращен Петром I, но убит восставшими стрельцами, подстрекаемыми царевной Софьей. Несметные сокровища Матвеевых были только легендой,

но наше мальчишеское сознание было распалено. Мы долго искали место самой церкви, собирались уже производить тайные раскопки, когда узнали, что на этом месте уж рыли котлован под другое здание, поэтому ничего сохраниться здесь не могло. Учитель же подогревал наш интерес к русской истории все новыми рассказами — особенно о французских могилах, найти и раскопать которые мечтали многие мои сверстники. Наша школа находилась в парке «Якунчик». Во время войны в ней был госпиталь и рядом с ним устроена большая братская могила, которую мы, мальчишки с учителем истории, каждую весну убирали, подкрашивали известью памятник и изгородь.

Большая часть наших соседей жила небогато. Преобладали бараки и маленькие частные дома. Многие держали корову, у всех были маленькие огородики и плодовые деревья. Пили много, и, в отличие от Баковки, чаще дрались. Редкие праздники не заканчивались мордобоем. сцены ревности устраивали при всем честном народе. На советской улице жили две еврейские семьи — Херсонские и Пилявские. Хотя они не славились особым трудолюбием, а их отпрыски были большими лодырями, жили они почему-то лучше других. Бабушка говорила мне, что они занимаются спекуляцией, покупают у знакомых продавцов вещи по низкой цене и перепродают втридорога. Этих евреев у нас на улице не любили и даже почему-то презирали, спекуляция считалась зазорным делом. Несмотря на бедность и нужду, стремление к нетрудовым доходам у нас почти не проявлялось, зато торговать на рынке зеленью со своего огорода или яблоками со своих деревьев считалось нормой.

ГЛАВА 4

УВЛЕЧЕНИЕ ИСТОРИЕЙ. - ПОИСКИ БИБЛИОТЕКИ ИВАНА ГРОЗНОГО. «ФРАНЦУЗСКИЕ МОГИЛЫ». - ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ И РАСКОПКИ. - ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ. - ПЕРВАЯ СТЫЧКА С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ «ИЗБРАННОГО НАРОДА» В ОДЕССЕ И МОСКВЕ. - Я БРОСАЮ ШКОЛУ. - ПОСТУПЛЕНИЕ НА РАБОТУ. - НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ - ИУДЕЙСКО-МАСОНСКОЕ ГНЕЗДО

После долгих обещаний и обманов отец в 1962-м получил двухкомнатную квартиру в Москве в новостройке в Новых Черемушках — на пятом этаже дома без лифта. Радовались родители несказанно. Кончалось время нашей бездомности. Отец в то время работал главным инженером проекта в институте ВПТИ Стройдормаш. Но квартиру ему дали не за работу, а за то, что он согласился стать секретарем парткома института. Помню, он не один день советовался с бабушкой Полей, идти или не идти в секретари. Ему очень не хотелось, душа не лежала, коммунистическим лозунгам он не верил, хотя был твердым патриотом-державником. Смысл аргументов бабушки был таков: раньше коммунисты были иудейские изверги, а сейчас думают о своем личном интересе. Соглашайся на предложение, хозяином будешь в институте, квартиру получишь. Все получилось так, как сказала бабушка: отец укрепил свое положение в институте, квартиру мы получили (а через несколько лет сменили ее на большую) — так партийные власти возвращали семье хоть малую часть того, что было украдено у нее еврейскими большевиками в 1918-м.

Переселялись мы в Черемушки летом. Наш дом был уже сдан, а другие — вокруг него — еще строились. Не было ни нормальных дорог, ни тротуаров. Возле дома начинался огромный пустырь с заросшим прудом посредине. Пустырь был центром общественной жизни подростков. Здесь на холмистой, изрытой ложбинами поверхности образовалось нечто вроде клуба. Подростки, а потом уже молодые люди, общались, обсуждали местные новости, пели под гитару, выясняли отношения, иногда дрались, целовались с девушками, а в жаркую летнюю пору оставались там с ними до глубокой ночи. Для многих из нас, приехавших в 1962-м, в том числе и для меня, пустырь впоследствии стал местом первых свиданий и первой близости с женщиной. Пустырь считался мужской территорией,

девушки приходили сюда только с кавалерами, которым доверяли. Часто на пустыре жгли большие костры, возле которых устраивались выпивки, в почете были дешевый портвейн, ливерная колбаса, килька в банках. Нередко возле костра резались в карты на деньги, играли в буру, «сику», три листика. Иногда сюда приходили, чтобы подраться. Чаще всего дрались из-за девушек. соперники, как правило, были нетрезвы. В ход шли и руки, и ноги. Иногда у костра собиралось 30—40 человек. Нередко распаленные вином и водкой ребята постарше командовали: пойдем бить профсоюзных (так звали ребят, которые жили на Профсоюзной улице в Сталинских домах), и вся присутствующая «кодла» (подростков и ребят постарше) шла в сторону Профсоюзной улицы, избивая и кидая на землю всех встречных ребят с этой улицы, но, как правило, не трогая взрослых и рассыпаясь в разные стороны при первом появлении милиции.

В такой «кодле» я участвовал только раз. На всю жизнь осталось ощущение мерзкого стадного чувства разбушевавшейся толпы, избивающей невиновного, удивленного такой агрессией парня, брошенного на землю и закрывающего лицо от ударов ногами. Помню руководителя этой «кодлы» некоего Булочкина, сына уголовника, перенявшего у отца блатные замашки и язык, курившего у костра анашу, за продажу которой он впоследствии оказался в тюрьме. Меня он явно не любил, но и не трогал, как и некоторых других ребят, не хотевших ходить с «кодлой».

Среди ребят во дворе царил культ физической силы. свое право мог отстоять тот, кто был сильнее. Однако некоторых ребят, не согласных с этим правом, самые сильные не трогали, видимо, из-за положения их отцов. Таким был Юрка Куницын, чей отец работал в генеральной прокуратуре, таким был и я. Такая неприкасаемость нравилась не всем моим приятелям со двора. Из-за нее я поссорился со своими первыми друзьями по этому двору, Сашкой, Шуркой и Сергеем. Точку в наших отношениях поставила их история с пятнадцатилетней слабоумной девочкой, жившей вдвоем с теткой, работавшей днем. Сашка как-то случайно зашел к ней в квартиру, когда не было тетки, стали играть, возиться, и он так, «между прочим» (его слова) овладел ею. стал захаживать к ней регулярно. Более того, предложил разделить утехи со слабоумной девочкой и моим друзьям. Шурка с Сергеем согласились. Я отказался. Девочка вскоре забеременела, ей сделали аборт и отправили в психиатрическую больницу. Я же нашел себе других друзей, Генку Коноплева и Сашку Щетинина, у обоих отцы преподавали в институте. С ними моя жизнь стала поворачиваться в другую сторону. Я перестал

ходить на пустырь к костру, бывая там лишь для романтических свиданий с медсестрой Валей, работавшей на «скорой помощи». Она была старше меня на четыре года, ей было 19, но выглядела она моей ровесницей. До этого она встречалась с одним из дворовых авторитетов, который не одобрил мой роман и начал угрожать. Однажды в подъезде он прижал меня к стенке и приставил к лицу самодельный пистолет, жутковато было видеть его дуло. Впрочем, скоро Валя переехала в другой район, и наши встречи сами собой прекратились.

С Генкой и Сашкой я серьезно увлекся историей. Первым нашим увлечением был поиск библиотеки Ивана Грозного. Впрочем, Генка к этой затее отнесся без энтузиазма, так что искали библиотеку только я и Сашка. Началось все с того, что нам в руки попала книга Р. Пересветова «Тайна выцветших строк». В ней рассказывалось, в частности, о том, что Иван Грозный собрал ценнейшую библиотеку в 800 томов древнейших рукописей и книг, части из которых не было ни в одной из мировых библиотек. Древние источники свидетельствовали о тайном подвале с высокими сводчатыми потолками, доверху наполненном сундуками с книгами в золоченых переплетах. Мир древних книжных сокровищ увлек нас. Знакомясь с доступными нам сочинениями, мы узнали много важного и интересного о судьбе книг, которые предположительно принадлежали Ивану Грозному и были украдены из его библиотеки врагами России. Масон Христиан-Фридрих Маттеи, по профессии филолог, похитил из московских библиотек 61 древнюю рукопись и продал их за большие деньги в Германию. Уже после смерти вора его преступления были доказаны, но немцы отказались вернуть ворованное. Понадобилась Великая Отечественная война, чтобы принадлежащие России рукописи вернули в наши библиотеки. На поиск библиотеки Ивана Грозного нас вдохновил образ археолога-энтузиаста, сына сельского псаломщика Игнатия Стеллецкого, посвятившего поиску библиотеки всю свою жизнь. Православный человек, член Палестинского общества — очага духовного христианского просвещения, — Стеллецкий считал, что находка библиотеки Ивана Грозного позволит еще шире раскрыть культурное богатство Святой Руси. Еврейские чекисты, полностью контролировавшие Кремль, не позволяли археологу вести поиски библиотеки. Тогда Стеллецкий обратился с письмом к Сталину и получил от него личное разрешение на работы в Кремле. В 1949-м археолог умер, не сумев довести свое дело до конца, а мы со свойственной молодой горячностью решили его продолжить.

Нам удалось встретиться с вдовой Стеллецкого Марией Михайловной, жившей в конце Никитской улицы в ветхом

двухэтажном домике, подержать в руках дневник археолога. По мнению Стеллецкой, библиотека могла быть спрятана либо в подземелье Кремля, либо в связанных с ним тайниках, к которым из Кремля вели подземные ходы в Чертолье (резиденция Малюты Скуратова), к Большому Юсуповскому дворцу (место, где находился загородный дворец царя) через Меньшикову башню. Составив схему предположительных путей подземных ходов в двух направлениях, мы стали обследовать и обстукивать подвалы домов, лежащих на этих путях. Было жутко интересно! Каждый день просыпался с мыслью, что вот сегодня мы обязательно найдем подземные ходы, ведущие к тайнику. Закончилось все прозаически. В один из подвалов в Сверчковом переулке мы пробирались три раза подряд, заинтригованные гулкими звуками в стене, но нас выследил дворник и вызвал милицию. Разбираться пришлось в отделении. Инспектор, оформлявший нас, ранее работал в учреждении, занимавшемся строительством бомбоубежищ и газоубежищ. Он авторитетно объяснил, что при строительстве в центре Москвы объектов гражданской обороны каждый метр земли был исследован специальными приборами, все пустоты поставлены на учет. Потерпев неудачу в Москве, мы решили перенести свои поиски в Александрову слободу и даже съездили туда на экскурсию.

Другой нашей исторической эпопеей стали раскопки французских могил. Об этих могилах мне рассказывала бабушка Поля. Они находились недалеко от Одинцова. Легенда гласила, что в войну 1812 года партизаны уничтожили здесь несколько десятков французов, те в отместку сожгли деревню, возле которой на них совершили нападение. своих убитых они похоронили в нескольких ямах, положив туда, по легенде, и их оружие. Вот это оружие и возбудило наш интерес, а главным энтузиастом стал Генка, у которого в квартире был маленький музей, среди экспонатов которого хранились сломанная шпага, бронзовый складень и деревянная икона. Несколько раз мы отправлялись на французские могилы с лопатами и по нескольку часов рыли глубокие ямы. Ничего мы там не нашли. Но польза от предприятия была немалая. Мы взяли из библиотеки книги о войне 1812-го, читали и обсуждали их. следующим этапом стало увлечение древними храмами и монастырями. Мы съездили в Звенигород, в Троице-Сергиеву лавру, посетили Коломенское, Ново-Иерусалимский монастырь, ходили в окрестности Данилова монастыря, где в то время находилась колония для малолетних преступников.

Должен сказать, что моя учеба после переезда в Москву ухудшилась. Новые впечатления, открытия, встречи отодвинули

от меня мой дом. В квартиру я возвращался только вечером, так как отец в это время тоже допоздна задерживался, а мама не могла удержать меня. «Отлично» и «хорошо» были только по истории и литературе. По остальным предметам я еле тянул. Мои исторические проекты вызывали удивление и недоумение у учителя истории, пенсионера из мелких партийных работников. Он не понимал, «зачем мне все это нужно». Однажды я начал сочинять исторический роман из жизни Ивана Грозного. Написав первые страницы, я пришел к нему советоваться. судя по всему, он ничего не понял и рекомендовал мне вместо писаний подтянуться по другим учебным

дисциплинам. В нашем классе было 26 учеников, почти все они в 6-7-м классе были приняты в комсомол. Не вошли в это число четверо человек, в том числе и я. В нашем классе комсоргом был Борис, услужливый с учителями паренек, без рассуждения выполнявший все задания старших. Он очень гордился своей общественной должностью, стремился угадывать все желания учителей. Уже с тех пор некоторые учителя, причем исключительно евреи, относились ко мне с настороженной неприязнью. Борис это чувствовал и с подлой услужливостью «топил» меня, пытался поставить в смешное положение, высмеять мою любовь к истории и литературе. совершенно невежественный, он искренно презирал мои увлечения, как что-то глупое и ненужное. Впоследствии он окончил техникум и работал мастером по ремонту телевизоров, затем перешел инструктором в райком комсомола и далее по партийной линии. Однажды в 7-м классе я на уроке истории не отрываясь читал роман Данилевского «сожженная Москва». Не заметил, как подошел учитель и грубо выхватил мою книгу. Борис сидел позади меня и мог бы предупредить, но он нарочно этого не сделал и, более того, кинул реплику, меня оскорбившую. сразу после урока я подкараулил обидчика у лестницы, затащил его в кладовку, где хранились ведра и веники. Не говоря ни слова, изо всех сил ударил его в лицо. У него потекла кровь из носа. В испуге он закрыл лицо и даже не пытался защищаться. Я вышел из кладовки первым. Зазвенел звонок на следующий урок. Борис в этот день так и не появился. Зато после уроков меня вызвали к директору, у которого сидела мать Бориса (учительница пения). Говорил только директор: «За твой поступок ты достоин исключения из школы. Ты избил комсорга класса. Но я не хочу предавать этот случай огласке. Того же мнения и родители Бориса. Более того, мы должны учесть и заслуги твоего отца. Я с ним уже говорил по телефону. Но помни, если повторится что-то подобное, ты будешь исключен из школы». Домой возвращался с двойственным

чувством. Родители молча сидели на кухне. На столе, кроме ужина, стояла ополовиненная бутылка водки. спокойно взяв за руку, отец отвел меня в соседнюю комнату, бросил животом на диван и сильно выпорол. Помню его слова: «силу применяй только в крайней необходимости».

Серьезный конфликт с отцом, примерно в то же время, возник у меня из-за одного типа, работавшего в строительной конторе курьером. Немного старше нас, он часто участвовал в наших карточных играх на деньги. Однажды, проигравшись, я попросил у него в долг под залог двух книг «Граф Монте-Кристо», которые я принес из родительской библиотеки. Через два дня я долг отдал, а курьер под разными предлогами книги не возвращал. Прошло более двух недель, исчезновение книг уже заметила мама. Курьер меня избегал. И тогда в обеденный перерыв, когда из конторы все уходили, мы через форточку открыли окно, и я проник внутрь. Друзья стояли «на стреме», я обшарил письменный стол, но книг не нашел. И тут, к моему ужасу, открылась дверь, на пороге стояли один из руководителей конторы и наш участковый милиционер. Я был схвачен с поличным. составили протокол. Я рассказал все, как было. Поначалу мне не верили. Потом подошли мои друзья, подтвердили мои показания. Вызвали с работы моего отца, нашли курьера, который в конце концов признался, что книги хотел присвоить и даже отвез их домой. Разговор с родителями был очень тяжелым. Отец объяснял мне, как легко в жизни потерять репутацию. «Ты прокрался на чужую территорию, и тебя могли бы обвинить в воровстве и даже завести дело. Так можно не отмыться всю жизнь».

Летом 1964—1965 годов я ездил в пионерский лагерь в Одессу. Лагерь стоял в Аркадии на берегу моря. Тут у меня появились новые друзья, и я впервые ощутил остроту еврейского вопроса и с удивлением узнал, с какой неприязнью относятся к евреям украинские дети. В Одессе жило много евреев, соответственно, немало было их и в нашем лагере. Евреями были начальник лагеря и старшая пионервожатая. Пионерская «демократия» требовала выборов совета лагеря, совета отряда, первых лиц этих советов. старшая пионервожатая, проводившая сборы по выборам в отрядах, зачитывала по заранее заготовленной бумажке фамилии — Курчинская, Гольдман, Гельман, Черная и т.п. В нашем старшем отряде у нее вышла осечка. Заслушав ее список, пионеры предложили несколько других кандидатур. стали голосовать. Прошли кандидатуры, предложенные нами, и ни одного из списка старшей пионервожатой не выбрали. Получилось все как-то само собой. Никто из нас и не задумывался о том, что все предложенные

старшей пионервожатой кандидатуры — евреи. Сработало детское стремление к справедливости. Мы хотели избрать тех, кто нам больше нравился. Однако отвергнутые еврейские кандидатуры быстро организовались и после сбора подошли ко мне с вызовом. Были они высокие, откормленные, высокомерные. Особенно вызывающе вел себя Гельман, бросивший мне в лицо слово: «Антисемит». Смысла и значения этого еврейского ярлыка я тогда не знал, но отлично понял по выражению его лица, что меня хотят серьезно обидеть. Рассерженный, я оттолкнул Гельмана, толчок был несильный, но он не удержался и упал в высокие кусты акации, которые с треском расступились под его телом, а потом сомкнулись над ним. Гельман поднялся, посмотрел на меня ненавидящим взглядом и ушел. За ним потянулись другие еврейские «кандидаты». с этого времени в лагере негласно возникли две партии — русская (неформальным лидером которой стал я) и еврейская. В палате Володя из Киева объяснил мне значение слова «антисемит» и сказал, что считает меня героем. Мне же было ясно, что все произошло случайно, без всякого умысла с моей стороны. Тем не менее я был рад, что этот случай открыл мне глаза на многое. В лагере я подружился с Володей из Киева и Юрой Масловым из Одессы. с ними я еще долго поддерживал переписку. Через несколько дней в лагере снова был сбор, на котором выбирали достойных на роли персонажей на празднике Нептуна. Как мне рассказал Володя, не первый раз ездивший в этот лагерь, раньше на все лучшие роли выбирали евреев. В этот раз лучшие роли достались русским мальчикам и девочкам. В следующем году, когда я снова приехал в этот лагерь, выборы прошли нормально. Однако старшая вожатая однажды пыталась выгнать меня из лагеря «за грубое нарушение дисциплины» — через забор мы регулярно уходили гулять в город и даже пили сухое вино. Попытка ее не удалась. Русская партия в лагере (в нее входили и несколько вожатых) вступилась за меня.

После возвращения из Одессы мои увлечения русской историей и стариной еще более усилились, мои друзья были единодушны со мной. В этот раз интересовали нас больше всего монастыри. От бабушки из Одинцова я привез несколько старых номеров «Нивы» с описаниями Соловецкого и Кий-островского монастырей. Мы стали готовиться к поездке туда следующей весной.

В июле 1964-го по указанию Хрущева был взорван один из великолепнейших памятников русского зодчества храм Спаса Преображения (XVII в.) в селе Преображенском. с этого села начинались Петровские преобразования в русской армии и

первые ее славные победы в борьбе с экспансией Запада. Храм был кафедральным собором митрополита Николая Ярушевича, активного борца с иудейскими сектами, экуменизмом и масонством. Хрущев ненавидел владыку и стремился всеми способами уничтожить память о нем. Сам я на взрыве не был, но по приезде из Одессы несколько раз ездил на Преображенскую площадь, пробирался через дыру в заборе, окружавшем руины храма. Возле забора часто стояли бывшие прихожане, молились и плакали.

Хуже всего у меня дело было с учебой. Окончив восьмилетку, я должен был перейти в другую школу, так как в нашей не было 9-10-х классов. В новую школу я принес свою беспартийность (комсомольцем я не был), самостоятельное отношение к жизни, первое понимание еврейского вопроса, горячую увлеченность русской историей, живой интерес к девушкам. Я хорошо учился только по тем предметам, которые меня увлекали, — истории, литературе, биологии, географии, большую же часть других предметов я в рекордные сроки запустил, особенно математику и физику. А может быть, мне просто не нравился физик, некто Гусман, раздражавший меня своими плоскими анекдотами, которые он рассказывал с самодовольным видом, хихикая, вкладывая в них свой особый смысл, который мне, «тупому», не был понятен. Однажды где-то в ноябре, не выдержав его пошлостей, я молча встал и вышел из класса, устроился в укромном скверике рядом со школой, покуривая болгарскую «Шипку». Тут-то меня и застал наш классный руководитель, сообщив, что мое поведение будут обсуждать на классном собрании. Вечером посоветовался с родителями. Они, конечно, были не в восторге, я сказал, что хочу пойти работать, а учиться буду в вечерней школе. Отец, полагавший, что ни при каких обстоятельствах я не пропаду, дал молчаливое согласие. Мама была в слезах, с трудом я ее успокоил, сказав, что буду учиться вечером и готовиться к поступлению в Историко-архивный институт.

На следующей неделе отец оформил меня учеником чертежника в институт, где работал сам. Институт находился на Мясницкой улице (тогда ул. Кирова) напротив Главпочтамта в историческом здании «дома Юшкова», построенного в конце XVIII века знаменитым архитектором В. Баженовым. В начале XIX века в этом доме размещалась масонская ложа, описанная Л. Толстым в романе «Война и мир». Об этом доме ходило много преданий, которые еще больше возбуждали мою любовь к истории. В первые дни я со своими друзьями обследовал это здание от подвала до чердака. советская эпоха перекроила историческое здание

полностью, разделив залы и большие комнаты тонкими перегородками, и превратила его в нечто вроде муравейника. Тем не менее сохранились парадная лестница и колонный зал, в котором масоны проводили заседания лож. Во дворе здания жили старики, помнившие его историю до 1917 года. Здесь было знаменитое Училище живописи, ваяния и зодчества, подарившее России десятки великих русских художников. Еврейские большевики устроили в училище погром. Талантливые русские ученики были изгнаны и устроен модернистский вертеп — ВХУТЕМАС, возглавляемый целым букетом «талантливых еврейских юношей». Горько было слушать от старожилов, как при еврейских большевиках историческое здание превратилось в «еврейскую идиллию» — «гнездо разврата, свободной любви, педерастических оргий» (слова одного из старожилов). В 1919-м новые хозяева вместе с чекистами шарили по окрестным домам в поисках женщин для «свободной любви». У анархистов покупали самогон. Напившись, стреляли по картинам русских художников. Во время одной попойки «чекист Зяма» вывалился в пролет лестницы, сломав себе позвоночник. Налетевшие чекисты пытались объявить гибель Зямы как теракт черносотенных сил — русских художников селившихся вокруг бывшего Училища ваяния и зодчества[4] .Чертежник из меня получился скверный, чертить и рисовать я так и не научился. Зато, наверно, лучше всех ориентировался в лабиринтах этого особенного здания. Внизу одной из лестниц, закрытой для прохода, мы организовали своего рода клуб, где обсуждали все что угодно, кроме работы. Иногда играли в карты, много курили. Место это было жутковатое, женщины сюда приходить не решались. Отсюда нас время от времени выдергивало начальство для разъездов по городу или на опытный завод. Иногда командировки были долгосрочные, даже в другие города; так, летом меня послали в Одессу, а затем в Ригу. Но больше всего нашего брата-чертежника посылали работать в совхоз, некоторые жили там месяцами. Положительной стороной такой «работы» была возможность учиться и читать. Рядом с институтом была Тургеневская библиотека, а также хороший букинистический магазин, в котором тогда еще за копейки можно было купить интересные и даже ценные книги по истории, философии, экономике. с этого магазина началась моя библиотека, ныне превысившая 20 тыс. томов.

После первой получки я побежал в букинистический магазин и за десятку купил дефектный (с вырванными иллюстрациями) первый том книги «Русское масонство в прошлом и настоящем». Впоследствии я приобрел здесь «Историю Москвы» И. Забелина, ряд старинных экономических книг (экономика начинала меня

все больше интересовать). Особую радость у меня вызвали покупки отдельных томов энциклопедии «Брокгауз и Ефрон» (они продавались почти бесплатно, по 50—70 копеек). Я в буквальном смысле погрузился в русскую историю, каждый день приносил мне новые открытия. Весной 1967-го я узнал от старожилов, живших с нашим институтом, что, по преданию, в подвале до сих пор существует замурованная комната, в которой сложены книги и ритуальные предметы. Поиску этой комнаты мы посвятили много времени. Почти месяц по утрам и вечерам мы простукивали стены в подвале и нижнем этаже. В некоторые части подвала мы попасть не могли, так как там был устроен, о, ужас, первый в СССР атомный реактор. Поместить атомную бомбу в самом центре Москвы, недалеко от Кремля, было страшным преступлением, на которое были способны только еврейские большевики (поместили ее сюда по приказу кавказского еврея Берии). Если бы случился непредвиденный взрыв, выброс радиации на многие годы сделал бы Москву пустыней.

Наткнувшись на реактор и побеседовав с его охраной — симпатичными стариками-отставниками, мы решили, что комната с масонскими книгами пропала во время строительства реактора. Нашлись и старожилы, рассказавшие, что во время одной из перестроек дома после войны в строительном мусоре, сваленном в центре, валялись испорченные страницы книг и остатки разломанных бронзовых предметов. Один из жильцов дома поблизости продал мне книжку, содержащую секретный список членов великой ложи «Астрея» за 1820—1822 годы и две сильно поврежденные книги издания Н. Новикова.

Чувство причастности к какой-то великой тайне вдохновило меня на дальнейшие поиски. Зацепкой стала фамилия «М. Орлов», написанная от руки на титуле секретного списка членов масонских лож. В «Русском биографическом словаре» сообщалось об Орлове Михаиле Федоровиче (1788—1842), генерал-майоре, крупном масоне и директоре Московского художественного класса. Последняя информация подсказывала мне, что я на правильном пути, так как предшественником Училища живописи, ваяния и зодчества был именно Московский художественный класс, арендовавший помещение в доме Юшкова. Орлов был незаконнорожденным, имя матери его нигде не сообщалось, хотя ходили слухи, что она еврейка. Отцом Орлова был граф Ф. Г. Орлов, один из трех известных братьев Орловых. М. Орлов графский титул отца не получил, воспитывался в католическом пансионе аббата Николя, участвовал в работе масонской ложи «Палестина». Во время похода русских войск во Францию Орлов, по рекомендации крупного масона Н. И. Тургенева, вступает в

преступные отношения с представителями самого опасного масонского ордена иллюминатов. соединяя в себе методы иезуитской организации, тайной инквизиции и патологической жестокости к своим противникам, этот орден вел тайную борьбу за уничтожение христианской Церкви и монархии. После запрета этого ордена в Германии он выступает под вывеской французской масонской ложи «соединенных Друзей», а затем тайного союза «Туген-Бунд». Именно эти темные силы оплодотворили русское декабристское движение, одним из членов которого стал М. Орлов, основавший тайную организацию «Орден русских рыцарей» и вошедший в руководство «союза благоденствия». Кроме того, он стал руководителем Кишиневской управы тайного общества декабристов. Вероятнее всего, именно Орлов планировал убийство царя в 1817 году в Москве в Успенском соборе. Орлов был одним из самых законспирированных руководителей декабристского заговора. Члены тайного общества должны были стремиться достигать важных постов в государстве, притворно выдавая себя за верноподданных, а на самом деле разрушая государство изнутри.

М. Орлов был готов возглавить декабристский путч. По свидетельству А. Е. Розена, 12 декабря 1825 года состоялся совет между Рылеевым, кн. Оболенским и др. о том, чтобы вверить главное руководство над восставшими войсками кн. Трубецкому, «если не прибудет Орлов». После поражения восстания Орлов был арестован, но вскоре освобожден. При его очевидной виновности в преступлении никто из декабристов, несмотря на их трусливое поведение на следствии, не дал показания на Орлова. Многие из них хорошо помнили свою клятву не выдавать главаря, а иначе «яд и кинжал везде найдет изменника». Мести Орлова декабристы боялись больше, чем русского закона. Орлов был отставлен от всех государственных должностей, выслан в деревню и взят под надзор полиции, но впоследствии ему разрешили жить в Москве, где он наладил связи со своими масонскими братьями, жившими в Первопрестольной, организуя вместе с ними заседания тайных масонских лож. Узнав все это, я поразился такому совпадению. Тайный масонский центр, грозивший разрушить Русское государство, и чудовищный атомный реактор, способный уничтожить все сердце России, складывались в одну череду событий общенациональных угроз.

Но в 1967 году я гордился своими знаниями; не понимая еще их истинного смысла, я тем не менее чувствовал свою невольную причастность к чему-то очень странному и значительному. Мне не хватало опытного наставника. В христианском смысле оценить смысл новых знаний я еще не мог. Бабушка Поля выслушала меня

и строго отчитала, запретив заниматься этой «бесовщиной».

Но я-то уже тогда чувствовал, что интересуюсь этой бесовщиной не на радость бесу, а в ущерб ему.

Весной и летом 1967-го в моем сознании происходили изменения — из подростка я превращался в целеустремленного юношу, пока с неосознанными целями, но отвергающего любые попытки просто пустить меня по течению. Образы монастырей и храмов, которые вошли в меня, создали фундамент моей личности. Каким-то особым чувством я понял, что именно там хранится главное в жизни человека, то, ради чего человек создан и ради чего его жизнь имеет смысл и ценность. Я стал посещать церковные службы, тихо заходил, становился в уголке и молился. Полюбив христианские образы и видя, в каком состоянии находится большинство христианских храмов, я начал осознавать, что против христианства идет непрекращающаяся борьба. Почти физически я начинал осознавать, что чистые, светлые силы бытия подвергаются атаке темных, страшных чудовищ, ненавидящих любимые мною храмы и саму Россию.

Конкретные примеры такой атаки я видел в разрушении церквей и памятников, исторической застройки Москвы. В 60-е годы на моих глазах закрывались и разрушались церкви. Взрывается ряд ценных архитектурных построек в Кремле, сносятся церковь Благовещенья, что на Бережках, 1697 года (на Ростовской набережной), Тихвинская церковь в Дорогомилове 1746 года (около Киевского вокзала), Преображенская церковь XVIII века (на Преображенской площади), церковь Иоакима и Анны XVII—XVIII веков (на ул. Б. Якиманка) и Николы Чудотворца в Ямах XVII— XVIII веков; исчезают с лица земли Собачья площадка, дом Хомякова (где в 1920-е годы находился музей 40-х годов XIX века), десятки старинных московских домов и особняков.

Вместо разрушенных самобытных старинных московских построек возводятся безликие, однообразные коробки, спроектированные архитекторами-космополитами Посохиным, Макаревичем, Иофаном, Гельфрейхом и т.п. Ни одна столица мира не знала такого варварства в отношении к бесценным памятникам национального зодчества, которое в Москве осуществили «творцы» вроде Посохина. Этот архитектор-космополит, «подаривший» Москве унылое стеклянное здание Дворца съездов в Кремле, при осуществлении своего плана застройки Арбата (Калининского проспекта) с какой-то патологической яростью настаивал на сносе русской церкви XVII века на Поварской улице. К счастью, русские патриоты в буквальном смысле слова легли под бульдозер и не позволили

уничтожить святыню.

В это время у меня возникает идея написать полную историю московских улиц. Проследить по архивным источникам, как развивались архитектурные формы жизни из века в век, из год в год. Как на место изб приходили особняки, затем доходные дома. Мистическое движение жизни в архитектурных формах, быт простых и великих людей завораживали меня своей неодолимой тайной.

Осенью 1967 года мы поехали на обследование скита Саввино-Сторожевского монастыря. Какой-то знакомый Гены сообщил нам, что там на чердаке одного из зданий сохранились старинные книги. Мы обшарили все, нашли немало остатков церковной утвари, а книг не было. Возвратившись, мы собрались у Гены и стали обсуждать дальнейшие планы. В этот вечер я впервые встретился с роковой для нас с Геной девушкой по имени Наташа, получившей от Гены прозвище Миледи в духе романов Дюма. Это было очаровательное белокурое шестнадцатилетнее создание, чувствовавшее свою власть над мальчиками и получавшее от того явное удовольствие. Ни я, ни Саша до этого дня не знали ее, только слышали, что она и есть таинственная дама сердца Гены, в которую он был влюблен и о которой много говорил. Мне она сразу же понравилась; увидев ее, я растерялся. Она это почувствовала. После ее появления наша монастырская тема сразу же заглохла. Мы начали нести какой-то вздор, много смеялись. В конце концов я вызвался проводить Наташу до дома. На следующий вечер мы уже целовались. Вечерние встречи у Гены прекратились, так как все свободное время я проводил с Наташей. Несмотря на мою опытность, дальше поцелуев наши отношения не шли. Дамой сердца Гены Наташа стать не желала, ее больше тянуло ко мне.

Гена ревновал, переживал. В разговорах с Сашей называл меня предателем, а Наташу «коварной Миледи», хотя она никаких обещаний ему не давала. Гена даже заболел. Мы пришли его навестить. Его мама шепотом сообщила нам, что сын страдает от «жестокой, бессердечной девочки, которая отказывается даже разговаривать с ним по телефону». Генина мама просила нас чаще посещать сына. Но видеться с Геной мне с каждым разом становилось все труднее. Он рассказывал о Наташе всякие небылицы, называл ее девушкой легкого поведения. Портились отношения и с Наташей. Ее возмущали выдумки Гены, которые он распространял среди наших общих знакомых. Наташа считала Гену подлецом, настаивала, чтобы я порвал дружбу с ним. Наташа была мне нужна, меня тянуло к ней, но и с Геной я не мог порвать. А он чувствовал мою растерянность, проявлял чудеса

интриганства, через третьих лиц распространяя слухи, что Наташа якобы встречается еще с одним парнем. В этой интриге он нашел себе союзника в лице моей одноклассницы Тани Прохоровой, которую я воспринимал как друга, а она имела на меня свои девичьи виды. Некоторое время я и Наташа продолжали встречаться, перезванивались, но как-то незаметно между нами вырастала стена. В начале 1968-го, когда, казалось, все отношения между нами угасли, она вдруг позвонила мне и сказала: «Один человек предлагает мне стать его женой. Как мне быть?»

— Ты его любишь? — спросил я.

— Не знаю.

— Решай сама.

Сказав это, я почувствовал, что теряю что-то важное, хотя по-настоящему все понял позднее. Тем более как раз в это время я встречался с девушкой Ниной, жившей рядом с Петровским парком недалеко от Академии Жуковского (бывший Путевой царский дворец). Почти рядом с ее домом находился особняк «Черный лебедь» масона Рябушинского. И какие действительно бывают в жизни совпадения — дед Нины до революции приходил наниматься к Рябушинскому на работу. После 1917-го в особняке устроили ресторан, а в 30-е годы — одну из «шарашек» ГУЛАГа — научное учреждение, где работали заключенные. Отец Нины, инженер, был осужден по политической статье «за анекдот» и попал в эту «шарашку». Гуляя с Ниной по окрестностям Петровского парка, я еще не знал, что при большевиках здесь проходили расстрелы русских патриотов, здесь же зарывали их тела. Еврейские палачи убили, в частности, духовного русского писателя о. Иоанна Восторгова, близкого Царской семье епископа Ефрема, министров-патриотов царского правительства И. Г. Щегловитова и Н. А. Маклакова. Наши горячие поцелуи и объятия проходили рядом с этими святыми для каждого русского человека местами, совсем по Пушкину: «И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть...»

Ранней осенью 1967 года моя мама составляла смету на ремонт дома по Газетному переулку. При осмотре одной из квартир она познакомилась с Евдокией Федоровной Никитиной, женой расстрелянного в годы революции крупного масона, министра внутренних дел Временного правительства А. М. Никитина. с 1914-го Никитины собирали салон, в котором опытные «вольные каменщики» подготавливали себе смену. Заседания салона под названием «Никитинские субботники» продолжались и после расстрела Никитина в 1920-х годах. В заседаниях участвовали член Великого Востока Франции А. В.

Луначарский, глава розенкрейцеров Б. М. Зубакин, Н. Л. Бродский, Ю. И. Айхенвальд, Л. П. Гроссман и др. Регулярно приглашалась студенческая молодежь. В 30-е годы Никитинские субботники прекратились, чтобы возобновиться в «оттепель». Никитина и «зубры» либеральной интеллигенции 20-х годов привлекали сюда молодежь, стремясь воспитать ее в духе космополитических идеалов и западного либерализма, привить вражду к русской истории и Православной Церкви. Мама, услышав, что Никитинские субботники продолжают собираться, и зная мою любовь к литературе, попросила Никитину разрешить мне посещать эти вечера. Никитина, к тому времени семидесятидвухлетняя старушка, милостиво разрешила, выдав в качестве пропуска пустой бланк с эмблемой Никитинских субботников.

В ближайшую субботу я прибежал на заседание в числе первых. Меня провели в большую комнату с длинным столом посредине, уставленным тарелками с печеньем и пирожками и чашками с блюдечками, двумя большими чайниками. стулья вокруг стола стояли в два ряда. Молодежь вроде меня рассаживалась во второй ряд. Впрочем, во втором ряду сидели не только молодые. Было довольно тесно, вдоль стен стояли закрытые шкафы. с некоторым опозданием появились «мэтры», быстро заполнившие первый ряд и сразу же приступившие к чаепитию. Большинство присутствовавших знали друг друга. В этот день присутствовали мэтры Борис Абрамович Слуцкий и Владимир Моисеевич Луговой, критик Нея Марковна Зоркая.

Вечер начал Слуцкий. сказав несколько слов о воспитании молодежи в духе коммунистических идеалов и интернационализма (и как я понял уже позже — еврейского мессианизма), поэт без всякого перехода начал декламировать свои стихи, с завыванием и выкриками. Мне, воспитанному на Пушкине и Тютчеве, содержание его стихов не было ясно, казалось, что они были зашифрованы для избранных. Еврейская студенческая молодежь, обильно присутствовавшая на вечере, каждое стихотворение принимала с восторгом, дружно хлопая. Я не хлопал, задумавшись, искренно стараясь понять смысл стихов. После выступления Слуцкого я попытался обсудить его стихи с одним из наиболее ревностных его поклонников. Мои вопросы поклонник расценил как скрытую иронию (или издевательство) и металлическим голосом сказал: «Ты ничего не понимаешь в ***великой*** (!) поэзии!» И отвернулся. За чаем, который пили только мэтры, началось обсуждение. Мне запомнилось, что Зоркая открыто ругала А. Твардовского за то, что он не любит «Женю Евтушенко», колхозник Твардовский не может понять великого

поэта. Вообще все обсуждения сводились к восхвалениям «великих», которыми, как правило, были евреи. Иногда было такое ощущение, что русская классическая литература существует параллельно с «современной великой», которую воплощают Пастернак, Эренбург, Слуцкий, Евтушенко, Шкловский, Маршак. светлым воспоминанием вечера стало выступление дочери поэта К. Д. Бальмонта Нины. с большой теплотой и чувством она читала стихи отца и рассказывала о нем.

На следующем субботнике у Никитиной много говорилось о романе Цветаевой и Б. Пастернака. Никитина показывала кресло, на котором они целовались в ее доме. Подробности этого романа в устах Никитиной носили какой-то мелочный характер. Потом выступал некто Федоров (?). По его версии, Маяковский не покончил жизнь самоубийством, а был убит черносотенцами из круга Есенина. Без всякой связи, как о чем-то наболевшем, перекинулся на тему современных черносотенцев. По мнению большинства присутствовавших (мнение это никто не оспаривал), современными черносотенцами были М. Шолохов, Л. Леонов, И. М. Шевцов и другие русские писатели, «клевещущие и преследующие» великих и талантливых евреев. На этот вечер я принес подписать письмо в МГК КПСС с протестом против намечавшегося сноса церкви св. Николая. Письмо я пустил по рядам. Хотя в комнате присутствовало около 30 человек, свою подпись поставили только два студента, а Никитина попросила меня больше не приносить на ее субботники «подобные бумаги».

Третье и последнее посещение Никитинских субботников — этой кузницы космополитических, антирусских кадров — было связано с большим скандалом. Вечер начался с чтения стихов какого-то молодого поэта, которого дружно назвали талантливым и многообещающим. А затем слово попросил учитель из Одессы некто Ефим Махровский (?). Он заговорил о необходимости развеять «черносотенные мифы русской истории». Для начала он объявил «Слово о полку Игореве» грубой фальшивкой вроде Велесовой книги, поздней выдумкой русских «патриотов» (в устах Махровского это слово звучало как ругательство). По мнению учителя из Одессы, говорить о русской культуре до XVIII века некорректно. Она пришла в Россию с Запада с Петром I. Согласно Махровскому, Древняя Русь была не самобытным славянским государством, а искусственным образованием, рожденным еврейской культурой. История Киевской Руси создана евреями. Они дали ей не только свое имя (Кий, основатель Киева, по Махровскому, был евреем), но и правящую династию Рюриковичей. Пассивное начало славянских племен оплодотворялось еврейской активностью. На этом вечере я

услышал и другие откровения в таком же роде. Древняя, но очень агрессивная бабушка по фамилии Брунштейн поведала присутствующим о решающей роли евреев в строительстве СССР. сколько выдающихся еврейских деятелей отдали свою жизнь во имя революции и победы нового общественного строя! Подавляющая часть революционных вождей были евреями! Бабушка Брунштейн рассказала о том, что сам Ленин по матери был евреем.

Обсуждения докладов, вероятнее всего, были хорошо срежиссированы. Реально, по существу никто выступающим не возражал. Почти все «оппоненты» под видом возражений пели дифирамбы Махровскому. Получалось взаимное восхваление, осанна иудейскому племени. Торжественную еврейскую мессу нарушил подвыпивший старичок: «Все это ложь, а ты сионист!» — закричал он Махровскому и кинулся на него с кулаками. Думаю, что в этом случае самым уместным аргументом на антирусские аргументы Махровского был бы мордобой. Однако соплеменники стали грудью на защиту сиониста, я же, воспользовавшись суматохой, незаметно покинул этот дом, чтобы никогда сюда не вернуться. Под впечатлением услышанного я вначале собирался написать письмо в КГБ, чтобы рассказать о подрывной деятельности Никитинских субботников. Но, к своему стыду, не хватило решимости, боялся прослыть доносчиком. Могу представить, как бы презирал меня мой прадед, узнав о моем либерализме и боязни стать доносчиком. Ведь речь шла о борьбе с врагами моего народа. Кроме Никитинских субботников в Москве во второй половине 60-х годов было еще немало и других центров по подготовке антирусских космополитических кадров, которые и дали свои ядовитые плоды в 80-90-е годы. По словам некоторых евреев — посетителей Никитинских субботников, антирусский сионистский салон, состоявший преимущественно из учащейся молодежи, собирали К. Паустовский в Тарусе, а также И. Эренбург в своей московской квартире. В салонах этих культивировались идеи Талмуда, особого избранничества и одаренности евреев. Именно из них вышли сионистские деятели, впоследствии составившие контингент авторов альманаха «Метрополь» и ядро сионистской организации «Апрель».

Я много думал, читал, путешествовал по окрестностям Москвы и ее достопамятным местам, много времени проводил в Тургеневской библиотеке — вместе с тем именно тогда, в восемнадцать лет, во мне определилось прошедшее через всю мою жизнь возвышенное чувство зависимости от женского, девичьего начала. Зависимость не просто от любовных встреч и чувственных радостей (хотя это тоже было), а зависимость от

влекущего чувства найти такую женщину, которая станет моей частью, сумеет понять мои стремления, особый мир моей жизни.

Но чаще всего было так: женщины вдохновляли меня, создавали тонус моей жизни, подталкивали к решительным поступкам, но не затрагивали моей души, оставались вне духовных интересов моей жизни. Почти каждая заинтересовавшая меня женщина давала мне что-то важное, но вместе с тем как бы обтекала меня, не оставляя во мне никакого сожаления об утрате. Фея, Белоснежка, Суженая, Чародейка, Красная Шапочка, Актриса, Лукавая и другие (я специально шифровал женские имена) прошли рядом со мной драгоценными образами. Но только суженая (моя жена Таня) и Красная Шапочка стали частью моей жизни (последняя ненадолго).

ГЛАВА 5

СОЗРЕВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЧУВСТВА. - ОСОЗНАНИЕ ДУХОВНОЙ БРАНИ ДВУХ НАЧАЛ - РУССКОГО И АНТИРУССКОГО. - ПРЕЗРЕНИЕ К ОКУДЖАВЕ. - ВОСХИЩЕНИЕ И. ГЛАЗУНОВЫМ, М. ЛОБАНОВЫМ, В. СОЛОУХИНЫМ, И. ШЕВЦОВЫМ. - ТЯГА К ОРГАНИЗОВАННЫМ ПАТРИОТАМ. -КЛУБ «РОДИНА». - ВООПИК

Время моего возмужания, период с 1968-го, — особый этап в истории нашей страны. На моих глазах столкнулись две идеологические силы — православнопатриотическая, идущая из исторической России, и либерально-еврейская, растущая из могилы еврейских большевиков и дореволюционных масонов. Столкнулись дети тех, кто тысячи лет строил великую Россию, и дети еврейских комиссаров, расстреливавших ее. Молодая поросль евреев в 60-х годах называла себя «чуваками», что на их птичьем языке означало — «человек, уважающий высокую американскую культуру». Было ли слово «чувак» введено в оборот этой, по сути дела, «дикарской среды» зарубежными спецслужбами или каким-нибудь отпрыском советской чиновничьей верхушки, оно схватывало самое главное в их жизни — преклонение перед Западом и презрение к России. Все остальные люди, жившие в СССР, на языке «чуваков» именовались либо «совками» (русские, не разделявшие восторг «чуваков» западным образом жизни), либо «чурками» (представители национальных меньшинств).

Лишенные корней и высоких патриотических чувств, искавшие любой возможности уехать на Запад, «чуваки» в массе отличались пошлостью, дурным вкусом, склонностью к сальным шуточкам и просто «порнографией духа». У нас во дворе жила еврейская семья торговых работников. сын их Генка Болеба открыто мечтал уехать из России за рубеж, а в этой жизни занимался фарцовкой. себя он называл «чуваком», а меня «совком». спекуляция импортным ширпотребом среди «чуваков» считалась почетным делом.

Между собой эта публика объяснялась на особом птичьем языке — смеси отдельных слов английского, еврейского и искаженного русского. Вот два характерных диалога, записанных мною в те годы. Первый об отношениях с девушкой.

— Без кайфа нет лайфа, — говорил один, — я тебе клевую фенечку расскажу. Зафакал я клевую герлу, у нее пэрэнты крутые

совки. Папик ходит в вайтовых трузерах, а шузы все равно совковые. Ха-ха-ха!

— Кончай свой стеб, — говорит в свою очередь другой, — я от этой телки торчу. У ней папик мажор, прикид стремный, не хочешь — не факай. Я ее сам подпишу на фак.

Или еще один диалог о посмотренном фильме:

— Этот фильм такой совок. Джаст а хип впадет в тоску — все хэнды попилены. Режиссер левый мэн. Никакого кайфа.

— И мне он не в кайф, такая шиза.

С приходом к власти Хрущева большевистские погромщики поняли, что могут взять реванш. В руководящие органы партии хлынули тысячи озлобленных евреев. На телевидении широко внедряли образ передового человека, носителя прогресса, «с добрыми еврейскими чертами лица», со специфическими интонациями и мотивом речи, что как бы подготавливало второе пришествие деятелей либерально-масонской идеологии. Новый погром русской культуры осуществляли под лозунгом возвращения к ленинским принципам. снова начались разгромы церквей, преследования священников. Враги России призывали к коммунизму в духе еврейского хилиазма и хлестали русских патриотов цитатами из Ленина. Помню кучку демонстрантов (в основном евреев) возле памятника Маяковскому летом 1968 года, призывавших поддержать «народное» восстание в Праге. Был там полный набор отпрысков еврейских большевиков: Свердлов, Якир, Литвинов, Тарсис, Румянцев и др. Все они уже обзавелись покровителями на Западе, снабжавшими их деньгами и посылками с вещами. В руках одного из них был том Ленина. Еврейский пиит читал стихи, в которых были слова «не позволим осквернить ленинское знамя» (в смысле подавления «народного» восстания). На мое справедливое замечание, что «восстание» подготовлено на деньги ЦРУ, один из демонстрантов заученно кинул мне: «Провокатор!» В 1990-е годы были опубликованы подробные сведения о том, как создавалась «Пражская весна». Десятки агентов западных спецслужб, координируемых ЦРУ, развозили в просторных сумках миллионы долларов для зачинщиков беспорядков. Дубчек, Гавел и другие агенты влияния Запада при активном содействии сионистов и масонских организаций не нуждались в средствах. На эти американские деньги покупались услуги наемных убийц, стрелявших в спину русских солдат. Подкупленные проститутки после сношения со своими дружками бежали в полицию с требованием их освидетельствовать, заявляя, что их изнасиловал «оккупант». Впрочем, слишком поздно мы узнали, что и демонстрации в поддержку «народного» восстания на площади Маяковского и

возле Кремля тоже были инспирированы на американские деньги.

Бывшие агенты американских спецслужб сейчас уже не боятся говорить, как они строили так называемое диссидентское движение, опираясь на «недовольных евреев и психически неуравновешенных людей». Они откровенничают, как в целях «расшатывания

России» ЦРУ использовало «сионистский дух» евреев, приобретший организованный характер с 1967-го[5]. В библиотеке Конгресса США я ознакомился с признаниями видной сионистки Э. Маркиш. Шестидневная война на Ближнем Востоке, писала она, «все расставила по своим местам в психологии российского еврейства... многими среди российского еврейства был сделан категорический выбор: “Израиль — это родное, Россия — это, в лучшем случае, двоюродное, а то и вовсе чужое”. Так рассуждали не только те евреи, которые уже тогда решили свою судьбу: вырваться в Израиль. Так же рассуждали и те, кто на работе утверждал обратное».[6]

0 вводе наших войск в Чехословакию я узнал, сидя с друзьями в пивном баре на Цветном бульваре. Я сразу же почувствовал, что шаг этот оправдан. Мы, русские славяне, спасали чешских от возможной оккупации Запада, который всегда старался перемолоть, использовать и уничтожить славянское племя. У меня улучшилось настроение, и я стал объяснять своим друзьям благотворное значение этого события. Мы были довольны, зато два еврея за соседним столиком заметно погрустнели. А я встал с места, поднял кружку пива и громко произнес слова: «За успешный ввод наших войск в Чехословакию!» Подавляющая часть зала поддержала меня, кроме двух типов за соседним столиком, которые выскочили из бара как ошпаренные, даже не допили своего пива, что-то бормоча про антисемитов. Эти люди воспринимали русское дело как враждебное, а все антирусское как свое, национальное. Русских патриотов они называли невежественными скифами, темными неудачниками. Известный еврейский бард, сын большевистского комиссара Б. Окуджава в своем кругу глумился над русскими людьми, смеялся над их искренностью и добродушием, называл это признаком неразвитости. Навсегда мне запомнился вечер в Доме техники на Мясницкой (тогда ул. Кирова) в 1967 или 1968 году. На этом вечере Окуджава открыто говорил, что не верит ни в Бога, ни в патриотизм. «Когда я родился, — заявил он, — меня не крестили, меня октябрили, заместо Библии была книга Ленина. Я душой связан с Октябрем».

Одно из высших выражений духовности человека — патриотизм — Окуджава считал свойством неразвитых людей,

чувством, подобным «кошачьей привычке к одному дому». Такой примитивный взгляд на мир Окуджава выражал в своих песнях, которые он исполнял, на мой вкус, плохо — блея, чуть ли не икая.

Христианство принесло человечеству огромное богатство чувств, переживаний, нюансов постижения духа. В песнях Окуджавы все это отрицалось, опошлялось, обеднялось, сводилось к убогим представлениям космополитов, ориентированных на теплую квартиру и хорошую пищу, идеалы местечкового еврейства.

«Ах, Арбат, мой Арбат, ты моя религия», — пел, бренча на гитаре, этот еврейский бард, тоскуя по временам, когда его соплеменники чувствовали себя полными господами великой страны.

Арбатство, растворенное в крови,
Неистребимо, как сама природа, —
декларировал сын большевика. **—**
Ах, Арбат, мой Арбат!
Ты мое призвание,
Ты и радость моя, и моя беда.

Или:

Солнце, май, Арбат, любовь
— Выше нет карьеры...

Патриотизм воспринимался Окуджавой как опасность, как вызов его соплеменникам. Отсюда его патологическая ненависть к патриотам и русским. По Окуджаве, «стать патриотом» — значит «смешаться с толпой», а русские — «рабы» и «язычники» (т.е. гои).

Все, что пел и говорил в этот вечер Окуджава, было своего рода антирусским манифестом либерально-еврейских кругов. С тех пор Окуджава стал для меня символом пошлости, космополитизма, мещанского духа местечкового еврейства, своего рода эталоном всего того, что нельзя принимать русскому человеку.

Под стать Окуджаве был и другой еврейский бард А. Галич, пьяница и наркоман, поразивший меня во время выступления в Политехническом музее (или ЦДЛ?) фантастическими рассказами о своих встречах (?) с Ф. Юсуповым, убийцей Г. Распутина. В мерзкой манере он сочинял гнусные подробности из жизни последнего русского царя, вываливая на память о нем все бездны

собственной растленности и ненависти к России.

Во второй половине 60-70-х годов вокруг Окуджавы, Галича, Слуцкого, Эйдельмана, Коржавина существовали кружки еврейско-космополитической интеллигенции, вызывавшие во мне отвращение не только из-за их растленно-антирусского духа, но и из-за смехотворных претензий на «элитарность» и «первенствующее положение» в русской культуре. В то время я с жадной любознательностью ходил по разным вечерам, лекториям, литературным встречам. Среди многочисленных выступавших и лекторов я скоро научился определять представителей этих еврейских кружков (причем необязательно все они были евреи), вносивших в культурную жизнь диссонанс и местечковые разборки.

Особенно неприятные чувства во мне вызывали Н. Эйдельман и С. Рассадин с их самоуверенными и, по сути дела, невежественными рассуждениями о русской истории. Ее они коверкали так, чтобы языком событий прошедших эпох навести слушателей на определенные мысли о современной русской жизни. Вероятно, им казалось, что они поступают тонко и умно. На самом деле все это выглядело очень примитивно и малоубедительно. Ни одно из выступлений не обходилось без восхваления друг друга. Рассадин хвалил Эйдельмана, тот его, а все вместе пели дифирамбы Окуджаве, Галичу, Слуцкому и другим еврейским «гениям».

Почти физически я ощущал их убогий, одномерный мир безбожников, антипатриотов, пошляков, зацикленных на своих племенных переживаниях и чаяниях, ненавидящих все русское и глумящихся над историей России. Это был мир того самого Хама, который после 1917 года громил русскую культуру, был повержен в эпоху Сталина и возрожден стараниями Хрущева. По отношению к русской жизни это был антимир — скучный, серый и пустой, ужасный своими потугами возвыситься над русскими людьми.

В 1968—1969 годы я несколько раз бывал на выступлениях еще одного еврейского барда В. Высоцкого. Безусловно, он выгодно отличался от Окуджавы. Во всяком случае, в нем не было пошлости и духа местечкового мещанства. Признаюсь, тогда он мне понравился. Не лишенный песенного таланта и за это принимаемый частью русских людей, деформированных десятилетиями космополитической власти, этот бард, тем не менее, — а это я понял гораздо позже, — был глубоко чужд России, примешивая в ее народную культуру несвойственные ей уголовные, блатные нотки. Как справедливо писал русский поэт С. Куняев: «Высоцкий многое отдавал за эстрадный успех. У

“златоустого блатаря”, по которому, как сказал Вознесенский, должна “рыдать Россия”, нет ни одной светлой песни о ней, о ее великой истории, о русском характере, песни, написанной любовью или хотя бы блоковским чувством… Знаменитый бард ради эстрадного успеха, “ради красного словца” не щадил наших национальных святынь. Песни его… не боролись с распадом, а наоборот, эстетически обрамляли его».

Кумиры, на которых я тогда равнялся, были совсем иными. Патриотический дух привили мне родители, любовь к храмам и монастырям создала во мне совсем другую систему образов, к которой я тянулся. Конечно, главными ориентирами были русская художественная и литературная классика, посещения Третьяковской галереи, музеев, чтение запоем исторических романов. Однако, как всякого молодого человека, меня тянула и современность, хотелось видеть, что великая культура, созданная в прошлом, прорастает и в нашу жизнь. Кумиры либерально-еврейской молодежи тянули нас либо снова к Гражданской войне, в 20-е годы, либо на Запад. Для меня и моих друзей это было неприемлемо, интересы отпрысков еврейских комиссаров были нам чужды, их кумиры скучны и фальшивы. Их искусство было не настоящим искусством, а зашифрованной знаковой системой (вроде песенок Окуджавы), призванной объединить своих. Мы же, русская молодежь, жаждали своих кумиров (в молодости это вполне естественно). И мы обрели их. Помню, первыми нашими кумирами стали великий русский художник Илья Сергеевич Глазунов и замечательный русский публицист Михаил Петрович Лобанов. Первый доказал нам, что великое русское христианское искусство успешно развивается и сейчас, второй подтвердил, что наши взгляды на идеологию Окуджавы и других отпрысков еврейских комиссаров являются не мнением одиночек, а неотъемлемой частью великой реки русской национальной мысли. Во мне и в тысячах других русских людей работы Глазунова и Лобанова создавали чувство уверенности в будущем нашего народа.

Художник Илья Глазунов — великий русский человек, далеко перешагнувший сферу живописи и ставший одним из глубочайших выразителей русского духа, духовным мыслителем, равным по своему значению И. Киреевскому, А. Хомякову, К. Аксакову, Н. Данилевскому. В созданных Глазуновым образах многие русские люди смогли глубоко понять то, что было написано в произведениях самых выдающихся выразителей русской национальной мысли. Еще не познакомившись с трудами славянофилов, я получил от картин Глазунова многое из того, что было написано в их книгах. Впервые на одну из выставок

Глазунова еще в 1964 (?) году меня привел отец. Помню возбужденные толпы и чувство великого, таинственного, родного, но еще мне не совсем понятного. Осознание величия трудов Глазунова пришло только в 1967—1968 годах. Образы русской истории оживают для меня в картинах «Иван Грозный» и «Борис Годунов», «Князь Олег» и «Андрей Рублев», «Царевич Дмитрий» и «Русский Икар». Увлекаться Достоевским я стал после знакомства с иллюстрациями к его произведениям Глазунова. Через видение Глазунова мне стали более доступны многие персонажи книг Мельникова-Печерского, Лескова, Гончарова, Лермонтова, Островского. Помню, как с друзьями мы рассматривали иллюстрацию Глазунова к А. К. Толстому «У фрески “Страшный Суд”». Возле своей кровати я повесил вырезанную из журнала картину «Господин Великий Новгород».

Через много лет, познакомившись с Ильей Сергеевичем лично, подолгу беседуя с ним, я понял, какого труда стоило ему пробиться с русскими образами через враждебную среду. С первых его успехов на него ополчились еврейские критики во главе с Б. Иогансоном. Критиков раздражало увлечение художника древнерусской живописью. В традициях пролеткульта они обвинили Глазунова в «достоевщине» и «поповщине», приводя при этом цитаты из Ленина. Еврейские круги относились к Глазунову с нескрываемой ненавистью, объявляя его картины враждебными социализму.

Искусство Ильи Глазунова стало знамением нарождающегося русского движения, символом мира русских патриотов. Можно даже сказать, что к концу 60-х Глазунов стал своего рода неформальным лидером «русской партии». Я и мои друзья не задумываясь «вступили» в эту партию.

В апреле 1968-го в журнале «Молодая гвардия» появилась статья М. П. Лобанова «Просвещенное мещанство». Читали мы ее как раз после похода на вечер Б. Окуджавы, вызвавший у нас отвращение. Лобанов сформулировал то, что еще неосознанно бродило в наших душах. Он обозначил одну из главных характеристик того, чего мы не хотели принять как враждебное русской культуре, — «просвещенное мещанство», проявление местечковой еврейской культуры. «Все на свете можно опошлить, — писал Лобанов, — и в этом бессмертная заслуга бессмертного мещанства». Автор коснулся в статье и пресловутого Окуджавы, справедливо показав его чуждость для России. В статье подчеркивалось разлагающее влияние местечкового мещанства на русскую культуру. В свою записную книжку я занес цитату из этой статьи, которую потом не раз зачитывал: «У мещанства мини-язык, мини-мысль, мини-чувство — все мини. И Родина для них

мини». Мы были в восторге! Сам Лобанов рассказывал мне позднее, что реакция либерально-еврейских кругов была страшной, как будто он посягнул на их «самое святое». Лобанова травили, не давали печататься. Мужественный, стойкий человек, фронтовик, тяжело раненный на Курской дуге, Лобанов не поддался на попытки еврейских кругов заставить его замолчать. Для русской молодежи он стал одним из любимых авторов, его статьи и книги мы читали в первую очередь.

После Глазунова и Лобанова среди русской молодежи большой популярностью пользовался писатель Владимир Алексеевич Солоухин. Впервые я его увидел в каком-то студенческом клубе (возможно, МАИ), где он выступал вместе с нашим кумиром Глазуновым в рамках клуба «Родина». Он был известен как автор замечательной книги о русском культурном наследии «Письма из Русского музея». В своей патриотической деятельности Солоухин так же, как и мы, был последователем Глазунова. Вместе с последним он стал одним из зачинателей общественного движения за сохранение национального, культурного достояния, исторических памятников и достопамятных мест. Мы не знали, что уже тогда Солоухин собирал материалы для книги «Последняя ступень», где остро ставил вопрос о еврейском засилье в России, о стремлении иудейских вождей к мировому господству над человечеством[7].

Клуб «Родина», о котором я упомянул выше, стал местом притяжения русской национальной молодежи. Лично я участвовал только в отдельных вечерах и лекциях, проводимых в институтских домах культуры, «красных уголках» студенческих городков. Главная же деятельность «Родины» заключалась в безвозмездной помощи в восстановлении Крутицкого подворья и других памятников русской архитектуры в Коломенском, Радонеже, Больших Вяземах. На отдельных вечерах, помню, присутствовали писатель Л. Леонов, певец И. С. Козловский, поэты Г. Серебряков, И. Лысцов, а чаще всех знаменитый архитектор-реставратор П. Д. Барановский, один из руководителей клуба. Именно здесь я впервые увидел замечательных русских общественных деятелей того времени — Василия Дмитриевича Захарченко (гл. редактор журнала «Техника — молодежи»), Виктора Алексеевича Виноградова и Олега Игоревича Журина. Два последних были архитекторами, учениками Барановского, впоследствии видными активистами общества «Память». Среди активистов клуба «Родина», наверно, впервые в СССР стала распространяться антисионистская литература. Солоухин рассказывал мне, что именно здесь он впервые познакомился с «Сионскими протоколами».

В этом же году отец принес мне почитать сильно затертую, ставшую почти ветхой от рук сотен читателей книгу Ивана Михайловича Шевцова «Тля». В ней впервые в советский период рассказывалось об идеологической борьбе патриотов и космополитов. Шевцов высказал вслух то, о чем перешептывались на своей кухне многие честные, но робкие интеллигенты, не решаясь открыто обсуждать опасность сионизма, боясь получить клеймо антисемита. С этим великим русским патриотом я познакомился и подружился только в конце 90-х годов, но с первого же романа полюбил его, чувствуя родственную душу. С юношеских лет Шевцов испытал на себе опасность сионистского подполья. Еще будучи школьником, работая литсотрудником в Шкловской районной газете, Шевцов был удивлен, что весь аппарат редакции, начиная с корректора и кончая редактором, состоял из евреев, которые между собой разговаривали только на идише[8]. И в дальнейшем, при частой смене редакторов, все оставалось по-прежнему. Когда Шевцов начинал сотрудничество в газете, редактором был Гершман, его сменил Герцович, потом Роберман и, наконец — Трапер. Сельского паренька удивило и то, что все руководство района было еврейское. Когда он поступил в педтехникум Орши и стал сотрудничать в городской газете в качестве внештатного репортера, увидел то же самое, что и в редакции Шкловской газеты. В Орше пединститут и педтехникум размещались в одном здании. Юноша обратил внимание, что директором института был Левин, а техникума Тодрин — оба евреи. Посещая по заданию редакции предприятия города, Шевцов увидел ту же картину: директора и главные инженеры заводов — евреи по национальности. Проницательный юноша не мог не задуматься над таким нелогичным явлением, не начать анализировать: почему эта немногочисленная нация занимает командные посты? А тут еще подвернулся случай, коснувшийся лично Шевцова. Студент-однокурсник, некто Маневич, с которым Шевцов откровенно поделился своими наблюдениями, написал в дирекцию донос, обвинив Шевцова в антисемитизме. Реакция последовала незамедлительно: Шевцова, даже без формального разбирательства, исключают из техникума. Но вмешалась республиканская газета, опубликовавшая статью своего корреспондента «Как в Орше понимают бдительность», и приказ об исключении был отменен. Однако оскорбленный юноша не пожелал возвращаться и поступил в саратовское училище пограничных войск. Шел 1938-й. Тогда многие молодые мечтали о героической романтике. С мечтой о границе связывали самые благородные стремления и жажду подвига, к чему и стремился Шевцов. Но Шкловская история навсегда отложилась в

восприимчивой юношеской памяти Шевцова. Он анализировал ее и будучи начальником погранзаставы в 1940—1941 годах, и разведчиком, и командиром роты в битве за Москву, и, особенно, в последние годы войны, когда работал в редакции журнала «Пограничник», где в аппарате и среди авторов было всего два славянина, включая самого Шевцова.

Борьбу с космополитами в конце 40-х Шевцов встретил в должности специального корреспондента газеты «Красная звезда», на смену гл. редактору которой Ортенбергу пришел генерал-славянин Фомиченко.

Русская патриотическая интеллигенция встретила борьбу с космополитизмом с пониманием и одобрением. Для журналиста Шевцова, познавшего еще в молодости засилье евреев во всех сферах жизни, их высокомерие и подрывную деятельность, еврейский вопрос приобретает особую актуальность, достойную серьезного исследования и анализа. Он включается в борьбу с сионистами. В 1944-м на страницах газеты «Красная звезда» появляется большая статья «Против антипатриотов в батальной живописи», подписанная И. Шевцовым и руководителями студии военных художников им. Грекова.

Иван Михайлович был, по сути дела, первым крупным советским писателем, который открыто выступил против развращающего влияния еврейства в русской культуре. Шевцов подробно рассказал мне, как создавался его знаменитый роман «Тля». Казалось, что время для издания было самое подходящее (1946—1948) — разгар борьбы с безродными космополитами, под которыми подразумевались евреи-сионисты. Однако даже в это время издать роман было нелегко. Иван Михайлович передавал мне ощущение тех лет:

«Я, молодой военный журналист, был дружен с художниками студии им. Б. М. Грекова и погранвойск. Там тоже часто звучали нелицеприятные слова “формалист”, “космополит”, “абстракционист”. Сюжеты, характеры и образы действующих лиц — искусствоведов и художников, лежали на поверхности, сами просились на бумагу. Да и с фамилиями, по молодости, я не видел проблем: главных персонажей назвал Осип Давидович Гершман (искусствовед) и Лев Михайлович Барселонский (живописец). Но именно они-то и вызвали “вопрос” у директора издательства “Молодая гвардия” И. Я. Васильева: “Почему Гершман? Еврея нельзя изображать отрицательным. Еврей должен быть либо хорошим, либо отличным. Меняй фамилию на явно русскую, например, Иванов”. — “А можно на русскоукраинскую? — спросил я. — Иванов-Петренко, к примеру”. — “Валяй. На Украине Гершманов тоже полно, — согласился Васильев. — Вот

только Лев Барселонский подозрительный”. — “Но он же не Шкловский, не Могилевский, не Слонимский”, — успокоил я. И дальше развил: “Представь себе русского парня-художника с фамилией Мудянка. И он решил поменять ее на звучную, иностранную: Барселонский. Почему испанскую? Да просто нравились ему ее живописцы: Веласкес, Эль Греко”. Васильев согласился на Барселонского. Это было в 1950 году. Книгу заблокировала цензура на целых 14 лет. В свет появилась “Тля” только в 1964 году.

Я не ожидал такой бурной, истеричной реакции на обыкновенную книгу о художниках. А тут радиоволны “Голоса Израиля”, Би-би-си и прочих “голосов” заявляют: мол, впервые в СССР издан антисемитский роман... Караул! И следом — дюжина разгромных статей почти во всех центральных газетах. Библиотекам дана негласная команда: роман читателям не выдавать. На меня был навешан ярлык “антисемита” и “фашиста”. А между тем в романе нет слов ни “сионист”, ни “еврей”. В персонажах романа прототипы узнавали себя. Так, матерый сионист Илья Эренбург разразился гневной статьей, которую затем включил в собрание своих сочинений».

На Ивана Михайловича обрушился шквал самой гнусной клеветы. Сионисты книгу скупали и сжигали. Во дворе московской синагоги устроили костер из 2 тыс экземпляров «Тли». Зато среди читателей роман пользовался большим успехом. Шевцов стал одним из самых популярных русских писателей. Выход романа свидетельствовал о том, что и в верхних эшелонах власти есть немало людей, понимающих опасность сионистского подполья. В частности, Шевцова активно поддержал член Политбюро, первый зам. главы правительства Д. С. Полянский, за что и поплатился своей карьерой вместе с другими партийными функционерами, выразившими свои симпатии Шевцову и его роману. Главным же гонителем Шевцова был идеолог партии Суслов.

С тех пор отношение к Шевцову и его роману в общественно-литературных кругах стало своеобразным барометром, определяющим уровень национально-патриотического и гражданского самосознания. Кто-то, пугливо озираясь, пожимал в темных коридорах руку и говорил: «Мысленно мы с вами!» Кто-то поспешил откреститься от знакомства с опасным писателем.

Пример Шевцова показал, что бороться с сионистским подпольем хотя и опасно, но возможно. Имя Шевцова объединило многих русских писателей-патриотов. В середине 60-х Иван Михайлович купил себе дом в 5 км от Троице-Сергиевой лавры в поселке Семхоз. Он посоветовал своим друзьям-единоверцам

поэтам В. Фирсову и И. Кобзеву поселиться рядом с ним. Вслед за ними в Семхоз потянулись и другие известные московские писатели: поэты В. Сорокин, Г. Серебряков, Ф. Чуев, С. Поделков, В. Осинин, С. Куняев, прозаики И. Акулов, А. Иванов, И. Лазутин, А. Блинов, Н. Камбалов, С. Высоцкий, Б. Орлов, критик В. Чалмаев. Всех их объединяли общность взглядов, любовь к родному Отечеству, неприятие сионистского засилья и диктата еврейских писателей в творческих союзах СССР вообще и в Московской организации, состоявшей в ту пору на 86% из иудеев, в частности. Подмосковный поселок Переделкино был вотчиной преимущественно еврейских писателей.

Группа «радонежцев» считалась неформальной писательской организацией, о которой вскоре заговорили в литературных кругах. Даже радиостанция Би-би-си в одной из своих передач объявила, что «черносотенец Шевцов создал под Загорском в поселке Семхоз анти-Переделкино». Для русской молодежи писательский поселок стал местом паломничества. Я, в частности, ездил к И. Кобзеву и Г. Серебрякову. Несколько раз мы приезжали сюда, гуляли в окрестностях Абрамцева, а потом шли в Семхоз. Позднее, собираясь пораньше, мы сначала ехали в Троице-Сергиеву лавру, а затем бродили по «Радонежью».

К концу 60-х годов я и мои друзья окончательно духовно определились. Нашим последним университетом и национальным клубом стало Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). созданное в 1966-м в ожесточенной борьбе с либерально-еврейским подпольем (объявлявшем его антисоветской организацией), ВООПИК включило в свое руководство почти всех главных кумиров русской молодежи — Глазунова, Солоухина, Корина, Леонова, Барановского.

ВООПИК стало, с одной стороны, центром спасения и реставрации русского культурного наследия, с другой — мощным рупором его пропаганды. Первоначально центральный ВООПИК разместился в Высокопетровском монастыре. Энтузиасты общества организуют многочисленные лекции по истории русской архитектуры, живописи, литературы. При обществе создается секция по шефству над памятниками русской культуры, ее члены регулярно по воскресным дням собираются для безвозмездной помощи на реставрацию конкретных памятников. После тяжелого физического труда с лопатами и носилками организуется чаепитие, во время которого обсуждаются разные проблемы — от современного положения страны до «Протоколов сионских мудрецов». Для многих молодых людей ВООПИК становится национальным клубом, где, может быть, впервые за

годы советской власти свободно обсуждались ранее запретные темы. Здесь можно было получить редкую национальную литературу, например произведения славянофилов, а также антисионистские издания. Именно здесь мне впервые дали почитать книги Дикого «Евреи в России и СССР» и Селянинова «Тайная сила масонства». Здесь же ходили отпечатанные на машинке списки членов первого советского правительства, очерк о еврейском происхождении Ленина. Знакомства, завязанные в ВООПИК, нередко перерастали в дружбу. После некоторых мероприятий в Обществе мы шли к кому-нибудь домой и беседовали там допоздна.

Высшим воплощением национального клуба в рамках ВООПИК был созданный в 1968-м под крышей секции по комплексному изучению русской истории и культуры «Русский клуб». Название было неофициальным, протоколов и записей заседаний его не велось. В работе этого клуба я лично, по молодости, участия не принимал, но был много о нем наслышан. В этом клубе впервые за многие годы начинают обсуждаться животрепещущие вопросы формирования и развития русской культуры и духовности. В национальный оборот снова включаются ранее запрещенные даже к упоминанию имена выдающихся русских деятелей и мыслителей прошлого: Данилевского, Каткова, Розанова, Леонтьева, Победоносцева, Иоанна Кронштадтского и Серафима Саровского. «Русский клуб» возглавляли писатель Д. А. Жуков (председатель), историк с. Н. Семанов и П. В. Палиевский (заместители), а от аппарата ВООПИК его курировал И. А. Белоконь. В течение нескольких лет клуб был центром формирования и развития русской патриотической мысли. Лучшие умы России пытаются осмыслить причины трагедии, постигшей Отечество. Клуб собирался в Высокопетровском монастыре в Москве. На его заседаниях, кроме уже перечисленных выше деятелей ВООПИК и участников конференции в Новгороде, активно работали: В. А. Чивилихин, В. А. Чалмаев, В. В. Сорокин, И. И. Кобзев, И. С. Глазунов, Ю. Л. Прокушев, Г. В. Серебряков, с. Г. Котенко, И. А. Кольченко, О. Н. Михайлов, Н. М. Сергованцев, А. И. Байгушев, О. И. Журин, В. А. Виноградов, М. П. Кудрявцев, В. Д. Захарченко, Л. П. Кабальчик, Н. А. Сверчков, З. А. Ткачик, А. П. Ланщиков, Е. И. Осетров, А. В. Никонов, С. Ю. Куняев.

«Организационно, — писал один из членов «Русского клуба» А. И. Байгушев, — мы приняли церковную структуру. Монастырь, Петровка, 28, был у нас чистилищем. Здесь был как бы открытый храм, и сюда свободно в любой день, в любой час могли зайти на постоянную службу, т.е. на любое мероприятие, любой

творческий вечер, русские миряне. Здесь мы приглядывались в новым лицам, отбирали, кого какими интересами привлечь, а кого постараться под тем или иным предлогом “отшить”. Постоянные и проверенные (в общении, в “соблазнах”, мы не гнушались и анкетой) попадали под негласный статус “оглашенных”. Их мы уже сами начинали настойчиво приглашать на русские мероприятия, давали несложные, больше для проверки, просветительные поручения. Из “оглашенных” лучшие попадали в “верные” и уже могли посещать наши “русские вторники”, на которых шла основная духовно-строительная работа. Здесь поочередно каждым из наиболее активных членов “Русского клуба” делался доклад на предложенную им самим русскую тему».

«Мы, — сообщает тот же член клуба, — не решались начинать хотя бы закрытые собрания “Русского клуба” с молитвы. Хотя священники появлялись рядом с нами на наших светских собраниях впервые не замаскированно, не стыдливо, а гордо, в облачении и при регалиях, но нам только еще предстояло вернуть самим себе собственное русское достоинство, чтобы не дрожать перед иудо-атеистами, а гордо осенять себя на людях нашим православным крестом. Однако “безмолвие” (исихазм) и благородный “византизм” сразу стали духовными знаменами “Русского клуба”. В. Д. Иванов, знаменитый исторический писатель, автор “Руси изначальной” и “Руси Великой”, с первых же шагов “Великорусского монастыря” стал его иереем. После многих лет преследования и травли он с особенным жаром отдавался клубу, найдя здесь самую благородную, затаив дыхание слушающую его, аудиторию. И то же надо сказать об О. В. Волкове, не сломленном многолетним ГУЛАГом публицисте, дворянине самых высоких кровей, вдруг радостно увидевшем, что Россия еще жива, что идет молодая здоровая смена, в которой не убит масонским интернационализмом православный русский дух».

Несмотря на возвышенный «византизм» и внешне почти церковные формы организации «Русского клуба», большинство его членов оставались практически неверующими и невоцерковленными людьми, хотя все они осознавали огромную созидательную и жертвенную роль Православной Церкви в русской истории и культуре. Осуждая еврейский большевизм за геноцид русского народа, они вместе с тем не смешивали его с русским государственным направлением, которое придал коммунистической власти И. В. Сталин. Более того, некоторые члены клуба были горячими почитателями этого великого человека. Положительный опыт Сталинских национальных

реформ 1940-х — начала 1950-х, остановленных космополитическим режимом Хрущева, подталкивал их к абсурдной мысли о возможности соединения большевизма с Православием (С. Н. Семанов), или, как иначе выражались Г. М. Шиманов и М. Ф. Антонов, «соединения Нила Сорского и Ленина», Православия с ленинизмом. Конечно, такие мысли могли возникнуть только в атеистическом сознании. По мере его изживания и воцерковления взгляды «национал-коммунистов» менялись в сторону традиционной русской идеологии.

Деятельность ВООПИК как национального клуба внесла большой вклад в возрождение национального сознания и в воспитание сотен, а может быть, даже тысяч русских людей в духе любви к традиционным русским ценностям Отечества и в беззаветном служении им.

Естественно, все это очень беспокоило сионистское подполье и связанные с ним структуры КГБ СССР. Сегодня мне достоверно известно от бывших работников КГБ, что в ВООПИК были внедрены десятки информаторов и агентов влияния. Делалась попытка превратить эту организацию из патриотической в космополитическую и формально-бюрократическую. Отчасти антирусским силам добиться этого удалось. Работой по разложению ВООПИК как патриотической организации начал заниматься еще в составе Второго главка КГБ (контрразведка) начальник отдела подполковник Бобков, тесно связанный с антирусскими, сионистскими элементами. Впоследствии он возглавил Пятое управление КГБ, главной задачей которого стала борьба с русским национальным движением. В борьбе с ВООПИК Бобков потерпел полное фиаско. Подавляющая часть агентов, с помощью которых он рассчитывал разложить ВООПИК, прониклись патриотическими взглядами и отказались проводить антирусскую работу[9], к оставшимся же в ВООПИК относились как к прокаженным. Позорная судьба Бобкова известна всем — в конце 80-х годов он открыто перешел на службу еврейскому капиталу[10], верным цепным псом которого был всегда.

ГЛАВА 6

УЧЕБА В КООПЕРАТИВНОМ ИНСТИТУТЕ - ДРУЗЬЯ-НАСТАВНИКИ - НАУКА, ИСТОРИЯ И ПАТРИОТИЗМ - НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ - КНИГИ И РОМАНТИЧЕСКИЕ УВЛЕЧЕНИЯ

Увлечение историей, многочисленные встречи и походы с друзьями, довольно беспорядочный образ жизни вырвали меня из обычной колеи. В начале 1968 года мои сверстники уже готовились к поступлению в институт, а я еще оставался с аттестатом об окончании восьми классов. Вечернюю школу я фактически забросил. Мама была в отчаянии. Помог случай. У одного из наших соседей я узнал, что недалеко от нашего дома работает школа, при которой существуют курсы по сдаче экзаменов за десятилетку экстерном. Однако туда принимали только взрослых, не моложе 25 лет. Я пошел к директору этих курсов, объяснил ему свою ситуацию, рассказал о своем увлечении историей и нашел в нем единомышленника-патриота. Директор посоветовал мне заручиться письмом от руководства организации, в которой я работал, чтобы мне «в порядке исключения» позволили поступить на эти курсы и сдать экзамены экстерном. Отец легко подписал это письмо, а директор получил разрешение РОНО. На курсы я попал уже перед самыми экзаменами, а в июле месяце успешно их сдал. Тем не менее отнести документы для поступления в Историко-архивный институт я не успел. Прием был уже закончен. Выручила моя «палочка-выручалочка» по жизни — сестра отца тетя Марина. Она договорилась, чтобы мои документы приняли в Московский кооперативный институт на экономическое отделение. «Сдавай экзамены сюда, — сказала она мне, — а потом мы договоримся о твоем переводе в Историко-архивный».

В институт я поступил, а дальше все получилось иначе. В сентябре первокурсников отправили почти на месяц на картошку в подшефный совхоз, где я познакомился с людьми, значительно повлиявшими на мою дальнейшую жизнь. Это были доценты кафедры политической экономии Андрей Тихонович Миндаров и Владимир Александрович Ерпылев. Они были направлены сопровождать студентов. Миндарова и Ерпылева объединяли патриотизм, любовь к своему делу, редкая эрудированность в экономических и исторических вопросах и слава людей, попавших в опалу. И тот и другой за свои патриотические убеждения были уволены — один из Института международных отношений

(МГИМО), другой из Московского университета. Миндаров к тому же до 1955 года служил консультантом в аппарате тогдашнего Председателя Совета министров СССР Маленкова. Как позднее я понял из их рассказов, оба они «пострадали от жидов». Оба стали для меня настоящим кладезем знаний. Узнав о моих исторических увлечениях, они прониклись ко мне симпатией и охотно удовлетворяли мою любовь к знаниям. Андрей Тихонович был спокойным, рассудительным, тщательно взвешивал каждое свое слово, Владимир Александрович нередко рубил сплеча, мог быть резок, в спорах зачастую слов не выбирал. Но в главном оба они были единомышленниками и взаимно дополняли друг друга. Они сильно переживали, что в центральных органах власти работает «много мерзавцев, настроенных в пользу Запада». Миндарову в 1954—1956 годах приходилось сталкиваться с А. Н. Яковлевым, в то время работником аппарата ЦК КПСС. Это редкий карьерист, применявший для достижений своих целей самые грязные методы — распространение лживых слухов для дискредитации конкурентов и главное — донос. В то время я еще мало знал о нравах в высших эшелонах власти.

Андрей Тихонович рассказал мне историю, в то время обсуждаемую всей патриотической Москвой, о том, как Яковлев написал донос в Политбюро на главного редактора журнала «Огонек» Сафонова, занимавшего патриотические позиции. В доносе Яковлев информировал начальство, что Сафонов является великодержавным шовинистом, его отец был городовым и убит революционерами. «Можно ли, — спрашивал он, — такому человеку доверять партийный журнал?» В доносе было много других гнусных подробностей, которые возмутили даже непритязательных начальников Яковлева. Один из них, по слухам, сказал доносчику: «Стучать надо умно». «А что же, Яковлева за эту подлость не уволили из ЦК?» — спросил я. — «Нет».

Более того, доносчик понравился Суслову, который стал двигать его по служебной лестнице». Работая в МГИМО, Миндаров некоторое время готовил материалы для группы консультантов генсека ЦК КПСС, возглавляемой Бурлацким, однако вскоре, поняв их проеврейские, прозападные позиции, отошел от них. «Группа Бурлацкого, — рассказывал Андрей Тихонович, — состояла либо из евреев, настроенных сионистски (Арбатов и Иноземцев), либо из тех, кто был женат на еврейках (Бовин)». Именно эта группа поссорила СССР с Китаем, разрушив единый политический фронт двух великих стран. В группе Бурлацкого было составлено печально известное «Открытое письмо ЦК КПСС» китайскому руководству, в котором, по сути

дела, Китаю объявлялась холодная война. Разрыв с Китаем, а впоследствии и с Албанией, объяснял мне Мин-даров, резко ухудшил международное геополитическое положение СССР. Морские и воздушные коммуникации Китая и Албании имели большое стратегическое значение для развития обороны нашей страны. Кроме того, единое союзническое пространство обеспечивало эффективный общий фронт, противостоящий западному экспансионизму и агрессии. В результате СССР не только ослабил свои мировые позиции, но и получил по всей советско-китайской границе постоянный очаг напряженности. Все это отвлекало силы СССР и позволило США начать осенью 1954 года агрессию против Вьетнама и не особенно стесняться в провокационных действиях против Кубы, северной Кореи, ГДР, а также государств Ближнего Востока. Деятели из группы Бурлацкого, рассказывал мне Миндаров, были настроены космополитически. Их «культурными кумирами» являлись Е. Евтушенко, Б. Окуджава, Ю. Любимов и подобные им еврейские деятели, с которыми они были связаны длительными личными отношениями. Абсолютно далекие от понимания национальных интересов России, более того, даже враждебные к ним, советники-космополиты рассматривали нашу Родину как обочину европейской цивилизации, давая своим хозяевам советы, многие из которых носили антирусский характер. Маскируя свою антигосударственную деятельность привычной марксистской фразеологией, эти партийные советники постепенно подталкивали политическое руководство страны к принятию решений, ставших первыми шагами на пути подрыва международного положения СССР и его политической стабильности. склоняя окружение Брежнева к умалению значения русского народа и его культуры, консультанты группы Бурлацкого одновременно ориентировали СССР на уступки западным странам, лишая страну главного стратегического союзника — Китая.

Доверительные, почти дружеские отношения (насколько они возможны у студента с преподавателем), установившиеся у меня с Миндаровым и Ерпылевым, позволили мне получать систематические, достаточно серьезные знания, которые я в то время обычным путем никогда иметь бы не смог. Именно они дали мне правильное, грамотное понимание еврейского вопроса. Главное, что ни тот, ни другой не сводили его к вопросу сугубо национальному, почитая делом идеологическим. В столкновении русских с евреями Миндаров и Ерпылев видели прежде всего не столкновение «крови», а столкновение диаметрально противоположных мировоззрений, взглядов на жизнь. Миндаров

стоял на почти христианской позиции, близкой той, которую впоследствии отстаивал мой главный наставник митрополит Иоанн, — русских и евреев разделяет вера, отступиться от которой для каждой стороны невозможно. Православие — вера настоящая и единственная, жизнь русского. Талмуд с иудейским избранничеством и жизненным принципом «бери от жизни все, не дай себе засохнуть» — настоящая жизнь еврея. Для русского главная часть жизни в сфере духовной, для еврея — в материальной. Это не означает, конечно, что русскому не нужно материального, а еврею — духовного. И Миндаров, и Ерпылев считали, что начиная со второй половины XIX века избраннические амбиции еврейских группировок сыграли трагическую роль в судьбе Русского государства. Опуская рассказанные мне подробности участия евреев в революции 1917 года, сейчас известные всем, хочется вспомнить их рассказы (впрочем, рассказывал об этом главным образом Миндаров) о попытке евреев создать свою республику в Крыму. Это событие они считали «мировым еврейским заговором», так как в этой попытке кроме советских евреев участвовали международные еврейские финансовые круги. По данным, которыми располагал Миндаров, история создания этой республики уходит корнями в первые годы советской власти. Сама идея принадлежала Троцкому, Каменеву и Зиновьеву, которые согласовали ее с международными сионистскими кругами[11]. Об этом совершенно секретном соглашении ходили фантастические слухи в кулуарах ЦК, рассказывали, что Троцкий под этот проект получил большие деньги от сионистов. В начале 20-х для реализации этого проекта в Крым были переселены несколько сот еврейских переселенцев. Однако тогда это дело по разным причинам не удалось. В очередной раз к нему возвратились после войны. Международные сионистские организации снова предлагали деньги в обмен на еврейскую республику, но в этот раз они имели дело не с Троцким, а со Сталиным. В конце 1947 года группа ведущих советских сионистов во главе с Михоэлсом и Фефером была приглашена для беседы к Молотову и Кагановичу. На этом заседании Каганович и Молотов предложили Еврейскому антифашистскому комитету составить письмо на имя Сталина с просьбой передать Крым для образования еврейской республики. Письмо было составлено, и его предложили подписать многим еврейским деятелям.

Однако среди руководителей еврейских националистов возникли серьезные разногласия по этому вопросу. Так, один из самых влиятельных лидеров сионистского движения П. Маркиш составил другое письмо, в котором предлагал передать евреям

земли бывшей республики немцев Поволжья с центром в городе Энгельс. Такой акт, писал Маркиш, явился бы актом «величайшей исторической справедливости» — «после всего того, что немецкий народ причинил еврейскому народу». Однако предложение Маркиша не было поддержано, и Сталину было передано письмо с ходатайством о Крыме.

Слепое стремление сионистских деятелей любой ценой собрать евреев в Крыму в ущерб другим народам вызвало раздраженную реакцию Сталина, который справедливо расценил поведение сионистских деятелей как международный еврейский заговор. В январе 1948-го был казнен Михоэлс, позднее арестовали жену Молотова. Доверия Сталина лишились Молотов и Каганович. Заговор сионистов сильно дестабилизировал политическое положение в СССР и сыграл роковую роль в жизни Сталина. Миндаров утверждал, что стремление создать еврейскую республику в Крыму международные сионистские деятели не оставляли и после прихода к власти Хрущева и Маленкова. Сионисты настаивали на выполнении соглашения, заключенного от имени советского правительства Троцким. Они требовали либо создания еврейской республики в Крыму, либо возвращения денег, выделенных ими под этот проект советскому правительству в 20-е годы. Передача в 1954-м Крыма из состава ССОР в состав УССР, по мнению Миндарова, была неуклюжей попыткой советских властей закрыть вопрос об обязательствах перед международными сионистскими организациями о переселении в Крым евреев. Так как договор был заключен от имени РСФСР, УССР по прежним обязательствам РСФСР формально не отвечала.

Общение с Миндаровым и Ерпылевым во время учебы в Кооперативном институте стало для меня особым научным курсом. По их рекомендации я прочитал большое количество экономической литературы, к концу учебы приготовил несколько научных работ по политэкономии и экономической истории, получивших одобрение с их стороны.

Однажды где-то в 1969-м или 1970-м Андрей Тихонович под строгим секретом познакомил меня с отдельными номерами так называемого «Политического дневника», циркулировавшего в еврейскокосмополитической части советской интеллигенции. Отпечатанный на машинке, он содержал сведения, полученные по каналам зарубежных радиоголосов и американского посольства. Акценты в нем расставлялись чисто сионистские. В «Политическом дневнике» поддерживалась борьба «правозащитников» вроде Даниэля и Синявского, в деятельности советского правительства разоблачались «козни Сталинистов».

Зато полностью отсутствовало все то, что действительно могло волновать русских людей, — преследование православных священников и верующих, закрытие и снос церквей, катастрофическое положение национальных памятников и святынь. Миндаров получал этот «Дневник» от сотрудника журнала «Коммунист» Е. Фролова. По его словам, антирусский по своему характеру пропагандистский листок выпускался Роем Медведевым, а материалы ему поставляли Ф. Бурлацкий, Л. Карпинский, Э. Генри и ряд других очень важных лиц, близких ЦК КПСС. Имен их он тогда не назвал. И уже потом, через много лет, мне удалось узнать, что среди поставщиков информации и разных деятелей, связанных с «Политическим дневником», были такие известные русофобы, как Г. Арбатов, А. Бовин, Е. Гинзбург, В. Лакшин, О. Лацис, Ю. Любимов, Ю. Черниченко и Г. Шахназаров. Все эти люди еще тогда были связаны незримыми нитями с американским посольством, а значит, и ЦРУ, ибо по «этике» Госдепартамента США все контакты с советскими гражданами должны были контролироваться этой службой, по крупицам собиравшей сведения о внутренней жизни всех причастных к советскому правящему слою. Лица, причастные к созданию «Политического дневника», стали первым контингентом для подготовки агентов влияния в политическом руководстве СССР — прежде всего это касается Арбатова, Бовина и Шахназарова, ставших со временем ближайшими советниками генсеков ЦК КПСС — Брежнева, Андропова, Горбачева.

Помню, в одном из старых номеров «Политического дневника» (за 1966-й), принесенном мне Миндаровым, было письмо к Брежневу ряда еврейских и космополитических деятелей с призывами «не допустить возвращения к Сталинизму». В подтексте письма явно чувствовалась ностальгия о том досталинском времени, когда еврейские большевики полностью контролировали власть. Подписантов меньше всего волновали невинные жертвы того времени, чувствовалось их откровенное желание вернуться в тот «золотой век» еврейских большевиков и вновь установить свою власть по законам Талмуда.

Тогда меня удивило, что среди подписей разных еврейских и космополитических деятелей стояло имя русского художника Павла Корина, далекого от этой воинственной антирусской среды. Андрей Тихонович объяснил мне, что подпись от тяжело больного (вскоре он умер) русского художника была получена автором письма Э. Генри обманом. Последнего мой учитель характеризовал как «хитрого, воинствующего сиониста, служившего одновременно и в КГБ, и в ЦРУ». Андрей Тихонович, хорошо знавший Генри, рассказывал о нем как о подлейшей

личности. Когда в 1969-м стал публиковаться в журнале «Октябрь» роман В. А. Кочетова «Чего же ты хочешь?» о подготовке западными спецслужбами агентов влияния среди еврейских кругов советской интеллигенции, многие угадывали в одном из персонажей черты Э. Генри. Да и сам прототип узнал себя, и рассказывали, что был взбешен. Осенью 1969-го он написал донос на Кочетова в КГБ и ЦК КПСС, в котором обвинил писателя в антисемитизме, а также организовал коллективное письмо «советской интеллигенции» против публикации романа «Чего же ты хочешь?» отдельной книгой. В нашем институте роман пользовался популярностью. В библиотеке института на прочтение его в журнальном варианте выстроилась очередь в несколько десятков человек.

Учился в институте я легко и с удовольствием. Освоение основных предметов не составляло для меня труда, три четверти времени я тратил на самообразование и свои увлечения. с помощью Миндарова я составил план проработки научной и художественной литературы, которая не входила в программу института. В список вошли более 50 авторов, представлявших лучшие образцы русской и зарубежной философии, экономики и литературы.

В части философии, например, сюда вошли Платон, Аристотель, Плотин, Бэкон, Гельвеций, Кант, Гегель, Фейербах, Ницше, Шопенгауэр, Кьеркегор, Камю, Ломоносов, Болотов, И. Киреевский, Хомяков, Аксаков, Н. Я. Данилевский, Соловьев.

В части экономики в план входили А. Смит, Д. Рикардо, Пети, Родбертус, труды И. Т Посошкова, Н. А. Карышева, А. Чупрова, А. Н. Энгельгардта, В. П. Воронцова, И. И. Каблица, Н. В. Калачева. Особенно меня увлекли труды, относящиеся к истории русской общины и артели.

Для общего развития Андрей Тихонович советовал мне читать как можно больше художественной литературы — от античности и Средневековья до наших дней, что я с удовольствием и делал. Я записался сразу же в несколько библиотек. Особенно мне нравилось заниматься в Исторической библиотеке недалеко от Ивановского монастыря, а также в библиотеке Дома политического просвещения МГК КПСС на Малой Дмитровке. Последняя находилась в здании бывшего Купеческого клуба и включала фонды его библиотеки. Работать в ней было спокойнее, чем в Исторической библиотеке. Именно здесь написаны мои первые научные работы.

В то время в библиотеках СССР было легче получить труд западных философов, чем христианскую литературу, которая выдавалась только по специальному разрешению. Для того чтобы

прочитать Библию, я должен был идти к ректору с просьбой подписать письмо-ходатайство на выдачу мне священной книги. Зато без всяких проблем выдавались труды философов антихристианского направления, например, Ницше, Шопенгауэра, Гартмана, Фрейда.

Достать нужную книгу было нелегко — только через букинистов и книжных маклеров. Букинистические магазины 60-70-х годов — особый мир, клубы по интересам. У каждого книжника завязывались свои знакомства с букинистами. У меня был Николай Николаевич из магазина в Столешниковом переулке. Он любил выпить, но дело свое знал. С его помощью я подбирал редкие тогда книги Соловьева, Хомякова, Данилевского, а главное, «Русский биографический словарь» в 25 томах, «Московский некрополь» и путеводитель по русским монастырям Павловского.

В проезде Художественного театра существовал магазин «Пушкинская лавка», в нем управлял Семен Израилевич, воинствующий сионист и русофоб. Он почти демонстративно не принимал книги русского направления. Зато у него можно было приобрести книги западных философов. Меня он знал и не любил. Вокруг него постоянно крутились еврейские маклеры, скупавшие у него редкие книги для перепродажи.

От общественной деятельности в ВООПИК я отошел, хотя время от времени со старыми приятелями ездил на экскурсии по разным достопамятным местам, монастырям и усадьбам. Страсть к знаниям, науке, исследованиям начинала занимать главное место в моей жизни. По-настоящему с этой страстью могла соперничать моя любовь к книгам. Большую часть своей стипендии я тратил на книги. Помню, своей первой стипендией распорядился так — пошел с девушкой в кафе «Метелица» на Новом Арбате, где выпили шампанского за успешное окончание сессии, а потом прошлись по букинистическим магазинам, в одном из которых я купил собрание сочинений Шиллера в издании «Академия» и двухтомник сочинений Адама Смита. Эти книги составили начало моей личной библиотеки. Гуляя по книжным магазинам, мы не забывали целоваться.

Мои студенческие подружки Таня, Нина, Маша, Вера, Оля — особая часть институтской жизни. Перебирая письма, записочки, присланные на лекции стихи в запечатанном конвертике, возвращаюсь к чувствам наполненности жизни и свойственному тем годам ощущению ее бесконечности и животной радости. Так уж получилось, что все мои подружки студенческой поры были не москвички. Я им очень благодарен, они много открыли для меня в понимании сложности человеческих отношений. Они несли в

себе то, что почти невозможно было найти в Москве. От этих встреч осталось чувство свежести и чистоты. Почти все они хотели продолжения нашей нежной дружбы, а я, не понимая, как ранил их, словно мотылек летел вперед, не оглядываясь. Тем не менее я считал, что эти встречи обогащают нас взаимно искренностью чувств, хотя, с моей стороны, и поверхностных. С позиции сегодняшней понимаю, что вел себя как язычник. Так меня в шутку однажды назвала бабушка Поля, удивлявшаяся, как я, еще вчера восхищавшийся Ниной, сегодня гулял с Машей. Некоторые романтические встречи побудили меня заняться «стихотворством». С Машей и Олей я на лекциях переписывался в стихах. Сочинял в духе Есенина. Одно время очень увлекся и даже занялся переводом на русский язык любовной лирики Байрона. Целый пласт поэтических увлечений у меня был связан с переводом стихов Уолта Уитмена. Верхом моего поэтического «творчества» стал перевод поэмы Стивенсона «Вересковое пиво»:

Давным-давно из вереска
Варили горцы пиво,
Забористое здорово
И сладкое на диво.

В первые студенческие годы учебы в институте я еще поддерживал отношения со старыми друзьями, но постепенно наши дороги разошлись. В институте складывались новые знакомства. В конце третьего курса у меня появился новый друг Саша Матвеев из Сергиева Посада. Наши взгляды на жизнь были близки. Как и я, он много читал, интересовался русской историей. У него был особый покровитель — одинокий, чудаковатый старик-историк Пылаев, рекомендовавший нам равняться на Суворова, которого он считал образцовым русским человеком. Другим его кумиром был издатель «Русского архива» славянофил Петр Иванович Бартенев. В своих лекциях Пылаев старался не упоминать евреев, а если упоминал, то недружелюбно, особенно Троцкого, Зиновьева, Каменева. Из его уст на лекции я впервые услышал слово «жид». Однажды он зачитал отрывок из воспоминаний большевика А. В. Воронского, рассказывавшего о своем знакомстве с Бартеневым. Этот троцкист, комментировал Пылаев, пришел к Бартеневу с желанием продать ему сомнительные книги. Познакомившись с ними, Бартенев отодвинул их от себя.

«— Жиды, сударь, жиды! Не могу подписаться, не буду. Не надо мне жидовских книг.

Я заметил, что названные мной историки не жиды, евреи же

— культурнейшая нация. Старик поднял ладонь, как бы отгораживаясь от меня, с силой перебил:

— Жиды-с! О культуре расскажу вам, молодой человек, поучительную историю. Подобно вам одна дама наслушалась речей о культуре. Куда ни придет, сейчас: культура, культура. Ее и спросили однажды, что такое культура. “Это, — ответила дама, — зверок такой, на крысу похож”. Культуру-то культурнейшая дама с крысой смешала.

Обескураженный, я сказал Бартеневу:

— У меня есть отзывы газет и журналов о книгах, которые я вам предлагаю. Они все похвальные.

Бартенев заерзал на кресле, наклонился ко мне, сжал еще крепче рукою костыль.

— Все ваши газеты жидовские.

Забыв о цели своего прихода, я промолвил:

— Есть разные газеты. Вероятно, вы не считаете жидовскими такие газеты, как “Новое время” или “Русское знамя”.

Старик нимало не смутился.

— И “Новое время”, и ваше “Русское знамя” тоже жидовские газеты. Не жидовских газет, государь мой, нет и не может быть. От газет пошли на Руси все беды: смута, бунты. Разврат, безобразие, хамство — все от газет ваших. В старину газет не было — жилось лучше. Я газет не читаю и вам заказываю: не оскверняйте рук ваших погаными листками, — дьявольское в них наваждение. Не губите себя, послушайтесь старика».

Зачитав эту цитату похолодевшей от удивления, а может быть и страха, студенческой аудитории, Пылаев громко рассмеялся, а потом то ли с осуждением, то ли с одобрением сказал: «Вот каковы славянофилы» — и резко перешел к другому вопросу. Впрочем, Пылаев недолго забавлял нас своими лекциями подобного рода. Довольно скоро старика отправили на пенсию. Несколько раз мы с Сашей посещали его в маленькой комнате в коммунальной квартире старинного двухэтажного дома прямо напротив Ивановского монастыря. Все его имущество составляли шкафы с книгами, которые он охотно давал нам читать, сопровождая цветистыми комментариями. От него я получил подтверждение еврейского происхождения Ленина, а также всех основных деятелей Октябрьской революции, «которая, — по мнению Пылаева, — создавалась евреями для евреев».

Пылаев не мог спокойно слышать, когда при нем называли имя еврейского большевика академика Исаака Израилевича Минца. «Более бездарного и нахального еврея я не встречал, — горячился Пылаев. — В наше время он фактически монополизировал русскую историческую науку. Местечковый

еврей, в годы Гражданской войны участвовавший в массовых репрессиях русских людей (он был комиссаром, чекистом), скудное образование, никаких данных быть ученым-историком у него не было, при помощи главных еврейских большевиков захватил все ключевые места в советской исторической науке — зав. кафедрой СССР в МГУ и Высшей партийной школе, один из ведущих руководителей Института истории и т.д.»

Минц был учеником и последователем известного историка-русофоба Покровского. Минц, как и его учитель, считал, что крещение Руси было ошибкой, «прогрессивнее, — заявлял он, — было бы принять иудаизм», хорошо было бы, если бы в начале XVII века поляки смогли бы окатоличить Русь, — «опять же это было прогрессивнее для России». По мнению этой когорты историков, в войне 1812 года «русские помещики напали на Наполеона» и вели себя как варвары в отношении цивилизованной нации. С особой ненавистью оба русофоба относились к русским патриотам. «Наука не имеет никаких оснований, — писал Покровский, — проводить резкую черту между “несимпатичным национализмом” и “симпатичным патриотизмом”. Оба они растут на одном корне». В 30-е годы Сталин резко ответил на измышления Покровского, и Минц временно затаился, но подпольно продолжал свою антирусскую деятельность. Незадолго пред смертью Сталин дал достойную отповедь и Минцу, справедливо объявив его главой антипатриотического движения в русской истории. Из небытия обоих историков-русофобов возвратил Хрущев.

Именно Пылаев как-то незаметно подвел нас к мысли (это я понял гораздо позднее), что настоящий русский должен быть не просто православным, но и монархистом. Мы с Сашей к освоению этой мысли не были готовы. Однажды, когда мы пришли к Пылаеву в гости, он под большим секретом дал нам на неделю книжку в мягкой обложке — Серафим (Соболев), «Русская идеология» (София, 1934). Все, что было написано в книжке, стало для меня откровением, но по-настоящему идеи этой книги проросли во мне только к концу 80-х годов.

Русская идеология, писал владыка Серафим, состоит в православной вере и основанной на ней жизни русского человека во всех ее проявлениях. Эта вера была усвоена русским народом с самого момента его крещения как главное правило жизни: самыми любимыми книгами для чтения русских людей, помимо книги живота — Библии, были жития святых (Четьи Минеи). Но особенно о жизненности этой веры свидетельствовали святая иноческая жизнь в монастырях и благочестивая жизнь мирян, о чем говорят бесчисленное множество в России храмов и

церковный быт наших предков, которым они открыто исповедовали свою веру; их великие молитвенные подвиги и в храмах, и у себя дома; их искреннее глубокое покаяние в грехах и чистота их православной веры. Архиепископ отмечает то дивное покровительство и заступничество, которое оказывал Господь русскому народу за его преданность Православной вере и стремление к святости, что суть одно и то же, к жизни, сообразной с этой верой.

Печальная сторона жизни русского народа — его отступление от православной веры, и прежде всего посредством усвоения им протестантизма. Не сразу произошло это отступление, а постепенно, начиная с Ивана III, со времени поступления на русскую службу немцев. Но особенно катастрофичным для России было отступление от православной веры при Петре I, Анне Иоановне и Екатерине II. Этому несчастью содействовали противоцерковные реформы, которыми производилась ломка самой православной веры.

Неверие продолжало стремительно распространяться в России даже и в царствования последующих императоров, покровительственно относившихся к Церкви. Они уже не нашли в себе силы идти против всего русского интеллигентного общества, которое настолько удалилось от Церкви, что следовало не ее учению, а учению богоборческого гуманизма, давшего русским людям авторитет научности вместо Божественного церковного авторитета. Общество русское глубоко и сознательно стало воспринимать толстовское и социалистическое учения, яд которых почти беспрепятственно разливался по всей Русской земле.

Раскрыв масштабы катастрофы, в которую повергло русский народ отступление от Православия, архиепископ серафим делает вывод, что для спасения и возрождения России необходимо всем русским людям вернуться к этой вере, отвергнуть все еретические и богоборческие учения и положить в основу своей жизни учение Православной Церкви и все ее уставы. Русские должны иметь веру аскетическую, живую, которая сопровождается всеми христианскими добродетелями; а вместе с тем — свято блюсти чистоту ее во всей апостольской непорочности, чуждой всяких еретических учений. За это Господь пошлет им, как посылал их предкам, внутреннюю перерождающую благодать Св. Духа, как Царство Божие в его дивных, благодатных проявлениях правды, мира и радости. К стяжанию этой благодати русские люди должны стремиться прежде всего как к своему небесному счастью, как к высшей цели своей жизни.

Русские должны тщательно хранить свою православную веру

от смешения с инославными исповеданиями, и в частности католическим и лютеранским. Благодать св. Духа, как внутренняя перерождающая сила, может быть только в Православной Церкви.

Истинная православная и духовная жизнь начинается смирением, им развивается и доходит до совершенства потому, что только через него Господь посылает людям благодать св. Духа, эту божественную силу, без которой человек, по слову Христа, ничего доброго не может совершать.

Русские люди должны покаяться за тяжкий грех бунтарства против самодержавной царской власти. Восстановление этой власти является основой будущего возрождения России. Никакая другая форма государственного правления не приемлема для России, ибо несообразна с православной верой и на ней не основана.

Архиепископ серафим указывает, что к учению священного Писания о царской власти нужно отнести и учение об отношении к Царю со стороны его подданных. Это отношение определяется, по свидетельству Откровения, двумя Божественными заповедями. Бог, во-первых, повелевает: не прикасаться к Его Помазанникам и, во-вторых, оказывать почитание Царю через наши молитвы о нем и повиновение ему. Эта Божественная заповедь нарушается и через ограничение самодержавной власти Царя, чего русские люди требовали с неистовством из-за рабского, слепого подражания европейским народам. Требование этого ограничения также способствовало гибели России.

К страшным последствиям ведет посягательство на Помазанника Божия, низвержение подданными своего Царя. Тут нарушение Божественной заповеди достигает по своей преступности самой высокой степени и влечет за собой гибель государства. Именно такое посягательство на Помазанника Божия было допущено русскими людьми, «поэтому мы во всей полноте знаем гибельность и для себя, и для России отвержения людьми данной Божественной заповеди».

Республиканская, как и конституционная, форма правления — не является Богоустановленною властью, самое их бытие начинается с ее отрицания. Св. Церковь не может закрыть глаза на такое отсутствие религиозной основы в том и другом демократическом образе правления, поэтому русские не могут желать его введения в будущей России. Демократический строй не соответствует религиозно-нравственному идеалу русского народа. Этот идеал состоит в устремленности русских людей к святости или единению с Христом через Православную веру, любовь и прочие христианские добродетели. Но этот идеал русского народа совершенно чужд республиканской или

конституционной форме правления. Демократическое государство управляется не этическими, а юридическими нормами. Зато монархия в России как нельзя лучше соответствовала русской идеологии. Само назначение монарха — быть представителем идеала русского народа и направлять свою государственную деятельность сообразно с этим идеалом. Являясь первым и верным сыном Церкви, Царь был и покровителем русского народа в удовлетворении его высших религиозных потребностей, был для него олицетворением высшей милости и отеческой любви во всех сферах жизни.

Знакомство с книгой владыки Серафима оставило во мне глубокий след, но не смогло разломать лед советского, хотя и патриотического, воспитания. Многие мысли из этой книги казались мне прекраснодушной утопией, воспеванием того, что вернуть уже невозможно.

На последнем курсе к моим прежним пристрастиям прибавилось и увлечение американским поэтом Уолтом Уитменом. Моя любовь к нему началась с занятий английским языком. За институтские годы я научился читать историческую английскую литературу, переводил стихи английских и американских поэтов. Уитмен привлек меня широтой взглядов и непосредственным, радостным восприятием жизни. Его книга «Листья травы» на некоторое время стала для меня настольной. Уитмен протестовал против попыток евреев провозглашать себя «избранным народом». «Нет ни лучших, ни худших, никакой иерархии народов!» В Америке, оплодотворенной духом Талмуда, поэт выступал против стяжательства и культа денег, провозглашал стремление к вечным духовным ценностям. Однако со временем не вполне христианская риторика Уитмена большей частью разочаровала меня.

В начале 70-х годов общество постепенно, но почти незаметно раскалывалось — на патриотическую и космополитическую части. Многие этого еще не замечали. Знаменем такого раскола стали А. Д. Сахаров и Е. Г. Боннэр, постоянно рекламируемые враждебными СССР радиостанциями «Голос Америки» и «Свобода». Безудержное восхваление Сахаровым и Боннэр западной политической системы и тенденциозная критика советского режима, финансируемая ЦРУ, сыграли большую роль в холодной войне Запада против России. Бывший ученый-физик и его жена, дочь оголтелых еврейских коммунистов, заняли ведущее место среди других еврейско-советских общественных деятелей и диссидентов антирусского толка, став своего рода символом противостояния историческим ценностям России, орудием борьбы за ее расчленение и

унижение.

В 1968 году Сахаров публикует на Западе статью «Размышление о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», в которой формулировались западнические, космополитические основы противостояния советскому режиму, что на самом деле было противостоянием России, которую этот диссидент не знал и не любил, считая рабской страной.

Мысли и предложения Сахарова представляли собой банальные, отвлеченные рассуждения математика, оперировавшего законами формальной логики.

Они не вносили ничего нового и почти во всем были абсолютно чужды (и даже враждебны) национальным интересам России, требованиям назревшей национальной реформы.

Западные радиоголоса на средства спецслужб создавали из поверхностных рассуждений Сахарова нечто «значительное и важное для СССР». Большей части русских людей, не только КГБ, был ясен подрывной характер, который носили мероприятия Запада, связанные с именем Сахарова. Однако официальные советские власти вместо того чтобы гласно и широко разоблачать этих демагогов, ограничивались большей частью замалчиванием их антирусских выходок. На этом фоне важно отметить патриотическую позицию Миндарова, который после обнародования западными радиостанциями Сахаровского «Размышления» подробно разбирал на лекциях это демагогическое сочинение, показывая, кому будут выгодны предлагаемые Сахаровым реформы. Проанализировав пункт за пунктом «программу» Сахарова, изложенную в упомянутом выше сочинении и других его статьях, Миндаров делал вывод, что предлагаемые реформы принесут пользу только «избранному меньшинству», ориентированному на западную систему ценностей. «Для чего, — спрашивал Миндаров, — Сахаров требует отмены в паспорте графы “национальность”? Неужели это требование может относиться к первоочередным задачам русского народа? Кому выгодно скрывать свою национальность?»

Характерным эпизодом идейной борьбы конца 60-х — начала 70-х годов был шумный скандал, устроенный сионистами по поводу статьи «Глухота» поэта И. Лысцова, напечатанной в московской областной газете «Ленинское знамя» в марте 1969 года. Суть ее состояла в том, что Лысцов показал поэтическую глухоту и бездарность многих авторов альманаха «День поэзии 1968 года». Русских поэтов от участия в этом альманахе оттеснили, а их место бесцеремонно заняли литераторы «избранного народа» с их витиеватостью, манерностью,

намеренной сложностью стихотворных поделок, претендующей на мастерство, но на самом деле являющейся посредственной маскировкой скудости, а то и вовсе бессмыслицы содержания.

Альманах стал типичным примером издания, полностью оккупированного сионистами и космополитами, не подпускавшими к нему «чужих», то есть русских поэтов. Лысцов совершенно справедливо отмечал, что глухота многих авторов альманаха вовсе «не физического или музыкального свойства, а сугубо гражданственного ее толкования, когда посредственные “пиесы” и “перезвоны” наших песнопевцев, все более и более замыкаясь сами в себе, иллюстрируют бесплодные теории “искусства для искусства”». с одной стороны, они сплошь и рядом оказываются элегиями личного, «исповедально-возрастного ряда, или стихами о стихах, или же совсем не имеют отношения к нашей жизни, к делам, заботам и нуждам народа, а то и обладают специфическим, на обывателя рассчитанным душком». В статье приводились примеры поэтической манерности, глухоты, оторванности от русского народа таких поэтов, как М. Зенкевич, Ю. Мориц, М. Алигер, Б. Ахмадулина, Р Рождественский, Б. Слуцкий. Статью Лысцова русские патриоты передавали из рук в руки, зачитывали до дыр. Чтобы познакомиться с ней, я пошел в институтскую библиотеку, но она оказалась уже вырезана из журнала. «Прошла еврейскую цензуру», — смеялись мои друзья. В ответ на справедливую критику последовал коллективный донос еврейских поэтов в высшие инстанции; доносчиков поддержали партийная печать и своя критика, в частности в лице Л. Аннинского, заявившего о некоей угрозе «частичного» проявления русской патриархальной «агрессивности». После этой статьи злопамятная критика «малого народа» травила Лысцова четверть века. Его творчество замалчивалось, упоминания о нем вычеркивались из газетных и журнальных статей, выступления запрещались.

Помню, какой скандал организовали сионисты в Центральном доме литераторов на творческом вечере Лысцова. Невидимый режиссер рассадил в разные концы зала вроде бы незнакомых людей, которые постоянно шумели, орали, мешали вести вечер русского поэта, посылали ему провокационные записки. Как в свое время Есенина, Лысцова пытались представить «хулиганом». Впоследствии поэт рассказывал мне, что вечер в ЦДЛ был одним из самых тяжелых событий в его жизни. Впрочем, преследования и провокации продолжались до трагической гибели поэта. Однажды его нашли мертвым в пруду возле дома, где он жил. Обстоятельства смерти точно определены не были. Родственники хранят фотографию покойного со следами

травм на лице и голове.

Впрочем, в эти же годы сионисты преследовали замечательного русского поэта Бориса Примерова, «осмелившегося» в своей статье критиковать кумира сионистов А. Вознесенского, травили Дмитрия Блынского, Николая Рубцова, Анатолия Передреева, Алексея Прасолова, Евгения Маркина, Вячеслава Богданова, Ивана Хабарова, Павла Мелехина и множество других русских поэтов.

В начале 70-х годов среди русских активно обсуждалась история захвата советского самолета в Ленинграде, организованная израильскими спецслужбами в провокационных целях. Моссад, при поддержке ЦРУ сколотивший по всему СССР сеть шпионских групп с участием советских евреев, направил одну из них на угон самолета. Во главе бандгруппы стояли два израильских агента, действовавших под крышей диссидентов, — Э. Кузнецов и М. Дымшиц. Вооружение им поставил Моссад. Всего в банду входило 16 евреев. При попытке угнать самолет бандиты убили стюардессу, угрожали жизни заложников. Банда была обезврежена, ее главарь Кузнецов с целью уйти от ответа пытался выдать себя за невменяемого. По «Голосу Израиля» неслись подстрекательские обращения к евреям. В одном из них израильский чиновник цинично заявлял: «Мы не будем рассуждать о жертвах (об убитой бандитами стюардессе. — ***О. П.***), мы любой ценой должны спасти наших братьев из советского рабства». По суду (1970) банда получила большие сроки заключения, а ее главарь — высшую меру наказания. Мировые сионистские организации инициировали кампанию за отмену приговора. В эти дни между русской и еврейской партиями прошла еще одна разделительная черта. Большинство евреев считало Кузнецова и Дымшица национальными героями, а большинство русских — бандитами, рассматривая приговор как справедливое возмездие убийцам. Однако советские власти не выдержали давления из-за рубежа и смягчили приговор. Помню реакцию на это решение нашего преподавателя истории Пылаева: «Правильнее всего этих сионистских бандитов было бы уничтожить на месте преступления». Это было сказано в аудитории во время лекции и встречено дружными аплодисментами студентов. Уже гораздо позже мне рассказали, что Кузнецова обменяли на советского разведчика, после чего этот террорист выехал на Запад и там продолжил свою подрывную деятельность против России — сначала на радиостанции «Свобода», а затем и в Израиле, в качестве главного редактора самой крупной в этой стране русскоязычной газеты, финансировавшейся из фондов спецслужб.

Много шума наделала в России еще одна политическая акция Запада против нашей страны, осуществленная примерно в то же время, — вручение Нобелевской премии А. Солженицыну. Эта премия только по названию была шведской и имела отношение к Нобелю. На самом деле начиная с 50-х годов Нобелевский фонд находился под полным финансовым контролем США. Дело в том, рассказывал мой учитель Миндаров, что А. Нобель оставил на выдачу премий — в переводе на современные деньги — не более 100 млн долларов. В конце 40-х годов Нобелевский фонд иссяк, и, чтобы продолжить выдачу премий, Нобелевский комитет вступил в сговор с президентом США масоном Трумэном, который за право влияния американского правительства на выдвижение нобелевских лауреатов предложил вложить остатки нобелевских денег в американские ценные бумаги и освободил от налогов все операции с ними на территории США. Так, Нобелевский комитет с 1953 года стал орудием влияния американского правительства. с этого года Нобелевский фонд стал полностью зависим от Америки, представители которой сумели добиться того, что преобладающей частью нобелевских лауреатов были либо граждане США, либо лица, угодные американскому правительству. В 1970-м Америка настояла, чтобы Нобелевская премия была присуждена Солженицыну, и решение это было чисто политическим, ибо Солженицын как писатель себя еще не проявил. Навязчивая пиар-кампания по зарубежным радиоголосам одновременно восхваляла «великого писателя» Солженицына и требовала отмены приговора еврейским бандитам Кузнецову и Дымшицу. Не вызывало сомнения, что все эти акции дирижировались из одного центра.

В 1972 году я закончил институт. Тетя Марина хотела, чтобы я пошел работать инструктором в Московский городской комитет ВЛКСМ, служивший «кузницей руководящих кадров» (там у тети были хорошие связи). Ради интереса и из-за уважения к тете я сходил в горком, находившийся в Колпачном переулке. Зав. отделом представил меня человеку, у которого я должен был начать работать в комсомоле. Общение с ним вызвало во мне глубокое уныние. Я понял, что никогда не смогу сработаться с такими людьми. Вернувшись домой, позвонил тете, поблагодарил ее за хлопоты и твердо отказался от «заманчивого места». Подходящую работу я нашел с помощью Миндарова. Через его жену Евгению Михайловну меня распределили на должность экономиста в отдел капиталистических стран Управления зарубежной статистики ЦСУ СССР.

ГЛАВА 7

ЦСУ СССР. - ФАБРИКА ФАЛЬСИФИКАЦИЙ. - ПОДГОТОВКА ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА. - СИОНИСТСКАЯ ПАРТИЯ. - ДВА МИРА: РУССКИЕ И СИОНИСТЫ. - МОЯ НАУЧНАЯ РАБОТА. -ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ. - НАЧАЛО ПОДПОЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ. - РОССИЯ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ. - ЗНАКОМСТВО С ПОМОЩНИКОМ БЕРИИ. - ЕГО ОТКРОВЕННЫЕ РАССКАЗЫ И ТРАГИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ

Центральное статистическое управление СССР, куда я пришел на работу в сентябре 1972 года, занималось сбором и обработкой экономической информации по всем отраслям народного хозяйства. сведения, которые отражали положительные сдвиги в развитии страны, ежегодно публиковались в сборнике «Народное хозяйство СССР». Иначе было со сведениями о неблагополучных тенденциях в обществе и экономике. Они, как правило, засекречивались или, если это было невозможно, фальсифицировались. Последнее особенно часто происходило с показателями роста валового национального продукта, национального дохода, зарплаты и реальных доходов населения. В составе ЦсУ существовало специальное управление межотраслевого баланса, возглавляемое М. Р. Эйдельманом, которое непосредственно отвечало за проведение этих фальсификаций. ЦсУ выпускало три типа статистических сборников — открытые (для всего народа — с полным набором умолчаний и фальсификаций), для служебного пользования (тираж около 1000 экземпляров — с меньшим набором умолчаний и фальсификаций, с некоторыми международными сопоставлениями), секретные (20—30 экземпляров, для высшего политического руководства, почти без умолчания и фальсификации, читать его запрещалось даже работникам ЦсУ). Такая трехэтажная статистика наводила на печальные размышления — в стране неблагополучно, правду об этом могут знать только три десятка человек. Охранять информацию в ЦСУ был призван спецотдел, состоявший из кагэбэшников, имевших стукачей по всей организации.

Моя работа в отделе капиталистических стран сводилась к изучению иностранных экономических и статистических сборников и журналов, сбору информации и приведению ее в сопоставимый с советскими данными вид. Я отвечал за сбор

информации по труду, заработной плате и доходам в капиталистических странах. Подготовленные мной данные шли в сборник международных сопоставлений СССР с другими странами мира. Если собранные сведения по зарплате и доходам предназначались для сопоставления с данными по СССР, я был обязан представлять их в Управление межотраслевого баланса, где они пересчитывались (а точнее, «корректировались») с помощью фальсифицированных индексов и коэффициентов для придания ситуации в капиталистических странах менее благополучного, нежели в реальности, вида. Самое интересное, что эти фальсификации по показателям зарплаты и доходов применялись и в том случае, если данные шли в секретные сборники для высшего руководства страны. Удивленный этим фактом, я как-то раз спросил у начальника нашего отдела Льва Марковича Цирлина: «Для чего это делается, ведь наверху следует знать правду?» На это он мне довольно цинично ответил: «Они сами так хотят. Они искренно верят, что советские люди живут не хуже, чем американские. Они недовольны, когда их лишают иллюзий». Цирлин был по-настоящему интересной личностью, в немецком рейхе ему непременно бы дали звание «ценный еврей». Во время войны он возглавлял статистическое ведомство оккупированной Германии, а после войны подготовил целую школу таких же, как он, циничных статистиков-профессионалов. Он не был стяжателем, жил достаточно скромно, окруженный старыми статистическими сборниками, которые знал досконально. Цирлину, конечно, докладывали о моем критическом взгляде на «еврейское избранничество», и тем не менее ко мне он относился с симпатией. Рассказывал о встречах с Берией, маршалом Жуковым, Косыгиным (о двух последних отзывался очень положительно). Однажды я подготавливал данные для секретной записки в Политбюро по труду и зарплате в капиталистических странах. собрал материал страниц на 30. Увидев мой труд, Цирлин сказал: «Сократи до четырех страниц! Большие и обстоятельные доклады они не любят, предпочитают маленькие записки». слово «они» Цирлин произносил с особой интонацией, разумея, конечно, членов Политбюро. Помню также, как в одну из записок, которая шла в Политбюро, я должен был вставить две своих цифры, но, прочитав ее, счел халтурой, о чем откровенно сказал Цирлину. «А! — с ленивой досадой заявил Цирлин. — Они все примут!»

В ЦСУ я впервые столкнулся с мощной и влиятельной, даже не еврейской, а настоящей сионистской «партией», от которой зависела вся внутренняя жизнь нашего учреждения. Большую часть самых заметных должностей занимали евреи. «Сионистская

партия» была структурирована в партийную организацию КПСС. Формальным лидером «сионистской партии» был Лев Маркович (Лейба Мордкович) Володарский, родной брат известного еврейского большевика. Володарский занимал пост первого заместителя начальника ЦСУ СССР В. Старовского, но из-за болезней начальника фактически исполнял его обязанности. Негласным лидером «сионистской партии» была зав. библиотекой Ниса Александровна Елисаветская, дочь старого еврейского большевика, чекиста. Она люто ненавидела всякое проявление русского чувства, что выражалось даже в подборе фондов библиотеки. В ней невозможно было найти классические сочинения русских статистиков, зато в огромном количестве присутствовала западная литература. Крупный русский статистик профессор Введенский заметил эту особенность библиотеки ЦСУ и завещал в ее фонды свою личную библиотеку в несколько тысяч томов — в ней исчерпывающим образом были представлены русские статистики. Елисаветская и Володарский приказали уничтожить подаренную библиотеку Введенского и пустили ее под нож специальной машины. Несколько сотрудников (в том числе и я) сумели вытащить отдельные тома этой библиотеки из контейнера машины. Это — редчайшие сочинения первой половины XIX века. Величайший акт варварства по отношению к русской культуре осуществлялся не в 1918 году, а в 1974-м — на глазах у сотен сотрудников ЦСУ.

«Сионистская партия» в ЦСУ носила воинственный характер. Многие ее члены не стеснялись открыто поддерживать сионистских бандитов, уже упомянутых мною в предыдущей главе Кузнецова и Дымшица, и почти открыто пропагандировали русофобию.

Как признавался позднее один из деятелей сионизма: «Ненависть скапливалась в наших душах — ненависть к власти... Люди (сионисты. — ***О. П.)*** ненавидели — и ненависть укрепляла их силы»[12]. Ненависть к русским была так сильна, что «сионистская партия» в ЦСУ поддержала террористические акты армянских националистов, приехавших в Москву в 1973 году убивать русских людей и совершивших 29 убийств. Поимка бандитов и справедливое возмездие вызвали недовольство местных евреев. Некоторые из них даже на открытых партийных собраниях поддерживали русофобскую пропаганду А. Д. Сахарова, отказывавшегося верить властям, что бандиты приехали убивать: по его мнению, они были «честными правозащитниками».

Кумирами «сионистской партии» в ЦСУ были А. Щаранский, А. Сахаров и А. Солженицын. Я сам не раз слышал в коридорах

ЦСУ рассказанный кем-то из евреев анекдот: «Кто такой Брежнев? Это мелкий политический деятель эпохи Сахарова и Солженицына».

Местные евреи довольно часто обсуждали высказывания Щаранского, передаваемые по «Голосу Америки». Разоблаченный американский шпион, схваченный советскими спецслужбами с поличным при передаче информации ЦРУ, был объявлен образцом «благородного борца за гражданские права». Истинное же лицо этого «борца» проявилось на посту главы расистской организации «сионистский форум», объединившей бывших советских евреев-сионистов. За своего в то время евреи считали и писателя Солженицына. На моих глазах рождался целый миф о нем. «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор» я прочитал до поступления в институт. Тогда Солженицын стал для меня одним из любимых писателей. Однако постоянное упоминание его имени рядом с кумиром антирусского движения Сахаровым заставило меня во многом пересмотреть отношение к писателю. Я неуклонно шел к христианскому мировоззрению, а Сахаров и Солженицын так же неуклонно от него отходили в безбожный либерализм. «Запад руководит евреями и масонами, — неоднократно подчеркивал мой учитель Миндаров, — поддерживает любого, кто стремится к окончательному разрушению России». Меня сильно раздражала громкая и назойливая реклама личности Солженицына на зарубежных радиоголосах, которая, как и в случае с Чехословакией, финансировалась из фондов зарубежных спецслужб, и прежде всего ЦРУ. Массовые публикации во многих странах переводов его произведений, огромные гонорары, являвшиеся, по сути дела, формой подкупа, естественно, вызвали неразрешимый конфликт не только с официальными органами, но и с патриотической частью русской общественности, которая, как и я, вполне искренне рассматривала Солженицына как пособника вожаков антирусского движения. Высылка Солженицына в 1974 году стала актом государственной слабости и своего рода победой западной иудейско-масонской идеологической системы. с юридической точки зрения многие произведения Солженицына в самом деле нарушали законы СССР и носили явно антисоветский и антирусский характер. Однако не вполне уверенное в своих силах политическое руководство СССР побоялось проведения гласного суда над Солженицыным. Я, как и другие патриоты, презирал за эту слабость Брежнева и Андропова.

Идеализируя «западную демократию» и ее «духовные ценности», Солженицын и ему подобные деятели сыграли роковую роль в развитии тех процессов, которые в конечном счете

обернулись крушением государства. Образ Солженицына, созданный с помощью западных спецслужб и средств массовой информации, стал одним из дополнительных факторов уверенности западных режимов в необходимости борьбы против России. Во многих публичных выступлениях за рубежом Солженицын призывал усилить напор на нашу страну, изолировать ее, не идти ей на «уступки». Писатель полагал, что западные страны имеют какое-то право вмешиваться во внутренние дела России, ибо, по его мнению, «советский народ брошен на произвол судьбы», а значит, ему необходимы западные опекуны, вмешивающиеся в нашу жизнь. «Вмешивайтесь, — призывал Солженицын, — вмешивайтесь снова и снова настолько, насколько можете». Справедливости ради следует отметить, что впоследствии Солженицын в отличие от Сахарова не захотел играть неблаговидную антирусскую роль, которая отводилась ему правительством США. Критика Солженицыным западной системы и «Письмо к вождям» в СССР, в которых писатель отходил от принятых в США планов и методов холодной войны против России, вызвали недовольство американских властей и одобрение русских патриотов.

Наряду с сильной «сионистской партией» в ЦСУ СССР существовала и «русская партия». Однако в отличие от сионистской она находилась как бы в подполье. Ее «члены» опасались не только еврейских козней, но и трусливой и двуличной политики официальной администрации ЦСУ. Явно симпатизируя нам, официальные власти вместе с тем боялись, что их обвинят в поддержке великодержавного шовинизма, что по тем временам было страшнее открытой поддержки сионистов и Сахарова. Думаю, что реально сила «сионистской партии» в ЦСУ была гораздо меньше, чем мы предполагали. Уверен, что и наши оппоненты переоценивали силы «русской партии». Все это создавало напряженность в отношениях. Помню, поднимаясь вверх по пандусу, слышу довольно громкий разговор с обсуждением «героического поведения Щаранского». Все участники разговора евреи, верховодят Гурвич и Гриша Остапкович (будущий помощник начальника ЦСУ Володарского). Так увлеклись, что меня не видят. Нарочно кашлянул. слышу (уже шепотом): «Тихо! Это не наш человек!» Прохожу, улыбаюсь, «заговорщики» застыли, как соляные столбы.

Русские и сионисты жили как бы в разных мирах. Мы, русские, жили своей жизнью, читали свои книги, ходили на свои концерты, вечера, в музеи, путешествовали по русским достопамятным местам. с нами была историческая Россия, разгромленная, но еще духовно живая.

сионисты существовали в другом мире и в другом измерении, созданном еврейскими большевиками, ненавидевшими все, что мы любим, все русское и особенно православное. Они читали Кафку, Мандельштама, восхищались Троцким, гонялись за билетами на концерты зарубежных эстрадных див, пели песни Галича и Окуджавы.

Помню, мы, русские, в то время читали стихотворение Я. Смелякова «Жидовка», опубликованное в сборнике «День поэзии». Смеляков один из первых советских поэтов поднял тему ответственности еврейских большевиков перед русским народом. В небольшом стихотворении он отразил одно из воплощений антихриста, способного только убивать, но не создавать. Мы читали и восхищались мужеством Смелякова, а местные сионисты тем временем, как я узнал позднее, ездили по московским магазинам и скупали этот сборник, чтобы сжечь. Деньги на это варварство они получали из синагоги, с которой был тесно связан уже упомянутый мной Остапкович.

Мы, русские, возмущались преступлениями, творимыми на земле фашистским режимом Израиля, а цесеусовские сионисты открыто радовались бандитским операциям так называемой армии Израиля против беззащитного арабского населения. Оправдывали они и массовые убийства беззащитных женщин и детей. с животным высокомерием они заявляли, что все арабы должны быть «вышвырнуты» с территории Великого Израиля. В году 1974—1975-м я впервые просмотрел фильм «Тайное и явное», где о сионистских преступлениях говорилось открыто, приводились документальные свидетельства чудовищных зверств фашистского режима Израиля. Помню, сидевший рядом со мной товарищ, обычно очень сдержанный и замкнутый, эмоционально резюмировал: «За такие преступления нужно отвечать на Нюрнбергском процессе».

Гораздо позднее я познакомился с создателями фильма режиссером Б. Карповым и писателем Д. Жуковым (впоследствии он дал мне рекомендацию на вступление в союз писателей). От них я узнал, что фильм создавался по специальному решению ЦК КПСС, но был запрещен распоряжением Андропова, которое и было выполнено руками верного пса сионизма генерала КГБ Ф. Бобкова. Талантливый и честный фильм не понравился евреям из ЦК, его сразу же запретили, а все копии уничтожили. Однако Карпову удалось вынести из спецпомещения, в котором монтировался фильм, его сокращенный вариант. с него было сделано несколько копий, которые в середине 70-х годов тайно демонстрировались на квартирах некоторых высокопоставленных лиц российского руководства. У сына одного из таких деятелей

мы и увидели этот фильм. Были очень удивлены. За что его запретили? О преступлениях, которые совершали сионисты, надо было бить в набат! Из этого факта мне стало ясно, в чью сторону склонялась влиятельная часть руководства СССР, запретившая этот правдивый фильм.

Главным для меня в ЦСУ СССР с самого начала было продолжение учебы. Моя работа (она меня увлекла) стала для меня и прекрасной учебой. Я старался больше общаться с хорошими профессионалами, не стеснялся задавать вопросы, проштудировал десятки книг по экономике и статистике. Работа в ЦСУ давала большие возможности для сбора материалов по малоизученным экономическим и социальным вопросам. Как-то, занимаясь подготовкой записки о занятости в органах управления СССР и США, я с удивлением отметил, насколько слабо изучен этот вопрос и насколько искаженную и неверную картину о занятости в государственном управлении США получает наше руководство. Мой предшественник относил к занятым в управлении США весь государственный сектор (включая врачей, учителей), а не только государственных чиновников, как это следовало бы делать по методологии СССР Доложив руководству, я получил разрешение исследовать этот вопрос. В этом меня поддержал член-корреспондент АН СССР Т. В. Рябушкин, согласившийся стать научным руководителем моей кандидатской диссертации.

Работа над диссертацией была очень интересна, я не только исследовал множество экономических источников, но и посетил ряд советских министерств и ведомств, где беседовал с некоторыми зам. министров и начальниками отделов кадров министерств. Все они нехотя шли на сотрудничество со мной и не очень-то раскрывали секреты своей кадровой политики. Тем не менее на запрос начальника ЦСУ СССР они были обязаны хотя и формально, но что-то отвечать. создавалась интересная картина, которая много мне дала для понимания советских министерств и ведомств, каждое из которых, по своей сути, было государством в государстве и поражало своим дремучим бюрократизмом. Однако на последнем этапе моих исследований мне запретили делать подробные сопоставления занятости по отдельным министерствам и ведомствам СССР и США (заявив, что данные по СССР секретны) и предложили ограничиться только изучением данных по США. Двухлетнее исследование материалов государственного бюджета и министерств и ведомств США позволило мне понять, насколько громоздкой, неуклюжей и инерционной является система управления США, и как реально недалеко она ушла от считавшейся ужасной бюрократической

машины СССР. На стадии обсуждения моей диссертации в отделе «сионистская партия» собрала все силы, чтобы не допустить мою работу к защите. Однако последовательная поддержка видных русских ученых, прежде всего Рябушкина и К. В. Решетинского, позволила мне успешно защититься (без единого черного шара).

Кандидатская диссертация была не единственной моей научной работой, которой я занимался в стенах ЦСУ. Была и другая, более значительная — подпольная, начатая в конце первого года работы. Первый этап осуществления моей еще юношеской идеи — создание истории Отечества «Россия во времени и пространстве». Пользуясь редкими возможностями ЦСУ СССР, я стал собирать статистические материалы о движении населения России с начала XIX века до нашего времени. В моем распоряжении были закрытые статистические сборники и консультации ведущих статистиков. Сначала я произвел подсчеты общей численности населения, его естественный прирост и естественную убыль, а затем предпринял подсчет числа человеческих потерь, понесенных страной в результате социально-экономических экспериментов еврейских большевиков последних шестидесяти лет. Год за годом, начиная с 1917-го до середины 70-х годов, я исчислил прирост и естественную убыль населения, исходя из нормальных условий развития. Получились внушительные ряды цифр, итоги которых неизменно и существенно расходились с публикуемыми в отдельные годы официальными данными численности и естественного прироста населения страны. Суммированное по всем годам расхождение и составляло общую сумму человеческих потерь.

По моему подсчету, общее число лиц, умерших не своей смертью от массовых репрессий, голода, эпидемий, войн, составило за 1918—1955 годы более 87 млн человек. Из них я вычел число лиц, умерших от голода, эпидемий и в результате военных действий. Оставшиеся 48 млн человек, выходит, погибли в результате репрессий в местах заключения и ссылках. Причем сегодня уже понятно, что погибла не просто часть населения, а лучшая его часть — самые активные и трудолюбивые представители коренного крестьянства, а также потомственная интеллигенция — главные носители накапливаемой веками материальной и духовной культуры страны.

Несколько подробнее расскажу о том, как я определил людские потери среди крестьянства в довоенный период. По официальным источникам известно, что численность сельского населения страны в 1917 году равнялась 118 млн человек, а в 1939 году составила 114 млн Но за период с 1917 по 1939 год в

деревне родилось еще 94 млн человек, то есть к 118 млн, жившим в 1917 году, я добавил эти 94 млн человек. А из полученного итога вычел число умерших по естественным причинам (50 млн) и количество уехавших в город (20 млн). После этих вычетов и получается гигантская цифра — 28 млн человек, умерших не своей смертью. Это и есть людские потери крестьянства в годы Гражданской войны, насаждения колхозов и раскулачивания, погибших в ссылках и лагерях, при подавлении восстаний, в пересыльных пунктах, умерших от голода и эпидемий.

Итак, за 1918—1955-е годы не своей смертью умерло около 87 млн человек (в 12 раз больше, чем в дореволюционной России за такой же период времени), или каждый пятый человек, когда-либо живший в нашей стране после революции. Для сравнения скажем, что за 1861—1917 годы удельный вес лиц, умерших не своей смертью в России, составлял менее двух процентов, а во Франции, Италии, Великобритании, США в 1928—1960-е годы — менее одного процента.

Однако кроме умерших не своей смертью в убыль страны пошло 5 млн жителей, покинувших Россию после 1917 года. Но и это еще не полная сумма человеческих потерь. Ведь насильно выведенные из жизни люди могли иметь детей и внуков и продолжать человеческий род. Самые заниженные подсчеты подсказывают, что «недобор» рождений и «эхо» недобора рождений составят 64 млн человек.

А всего, если сложить число лиц, умерших не своей смертью, покинувших родину, а также число детей, которые могли бы родиться у этих людей, общий людской ущерб страны составит 156 млн человек (нынешняя численность населения Англии, Франции, ФРГ вместе взятых). Таким образом, при ином стечении исторических событий в нашей стране к середине 70-х годов могло бы жить не 290 млн человек, как это было фактически, а не менее 400—430 млн.

Летом 1977 года я несколько раз приходил на Волхонку, в дом Института экономики, напротив того места, где раньше стоял Храм Христа Спасителя, консультировался с видным демографом Борисом Цезаревичем Урланисом. Надо отметить, что он не очень-то удивился моим расчетам, а при расставании уронил: «Кому это сейчас нужно? Спрячьте подальше и никому не показывайте, в нашем веке они не пригодятся».

Тяга к знаниям, которая прошла через всю мою жизнь, заставляла меня, несмотря на всю загруженность работой и учебой, постоянно посещать серии лекций на определенные темы в Центральном лектории, Третьяковской галерее, Музее древнерусского искусства Андрея Рублева, Музыкальном музее

Глинки. Прямо с работы вместе с женой мы шли на эти лекции, возвращались домой поздно, усталые, но счастливые. На этих лекциях я впервые познакомился с выдающимися русскими учеными академиками Д. С. Лихачевым, Б. А. Рыбаковым, Ф. Угловым, Петряновым-Соколовым, искусствоведами В. Г. Брюсовой, С. Ямщиковым и рядом других ученых, писателей, поэтов, музыкантов.

Бывал я и на лекциях евреев, хотелось самому все увидеть и сравнить. Безусловно, среди них встречались классные специалисты, но были и такие, которые как будто специально провоцировали русских людей к протесту. Например, в ноябре 1975 года была лекция некоего доктора философии Крывелева «Об историчности Христа». В начале ее докладчик сообщил, что с пяти лет учился в хедере (еврейской школе) и уж тогда узнал (от раввина), что Христос — это миф. Все лекции Крывелева состояли из кощунственных выпадов против Христа. В аудитории (не менее 500 человек) начался шум. Вдруг в середине зала встал человек в черном костюме с белой рубашкой и громко сказал: «Кто вам дал право кощунствовать над Православием? Дайте мне несколько минут, и я докажу, что Бог есть». Несмотря на поддержку присутствующих, выступить православному не дали. Хотя лекция и не закончилась, выключили свет и стали показывать не менее кощунственный фильм. В зале начался свист. Показ прекратили, посетителей стали выгонять из зала. Но и в фойе люди не расходились, начались стихийные выступления. В центре был православный. «Меня удивляет, — говорил он, — что у нас так плохо относятся к Богу и не верят в него. Если бы все верили в Бога, то через несколько лет без армии, тюрем и милиции мы бы построили коммунизм». Договорить «православному коммунисту» до конца не дали. Вызванный администрацией лектория наряд милиции схватил его за обе руки и увез в отделение. Оставшийся милиционер попросил всех покинуть помещение. Люди понуро разошлись. Долго не мог успокоиться только лектор, требовавший наказать православного за «хулиганство».

В 1974-м меня избрали председателем Совета молодых специалистов и ученых центрального аппарата ЦСУ СССР. Результатом деятельности нашего Совета стали два научных семинара. Помню, ходил уговаривать русских ребят; евреи на это мероприятие, в котором участвовали и представители руководства, шли охотно. Через представителей «русской партии» мне удалось достать для личного пользования и спрятать дома большое количество закрытых статистических сборников, ставших хорошим подспорьем в моих дальнейших исследованиях. Нашелся помощник даже в Первом отделе, который списывал

некоторые сборники на уничтожение, а на самом деле отдавал мне.

Продолжая собирать личную библиотеку, я, кроме исторической, философской и художественной, стал собирать экономическую литературу. Особенно экономическую классику, в чем особенно преуспел. с большим пристрастием я искал справочники и словари, подбирал по отдельным томам старые русские энциклопедии, книги о путешествиях по России, описания памятников и исторических мест. В 1976-м приобрел отпечатанные на множительной машине «Протоколы сионских мудрецов» парижского издания.

В начале 1973-го жена Миндарова Евгения Михайловна познакомила меня в столовой ЦСУ СССР с человеком крайне истощенного вида, бледным, с впалыми щеками. Мы обедали за одним столом, и меня сразу поразило то, как этот человек ел. Медленно поднося к своему рту ложку, он делал осторожный глоток, как бы смакуя каждую крошку еды. Во время обеда он не разговаривал, а был полностью поглощен процессом принятия пищи. Зато после завершения трапезы становился благодушным и разговорчивым. Это был в свое время очень влиятельный и информированный человек, бывший начальник секретариата Л. П. Берии полковник КГБ Б. А. Людвигов. Было ему тогда уже 66 лет. Близкий Берии человек, Людвигов даже своего сына назвал именем начальника. За свою близость к Берии Людвигов отсидел десять лет во Владимирской тюрьме и только после отставки Хрущева был выпущен по состоянию здоровья (но не реабилитирован) стараниями Микояна, на племяннице которого был женат. Начальник ЦСУ Старовский в свое время, как рассказывали, «бегал в секретариат Берии сливать информацию», а после освобождения Людвигова устроил его к себе на работу. Многие в ЦСУ от Людвигова шарахались, а мне он был очень интересен. В течение двух лет почти каждую неделю я приходил к нему в узкий коридорчик перед комнатой, где он работал. Там стояли несколько затрепанных кресел, и, если в коридоре никого не было, до окончания обеденного перерыва беседовал с ним. Откровенничать со мной он стал не сразу, но потом его как будто прорвало. совершенно сломленный человек, он мучительно цеплялся за жизнь и рассказывал много нового для меня, в этих рассказах как бы заново переживая события прошлых лет, хотя о многом явно умалчивал, что особенно касалось деятелей, находившихся в то время у власти.

Своего шефа, Берию, он, чувствовалось, по-прежнему уважал, считал его жертвой борьбы за власть. Рассказывал, что в репрессиях было замешано все политическое руководство страны.

Работая по поручению Берии в секретных архивах, Людвигов утверждал, что сам видел множество документов, расстрельных списков, подписанных, кроме Берии и Сталина, Молотовым, Хрущевым, Маленковым, Ворошиловым, Кагановичем и др. «На Берии, — утверждал Людвигов, — не больше крови, чем на других членах Политбюро. Все самые крупные репрессии согласовывались и обсуждались в Политбюро. Сам Берия единоличных решений не принимал. После смерти Сталина общую вину за репрессии большая часть членов Политбюро решила переложить на мертвого вождя и Берию, а Хрущев решил воспользоваться этим, чтобы ликвидировать политических конкурентов».

По мнению Людвигова, в Сталинском Политбюро только Сталин и Жданов были по-настоящему идейными людьми и искренне думали о социализме.

Остальные были политическими карьеристами, особенно Хрущев и Маленков. Не отличался идейностью и Берия, посвящавший почти все свободное время любовным похождениям. «Никакого заговора Берии с целью захвата власти не было, — утверждал Людвигов, — на тот день, когда Берия по обвинительному заключению собирался совершать политический переворот, у него было намечено любовное свидание, о котором я знал».

Особенно много вопросов я задавал Людвигову о планах сионистских кругов устроить в русском Крыму еврейскую республику. По сведениям Людвигова, история этого проекта уходит в начало 20-х годов, когда в Крыму действовали руководимые евреями АРА («Американские организации помощи») и сионистская организация помощи евреям «Джойнт». Руководители этих организаций начали вести секретные переговоры с Троцким, Зиновьевым, Каменевым о передаче Крыма еврейским переселенцам из Украины, Белоруссии и РСФСР в обмен на крупную финансовую помощь. По сведениям Людвигова, создание крымской республики одобрял и Ленин. На одном из еврейских конгрессов 20-х годов в поддержку еврейской республики в Крыму выступили богатейшие евреи Америки, в том числе Варбурги, Леманы, Куны и Л. Маршалл. Еврейских большевиков в переговорах с сионистами представлял Смидович. Было выработано секретное соглашение между «Джойнт» и советским правительством. Последнее гарантировало заселение Крыма евреями, а «Джойнт» принимал на себя крупные финансовые обязательства. Процесс захвата Крыма евреями начался в конце 20-х —начале 30-х годов, но натолкнулся на сопротивление крымского населения. Чтобы подавить

сопротивление, еврейские чекисты организовали в Крыму репрессии в отношении недовольных. Были расстреляны тысячи человек. Укрепление власти Сталина, не разделявшего планы заселения Крыма евреями, привело к приостановке проекта. Тем не менее «Джойнт» и другие сионистские организации настаивали на выполнении обязательств советского правительства. самое крупное давление на советское руководство они стали оказывать перед окончанием войны, в 1944 году, обещая финансовую помощь. Но в этот раз никто из членов советского правительства открыто поддерживать сионистов не решился. Проводником сионистских интересов выступили так называемый «Еврейский антифашистский комитет» (ЕАК) во главе с сионистом Михоэлсом и большое количество деятелей еврейской культуры. Они сумели найти пути и к членам правительства — Молотову (женатому на еврейке), Кагановичу, Берии.

Сталин сразу же понял характер связи между международными сионистскими организациями и советскими евреями, выступившими с сионистами в едином союзе. Особенно возмутила Сталина и поддержка этого союза некоторыми членами правительства. Все это он воспринял как международный еврейский заговор, угрозу существования СССР. Тем более сионисты игнорировали тот факт, что на территории Крыма уже жило большое количество русского населения. Чашу терпения Сталина переполнило то, что члены ЕАК стали делить высшие посты в будущей еврейской республике. Михоэлс и другие кандидаты в министры будущей еврейской республики были ликвидированы. Расследование показало, насколько глубоко среди советских евреев получила распространение идея еврейского государства в ущерб интересам других народов СССР. Возникновение дел ЕАК, «космополитов», «дела врачей», мегрельского дела и дела МГБ (это дело, по мнению Людвигова, было организовано против Берии) было связано с одним и тем же «международным еврейским заговором» в Крыму. Глубокие инфильтрации сионистских идей среди советских евреев заставили Сталина задуматься: а не переселить ли евреев подальше от центров советской государственности в Биробиджан? Были отстранены от власти все члены правительства, поддерживавшие крымский проект.

Людвигов не исключал, что сам Берия был евреем, и соглашался со мной, что еврейское влияние на советское правительство было очень велико. Буквально через день после смерти Сталина все дела, относящиеся к «международному еврейскому заговору», были закрыты, а обвиняемые сразу же

отпущены, хотя некоторые из них были по-настоящему связаны с незаконными операциями «Джойнт» на территории СССР и их деятельность представляла угрозу национальной безопасности.

Незадолго до ареста Берия в присутствии Людвигова заявил, что Курильские острова надо отдать Японии, Карельский перешеек — Финляндии, Кенигсберг — Германии. Одновременно предлагал ликвидировать и ГДР. В последние годы жизни Сталин, по мнению Людвигова, стал рассматривать евреев как подпольную организацию. В деятельности евреев его особенно возмущал «институт еврейских жен». Ему стали известны сведения, полученные на допросе от одной старой еврейки, об учении раввинов о «спасении народа». Согласно этому учению, для укрепления иудейского влияния и размножения «малочисленного еврейского народа» еврейским женщинам не зазорно становиться женами наиболее перспективных мужчин других национальностей. Ребенок, рожденный от еврейки, будь его отцом кто угодно, — всегда еврей. «Ибо еврейская кровь сильнее всех». Ребенок, родившийся от еврейки, потерян для нации отца и на мистическом, и на земном уровне. Почти все крупные русские большевики имели еврейских жен (Молотов, Ворошилов, Хрущев, Ежов, Абакумов и многие др.), которые были при них чем-то вроде иудейских комиссаров. Людвигов рассказывал об известном ему случае женитьбы наркома НКВД Ежова на еврейке, связанной с сионистскими кругами. Сталин, узнав об этом, сперва проникся к Ежову недоверием, а затем и ненавистью. Рассказывая мне об «институте еврейских жен», Людвигов посмеялся и надо мной, сказав: «Олег, вы тоже чуть не стали жертвой этого института». На мой удивленный взгляд он пояснил: «В комнате, когда вы пришли в первый раз, вокруг вас вертелась и терлась симпатичная девушка-еврейка, родственница зав. библиотекой Елисаветской! Я думаю, они вас сочли перспективным и попытались через вас совершить “спасение народа”». Позднее я обдумал все сказанное им и решил, что, возможно, он был прав — как старый чекист, смотрел в корень. Действительно, какое-то время после прихода в ЦСУ я испытывал на себе назойливое внимание этой особы, она куда-то меня приглашала и в буквальном смысле «терлась». Девушка была весьма миловидной, но совсем не интересовала меня, так как тогда я был уже влюблен в свою будущую жену. Одним словом, я решительно отшил девушку-еврейку. Сейчас я думаю, что, вероятно, с этого момента мои сложности во взаимоотношениях с «сионистской партией» усугубились.

Из бесед с Людвиговым я пришел к пониманию характера большевистской, коммунистической власти. Слушая его

откровения, я ловил себя на мысли о том, что «ведь это мафия», «мафия еврейская». Она строилась на иерархии силы, шантажа и запугивания. Ее бесчеловечность и жестокость ко всем «чужим» корнями уходит в талмудическое мировоззрение. Людвигов спокойно рассказывал, что самыми лучшими чекистами и разведчиками были евреи, без сожаления относившиеся к «человеческому материалу, среди которого им приходилось работать». Система «ликвидации» вошла в практику большевистской партии в 1905—1907 годах. Группы большевиков того времени составили костяк Чека. Для старых большевиков бессудные убийства русских людей, не разделявших их политические взгляды, были нормой. Все члены партии ходили вооруженные и еще в 20-е годы могли убить любого небольшевика под предлогом его контрреволюционности. старые большевики любили вспоминать это время, при встречах за водкой нередко хвалились друг перед другом тем, сколько душ погубили, шлепнули, к стенке поставили. Каждый старый большевик был патентованным убийцей. Один из них рассказывал Людвигову, как в Гражданскую войну «просто так» расстрелял семью из семи человек «буржуев», чтобы подготовить квартиру начальнику губернского Чека.

Людвигов не делал глобальных обобщений. Он рассказывал мне — благодарному слушателю — о том, что видел и слышал в жизни. А выводы и обобщения делал я сам. Столкнувшись с бездушием и несправедливостью большевистской системы, Людвигов не осуждал ее, принимая как должное, а если критиковал, то только отдельные частности. Некоторые его рассказы приводили меня в ужас, иногда я начинал бояться его откровенности. Все чаще он говорил, что обо всем напишет книгу, намекая на то, что не только расскажет о дохрущевских временах, но раскроет и то, что знает о Сталинском периоде жизни нынешних властителей. Было в этих его обещаниях что-то болезненное, он все чаще и чаще повторялся. Я начинал терять интерес к нему. Да и сам он стал менее охотно встречаться со мной, возможно, я обидел его своими резкими обобщениями... Однажды, вернувшись из командировки, я не застал его в столовой, позвонил ему на рабочее место. Подошел незнакомый мужчина и на мою просьбу позвать Людвигова ответил:

— Он умер.

— Что с ним случилось?

— Не знаю... — и повесил трубку.

Позвонил Евгении Михайловне. Предупреждая мои вопросы, она сказала: «Надо встретиться» — и тоже повесила трубку.

При встрече она рассказала мне, что Людвигов погиб

страшной смертью. Последние дни он был очень неуравновешен. Куда-то постоянно уезжал и однажды вечером не вернулся. Его труп, разрезанный электричкой, нашли на одной из дальних загородных станций. Обстоятельства его гибели остались неизвестны, так же как и судьба его воспоминаний. На следующий день в его рабочую комнату в ЦСУ пришли сотрудники КГБ, осмотрели его стол и шкаф. Так закончил свою жизнь один из самых информированных людей, с которыми мне приходилось когда-либо встречаться.

ГЛАВА 8

ПОЕЗДКА ПО ПРИБАЛТИКЕ. - ЛАТВИЯ, ЛИТВА, ЭСТОНИЯ. - СИМПАТИЯ К ЭТИМ МЕСТАМ. - СТОЛКНОВЕНИЕ С ПРОВИНЦИАЛИЗМОМ И РУСОФОБИЕЙ. - ВСТРЕЧА С БУДУЩЕЙ ЖЕНОЙ

Еще со школьных лет я полюбил отдыхать в Прибалтике. Нетеплое Балтийское море манило меня больше, чем Черное. Мне очень нравилось купаться в прохладной воде в неспокойную погоду, подныривая под высокие волны. Первое знакомство с Прибалтикой произошло на Рижском взморье в местечке Дубалты. В памяти остались ночные прогулки по пляжу, почему-то теплое море, масса комаров, назойливость которых я почти не замечал за поцелуями с девушкой Викой, работавшей на местном радиозаводе. Запах загорелой кожи и незнакомой, не московской косметики вызывали у меня чувство чего-то нового, необычного, и я жадно наслаждался этим новым ощущением. «Рига — маленький Париж», — на полном серьезе лепетала Вика, а мне это было очень смешно. Но чтобы не огорчать ее наивную убежденность, я тоже улыбался и кивал головой. Одна из таких прогулок окончилась для нас печально. Однажды в шутку мы начали кидаться сосновыми шишками в сторожа какого-то магазина. Проезжающий наряд милиции забрал нас в отделение, где меня ощутимо отделали резиновыми палками, а Вике «прочитали лекцию» на тему того, что ей, латышке, нехорошо гулять по ночам с русскими парнями. Выйдя из милиции, Вика рассказала мне, что многие «латышские стрелки» (ее слова) плохо относятся к русским. Сама она латышка только по отцу, а мама русская, и ей не по душе латышский национализм.

Для меня этот случай стал первым примером немотивированной национальной неприязни со стороны некоторой части прибалтийских народностей (уверен, что далеко не всех) в отношении русских. После Риги я отдыхал два раза в Друскининкае, два раза в Лиепае, ездил в Эстонию. Мне нравилась Прибалтика, с симпатией я относился к ее жителям, никогда не чувствовал к ним предубеждения. Но при этом неоднократно ощущал неприязнь со стороны некоторых официальных лиц, милиции и интеллигенции. считающим себя патриотами своих мест прибалтам не нравилось, когда патриотические чувства к собственной Родине проявляли русские люди. Один из литовцев, библиотекарь из пансионата в Друскининкае, где я жил, назвал меня «имперским шовинистом»

только за подбор книг, которые я брал для прочтения (биографии Суворова и Петра I, воспоминания маршала Конева и т.п.). Тот же самый библиотекарь буквально расстилался перед иностранцами, лебезил, уговаривал их продать какие-то ношеные вещи. В его поступках чувствовались глубокий провинциализм, русофобия и какой-то комплекс неполноценности в обожании иностранцев. Поражала также легкость и деловитость, с которой местные девушки предлагали себя иностранцам. среди местных парней многие занимались спекуляцией импортными товарами. Конец 60-х — 70-е годы были тем временем, когда западные спецслужбы для усиления своего влияния использовали «неполитические методы проникновения». Они создавали в этих советских республиках, а также в Грузии, Азербайджане, Армении сеть подпольного бизнеса и спекулянтов, финансируемую из секретных фондов. создавался слой людей, не занимавшихся политикой, не выполнявших никаких разведывательных заданий, но по своему духу являвшихся агентами влияния Запада, способными со временем выполнять и политические задачи.

Дух русофобии и национальной неблагодарности в отношении русских, пронизывающий значительную часть прибалтийских народностей, у меня, как и у других соотечественников, вызывал глубокое возмущение. Я знал, сколько крови было пролито русскими людьми на этих землях, чтобы спасти племена, жившие на них, от германского геноцида. Двигаясь на восток, немцы вырезали близкие латышам племена пруссов. Русские, жившие в IX—XII веках на прибалтийских землях, остановили германский геноцид, оказали значительное благотворное влияние на населявшие их языческие племена эстов, латгал, жемайтийцев, ятвягов и др., неся им духовное просвещение и культуру. В латгальские племена, например, христианство пришло с Руси (почти все слова христианского культа заимствованы из русского языка), а административные округа у латгалов назывались по-русски — погостами. В X—XII веках прибалтийские земли фактически входили в состав Русского государства. В 1030-м Ярослав Мудрый основывает здесь город Юрьев, а земли, населенные племенем эстов, принадлежат Руси. Латгальские земли входят частично в Полоцкое княжество, а частично принадлежат Пскову. К Галицко-Волынскому княжеству относятся земли будущей Литвы.

Ослабление Русского государства в результате татаро-монгольского ига привело к тому, что многие прибалтийские территории оказались захваченными немецкими оккупантами, осуществлявшими геноцид местного населения. Одновременно в 1240-м возникло Великое княжество Литовское, языческая знать

которого по культуре и вере была ниже народа, управляемого ею. Это искусственное и нежизнеспособное государственное образование не имело даже собственного государственного языка и использовало русский. Впоследствии оно было поглощено Польшей. На несколько веков Прибалтика оказалась под немецкой и польской оккупацией. В XVI веке Россия начинает борьбу за возвращение прибалтийских земель. В XVIII веке все они полностью вернулись в состав Русского государства, став одной из самых процветающих частей Российской империи. Во время Первой мировой войны германский генштаб разработал план отторжения Прибалтики от России и присоединения ее к Германии. Промежуточным этапом стало создание на прибалтийских землях марионеточных республик (Эстонии, Латвии и Литвы), возглавляемых германскими агентами и политическими авантюристами.

Эти марионеточные прозападные режимы просуществовали два десятилетия и без особой борьбы пали в 1940-м. Прибалтика вернулась в состав России, которая защитила ее в 1941—45 от гитлеровского режима, планировавшего полное выселение с этих земель всех живших здесь прибалтийских народностей и присоединение их земель к Третьему рейху.

В начале 70-х годов в последнюю мою поездку в эти места меня поразили рассказы очевидцев о том, что в некоторых латышских хуторах молодежь чествовала как героев бывших местных эсэсовцев и солдат, воевавших в германской армии. Вначале все это казалось мне просто чудовищным, неправдоподобным, пока во время экскурсии в Ригу я сам не столкнулся с подобным кумиром латышских националистов. Было это в пивном баре, куда я ненароком зашел. В углу зала, сдвинув несколько столов, сидело десятка полтора молодых людей в одинаковых темно-коричневых и темно-зеленых рубашках, а во главе их молодящийся старик, что-то с жаром им вещавший на латышском языке. Отвечая на мой немой вопрос — кто они, сидевший рядом со мной мужчина сказал: «Это местные национал-демократы, главное их занятие — спекуляция, а ближе к вечеру иногда собираются здесь, считают русских “оккупантами” и мечтают о “западной демократии”». Самое интересное, что часть из этих национал-демократов были евреями.

Несмотря на неприятный осадок, который оставляли подобные встречи, мое отношение к Прибалтике не изменилось. Гуляя по морю, совершая экскурсии по городам и местечкам, осматривая музеи, я достаточно неплохо изучил этот край, научился почти безошибочно реагировать на антирусски

настроенных типов, невозмутимо поворачиваясь к ним спиной.

В Прибалтике произошла одна из главных встреч в моей жизни. В июле 1972 года на курорте в Лиепае я познакомился с женщиной, которая через год стала моей женой, верным другом и помощником в моих делах. Ее звали Таня, она была из семьи морского офицера-патриота, после войны служившего в бывшем прусском порту Свинемюнде, а мама ее даже в те непростые времена оставалась православной. Первые годы своей жизни Таня провела на Балтийском море, которое для нее, как и для меня, стало особенно близким. Бурный курортный роман перерос для нас в глубокое взаимное чувство. Таня жила в Ленинграде, а я в Москве. Каждую неделю мы писали друг другу письма. Она приезжала ко мне, а я к ней. Разлука с расстоянием в 800 км в конце концов показалась нам невыносимой. В мае 1973 года мы поженились.

ГЛАВА 9

ПОДВЕДЕНИЕ ПЕРВЫХ НАУЧНЫХ ИТОГОВ. - ПОНИМАНИЕ СУТИ СОВЕТСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ. - СОЦИАЛИЗМ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ РАЗВЕРТЫВАНИЯ САТАНИЗМА

Официальная и подпольная работа в ЦСУ СССР, общение с представителями министерств и ведомств, беседы с Миндаровым, Людвиговым и другими информированными людьми подвели меня к очень серьезным обобщениям, касающимся сути общества, в котором я жил, — так называемого социализма и его вождя Ленина.

Моя бабушка Поля, своими глазам видевшая зверства еврейских большевиков над своими земляками в Вязниках и Муроме, навсегда запомнившая разрушение церквей и преследование священников, считала Ленина извергом и сатанистом. Когда она в сердцах это говорила моему отцу, я ее еще не понимал и был в ужасе от таких слов. Однако к середине 70-х годов я все более убеждался в ее правоте. Последнюю точку в моих сомнениях поставило знакомство с ключевыми мыслями русского философа Алексея Федоровича Лосева, человека великой и трагической судьбы, потерявшего зрение на лесоповале при строительстве Беломорканала. В дом Лосева был вхож мой друг Саша Матвеев. Именно он пересказал мне слова философа о том, что капитализм и социализм есть две формы развертывания сатанизма. Борьба сатаны с Богом — главная завязка мировой истории.

Сатана пытается изменить христианский порядок, стремление к правде, добру и справедливости, обманув людей, предлагая им фальшивую возможность построить рай на земле без Бога. Антихристианская идеология построения утопического социалистического общества есть орудие борьбы с христианской цивилизацией, основанной на духовных ценностях Нового Завета.

Первые зачатки социалистической идеологии связаны с деятельностью иудейских сект, тайных обществ и масонских лож, ставивших своей целью разрушение христианского миропорядка и построение на его руинах нового общества.

социалистическое революционное движение было воплощением разных сторон иудейско-талмудического мессианизма. Представители его жили религиозным ожиданием чуда наступления новой эпохи, когда роль «спасителей человечества» будет играть «избранный народ».

История социалистической революции и построения социализма в России шла по пути осуществления антихристианских идеалов иудейского мировоззрения, стремления к человекобожеству, к царству земному, к торжеству антихриста. И в этом историческом случае еврейский вопрос в России осуществлялся как вопрос религиозный, хотя на первый взгляд казался больше политическим и социальным. социализм, коммунизм, а впоследствии и еврейский большевизм всегда были сродни иудейскому мессианизму.

Как писал А. В. Меллер-Закомельский, «все религиозное творчество еврейства насыщено острой и фанатической идеей мессианизма. Мессианизм — это вдохновляющий пафос всей духовной жизни еврейства. Древний Израиль — избранный народ, ожидающий Божеской благодати — рождения Мессии. Великая мессианская идея Израиля, по существу вселенская, издревле сопровождается двумя течениями, суживающими ее и уродующими: шовинизмом и хилиазмом. Еврейский шовинизм низводит мировое призвание мессианизма на степень провинциализма,

чает в грядущем Мессии своего царя, своего избавителя, который возвеличит лишь избранный народ и даст ему власть над другими народами. Вопрос поставлен о судьбах всего Израиля, целого народа, коллектива, и индивидуальная судьба человеческой личности остается в тени. Отсюда — удивительный факт, что столь интенсивное религиозное творчество еврейства очень долго не интересуется проблемой бессмертия, жизни вечной, — проблемой, занимающей центральное место в религиях Индии, Египта и Греции и получающей свое торжествующее разрешение в радостном Воскресении Иисуса Христа. Судьбы человеческой личности поглощены судьбой коллектива, огромностью его божественного признания. Жизнь вечная еврея не интересует, и потому он ищет спасения в этой, земной, жизни и ее продлении. Он требует справедливости, суда Божия, удовлетворения всех его чаяний здесь, на земле. Отсюда — идея хилиазма, которой проникнуто миросозерцание еврейства: оно ждет от Мессии осуществления Царства Божия на земле, земного рая.

Отравленное шовинизмом и хилиазмом еврейство отвергает учение Христа, несущего слова “Царство Мое не от мира сего”. Евреи не пожелали принять хлеб Небесный взамен чаемого хлеба земного и не признали в христианстве осуществления своего мессианизма. В акте отречения от Христа — величайшая трагедия еврейского духа. Распяв Христа, евреи с еще большей страстью погружаются в свои исконные заблуждения. Мессианские чаяния

древности окончательно вырождаются в шовинизм; безблагодатный рационалистический эвдемонизм заменяет хилиазм древних пророков.

В социализме еврейских революционеров, в материализме еврейских ученых, в стяжательстве еврейских капиталистов — все та же древнеизраильская неизбывная привязанность к земле, к жизни сей. социализм Карла Маркса... есть логический вывод из израильского хилиазма к обществу своему плоть от плоти иудаизма».

Почти все самые значительные основоположники и вожди социализма были евреями по происхождению (К. Маркс, Ф. Лассаль, М. Гесс) или масонами (Гарибальди, Мадзини, Бакунин, Кропоткин), то есть иудеями по духу, последователями мессианской утопии построения «высшего общества» на началах иудейского учения об «избранном народе». Даже К. Маркс, открыто презиравший иудаизм и его последователей за «реакционный национализм», в своих социалистических теориях сохранил все антихристианские, богоборческие принципы иудаизма, лишь перефразировав их.

Его идеи создания справедливого коммунистического общества во всем мире представляли собой модификацию иудейских мессианских ожиданий. Хотя в теории Маркса ничего не говорилось о руководящей роли евреев в этом процессе, сам характер предполагаемой «работы» неминуемо требовал для ее исполнения людей определенного талмудического склада мысли. социализм и коммунизм являлись как бы первым этапом к установлению господства иудаизма, то есть царства антихриста. социализм превращался в орудие окончательного уничтожения христианства и формирования атеистического, антихристианского сознания.

Еврейское требование земного блаженства в социализме К. Маркса сказалось в новой форме и в совершенно другой исторической обстановке. «Учение Маркса внешне порывает с религиозными традициями еврейства и восстает против всякой святыни. Но мессианскую идею, которая была распространена на народ еврейский, как избранный народ Божий, Маркс переносит на класс, на пролетариат. Этот новый народ избранный — пролетариат под водительством “специфически еврейских пророков и освободителей” стремится осуществить исконное еврейское чаяние рая земного. И в современном социализме мы находим те же черты, что и в древнем иудаизме. Та же страстная нетерпимость к инаковерующим, то же пренебрежение судьбой человеческой личности во имя коллектива» (А. Меллер-Закомельский).

«Коммунистический манифест» К. Маркса формулировал цели создания сверхгосударства, все его члены подчиняются единой воле своих вождей и становятся бессловесными строителями (фактически рабами) «нового мирового порядка», из которого полностью исключалось христианство.

Талмудическую доктрину о неизбежности мирового господства «избранного народа» и построении всемирного иудейского царства Маркс трансформировал в теорию всемирной революции, установления диктатуры класса для создания высшего общества. Как и талмудический иудаизм, социализм Маркса предполагал широкомасштабное насилие и террор против всех противников господствующего класса («избранного народа»).

В этом смысле более последовательным и честным, чем Маркс, был Мозес Гесс, подлинный создатель социализма с еврейским лицом.

Друзья называли Гесса «рабби-коммунист Мозес». Всемирная революция будет только тогда успешной, когда ее будут возглавлять иудеи-талмудисты. Окончательное спасение человечества, утверждал он, придет от евреев. Как писал видный современный сионист Г. Фиш, «для него (Гесса. — ***О. П.)*** сионизм (хотя тогда этого термина еще не было. — ***О. П.)*** был высшей точкой либеральных революций XIX века, но и в какой-то степени их антитезой. Сионизм объединит религию и историю; материальное и духовное сольются и образуют идеальное единство. Осуществятся национальные чаяния, поднявшись до уровня мирового спасения».

Главная цель всех революций, утверждал в середине XIX века Гесс, — возрождение Израиля на его земле. Когда Израиль вновь обретет свое истинное призвание в господстве «избранного народа» над человечеством, «исторический процесс завершится окончательным избавлением и будут достигнуты цели всех других революций» (Г. Фиш).

Гесс считал еврейскую революцию главной силой человеческого прогресса. Иудаизм представлялся ему не в качестве религии — отжившей, преодоленной высшим светом христианства, а в качестве ее преемника. Высшая фаза иудаизма еще не наступила, но именно она принесет избавление человечеству. Весь мир нуждается в возрождении Израиля. Христианство, по утверждению Гесса, никогда не вело человека к подлинному спасению, которое несет иудаизм. Эпоха христианства подходит к концу; после французской революции XVIII века оно перестало влиять на события в Европе. Победа еврейской революции в мире неизбежна.

Хотя дальнейший ход истории не подтвердил всех

предсказаний Гесса, окончательные цели еврейской революции были достигнуты. Как констатировал К. Гарольд, «современный коммунизм развивался не по тому пути, который наметили для него Гесс и его друг Фердинанд Лассаль, а по программе, начертанной Марксом и Энгельсом. Однако диалектического процесса им оказалось достаточно, чтобы повести общество по заранее намеченному пути, проложенному исторической необходимостью...» За этой туманной фразой скрывается вполне ясная мысль иудея, торжествующего по поводу крушения христианства; по его мнению, это крушение явилось исторической необходимостью.

В работах Гесса — ключ к пониманию характера и конечных целей всех революций и социалистических движений, и прежде всего социализма в России.

Евреи в российском социалистическом движении играли роль катализатора и направляющей силы. Если на первых этапах революционной деятельности их немного, то к концу XIX — началу XX века они стали преобладающей силой.

В кружке будущего знаменитого масона и террориста Н. В. Чайковского (1869), пожалуй, наиболее заметны были Марк Натансон и Анна Эпштейн. Последняя способствовала возникновению в 1874-м в Вильно (духовном центре иудаизма, местопребывании Синедриона и виленского гаона) революционного кружка, во главе которого стояли Арон Либерман и Арон Зунделевич. От этого виленского кружка и от первого «Еврейского социалистического ферейна», основанного в 1876-м тем же Либерманом в Лондоне, и ведет свою родословную всемирное еврейское социалистическое рабочее движение.

В организациях, примыкавших к обществу «Земля и воля» (1876), участвовало несколько десятков евреев, игравших значительную роль, особенно в южнорусских кружках.

По делу народовольцев на «процессе пятидесяти» (1876) проходили две еврейки — Геся Гельфман и Бетя Каминская. На «процессе 193-х» (1877—1879) на скамье подсудимых оказались уже восемь евреев: Соломон Аронзон, М. Кац, И. Павловский, М. Рабинович, Л. Тетельман, С. Чудновский, М. Эдельштейн и Э. Пумпянская.

К числу наиболее выдающихся еврейских деятелей «Земли и воли» и «Народной воли» относились А. Арончик, О. Аптекман, П. Аксельрод, Г. Гольденберг, Г. Гельфман, Л. Дейч, А. Зунделевич, С. и Г. Златопольские, Вл. Иохельсон, Н. Утин, Ф. Морейнис,

Г. Фриденсон, Л. Цукерман. Среди террористов-народовольцев, казненных русским правительством уже в 1870-х, известны два еврея — А. Гобет и с. Витенберг.

Цареубийство 1881-го — страшное преступление против русского народа, совершенное «народовольцами», — заставило русское правительство полностью разгромить эту подрывную организацию. Однако уже через несколько лет делается попытка восстановить преступное подполье под тем же названием. На этот раз инициаторами возрождения политического терроризма были преимущественно евреи. Имена и деятельность этих преступников кровавыми буквами вписаны в историю России: А. Бах, Р. Кранцфельд, Б. Оржих, Л. М. Залкинд, С. Гинзбург, М. Гоц, М. Фундаминский, О. Минор, Г. Добрускина, И. Дембо, М. Кроль, Л. Штернберг, В. Богораз-Тан, П. Богораз.

С конца XIX века социал-демократическое движение стало главной составляющей еврейской революции в России. Его инициаторами, начиная от группы «Освобождение труда» до «ленинской гвардии», выступили также евреи: Ю. Мартов (Цеденбаум), Ф. Дан (Гурвич), Л. Аксельрод-Ортодокс, Ю. Стеклов (Нахамкес), Д. Кольцов-Гинзбург, Э. Абрамович, А. Кремер, М. Ляховский, Б. Эйдельман, Д. Рязанов (Гольденбах), М. Винокур, Ф. Годлевский, А. Соколовская, Е. Гурвич, Д. Шхиз, Д. Розенблюм, Ц. Копель-зон, Л. Иогихес-Тышко, Л. Айзенштадт-Левинсон, И. Айзенштадт-Юдин, П. Гордон, С. Гожанский-Лону, Н. Вигдорчик, П. Средницкая, В. Кассовский.

Главными задачами, которые ставили перед собой социалисты в России, были: уничтожение русского государственного порядка (монархии), ликвидация Русской Православной Церкви, террор против всех, кто не принимал социалистической доктрины, и, наконец, построение общества всеобщего благоденствия.

В 1917-м социалистическая партия захватила власть. Лидером социалистического движения стала партия большевиков, возглавляемая В. И. Лениным (по матери Бланк), Л. Д. Троцким (Бронштейн), Г. Е. Зиновьевым (Радомысльский), Л. Б. Каменевым (Розенфельд).

Российским социалистам удалось выполнить разрушительную часть своей программы, а созидательная часть оказалась им не под силу. семьдесят лет социалистического эксперимента привели к гибели десятков миллионов людей (казненных, убитых, умерших от голода и болезней) и подрыву экономического потенциала страны. Относительные экономические успехи достигались огромной ценой выматывания народных сил. Разрушение и расчленение страны под руководством деятелей КПСС М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина стало логическим завершением развития социалистической идеологии.

Впрочем, до разрушения России оставалось еще 15 лет. Все было предрешено и вместе с тем оставляло надежды на спасение России, задушенной социализмом. Противостояние социалистической идеологии означало неприятие сатаны. Борьба с социализмом — борьба против антихриста. Еще тогда, в середине 70-х, я понял, что бороться с социализмом в СССР можно только путем подмены его понятий христианскими идеями святой Руси, не называя их источника, а предлагая их как якобы социалистические. В своих ранних статьях и первых книгах я говорю о «возвращении к народным основам, традициям и идеалам», призывая к культурно-историческому возрождению, к накопленным поколениями наших предков духовнонравственным ценностям добра, нестяжательства, справедливости. Конечно, я был наивен — нельзя обмануть князя Тьмы.

ГЛАВА 10

ПРОЩАНИЕ С ЦСУ. - ПОИСК НОВОЙ РАБОТЫ. - ИНСТИТУТ ТРУДА.. - ИМИТАЦИЯ НАУКИ. -М. Г. МОШЕНСКИЙ И ЕВРЕИ. - СОВХОЗ «ЗАВЕТЫ ИЛЬИЧА». - ИССЛЕДОВАНИЕ МАСОНСКИХ ГНЕЗД. -Н. И. НОВИКОВ И АВДОТЬИНО. - ГРАФ ОРЛОВ-ДАВЫДОВ В «ОТРАДЕ»

В середине 70-х умер начальник ЦСУ СССР Старовский. Его преемником стал почти не скрывавший своих сионистских убеждений Лейба Володарский. Атмосфера в учреждении резко ухудшилась, оживилась «сионистская партия». Научная работа меня увлекала, но в стенах ЦСУ я не видел перспектив для своего развития как ученого. В конце 1976-го я начал искать новое место работы. По рекомендации друзей и знакомых посетил несколько исследовательских учреждений — Институт США и Канады, Институт международного рабочего движения, Экономический институт Министерства обороны (ГРУ), Экономический институт СЭВ и Институт труда.

В Институт США и Канады (о котором я расскажу подробнее в следующей главе) меня рекомендовал мой учитель Миндаров. Сюда я пришел к его знакомому В. М. Кудрову, с которым ранее встречался при работе над диссертацией. Это был один из ведущих специалистов в области экономики США, проживший в этой стране несколько лет. Принял Кудров меня приветливо, но с ходу огорошил откровением: «Наш институт “позвоночный”, принимают только по большой протекции (по звонку) сверху. Наш шеф Арбатов проводит политику подбора кадров среди отпрысков советских государственных и партийных деятелей. Опираясь на отпрысков, директор обделывает свои личные делишки. Я в институте считаюсь оппозицией, поэтому вряд ли моя протекция вам поможет. Впрочем, если вы даже и устроитесь в нашу контору, то вам не дадут ходу. Заставят быть шестеркой при каком-либо отпрыске! То, что вы написали интересную диссертацию по США, здесь ничего не значит. Институт занимается больше политикой, чем наукой»[13].

Институт международного рабочего движения, куда я пришел тоже по протекции знакомых в присутственный день, поразил меня огромным количеством евреев. Казалось, ты находишься в другой стране. Непонятно, откуда возникла такая любовь «избранных» к рабочему движению, но за полтора часа, которые мне пришлось ожидать опоздавшего зав. отделом, я не услышал

ни одного научного разговора. Шел обычный бытовой треп — об одежде, машинах, кто с кем спит, что можно купить в зарубежных командировках и т.п. Причем треп не русский, а какой-то иностранный, совершенно пустой и скучный. Немного поговорив с заведу ющим, который с ходу стал втягивать меня в какую-то интригу, я понял, что никогда не смогу работать с этой публикой. Сказав, что я подумаю, и вежливо попрощавшись, я ушел, чтобы никогда туда не вернуться.

Экономический институт СЭВ на Сухаревской площади в отличие от предыдущей конторы был пуст. На всем пути, начиная с вахты до кабинета на третьем этаже, где мне была назначена встреча, я не встретил ни одного живого человека. Около часа я пытался добиться у начальника отдела, миловидной женщины средних лет, ответа на вопрос — чем же все-таки реально занимается институт, и наконец понял — обтекаемыми экономическими фикциями. Институт, как и сам Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), был фикцией, созданной для того, чтобы скрыть ужасную правду. Правда же состояла в том, что СЭВ был создан как инструмент перекачки ресурсов России в восточноевропейские страны и Вьетнам. Это следовало из секретных документов, с которыми я познакомился еще в ЦСУ. Работа в Институте СЭВ показалась мне бесперспективной и неинтересной.

Экономический институт Министерства обороны размещался в купеческом особняке в районе Курского вокзала. Сразу же за автоматчиком на вахте бросалась в глаза написанная во всю стену картина с полуобнаженными женщинами. Любезный полковник рассказал мне, что институт занимается изучением экономического потенциала стран — главных противников СССР, к которым относятся США, Китай и ведущие страны Западной Европы. Рассказывал он про это с большой заинтересованностью и знанием дела. Характер и направление исследований мне понравились, однако сильно смутило то, что для служебного роста требовалось надеть погоны и фактически стать военнослужащим. Более того, работа в институте означала переход под полный контроль спецслужб. Последнее для меня было неприемлемо, так как я уже твердо решил продолжать свои подпольные исследования «Россия во времени и в пространстве» и сумел собрать в ЦСУ большое количество совершенно закрытых в то время материалов. Подумав две недели, я с грустью отказал любезному полковнику.

Наиболее подходящим вариантом для меня оказалось предложение из Института труда. Зав. отделом производительности труда этого института Алексей Павлович

Костин, часто приходивший в ЦСУ на консультации, однажды предложил мне организовать в его отделе сектор международных сопоставлений.

Русский человек, фронтовик, по своему духу он был похож на моего отца, и я, подумав несколько недель, согласился.

Мне казалось, что я смогу самостоятельно работать, используя результаты моих официальных занятий для подпольных исследований. На деле получилось иначе. Алексей Павлович перенес инсульт и не смог выполнить свое обещание о создании сектора. В качестве старшего научного сотрудника мне пришлось заниматься совершенно пустыми темами. созданный в 20-е годы А. Гастевым Институт труда в свое время был известным научным учреждением, в котором работали видные ученые. Проводились серьезные исследования, выпускались солидные монографии. В институте была собрана богатая научная библиотека.

Но к моменту моего перехода в этот институт положение существенно изменилось. самых видных специалистов здесь уже не было. Руководство института перешло в руки заурядных чиновников, не имевших серьезных научных заслуг и выпускавших монографии, больше походившие на коряво написанные производственные инструкции, чем на научные исследования. Директором при мне был Д. Н. Карпухин, полуеврей, державшийся с большим апломбом, очень похожий на самодовольного индюка. Если его предшественник Е. И. Капустин допускал продвижение русских кадров, то Карпухин делал ставку преимущественно на евреев. Они занимали все ключевые должности. После ухода по болезни Костина зав. отделом производительности труда был назначен сионист Я. М. Шагалов, человек малокомпетентный, но занимавший одно из первых мест в структуре сионистской партии института.

Эта партия в Институте труда была менее сплоченной, чем в ЦСУ. Группу сионистов возглавляли Рысс, Шагалов, Коробчинский. Все они входили в партком института и считались самыми видными партийными активистами института. В конце 80-х два последних уехали в Израиль. Люди эти своей активностью буквально терроризировали институт, подавляли все проявления русских национальных чувств. Компартия для них была вроде дубины для расправы с инакомыслящими. Помню, как активисты сгоняли сотрудников института на общие собрания и устраивали чтения партийных документов и воспоминаний Брежнева. Тех, кто избегал этих собраний, по их инициативе прорабатывали, лишали премии. Вокруг сионистских активистов сплачивались их соплеменники, не имевшие ничего общего с

наукой. При Шагалове большая часть его соратников год от года давала практически одни и те же отчеты со стереотипными выводами, добавляя только данные за последний период. Читать плоды их трудов было и скучно, и смешно. Редким исключением среди еврейской части Института труда были М. Г. Мошенский (зав. отделом капиталистических стран) и Слезингер. Это были серьезные исследователи, пользовавшиеся заслуженным авторитетом и за стенами учреждения. с Мошенским, несмотря на его происхождение, у меня установились хорошие отношения — хотя ладить с ним было нелегко. Очень сложный человек, с частыми депрессиями и переменами настроения, он постоянно ругал «этих жидов» (его слова о Шагалове и Рыссе), от которых «не добьешься толку». Вначале его выпады против «жидов» казались мне грубой провокацией, а затем я понял, что он, как серьезный ученый, действительно презирал их за некомпетентность и имитацию науки. Настроенный критически к советской власти, он, выходец из Одессы, поведал мне, как в этом городе расправлялись с белыми офицерами и членами русских патриотических организаций — Союза Русского Народа и др. Их привозили лодками на два больших корабля, стоявших на рейде в заливе, садистски мучили, а потом убивали и бросали в море. Иногда море выбрасывало на берег изуродованные трупы, а большевики объявляли их жертвами бандитов. За короткий срок еврейские чекисты уничтожили по списку всех членов местных русских патриотических организаций.

Институтские евреи не любили Мошенского и постоянно его травили. Я же понимал его и, когда представился случай, перевелся к нему в отдел. По его совету я начал писать докторскую диссертацию на тему «Качество трудовой жизни». Писал я ее, как и свою подпольную работу «Россия во времени и пространстве», в полной тайне, не надеясь выйти на защиту, пока абсолютная власть в институте принадлежала сионистской партии. Только через десять лет, когда полукровку Карпухина сменил на посту директора русский человек Е. Г. Антосенков, а большая часть представителей сионистской партии уехала в Израиль и другие зарубежные страны, мне удалось поступить в докторантуру и успешно защитить докторскую диссертацию.

Годы, предшествовавшие моей защите, были временем непрекращающейся полемики с контролировавшими институт еврейскими деятелями. Я был увлечен научными исследованиями, не боялся трудоемких и острых тем, которые могли вызвать неудовольствие вышестоящего начальства. существовало довольно много научных тем, на исследование которых было наложено табу. Прежде всего это касалось любимых

мною международных сопоставлений, особенно в области производительности труда и уровня жизни. Я же постоянно отстаивал мысль о том, что в науке не может быть компромиссов и запретных тем. с того момента, когда начинаются компромиссы и ученые предпочитают не искать истину, а обходить запретные темы, наука превращается в фикцию.

Пользуясь моим научным азартом и горячностью, оппоненты (преимущественно из сионистов) часто подвергали меня несправедливой огульной критике.

Делалось это, как правило, с «партийных позиций». Мне приписывали отход от марксизма-ленинизма, ленинских принципов советской науки, хотя политических вопросов в своих работах я не рассматривал. Партийная критика была только средством сионистской партии изгнать меня из института, к чему в отдельные годы они были очень близки. Однако расправиться со мной им мешала некоторая, хотя и очень слабая, поддержка со стороны некоторых работников ЦК КПСС, пользовавшихся моими научными материалами и записками. Нападки на меня усилились после моего конфликта с КГБ (о котором я расскажу далее) и прихода к власти Андропова, начавшего гонения на русских патриотов.

Несмотря на научную слабость руководства Института труда, работа в нем имела большое преимущество — возможность заниматься тем, что тебе нравится. Имитация науки, поощряемая сверху, оставляла сотрудникам много свободного времени, и каждый распоряжался этим временем по своему усмотрению. Я занимался своей подпольной научной работой, сидел в библиотеках, много путешествовал за счет отгулов, которые щедро давались нам по разным поводам. Женщины, имевшие детей, бегали по магазинам и потом подолгу обсуждали свои покупки. Лодырям институт давал возможность бездельничать, легко имитируя «научную деятельность», прожигателям жизни с размахом прогуливать, устраивать веселые попойки, бегать на любовные свидания. На Новый год и по советским праздникам устраивались шумные застолья с танцами и загулом допоздна. Практиковались служебные романы, чему пример подавала сама дирекция. Один зам. директора, например, превратил свой кабинет в место свиданий с девушками. На субботу или воскресенье, когда в институте никого не было, он приглашал их в свой кабинет. В качестве ложа использовался широкий диван, стоявший ранее в кабинете у самого Л. М. Кагановича в бытность того председателем Комитета по труду и заработной плате, к которому относился наш институт. Одно свидание зам. директора закончилось большим скандалом. Приглашенная им в очередную

субботу «на консультацию» аспирантка от большого количества алкоголя потеряла сознание, пришлось вызывать «скорую помощь». Приехавшие врачи увидели на диване нагую девушку и совершенно пьяного мужчину — зам. директора. Девушку увезли в больницу, мужчину — в вытрезвитель, а «провинившийся» диван Кагановича выставили в комнату вахтеров.

Особой эпопеей в институте были поездки в подшефный совхоз «Заветы Ильича» в Ступинском районе. Каждый сотрудник проводил в нем не менее двух недель в год, некоторые же сидели месяцами. За каждый день работы в совхозе полагались два отгула. Таким образом, каждый год можно было прибавить к своему отпуску еще месяц за счет отгулов, что давало мне возможность подолгу путешествовать по России.

Наше существование в совхозе проходило примерно так: весной, рассевшись на солнышке вокруг огромного гурта, мы выполняли работу по переборке картошки для посева. Рядом с нами работали местные жители, женщины в возрасте. Бабушки, родившиеся еще при царе, трудились лучше всех — споро, старательно, вдумчиво и даже с каким-то удовлетворением («А мы по-другому и не можем», — говорила одна из них); женщины помоложе, рождения примерно годов двадцатых, работали неплохо, но как-то безо всякого интереса, формально, только бы отделаться — и все; мы же, «специалисты по труду», работали плохо, спустя рукава, с долгими перекурами и болтовней. Осенью мы собирали картошку, затаривали ее в мешки и грузили на машины. Удовлетворение от этого труда не было. Наблюдения за работой в деревне натолкнули меня на ряд мыслей, которые я в дальнейшем развил в своей книге «Русский труд».

Деревня Васильевка, которая до революции была процветающим селом с церковью и ярмаркой, в советское время жила убого и безалаберно — грязные дороги, какие-то ямы, там часть комбайна лежит лет десять, в другом месте заржавевшие остатки кузова грузовика. Церковь взорвали в 30-е годы, православных почти не осталось. Несмотря на то что нас прислали в помощь совхозу, в деревне было много людей, нигде не работавших, копавшихся в своем хозяйстве или бесцельно шатающихся по улицам в ожидании выпивки.

В течение дня к сельмагу, в котором практически ничего не было, кроме спиртного и рыбных консервов, подъезжали грузовики и тракторы, водители их запасались «бормотухой» или чем покрепче. К концу рабочего дня некоторые механизаторы, среди которых было много молодых, уже не могли выполнять работу, даже подстегиваемые матом управляющего отделением.

По вечерам в колхозном бараке мы пили чай из алюминиевых

кружек, а из окна раздавались частушки, одну из которых я запомнил:

А я с миленьким гуляю
С вечера и до утра.
А картошку убирают
Из Москвы инженера.

Впрочем, даже эти вынужденные поездки в совхоз я научился использовать для своих первых исследований о подрывной деятельности масонов. Дело в том, что недалеко от нашего совхоза находились до 1917 года два серьезных масонских гнезда, в которых плелись интриги против России, — усадьба Н. И. Новикова Авдотьино и усадьба графа Орлова-Давыдова Отрада-Семеновское.

По стечению обстоятельств, незадолго до первой поездки в Авдотьино я купил у букиниста ценнейшую книгу П. Ефремова «Новиков и московские мартинисты». Она дала толчок для моих исследований в Авдотьине, куда я приезжал несколько раз и подолгу беседовал со старожилами. Некоторые старики еще помнили, как им их деды рассказывали о тайных фармазонских сборищах в усадьбе, о таинственных иностранцах, подолгу живших здесь, о черной карете, запряженной черными, как смоль, лошадьми, привозившей людей в темных масках. старики также рассказывали, что в главном барском доме, не сохранившимся до наших дней, существовала «зала» без окон, где совершались страшные обряды и участники причащались кровью из кубка. Церковь была расписана масонскими символами. смутные обрывки сведений о личности самого Новикова, сохранившиеся у старожилов, давали противоречивую картину — с одной стороны, старожилы прекрасно понимали преступный характер сборищ фармазонов, с другой, считали Новикова хорошим человеком, заботившимся о своих крестьянах, и даже жалели его, по своей доброте втянутого в преступное дело. По преданиям, сохранившимся в Авдотьине, Новиков очень жалел о том, что в свое время был втянут в масонские сходки, и в конце дней своих публично каялся в этом в церкви перед народом.

Личность Новикова меня сильно интриговала. Я не мог согласиться с ложным подходом либеральных и советских исследователей, которые рассматривали его только через призму участия в работе масонских организаций. Исследования, начатые мной в Авдотьине и продолженные в начале 80-х, позволили сделать вывод о том, что Новиков по своему духу был глубоко чужд масонским конспираторам.

Как писатель-просветитель, публикатор произведений древней русской литературы, Новиков сложился еще до своего вступления в масонство, которое он по наивности пытался использовать в своих целях.

Работа в Комиссии по составлению нового Уложения в качестве секретаря («держателя дневной записки»), издание сатирических журналов «Трутень» и «Живописец» с полной очевидностью выявили его национально-русские симпатии и резко отрицательное отношение к космополитизированным знати и дворянству. Новиков в своих журналах показывает облик космополитизированной части правящего класса, представители которого рассматривают Россию как «неприятельскую землю, жадно терзающие ее для того, чтобы жрать, спать и развратничать. Это какие-то изверги без роду и племени, утратившие достоинство, честь и совесть, превратившиеся в скотоподобных завоевателей».

Из уст подобных дворян-космополитов, почвы, на которой, собственно, и выросло масонство, нередко можно было услышать: «Я не знаю русского языка. Покойный батюшка его терпеть не мог, да и всю Россию ненавидел; и сожалел, что он в ней родился; полно, этому дивиться нечему; она и подлинно этого заслуживает» (Трутень. Лист 3). Новиков презирает и ненавидит подобных дворян. Его симпатии на стороне простого русского народа, и прежде всего крестьян, которых он показывает трудолюбивыми и добродетельными, страдающими от притеснения дворян-космополитов.

Очевидно, что Новиков стоит на позиции реформирования русской жизни на национальных основах. Именно для этого им издаются сборники произведений древней русской литературы «Древняя российская вивлиофика» (1773—1775), которые свидетельствуют о величии духа русских людей. В предисловии Новиков писал: «Не все у нас еще, слава Богу! заражены Франциею; но есть много и таких, которые с великим любопытством читать будут описания некоторых обрядов, о сожитии предков наших употреблявшихся; с не меньшим удовольствием увидят некое начертание нравов и обычаев и с восхищением познают великость духа их, украшенного простотою».

Участие Новикова в работе масонской организации — трагедия его жизни. Масонские конспираторы использовали политическую наивность Новикова, убедив и его, что в рамках масонских лож он сможет реализовать свои просветительские замыслы, обещав ему помощь и поддержку. Руководители вольных каменщиков использовали Новикова и его широкую

просветительскую деятельность в качестве ширмы для своих преступных планов. Он был приглашен вступить в ложу «Астрея» в 1775-м, в возрасте 31 года, хотя, безусловно, имел такие возможности и раньше (в то время абсолютное большинство представителей правящего класса вступало в ложи в возрасте 18—25 лет). Как справедливо отмечал исследователь творчества Новикова Г. П. Макогоненко, в масонском ордене Новиков сразу же «занял независимую позицию», ополчившись в своих статьях против самих идеологических основ антиобщественной философии масонства. «На этой почве между Новиковым и руководителями русских розенкрейцеров — мистиком Шварцем, а позже политическим авантюристом Шредером — завязалась борьба, а между ним и остальными “братьями” возникла “холодность”. Попав вскоре даже в число руководителей московского ордена розенкрейцеров, Новиков сумел, тем не менее, не только отстоять свою независимость от орденских начальников, отстраниться от мистических исканий “братьев”, от нелепой обрядности, но и на какое-то время использовать средства ордена для своих просветительских целей». За 1779—1792 годы. Новиков создает в Москве просветительскую организацию со своими типографиями, которая издает сотни трудов по отечественной истории, сочинения русских авторов, переводы западноевропейской классики, сочинения по педагогике, экономике, грамматике и сотни различных учебных пособий, букварей и др. Конечно, все это не могло понравиться зарубежным руководителям масонского ордена.

Независимость от масонского начальства предопределила дальнейшую судьбу русского просветителя. По сути дела, он был выдан на заклание, специально подставлен с тем, чтобы погубить просветительское дело, ради которого он жил. Из многих десятков высокопоставленных масонских руководителей, в том числе занимающих видное положение при императорском дворе, судебному преследованию подвергся только Новиков. В 1792-м он был арестован.

Из следственного дела Новикова видно, что многих преступных политических интриг, которые вели масоны против Русского государства, Новиков просто не знал, более того, он не знал содержания некоторых масонских книг, которые печатались в его типографии по указанию масонских начальников. Ему объясняли, что он не готов к пониманию их таинств. Новиков не ведал, кто возглавляет орден розенкрейцеров, в котором состоял, а знал лишь своего непосредственного начальника. На допросе он показал: «Кто суть действительно из начальников... мне открыто не было, и я не знаю не только сих, но ниже того, который за

моим первым или ближайшим, которого одного только и знать по введенному порядку в ордене я мог».

Вступающим в орден обещали со временем открыть все тайны бытия, научить управлять событиями с помощью магии и каббалы, но для этого сперва надо было послушно исполнять все указания масонских начальников. Шли годы, а русских «братьев» не спешили знакомить с высшими таинствами. Причем возникало естественное сомнение — а существовали ли эти высшие таинства вообще и не было ли постоянное упоминание о них приманкой для легковерных с целью придать высший смысл существованию ордена, на самом деле носившего чисто политический характер?

На допросе Новиков сообщил: «В магии и каббале и не могли из нас никто упражняться, как то по бумагам видно, находясь в нижних только еще градусах, и мне о сих науках, кроме названия их, неизвестно».

Из показаний Новикова следовало, что каждому вступающему в орден показывали чертеж «таинственного содержания со словами “Шесть великие дни дел”» и на просьбу объяснить его говорили, что «сей чертеж расположен и писан каббалистически, и кто не упражнялся еще в нижних познаниях, тот не может понимать и разуметь вышних... а могут его разуметь только находящиеся в самых высших градусах». Рассуждения эти были чистой воды шарлатанством.

В общем, все материалы следствия говорили о том, что Новиков был сравнительно маловажной фигурой в масонской иерархии. И тот факт, что главный удар пришелся именно по нему, свидетельствует о сложной интриге, затеянной против него самими масонами из ближнего окружения императрицы. Понимая, что удара не избежать, масонские конспираторы решили отвести его на второстепенное звено своей цепи, уничтожив одновременно один из центров русского просвещения. Механизм этой интриги требует еще специального изучения. Очень характерно, что в деле о масонстве не пострадал ни один высокопоставленный масон, ни один из руководителей масонских орденов. А имена их были хорошо известны следствию. Это тем более удивительно, что царице было доложено, что в берлинских ложах 1790—1791 года поднимался вопрос о замене царствующей особы на русском престоле. В интриге этой были замешаны и русские масоны, пытавшиеся воспользоваться тяжелой военно-политической обстановкой в Европе для захвата власти в России. Дело против Новикова затеяно при участии московского генерал-губернатора графа Я. А. Брюса, известного своей принадлежностью к масонским ложам.

Большую роль в осуждении Новикова сыграл донос крупного масонского функционера князя Г. П. Гагарина, руководителя многих лож, великого мастера Великой провинциальной ложи, префекта капитула Феникса. Кстати, это не помешало ему занимать руководящую масонскую должность и в начале XIX века.

В общем, посадив в Шлиссельбургскую крепость Н. И. Новикова и отправив в ссылку некоторых его соратников, императрица как бы поставила точку в этом деле. Реально никто из масонов не пострадал, сохранялась сложная сеть масонских лож, которые продолжали свою подпольную деятельность, зато был уничтожен до основания один из центров русского просвещения. Поэтому можно согласиться с выводом исследователя Макогоненко о том, что Новикова преследовали «не за масонство, а за огромную... просветительскую деятельность, которая стала крупным явлением общественной жизни восьмидесятых годов».

Просидев четыре года в крепости, не получая никакой помощи и забытый своими «братьями», Новиков многое понял.

И прежде всего — что он стал заложником тайных политических интриг вольных каменщиков.

Выйдя из крепости, Новиков резко дистанцировался от масонских структур, хотя нигде и не объявлял об официальном «разводе» с ними, понимая, чем это может ему грозить. В свою очередь, масонские руководители находили для себя выгодным эксплуатировать образ Новикова как «невинного мученика за масонскую идею», не признаваясь в том, что он от них практически отошел. Об этом, в частности, свидетельствует переписка Новикова с Д. П. Руничем. Из ответа Новикова на письмо Рунича от 1808-года видно, что последний высказывал намерение не сближаться в Москве ни с кем из масонов. Новиков одобрительно к этому отнесся, предлагая Руничу свое дружеское участие.

Отойдя от масонства, Новиков прожил еще почти четверть века. В Авдотьине он построил каменные избы для крестьян. Многие из них существуют до сих пор, местные их называют «связями». Каждая изба была построена из местного камня и рассчитана на четыре семьи. В каждом доме было четыре двери, ведущие через сени в отдельные комнаты, по размерам не уступавшие обычной крестьянкой избе.

По рассказам стариков (1979 г.), свой старый большой дом, в котором проходили масонские сборища, Новиков приказал разобрать и построить новый на другом месте. Были закрашены масонские росписи в церкви. Масонские книги, облачение и ритуальные предметы бросили в костер. Остаток своих дней

Новиков провел со своим другом Семеном Гамалея, тоже бывшим крупным масоном. Оба они похоронены в Авдотьинской церкви.

Второе мое исследование «совхозного периода» связано с подрывной деятельностью против России нераскаявшегося масона графа А. А. Орлова-Давыдова. Недостойный потомок некогда славного рода фаворитов Екатерины II братьев Орловых, презиравших масонство, вступил в это преступное сообщество в Париже. В ноябре 1905-го он собрал в своем петербургском доме съезд «земских людей», объединенных либерально-масонской идеологией. Земские люди с масонским нахрапом объявили себя представительным органом и потребовали предоставления им чуть ли не прав Учредительного собрания. ставился вопрос о низложении царя и установлении масонской республики по типу французской. Идеологами этого заговора против русского правительства были французские масоны, подталкивавшие Орлова-Давыдова к «решительным действиям». Как позднее признавался соратник Орлова-Давыдова масон В. А. Маклаков, «мы не хотели унизиться до совместной работы с царской властью, а соглашались быть только хозяевами России». Первым шагом к захвату власти стало создание разветвленной масонской организации под эгидой ордена Великий Восток Франции. В эту организацию были включены все крупные либеральные деятели, сыгравшие решающую роль в февральском свержении царя. Орлов-Давыдов вошел в Верховный совет масонских лож в качестве казначея, финансировавшего подрывную работу вольных каменщиков. Петербургский дворец и усадьба Отрада-Семеновское под Москвой стали центрами масонской конспирации. В усадебном дворце Орлова-Давыдова, по рассказам стариков, была большая комната без окон, в которой при свечах происходили тайные встречи каких-то важных людей. Во время этих встреч прислугу во дворец не пускали, а все входные двери закрывали. На тайных заседаниях часто присутствовали иностранцы. В 1980-м в Семеновском еще жили старушки, помнившие графа. Громадный, толстый, неуклюжий, он с презрением относился к крестьянам. Рассказывали, что в разговорах с управляющим он однажды заявил, что «скоро я буду как царь». Для удовлетворения его похоти, рассказывали также старики, из Москвы ему привозили актрис и женщин легкого поведения, от одной из которых он получил сифилис и долго лечился. Впоследствии я получил подтверждение этим похождениям графа в записке крупного масона Кандаурова, который писал: «скандал (иск к Орлову-Давыдову актрисы Пуаре о признании внебрачного ребенка. — ***О. П.),*** к которому так или иначе оказались прикосновенны и были вызваны в качестве

свидетелей многие члены ложи “Северная Звезда”, сильно повредил спокойствию организации».

В 1980—1981 годы я регулярно приезжал в Семеновское, беседуя со старожилами, пытаясь найти материальные свидетельства деятельности здесь масонской ложи. Но ничего, даже комнаты без окон, мне увидеть не удалось. Дворец при советской власти перестроили под казарму. Правда, старики рассказывали, что при перестройке было обнаружено несколько тайников с книгами и документами. Все они были увезены органами госбезопасности. Впрочем, у одного местного краеведа я видел несколько масонских книг на немецком и французском языках, которые ему отдали крестьяне из Семеновского в 20-х годах. Они рассказали ему, что подобрали их среди мусора после захвата усадьбы московскими чекистами, получившими распоряжение подготовить ее как госдачу для одного из членов Политбюро. Кроме масонских книг у краеведа был еще один том из библиотеки графа, книга совершенно уникальная — «Тайна противонелепого общества, открытая не причастных к оному. Переведено с французского языка. С фигурами. 1759». Книга эта — первое изданное в России антимасонское сочинение. В ней рассказывалось о подрывной, антигосударственной деятельности масонов, их враждебности христианской церкви и монархии. Книга была испещрена восклицаниями и заметками какого-то масона, а перед титулом каллиграфическим почерком «вынесен приговор»: «Автор сего пасквиля нам известен, он заслуживает лютой смерти».

Кому же желали лютой смерти масоны? Кто же был автором первого в России антимасонского сочинения? После ряда консультаций в главных библиотеках России мне удалось установить, что автором книги была Екатерина II. Чтобы скрыть свое авторство, она написала ее по-французски, а потом попросила секретаря перевести на русский. Обозначенная на титуле дата выхода книги — 1759-й — была мистификацией. На самом деле книга вышла в свет в 1780-м. Таким образом осторожная императрица относила выход книги на 21 год назад, якобы в царствование Елизаветы. Екатерину II очень беспокоило усиление влияния масонов на русское общество, тайные интриги их против царской власти и против нее самой лично. В частности, ей удалось раскрыть масонский заговор Н. И. Панина, планировавшего отстранение императрицы от власти. Екатерина II понимала, что следует незамедлительно начать борьбу с масонством, и своей книгой дала соответствующий сигнал. Через два года последовали ее указы о запрещении тайных обществ, подтвержденные еще раз в 1794-м. Чтобы очистить Россию от

масонских «бредоумствований» и «мракобесий», мужественная императрица приказала сжигать масонские книги в кострах. Только в Москве было уничтожено 18,7 тыс мракобесных сочинений.

существует ряд свидетельств о том, что Екатерина II была приговорена масонами к смерти. Об этом, в частности, свидетельствует надпись на найденной мною книге из библиотеки масона Орлова-Давыдова. Известно, что в это же время масоны участвовали в заговоре против французского и шведского королей, приведшего к гибели монархов. Некоторые современники Екатерины II связывали ее смерть, произошедшую через два года после окончательного запрещения масонских лож, с местью вольных каменщиков. Они считали, что императрицу отравили. Однако доказательств этому нет. Требуется экспертиза.

Таковы выводы моих исследований, начатых в совхозе «Заветы Ильича». Впоследствии они стали первыми кирпичиками, легшими в основу моего труда «Тайная история масонства». И еще один интересный факт: при советской власти на части территории усадьбы Отрада стал действовать санаторий НКВД—КГБ. По требованию сотрудников и отдыхающих была сдана на переплавку бронзовая статуя Екатерины II, установленная в XVII веке братьями Орловыми, а гробы с их телами были вытащены из родовой усыпальницы, ограблены и сожжены вместе с останками.

ГЛАВА 11

НАСТУПЛЕНИЕ СИОНИЗМА. - СИОНИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ В ИНСТИТУТЕ ТРУДА. - ДВА ЕВРЕЙСКИХ «ГЕНИЯ». - ВЕЧЕР В ЦДЛ. - АЛЬМАНАХ«МЕТРОПОЛЬ»

Семидесятые годы характерны наступательной политикой сионизма в мире. Всемирная сионистская организация совершенно открыто проводила политику массового террора с запугиванием всех не разделяющих идеи «избранности еврейского народа». Поддерживаемый США Израиль оккупирует Западный берег реки Иордан, сектор Газа, Голанские высоты, Восточный Иерусалим. Оккупация сопровождается жестокими массовыми убийствами всех женщин и детей. «Мы должны очистить эти земли от гоев, лишить их будущего, уничтожить их женщин и молодежь», — призывал еврейских солдат М. Бегин. Премьер-министр Израиля вопреки резолюциям ООН начал заселять оккупированные арабские земли евреями, раздавать им участки в вечное пользование. Вопреки протестам многих стран Израиль захватил часть территории Сирии, а позже вторгся и в Ливан. Продолжая разбойничью политику, Израиль напал на Ирак, произведя бомбардировки атомного реактора в этой стране. стремясь не допустить развития атомной энергетики в арабских странах, Израиль при помощи американских специалистов создал оружие массового уничтожения — ядерное. По совершенно секретной директиве правительства Израиля, согласованной с Пентагоном, развертывание этого оружия массового уничтожения «должно осуществляться в направлении арабских стран, СССР и Индии». Об атомном оружии Израиля тогда еще мало кто знал, но институтские евреи знали и очень гордились этим. Израильская доктрина называлась «Армагеддон» — по имени города у подножия горы Кармил, получившего известность как место кровавых битв и умерщвлений. Название этого города употреблялось в Откровении св. Иоанна как символическое наименование какого-либо ужасного события в будущих судьбах Христова Царства. Израильское правительство, подчеркивая антихристианский характер своей ядерной программы, намекало на то, что именно применение ядерного оружия Израилем станет сигналом к сбору всех войск антихриста для последней битвы с христианами (Откр. 16, 16). Правительство Израиля разработало проект «Самсон», предусматривающий, по сути дела, уничтожение всего человечества в том случае, если гои посмеют поднять руку на иудеев. Во второй половине 70-х я впервые

услышал от одного из евреев института, что в пустыне Негев недалеко от Мертвого моря находится ядерный центр в Димоне, в котором куется оружие возмездия для всех врагов избранного народа[14].

СССР рассматривался Израилем как главный враг на пути достижения бредовых сионистских идей мирового господства. Еврейская спецслужба «Моссад» в тесном сотрудничестве с ЦРУ организовала несколько террористических структур для работы против СССР, а также ведения против нашей страны информационной войны. Один из бывших американских агентов, порвавший с ней после того, как его начали готовить для совершения убийств русских общественных деятелей на территории СССР, рассказывал мне, как в 1971 и 1976 годах он участвовал в подготовке «всемирной конференции в защиту советских евреев». Деятелей, собираемых на эти конференции, предполагалось использовать не однажды, но привлекать их на постоянное сотрудничество на условиях вербовки. По его сведениям, в связи с организацией этих конференций было завербовано несколько десятков агентов из лиц еврейской национальности. По его утверждению, к подрывной работе против СССР были подготовлены группы сионистски настроенных евреев в советских министерствах и ведомствах, на телевидении, в средствах массовой информации, научных и правительственных учреждениях.

Первым эшелоном наступления на СССР стало создание агентурой ЦРУ и «Моссад» так называемой Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. В нее вошли Ю. Ф. Орлов (руководитель), Е. Боннэр, П. Григоренко, А. Марченко, А. Гинзбург, А. Щаранский, М. Ландау, В. Рубин, М. Бернштам и др. Вскоре подобные группы возникли на Украине, в Грузии, Литве и Армении. Целью их стала дестабилизация внутриполитической обстановки в СССР. снабжаемые с Запада множительной техникой и подкармливаемые за счет «гуманитарных» посылок, члены группы вольно или невольно выполняли составленные ЦРУ и «Моссад» планы ведения холодной войны против России и разжигания русофобии.

В научной среде Москвы, с которой по долгу службы я был связан, существовали многие десятки личностей, живших за счет «гуманитарных посылок» и выполнявших задания антирусских сил. КГБ знал о существовании этих, по крайней мере, косвенных сотрудников ЦРУ, но ничего серьезного не предпринимал. Позиция, занятая руководством этой организации, носила откровенно антирусский, антипатриотический характер, кадры КГБ были засорены откровенными русофобами, такими как сам

шеф КГБ еврей Андропов, и просионистски настроенными типами вроде генерала Бобкова, отвечавшего за борьбу с идеологическими противниками, а позднее открыто перешедшего на службу к сионистам[15]. Верхушке КГБ были ближе евреи-сионисты, а не русские патриоты. Если в отношении сионистов борьба только имитировалась, то в отношении русских патриотов велась самым жестоким образом. В Институт труда почти одновременно со мной пришел Валера Фокин, увлеченный исследователь и «на свою беду» русский патриот, не скрывавший национальных взглядов и неприязни к сионистам. Очень скоро у него произошел конфликт с местными сионистами, а чуть позднее его арестовали за антисоветскую агитацию по доносу институтского сиониста Коробчинского.

В Институте труда сионисты чувствовали себя вольготно, их представителями были заняты главные руководящие должности, они составляли абсолютное большинство в парткоме института. О главарях сионизма в масштабе института я уже говорил, но особо следует упомянуть самого идейного сиониста — Н. Владову. Она почти не скрывала своих сионистских взглядов, хотя состояла в парткоме. Своей откровенностью она даже вызывала у меня симпатию. «С 1917 года, — убеждала меня Владова, — евреи хотели превратить Россию в идеальное государство, многие из них отдали за это жизнь. Не их вина, что русский народ оказался не готовым к этим прогрессивным переменам». — «А разве вас просили это делать? — спрашивал я Владову. — Как бы отнеслись евреи ко мне, приедь я в Израиль и попытайся перестроить его, исходя из своих православных убеждений?» В ответ Владова что-то нечленораздельно пробурчала, а выражение ее глаз говорило больше слов: что положено Юпитеру, не положено быку — что можно еврею, нельзя русскому. Как любой идейный сионист, она нисколько не сомневалась в исключительных правах своих соплеменников быть «носителями прогресса». Она любила поговорить о последних достижениях науки, как правило, сводя их к констатации особой одаренности и гениальности евреев. По ее мнению, науку двигают еврейские умы. Справедливости ради следует отметить, что Владова много читала, но ее стремление к знаниям было удивительно односторонним. Чаще всего это было «произведение» очередного еврейского «гения», которого она с жаром рекламировала всем окружающим. Среди ее знакомых встречались известные люди. Особенно она гордилась знакомством с А. Яновым, известным русофобом, эмигрировавшим в США и на деньги ЦРУ выпустившим там в 1980 году книгу «Россия и 2000 год». В книге делалась попытка доказать неспособность русского народа к «нормальному»

развитию. Тезис этот обосновывался фактами неудач всех западных либеральных реформ в России. Либерализм как детище Талмуда рассматривался Яновым как высшее выражение цивилизации. Но он не был способен понять, что в лице либерализма русский человек отвергал Талмуд. Вообще вся религиозная сторона конфликта между Россией и Западом была недоступна последователям сионизма, ибо для них существовала только одна их вера, а христианство рассматривалось как предрассудок и заблуждение. Для сиониста единственно верна только своя идейная точка зрения, никаких других — национальных или универсальных — он всерьез не принимает и лишь иногда использует их в своих целях для утверждения собственных же интересов. В этом абсолютный тупик сионизма, делающий евреев чуждыми для всех, не способными на христианскую всечеловечность.

Идеи Янова Владова и другие институтские сионисты разделяли безоговорочно[16]. Среди институтских сторонников сионизма особое значение имели два молодых «еврейских гения» — Гриша Явлинский и Саша Шохин. Они стояли на «линии продвижения». Эта фраза однажды вырвалась у Владовой, когда она курила на лестнице, а я с интересом исследователя стоял рядом и слушал ее. «Что это значит?» — спросил я. «Линия продвижения — это когда умные люди поддерживают умных людей, считая их перспективными и полезными для своего круга». «То есть, — уточнил я, — вы хотите сказать, когда евреи поддерживают евреев?» Владова рассмеялась.

Оба «еврейских гения» пришли в институт по сионистским каналам и рассматривали его как одну из ступенек, которую надо миновать на долгом пути вверх. Как исследователи, они ничего не значили и даже избегали говорить на научные темы, опасаясь показать свою некомпетентность. Широкая реклама, устроенная им местными сионистами, заинтриговала меня. Попытки пообщаться с ними, найти в них что-то свежее и интересное, что я всегда пытался найти в новых людях, вызвали у меня глубокое разочарование. Ни самостоятельных мыслей, ни эрудиции, ни просто человеческого тепла я в них не нашел. И Гриша, и Саша представляли собой хорошо известный мне еще по советским министерствам тип еврейских чиновников, рассматривающих всех и вся как средство для своей карьеры, чуждых науке и лишенных каких-либо проблесков духовной жизни. Оба они быстро вписались в правила игры институтского руководства по имитации науки, были вежливы со всеми, но общались только с соплеменниками.

Внешне проявляли они себя по-разному, Саша сидел «серой

мышкой» (на которую он и был похож) в маленькой комнатке, как манекен, воспринимающийся в единстве со стулом, — своего рода человек в футляре. Гриша на месте не сидел, а чаще всего стоял в коридоре, беседуя с кем-то из «своих». Что он им рассказывал, неизвестно, ибо когда кто-то из русских подходил к собеседникам, он замолкал или переводил разговор на другую тему. Одессит Мошенский рассказывал мне, что Явлинский — родственник еврейской чекистки Доры Явлинской, которая в 1919—1920 годы своими руками расстреляла 400 русских офицеров. Насколько высок был авторитет Гриши среди сионистов, настолько плохо к нему относились все другие. Большинство считало его прохиндеем. Он всегда хитрил и ловчил. Классической была одна история с написанием научного доклада. сам не способный поправить этот доклад, Гриша рассчитывал, что это сделают его сотрудники, а он только поставит свое имя. Однако они это не сделали. Чтобы избежать скандала на ученом совете, Гриша надолго «заболел». Его болезнь стала «притчей во языцех», по институту ходили слухи о том, что у Гриши фальшивый больничный, выписанный ему сочувствующим соплеменником. Помню еще один случай, когда ряд сотрудников института подготовили письмо в защиту институтской библиотеки, которая по невежественному решению руководства института подвергалась уничтожению. Библиотека эта была одной из лучших научных библиотек Москвы, в ней хранилось множество редких изданий. Движение за ее сохранение было частью борьбы за сохранение русской культуры. Я попросил Явлинского подписать письмо в защиту библиотеки, а он категорически отказался. «Послушай, старик, — по-свойски сказал он мне, хотя в таком тоне раньше со мной не разговаривал, — не хочу ссориться с начальством, мне скоро в партию вступать». Вступив в ряды КПСС, Гриша почти сразу перешел на работу в Госкомтруд. Его протеже в этом учреждении был сионист Борис Моисеевич Сухаревский, создавший ему все условия для дальнейшего продвижения. Сухаревский входил в группу еврейских консультантов Брежнева и обладал широкими связями. Именно он вставил неудавшегося ученого Явлинского в политическую обойму, сделав его одним из еврейских «идеологов» разрушения СССР, идущим рука об руку с западными спецслужбами, справедливо считавшими его своим агентом влияния.

Похожий путь по сионистским каналам проделал и Шохин. Последний сумел найти себе покровителя в лице идейного масона и патологического врага России Э. Шеварднадзе, сделавшего Шохина одним из связных с мировой сионистской и

масонской закулисой, а в дальнейшем продвигавшего его в правительство Ельцина, нуждавшегося в подобных пособниках. Шохин незаконно подписал ряд документов, требующих серьезного расследования, и в частности разрешение на передачу сионистам-хасидам ценной коллекции книг, являющейся национальным достоянием России.

Сионистская «линия продвижения» сделала и Гришу, и Сашу настоящими государственными преступниками, в частности участниками антирусского переворота Ельцина в сентябре-октябре 1993-го. Помню перекошенное от ненависти и страха лицо Явлинского, требовавшего с телеэкрана беспощадно уничтожить защитников Белого дома.

Впрочем, то, что Гриша и Саша враги России, я понял еще тогда, в конце 70-х — начале 80-х. Мы вежливо улыбались друг другу, но в их глазах была холодная враждебность. Случайно встречаясь вне института, мы даже не здоровались. самое интересное, что и тот, и другой были на крючке КГБ, из всех институтских сионистов органы интересовались прежде всего ими. Мне известно, что сотрудники КГБ опрашивали ряд сотрудников института. со мной разговаривал известный мне человек из Комитета, придерживавшийся патриотических взглядов. Из его расспросов я понял, что оба «гения» имеют какие-то подозрительные контакты с иностранцами, вероятнее всего агентами западных спецслужб, открыто говорилось об их связи с Яновым, «известным сотрудником ЦРУ». Последняя беседа с известным мне сотрудником КГБ состоялась уже когда Явлинский и Шохин уволились из института и стали работать один в Комиссии по экономической реформе, второй в Министерстве иностранных дел. сотрудник КГБ высказывал предположение, что эти люди, занимающие отчетливо сионистские позиции, могут отрицательно влиять на принятие важных государственных решений. Я ответил: «Конечно, могут, и конечно, влияют». судя по некоторым откровенным словам моего собеседника, связь обоих «гениев» с представителями западных разведок была установлена, однако никаких действий по их нейтрализации тогда не последовало — видимо, сионистское подполье в КГБ прикрыло «своих».

В начале 80-х годов для меня окончательно развеялся миф о КГБ как об эффективной организации, способной защитить Россию. С детских лет, как патриот и государственник, я был убежден в необходимости и благотворности сильных и влиятельных спецслужб для борьбы с врагами русского государства, но почти каждый последующий опыт общения с представителями КГБ все больше разочаровывал меня.

Представители Комитета были среди друзей моего отца, среди моих знакомых в Кооперативном институте, ЦСУ СССР и Институте труда. с некоторыми из них, русскими патриотами, у меня сложились дружественные отношения. Но большинство удивляли чиновничьим духом и прохиндейством. Последние держались с особым «понтом» — мы, мол, из конторы глубокого бурения (так не раз представлялись они), все видим на 100 метров под землей. Были они недалеки, малобразованны и неспособны ответить на тревожные вызовы нашего времени. Разговаривая с ними, я почти физически ощущал ту неповоротливую, но самодовольную систему, в рамках которой существовали сотни тысяч людей, больше думающих о звездах на погонах, чем о борьбе с врагами, прямо под их носом подрывавшими корни государства. Таких в КГБ была большая часть. Именно в их среду проникали сионисты, становясь влиятельной силой, парализующей способность к борьбе за безопасность государства.

Патриотическая партия в советских спецслужбах была невелика, настроения в ней царили утопические. Не раз из уст ее представителей я слышал примерно такие рассуждения: «После смерти Сталина органы безопасности были в упадке. Нас считали за собак. Но пришел Андропов, и влияние КГБ возродилось. Он является единственным органом, который в настоящее время может сдержать рост коррупции и разложение государства». «КГБ, — убеждал меня другой сотрудник Комитета, — должен вербовать людей достаточно добросовестных, подготовленных и нравственных, с тем чтобы, внедряя их в руководящие органы государства и содействуя их продвижению вверх, проводить свое влияние на все стороны жизни».

Сколько часов я потратил на споры с этими утопистами из КГБ, убеждая их, что Андропов, как еврей и космополит по своему духу, не сможет стать вождем в борьбе за очищение страны! Мысли, которые они высказывают, намеренно распространяют среди сотрудников КГБ (скорее всего с подачи самого Андропова), как полезный миф для улучшения атмосферы в организации и укрепления ее положительного имиджа. Если Андропов и хочет усилить мощь КГБ, то только для того, чтобы бороться с русским патриотическим движением — главным врагом сионизма и космополитизма. Дальнейшие события подтвердили мою правоту. Сразу же после прихода к власти Андропов направил свои основные усилия против зарождающегося патриотического движения. Одновременно была дана зеленая улица сионистским кумирам вроде Жванецкого — выразителя местечковой пошлости. Его сальная улыбочка стала символом надвигавшегося развала.

Зато сам Андропов этого комедианта любил.

Вспоминаю сцену в ресторане ЦДЛ в 1983 году — пьяный «чувак» лезет за наш стол с предложением выпить за здоровье Жванецкого. Я отмахиваюсь от него. Он настаивает, вопя что-то вроде: «Мы любим блюз, мы любим рок, мы любим то, что поперек». «Поперек чего?» — спрашиваю я. «Поперек этой поганой страны», — отвечает он и немедленно получает кулаком в морду. Из носа чувака течет кровь. Хватаю своего приятеля за руку, быстро уходим.

Наступление сионизма ощущалось повсюду — и на работе, и в обыденной жизни. Помню, как в конце 70-х я ехал в такси домой. На полпути таксист взял еще двух пассажиров-попутчиков: женщину-еврейку лет сорока с дочерью. Мать была сильно пьяна, смеялась, хвалилась, что работает в торговле. Вдруг ни с того ни с сего начала объяснять таксисту, что «все евреи любят торговлю, это любимое занятие евреев». Ее как будто прорвало: «Я горжусь, что я еврейка, — вещала она, — нам принадлежит первенствующее значение в мире и СССР. Мы вас всех в черный мешок посадим и веревкой завяжем. Правильно, дочь?» — спросила она. Дочь смутилась, не зная, что ответить. Я и таксист были поражены этими откровениями. Проезжая мимо стоявшей у обочины милицейской патрульной машины, я предложил таксисту сдать пассажирку в вытрезвитель. Нахалка испугалась, сникла, пролепетав: «Извините меня». Весь остальной путь она молчала.

О том, как обнаглели сионисты, свидетельствует чудовищный случай в ресторане «Славянский базар», видевшем в своих стенах лучших русских людей. На этот раз хозяином его и всего русского чувствовал себя некий еврей Брайнин, сотрудник «Литературной газеты». Напившись в честь своего праздника «Пурим», негодяй остановил оркестр, игравший русскую музыку, и провозгласил на весь зал голосом победившего оккупанта: «Русь, сдавайся!» Пьяного сиониста стащили со сцены и набили ему морду, а московские евреи заговорили о погромах.

21 декабря 1977-го в день рождения Сталина в Центральном доме литераторов прошло знаменитое собрание группы российских писателей, выступивших с резкой критикой еврейского засилья в русской литературе. Самыми сильными были выступления О. Куняева, Ю. Оелезнева, П. Палиевского и В. Кожинова. Впервые за многие десятилетия русские критики, писатели осмелились назвать вещи своими именами, восстали против руководящей роли евреев в русской культуре. «Мы не имеем права забывать годы, когда (евреи. — ***О. П.)*** учинили погром в русской литературе», — декларативно произнес критик

Ю. Селезнев, вызвав одобрительную реакцию большей части зала и возмущенные крики нескольких сионистов. Должен отметить, что слово «евреи» тогда Селезневым произнесено не было. Но по контексту всего сказанного раньше, по его особому выражению все поняли, что речь шла именно о них. Сионистская часть зала действовала по отработанной схеме: в президиум поступила «антисемитская записка», которую ведущий Е. Сидоров зачитал. сионисты рассчитывали, что тон записки испугает присутствующих в зале и еврейская тема будет снята с обсуждения. Однако грубая сионистская провокация не удалась. Обсуждение продолжалось. Впервые публичной критике были подвергнуты Багрицкий, Мандельштам и другие еврейские поэты. Творчество Багрицкого, сказал Куняев, враждебно русской поэзии. В этот вечер наибольшее впечатление произвела речь Селезнева, который сумел незримо соединить еврейский вопрос с опасностью, которой подвергается наша страна. «Мы все ждем, когда будет или не будет Третья мировая война, ведем борьбу за мир... Но Третья мировая война идет давно, и мы не должны на это закрывать глаза. Третья мировая война идет при помощи гораздо более страшного оружия, чем атомная или водородная бомба. Здесь есть свои идеологические нейтронные бомбы, свое химическое и бактериологическое оружие. И эти микробы, которые проникают к нам, те микробы, которые разрушают наше сознание, гораздо более опасны, чем те, против которых мы боремся в открытую. Русская классическая литература сегодня становится едва ли не одним из основных плацдармов, на которых разгорается эта Третья мировая идеологическая война. Она должна стать нашей Великой Отечественной войной за наши души, за нашу совесть, за наше будущее, пока в этой войне мы не победим».

Зал был наэлектризован до предела. Волны здорового русского национального сознания разбивали мифы еврейской избранности и исключительности. Идеологи сионизма, сидевшие в зале, осознавали, что теряют считавшиеся незыблемыми руководящие позиции в русской литературе. Для большого зала неформальными лидерами были уже не они, а настоящие русские поэты и писатели — продолжатели традиций Пушкина, Тютчева, Есенина.

Несмотря на то что нигде в печати информации об этом собрании дано не было, слухи о нем быстро разошлись по всей Москве (а может быть, и по России), взбудоражив как патриотов, так и сионистов. Помню, как возмущалась наша «сионистская партия», привычно обвинив Куняева и Селезнева в антисемитизме. Владова же, узнав, что я был на этом вечере,

долго расспрашивала о подробностях, а в конце разговора назидательно сказала: «Будьте осторожны, Олег Анатольевич, антисемитам нет места в порядочном обществе! Все порядочные люди отшатнутся от вас».

В 1981 году в стенах нашего института по рукам пошел скандально известный альманах «Метрополь». Его авторами были уже почти забытые кумиры 60-х годов Окуджава, Евтушенко, Рождественский, Ахмадулина и т.п. литераторы. Альманах удивил русское общество отсутствием таланта, безвкусицей, графоманией, самохвальством, игнорированием высокого нравственного уровня, достигнутого великой русской литературой от Достоевского и Толстого до Распутина и Белова. В альманахе приняли участие все «столпы» еврейской литературы, и кроме уже перечисленных — Ф. Искандер, Ю. Алешковский, В. Ерофеев, А. Битов, В. Аксенов и тому подобные личности. стремясь идти вровень с «высокой американской культурой», авторы альманаха поместили в нем «произведения», чуждые и враждебные вековым духовным традициям русского народа. Ориентируясь на задворки западной масскультуры, участники «Метрополя» как бы декларировали «порнографию духа». Основное направление альманаха было вульгарно-фрейдовское, рассчитанное на бесстыдную рекламу и эпатаж. «свобода и раскрепощенность» выражались не в художественных формах, а в обилии гнусных, пошленьких, физиологических описаний, нагромождении грубых непристойностей. Как справедливо отмечал писатель С. Залыгин, «целый ряд авторов этого альманаха просто не являются писателями и не могут делать профессиональную литературу. Это не литература, это нечто другое».

Однако с помощью зарубежных голосов псевдолитература, представленная в альманахе, объявлялась на весь мир вершиной российской прозы и поэзии, а его в основном бездарные и непристойные авторы — самыми талантливыми писателями СССР, преследуемыми антисемитской властью.

ГЛАВА 12

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КАПИТАЛИЗМЕ. - РЕЛИГИОЗНЫЙ ХАРАКТЕР СОБСТВЕННОСТИ. - МОЯ БАБУШКА О ЕВРЕЙСКИХ КАПИТАЛИСТАХ. - ТАЛМУД КАК ОСНОВА КАПИТАЛИЗМА. - КАПИТАЛ - ЭТО СОБСТВЕННОСТЬ, ПРИСВОЕННАЯ ПО ЗАКОНАМ ТАЛМУДА. - ЛИБЕРАЛИЗМ КАК ШИРМА ДЛЯ ПРИСВОЕНИЯ ТРУДА СЛАБЫХ

В отделе капиталистических стран Института труда я проработал около пятнадцати лет. Все эти годы я пытался разобраться в сущности капитализма. Его первоначальную формулу определили для меня идеи русского философа Лосева, рассматривающего капитализм как одну из сторон (наряду с социализмом) развертывания сатанинского духа неприятия христианской цивилизации. Я видел, что главными целями жизни капиталистов являлись материальное преуспеяние, нажива, стяжание денег и капитала любыми возможными средствами и эксплуатация более слабых членов общества и народов.

Первоначально в капитализме для меня было много непонятного. Прежде всего я хотел связать его со своей жизнью, с историей моих предков.

Мои прадеды и по отцу, и по матери были предпринимателями, но являлись ли они капиталистами по формуле Лосева? Задавая этот вопрос, я сам отвечал на него: «Нет». Никто из моих предков не был стяжателем. Они стеснялись своего материального преуспеяния, осуждали в других стремление к наживе, погоню за деньгами. Они жертвовали на церковь, занимались благотворительностью. Зажиточная и даже богатая жизнь их была результатом труда, а предпринимательство — формой творчества, созидающего благо и для них, и для всех окружающих. После захвата власти еврейскими большевиками моего прадеда и его брата выгнали из их домов, поселили в мокром подвале, и тем не менее они продолжали трудиться на предприятии, которое уже им не принадлежало. Зато когда был объявлен НЭП, еврейский комиссар, который ранее объявлял фабрику народной, сдал ее и целый ряд других фабрик в аренду за символическую плату своим соплеменникам из бывшей черты оседлости. старых владельцев на фабрику не пускали, а новые еврейские капиталисты, не вкладывая ни гроша, стали жестоко эксплуатировать работников. На одной из фабрик в Вязниках против новых еврейских

предпринимателей возник бунт, во время которого возмущенные рабочие до смерти избили еврея-эксплуататора. В отместку еврейские комиссары схватили и расстреляли нескольких рабочих. Так солидарно выступали представители социализма и капитализма.

Моя бабушка считала, что Ленин и еврейские большевики во время НЭПа хотели передать все созданное руками русских рабочих в руки евреев. Вплоть до 1927 года значительную часть русской собственности захватили евреи — точно так же, как они это делали в 1995-м. Сталин, говорила мне бабушка, вовремя остановил грабительскую политику евреев, выслал Троцкого и начал борьбу с еврейскими большевиками.

Еще при жизни бабушки, в Институте труда я понял, что вопрос о собственности, как и о мировоззрении, является вопросом религиозным. Отношение к собственности определяется вероучением. По-разному относятся к собственности православный христианин и иудей. В основе капитализма лежит экономическое учение Талмуда.

С самого начала возникновения капитализма в конце средних веков ядром и главными носителями его идеологии были иудеи-талмудисты, ориентировавшиеся на создание общества, в котором, по учению Талмуда, будет господствовать еврейский народ, а все остальные народы мира станут служить ему и положат к его ногам все богатства Земли. Богатство — выражение избранничества. Богатый человек благословлен богом, а все, у кого нет денег, должны служить «избранникам».

Разложение западного христианства в конце Средних веков стало исходной точкой создания капиталистической идеологии и экономических средств порабощения человечества.

Талмуд учит иудея считать имущество всех неевреев «гефкер», что означает свободную, никому не принадлежащую вещь. «Имущество всех неевреев имеет такое же значение, как если бы оно найдено было в пустыне: оно принадлежит первому, кто захватит его». В Талмуде есть постановление, по которому открытый грабеж и воровство запрещаются, но разрешается приобретать что угодно обманом или хитростью. Имущество неевреев все равно что пустыня свободная. «Если еврей эксплуатирует нееврея, то в некоторых местах запрещается входить в сношения с этим лицом во избежание подрыва первому; но в других местах это запрещение не имеет силы: всякий еврей может давать ему деньги взаймы и обирать его, ибо имущество нееврея “гефкер” (свободное), и кто им раньше овладеет, тому оно и принадлежит».

Отсюда следует, что все ресурсы и богатства неевреев

должны принадлежать представителям «избранного народа». «По Талмуду, — писал С. С. Громека, — бог предал все народы в распоряжение иудеев» (Вава-Катта, 38); «весь Израиль — дети царей; оскорбляющие иудея оскорбляют самого бога» (Сихаб, 67, 1) и «подлежат смертной казни как за оскорбление величества» (Санхедрин, 58, 2); благочестивые люди других народов, удостоенные участия в царствовании мессии, займут роль рабов у евреев (Санхедрин, 91, 21, 1051). С этой точки зрения, весьма последовательно и со зверской жестокостью проведенной в Талмуде, вся собственность в мире принадлежит иудеям и владеющие ею христиане являются только временными, «незаконными» владельцами, узурпаторами, у которых эта собственность будет конфискована иудеями рано или поздно. Когда иудеи возвысятся над всеми остальными народами, бог отдаст иудеям все народы на окончательное истребление».

Историк иудаизма И. Лютостанский приводит примеры из старинных изданий Талмуда, который учит иудеев, что присваивать имущество гоев угодно богу. В частности, он излагает учение Самуэля о том, что обмануть гоя не грех, и поэтому учитель сам рассказывает, как он однажды в куске железа, которое продавал гой, купил кусок золота и, условившись с гоем дать ему за это мнимое железо 4 зузи (ок. 60 коп.), дал ему всего 1 зузи; Самуэль признавал совершенно неуместным смущаться обмана человека, который не умеет сосчитать деньги и отличить золото от железа. Раввин Каган купил у одного гоя 120 бочек вина вместо 100; третий раввин продал гою пальмовое дерево и дал такое распоряжение своему слуге: «Иди и укради несколько по-лен, так как гой не знает в точности, сколько полен принадлежит ему».

Раввин Моисей сказал: «Если гой, производя счет, сделает ошибку, то еврей, приметив это, должен говорить, что он об этом ничего не знает». Раввин Бренц говорит: «Если евреи, набегавшись в течение недели в разные места, обманывают христиан, то в шабас они вместе сходятся и, хвалясь друг перед другом своими обманами, говорят: “Нужно гоям вынимать сердца из грудей и убивать даже лучших между ними, — конечно, если это удастся достигнуть”». Раввин Моисей учит: «Евреи грешат, когда возвращают потерянные вещи отступникам и язычникам, равно и всем, которые шабаса не почитают». Раввин Раши говорит: «Кто гою возвращает потерянные вещи, тот гоя считает равным еврею». Маймонид учит: «Грешит тот, кто возвращает потерянные вещи нееврею, потому что в таком случае он увеличивает силу безбожных». Раввин Черухет прибавляет: «Если гой держит у себя залог еврея — залог, за который еврей одолжил

у него деньги, — и гой потеряет этот залог, и еврей его найдет, то еврей не должен возвращать гою найденный залог, потому что обязанность возвратить потерянную вещь прекратилась с того момента, как еврей нашел этот залог. Если нашедший подумал, что надо найденную вещь возвратить гою для славы имени Божия, то ему нужно сказать: “Если хочешь прославлять имя Божие, имей дело с тем, что тебе принадлежит”». Талмуд учит, что если евреи и Божественное величие — одно и то же, то само собой разумеется, что евреям принадлежит весь мир. На этом основании Талмуд ясно говорит: «Если вол, принадлежащий еврею, забодает вола, принадлежащего гою, то еврей освобождается от вины или вознаграждается за убыток», потому что Священное Писание говорит: «Явился Господь Бог, и измерил землю, и отдал гоев во власть израильтян. Так как дети Ноя не исполнили семь заповедей, то Господь Бог отдал все их имущество израильтянам». Детьми Ноя, по учению Талмуда и раввинов, называются все народы мира в противоположность детям Авраама. Раввин Альбо учит совместно с другими раввинами, что Бог дал евреям власть над имуществом и кровью всех народов.

Совет раввинов на основе законов Талмуда дает (точнее, продает) иудеям право меропии и хазаки. Право это, известное по кагальным документам XVIII—XIX веков, происходит от самых древних воззрений иудаизма, рассматривавшего всех нееврев в качестве объекта экономической эксплуатации евреями.

Меропия, или мааруфия, есть право, в силу которого в эксплуатацию еврею, купившему его, поступает личность того нееврея, с которым он входит в сношения, сделки и т.п. Этим правом личность данного иноверца делается неотъемлемым, и притом исключительным, достоянием того еврея, который купил меропию на него, и уже ни один еврей в мире не имеет права ни ссужать этого христианина деньгами, ни исполнять его поручения, ни вообще входить с ним в какие-либо сношения.

Хазака есть право, в силу которого в эксплуатацию еврею, купившему его, поступает недвижимое имущество христианина. По этому праву имущество иноверца делается неотъемлемым, и притом исключительным, достоянием того еврея, который купил на него хазаку, и уже ни один еврей в мире не имеет права ни арендовать это имущество, ни давать ссуды под него, ни вообще входить с хозяином его в какие-либо сделки относительно этого имущества. Это право беспрерывного и исключительного воздействия на имущество иноверца кончается для данного еврея или отнятием его за проступки, или истечением срока хазаки. смерть действительного хозяина имущества не прерывает хазаки.

В Талмуде существует открытое предубеждение к занятию земледелием. «Нет более плохого занятия, — говорится в этой иудейской книге, — как земледелие. Если кто имеет 100 сребреников в торговле, то он может ежедневно есть мясо и пить вино; если же кто употребляет 100 сребреников на земледелие, то он может есть лишь хлеб с солью». Предпочтительнее заниматься торговлей и ростовщичеством.

Чтобы достичь конечной цели, поставленной в Талмуде для иудеев, — стать хозяевами имущества гоев, — одним из лучших средств, по мнению раввинов, является ростовщичество. Согласно Талмуду, «Бог приказал давать деньги гоям взаймы, но давать их не иначе как за проценты; следовательно, вместо оказания этим помощи, мы должны делать им вред, даже если они могут быть нам полезны». Трактат Баба Меция настаивает на необходимости давать деньги в рост и советует иудеям приучать своих детей давать деньги взаймы под проценты, «чтобы они могли с детства вкусить сладость ростовщичества и заблаговременно приучались бы им пользоваться».

Известный еврейский экономист К. Маркс, вышедший из семьи раввинов, прекрасно понимавший религию иудеев, писал: «Деньги — это ревнивый бог Израиля, пред лицом которого не должно быть никакого другого бога. Деньги низводят всех богов человека с высоты и обращают их в товар. Деньги — это всеобщая, установившаяся, как нечто самостоятельное, стоимость всех вещей. Они поэтому лишили весь мир — как человеческий мир, так и природу — их собственной стоимости. Деньги — это отчужденная от человека сущность его труда и его бытия, и эта чуждая сущность повелевает человеком, и человек поклоняется ей». В еврейской религии содержится в абстрактном виде презрение к теории, искусству, истории, презрение к человеку как самоцели — это является действительной, сознательной точкой зрения денежного человека, его добродетелью. Даже отношения, связанные с продолжением рода, взаимоотношения мужчины и женщины и т.д. становятся предметом торговли! Женщина здесь — предмет купли-продажи.

«Химерическая национальность еврея есть национальность купца, вообще денежного человека».

«Какова мирская основа еврейства? — спрашивал Маркс. — Практическая потребность, своекорыстие. Каков мирской культ еврея? Торгашество. Кто его мирской бог? Деньги». Суть иудаизма, по Марксу, проявляется в эгоизме еврея, т.е. в человеческой алчности. Противостоя христианству, еврей, естественно, относится к христианскому государству «как к чему-то чуждому, противопоставляя действительной национальности

свою химерическую национальность, действительному закону свой иллюзорный закон, считая себя вправе обособлять от человечества, принципиально не принимая никакого участия в историческом движении, уповая на будущее, не имеющее ничего общего с будущим всего человечества, считая себя членом еврейского народа, а еврейский народ — избранным народом». Этот народ смотрит на свою религию как на «хозяйственное дело», поскольку «хозяйственное дело» есть для него религия.

Не связанные моральными ограничениями, не стесняясь обманывать, обсчитывать, обвешивать, использовать самые нечестные приемы и безжалостно эксплуатировать других людей, иудеи ставили себя в особое экономическое положение в отношении христиан. Для настоящего христианина погоня за наживой, накопительство, ростовщичество, мошенничество и различные виды экономических махинаций противоречили религии. Поэтому при прочих равных условиях христиане проигрывали иудеям в области экономики.

Поэтому уже в Средние века евреи, используя предубеждение христиан к наживе, накопительству, ростовщичеству, захватили многие важнейшие позиции в торговле и промышленности Европы. Занимаясь торговлей, ростовщичеством и эксплуатируя простой народ, они накопили огромные богатства, что позволило им стать самым богатым слоем средневекового общества. Главным предметом торговли еврейских купцов были рабы. Они приобретались главным образом в славянских землях, откуда вывозились в Испанию и страны Востока. На смежных границах германских и славянских земель, в Мейсене, Магдебурге, Праге, были образованы еврейские поселения, постоянно занимавшиеся работорговлей. В Испании еврейские купцы организовывали охоту на андалузских девушек, продавая их в рабство в гаремы Востока. Невольничьи рынки в Крыму обслуживались, как правило, евреями. с открытием Америки и проникновением в глубь Африки именно евреи стали поставщиками черных рабов в Новый свет.

От торговых операций евреи переходили к денежным, ссудо-залоговым и ростовщичеству, а часто совмещали и то и другое. Уже с XV века образуются крупнейшие еврейские состояния.

Накопленный торговый капитал богатые евреи преобразовывают в финансовый. Этот капитал получил название «паразитического», поскольку наживался не честным, а мошенническим путем. Он-то и стал главной движущей силой французской революции, о чем поведал ее историк и очевидец английский философ Э. Бэрк. Отодвинув родовую знать на задворки реальной власти, на авансцену социально-

экономической жизни вышли еврейские банкиры, предприниматели, торгаши. Многие из них составили «новую знать» с титулами баронов, графов, виконтов и т.п. с Францией разделили такую же «честь» Бельгия, Голландия, Австрия. В «еврейский клуб» вступила и владычица морей Великобритания.

Судьбу Европы с начала XIX века стали определять «дома» еврейских ростовщиков, превратившихся в банкиров. Финансовую элиту Европы составили «дома» Ротшильдов. Основатель семейства Меир Ротшильд был придворным банкиром курфюрста Вильгельма I. Когда Вильгельм в 1806-м бежал от французов, Ротшильд бросил накопленные курфюрстом денежные средства на расширение финансовых махинаций и спекуляций.

Вскоре Европа получила пять некоронованных королей. Ими стали братья Ротшильды: Ансельм, соломон, Натан-Меир, Карл и Джеймс. Ансельм повелевал из Франкфурта-на-Майне, Соломон — из Вены, Натан-Меир — из Лондона, Карл — из Неаполя, Джеймс — из Парижа. Без советов и рекомендаций этого семейства не предпринималась ни одна крупная государственная акция, не формировалось ни одно правительство.

Аккумулируя в своих «домах» огромный капитал, Ротшильды не только создали биржу, но и интернационализировали ее деятельность. Повязанные родовыми и денежными узами, финансовые «дома» подчинили своему контролю множество промышленных предприятий, страховых компаний, железных дорог.

Новым элементом, который внесли в хозяйственную жизнь евреи-талмудисты, было создание механизма контроля экономики со стороны банка, а затем биржи, находившихся в руках еврейских дельцов. Этот процесс В. Зомбарт назвал «обиржевлением» народного хозяйства. спекулятивным инструментом биржи стали ценные бумаги — векселя, акции, банкноты, облигации, которые служили орудием манипуляций со стороны еврейских финансовых спекулянтов. стоимость реального продукта, созданного тружеником, деформируется и искажается так, чтобы с каждой единицы товара обеспечивалась прибыль банкиру или биржевику, не обязательно еврейскому, но действующему по правилам иудейских хозяйственных законов, сформулированных в Талмуде. Контролируя потоки денежных средств с помощью банков и биржи, иудейские коммерсанты стали влиятельными посредниками международной торговли, в крупных размерах употребляя способ перевода денег посредством векселя.

«Начало современной биржевой спекуляции, — писал В. Зомбарт, — мы должны искать... в XVII веке в Амстердаме.

спекуляция акциями фондов выросла, как это можно с достаточной ясностью проследить на акциях Ост-Индской компании. Спекуляция акциями так широко распространилась и так усердно практиковалась, что общественная власть почуяла в ней зло, которое необходимо было устранить законодательным путем. среди прочих участников спекуляции евреи сыграли выдающуюся роль».

Кроме Амстердама крупнейшие еврейские финансовые спекулянты сосредоточились в Лондоне и во Франкфурте-на-Майне. В последнем, писал тот же Зомбарт, евреи к концу XVII века захватили занятие маклерством, а затем завоевали профессиональную фондовую торговлю.

Важным орудием капиталистической экономики стали банкноты, выпускаемые банками без соответствующего обеспечения золотом или государственными обязательствами. Начиная с XV века банкиры сколотили целые состояния на торговле подобными банкнотами. Посредством операций с этими банкнотами разорялись представители дворянских фамилий и национальной элиты Европы. В 1421-м году сенат Венеции законодательно запретил торговлю подобными банковскими обязательствами. Однако запрет длился недолго. Еврейские богачи подкупили власти Венеции, и закон был отменен.

Обогащению еврейских банкиров способствовали спекуляции финансовыми обязательствами христианских государств. Европейские государи нередко обращались к еврейским дельцам за займами, которые возвращали с ростовщическими процентами. Постепенно еврейские банкиры прибирали к своим рукам государственные финансы многих европейских стран.

Евреи из откупщиков налогов, арендаторов предприятий и казенных имений превращаются в государственных банкиров и финансовых советников государств.

Под влиянием капиталистической экономики личное достоинство человека превращалось в меновую стоимость, товар. Вместо духовной свободы, дарованной людям Новым Заветом, капитализм нес «бессовестную свободу торговли». Как писал еврейский философ Моисей Гесс, «деньги — это отчужденное богатство человека, добытое им в торгашеской деятельности. Деньги — это количественное выражение стоимости человека, клеймо нашего закабаления, печать позора нашего пресмыкательства. Деньги — это коагулируемая (свертываемая) кровь и пот тех, кто по рыночным ценам торгует своей неотчуждаемой собственностью, своим богатством, своей жизненной деятельностью ради накопления того, что называется капиталом. И все это напоминает ненасытность каннибала».

«Деньги — это бог нашего времени, а Ротшильд — его пророк!» — вторил Гессу еврейский поэт Генрих Гейне. Все семейство Ротшильдов, как спрут опутавшее долговыми обязательствами властные и производительные структуры Европы, представлялось поэту «подлинными революционерами». А барона М. Ротшильда он именовал «Нероном финансов», вспоминая, как римский Нерон «уничтожал» привилегии патрициев ради создания «новой демократии».

Создавая экономику на антихристианских основах Талмуда, капиталисты не только присваивали денежную власть. Через капитализм деньги становились мировой властью, средством контроля над христианскими народами. Авантюристический дух капиталистической экономики, перешагнув границы еврейства, стал разлагать самих христиан. И по меткому выражению К. Маркса, «с помощью денег евреи настолько освободили себя, насколько христиане стали евреями».

В начале XX века немецкий социолог Макс Вебер пытался объяснить природу капитализма из так называемой протестантской этики. Он утверждал, что капитализм мог возникнуть только на Западе вследствие распространения здесь протестантизма и особенно кальвинизма, «хозяйственная этика которого наиболее соответствует духу капитализма». сделав такой вывод, Вебер не утруждал себя анализом природы самого протестантизма, который по своей сути является иудаизированной формой западного христианства. По протестантской этике, в полном соответствии с экономическим учением Талмуда, богатство является выражением божьего благословения, а бедность — наказанием божьим. Богатство, каким бы путем оно ни было получено, свидетельствует о «божьем избранничестве», а бедняки должны служить «божьим избранникам».

В XIX—XX веках капитализм стал господствующей идеологией западного мира, практически полностью вытеснив христианское мировоззрение. Погоня за материальным успехом и комфортом, стяжание денег и капитала стали главным жизненным приоритетом западного человека, существование которого превратилось в настоящую гонку потребления. Развитие капитализма в рамках западного мира во второй половине XX века переросло в глобализацию — установление господства капиталистических ценностей во всем мире.

Поняв сущность капитализма, в те же годы в стенах Института труда я сумел осознать фальшь и антихристианский характер либерализма, нередко выдаваемого за высшее достижение человеческой цивилизации. На самом деле

либерализм — одна из форм обмана человечества евреями-талмудистами. Либерализм — антихристианская идеология, ставящая своей конечной целью «развенчание» вечных истин Нового Завета, уничтожение религии, монархии и национального мировоззрения и подмену их идеями стяжательства, погони за деньгами и плотскими удовольствиями, выдаваемыми за истинное выражение свободы человека. Либерализм отрицает непогрешимость священного

Писания, стремится свести на нет роль национальных традиций и обычаев, а также признанных национальных авторитетов. Разрушение христианства либерализм начинает с требования критических проверок вероучения, призывает адаптировать христианские идеи к современному нерелигиозному мышлению, изменить язык и форму передачи Евангельской вести, изъять из Нового Завета часть текстов, раскрывающих роль иудеев в Богоубийстве.

Последнее требование является ключом к раскрытию иудейских корней генезиса либерализма. Развитие либерализма от Спинозы и Дизраэли до Фридмана и Хайека показывает, что его крупнейшими идеологами были иудеи и первые требования, которые выдвигал либерализм, касались требований в защиту ценностей Талмуда, введения свободной торговли, ограничения прав христианской Церкви и христианской монархии. Развитие либерализма шло рука об руку с развитием масонства, взаимно дополняя друг друга. В середине XIX века наиболее радикальное крыло либерализма перерастает в социализм.

ГЛАВА 13

С ПОЛИЧНЫМ В КГБ. - КОНТОРА ГЛУБОКОГО БУРЕНИЯ. -НЕБЛАГОНАДЕЖНЫЙ И НЕВЫЕЗДНОЙ. - ЛУЧШИЕ РУССКИЕ КНИГИ ОТ БЫВШЕГО КАТОРЖНИКА. - ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНОФИЛОВ. - СЛАВЯНОФИЛЬСТВО -ПЕРВЫЙ ШАГ К СВЯТОЙ РУСИ

В начале января 1981-го я попал в КГБ, и не просто так, а с поличным — с «опасной антисоветской литературой». Дело было так. В институте довольно часто передавались из рук в руки книги зарубежных издательств, запрещенные в СССР. Большую их часть распространяли сионисты. По этим каналам я получил и прочитал «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, сочинения Набокова, Замятина, Мандельштама, Максимова, знакомился с журналом «Континент»[17]. Существовала и тоненькая струйка русской православной и патриотической литературы. Однажды я пришел в институт сразу с тремя запрещенными книгами. Первой и самой важной для меня была книга «Новые мученики российские» (т. 1), изданная в Джорданвилле и повествовавшая о кровавых злодеяниях еврейских большевиков в отношении русского духовенства и верующих. Книга потрясла меня больше, чем «Архипелаг ГУЛАГ». Если у Солженицына было много лукавства, то «Новые мученики российские» правдиво и документально отразили настоящую народную боль, переживания православных за судьбу русских святых и подвижников, «умученных жидами». Кроме этой книги со мной было два тома сочинения Б. Пастернака, которые я собирался вернуть владельцу. Все три книги я спрятал в верхний ящик стола и ушел в соседний отдел на обсуждение какой-то научной работы. Вернувшись, я обнаружил, что книги кто-то смотрел, они лежали в другом порядке. После работы мы еще часа на два задержались по случаю дня рождения одной из сотрудниц. На столе были вино и фрукты. Расходясь, все были навеселе, но не пьяны. Книги я взял с собой. В метро, когда я распрощался с сотрудниками, меня остановил милиционер с каким-то типом с красной повязкой на руке. Проверив мои документы, он велел следовать за ним. В комнате милиции дежурный попросил показать содержимое портфеля. Удостоверившись, что запрещенные книги со мной, меня посадили в зарешеченный милицейский УАЗ и привезли в здание возле метро «смоленская». Портфель отобрали, а меня заперли в смрадный «обезьянник», на полу которого храпели несколько пьяниц. Примерно через час за мной пришли и отвели в кабинет

на второй этаж, где меня ждал уполномоченный КГБ. «Вы задержаны с антисоветской литературой. За ее хранение и распространение предусматривается уголовная ответственность до пяти лет, но вы можете облегчить свое положение, сообщив нам, кто передал вам эту литературу». Уполномоченный дал мне бумагу и ручку, закрыл в кабинете, велев написать подробное объяснение. На это объяснение мне хватило пол-листочка, на котором я нацарапал, что нашел книги в свертке на лавочке у ближайшего кафе и собирался сдать их в милицию, но не успел. Уполномоченный, прочитав мое объяснение, сказал: «Вы неискренни. Придется с вами разбираться особо». Продержав еще около часа, меня отпустили. Метро уже не работало, добираться пришлось на такси. Приехав домой, опасаясь обыска, я быстро собрал всю запрещенную литературу (в основном ксерокопии), которая была у меня в двух старых портфелях, и отвез их на хранение знакомым. Однако обыска не произошло. Через некоторое время меня вызвали по повестке в военкомат. Ничего не подозревая, я приехал. В комнате, обозначенной в повестке, сидели два типа в штатском безликой внешности, один из них лысый. Последний попросил меня сесть и с ходу заявил: «Мы из конторы глубокого бурения, нам нужно с вами поговорить». — «Откуда?» — не поняв, удивленно спросил я. «Из КГБ, — пояснил лысый, — нам нужно выяснить, от кого вы получаете антисоветскую литературу».

Я был вынужден повторить версию о «свертке, найденном на лавочке». С полчаса личности из «конторы глубокого бурения» допрашивали меня, а затем дали подписать протокол. Из тех вопросов, которые они мне задавали, я понял, что у них есть осведомитель в нашем институте. По некоторым подробностям, которыми они интересовались, я понял, что это, скорее всего, сионист Коробчинский, сводивший со мной личные счеты[18].

История эта имела для меня серьезные последствия. Незадолго до нее меня готовили для работы в Международной организации труда в Женеве. Рекомендовал меня в Швейцарию зав. сектором в ЦК КПСС, для которого я подготовил несколько аналитических записок. Попавшись на «антисоветской литературе», я стал «неблагонадежным» и не мог рассчитывать на зарубежную командировку. Очень хотелось увидеть мир, посмотреть другую жизнь. Сейчас я понимаю, насколько удачна для меня была отмена швейцарской командировки. Я выиграл много времени для главного — для своей сокровенной научной работы и для путешествий по России. В творческом отношении 80-е годы были для меня самыми плодотворными. В это время сформировались основные направления моих исследований,

сделавшие меня тем, кем я являюсь сегодня.

Именно в 80-е во мне окончательно вызрела, выкристаллизовалась православно-национальная идея моей жизни. собирая свою библиотеку, я познакомился со многими книжниками и с их помощью вышел на целый пласт самой главной для русского человека литературы — сочинения Иоанна Кронштадтского, Игнатия Брянчанинова, Феофана Вышенского, И. Киреевского, Аксакова, Хомякова, Данилевского и др. самые интересные книги хранились в квартире одного бывшего политкаторжанина (сидел за государственные преступления еще при царе), бывшего эсера, после 1917 года перешедшего на службу к еврейским большевикам. Жил этот тип в доме, построенном в 30-х годах Обществом бывших политкаторжан. Дом был похож на тюремный замок с решетками на окнах. При Сталине многих обитателей этого дома в очередной и последний раз в их жизни отправили осваивать созданный при их участии советский ГУЛАГ, откуда они уже не вернулись. Хранитель же русских сокровищ этой участи избежал. В начале 60-х он умер, оставив библиотеку своему сыну, заурядному историку, с которым я и имел дело. Сын политкаторжанина (с ним я встречался несколько раз, покупал у него книги) рассказывал, что его отец вел двойную жизнь. В своей борьбе против царя он полностью разочаровался еще в начале 20-х годов, но никому в этом не признавался. Только по его интересам можно было понять, чем живет этот человек. В свой кабинет он никого из домашних не пускал. После его смерти сын, разбирая библиотеку, нашел во вторых рядах шкафов за собраниями сочинений Маркса, Энгельса, Ленина труды православных писателей, славянофилов, русских философов. Часть этих книг сын политкаторжанина после долгой торговли уступил мне, а самые дорогие разрешил ксерокопировать.

Он рассказал мне много интересного, особенно запомнился его рассказ о том, что отец был близко знаком с наркомом юстиции в первом правительстве Ленина Штейнбергом. Личность этого Штейнберга — праведного иудея, строго выполнявшего все талмудические ритуалы, — впервые натолкнула его на мысль об иудейском характере большевистской власти. Этот Штейнберг с восторгом говорил, что Ленин «наш», еврей по происхождению (тогда об этом мало кто знал) и менталитету.

В то время самое большое влияние на меня оказало чтение сочинений славянофилов. Именно через них я сумел осмысленно перейти к освоению трудов православных мыслителей и прежде всего Иоанна Кронштадтского и Игнатия Брянчанинова. Через славянофилов я впервые по-настоящему осознал понятие «Святая

Русь». До этого оно казалось мне отвлеченным термином, а в трудах славянофилов (особенно в богословских трудах А. С. Хомякова) раскрылось как конкретное, живое, актуальное выражение настоящей души русского народа. Для меня стало ясно, что именно славянофилы впервые обозначили главное направление движения нашего народа. Я понял, что только их труды являются ключом к пониманию национально-патриотической идеологии, развитию и популяризации которой я посвятил свою жизнь. Славянофильство стало для меня первым шагом на пути к Святой Руси.

Славянофилы обоснованно и твердо объявили об особом пути России, утвердились в мысли о спасительной роли Православия как единственно истинного христианского вероучения, отметили неповторимые формы общественного развития русского народа в виде общины и артели. «Все, что препятствует правильному и полному развитию Православия, — писал И. В. Киреевский, — все то препятствует развитию и благоденствию народа русского, все, что дает ложное и не чисто православное направление народному духу и образованности, все то искажает душу России и убивает ее здоровье нравственное, гражданское и политическое. Поэтому чем более будут проникаться духом Православия государственность России и ее правительство, тем здоровее будет развитие народное, тем благополучнее народ и тем крепче его правительство, и вместе тем оно будет благоустроеннее, ибо благоустройство правительственное возможно только в духе народных убеждений».

Славянофильство зародилось в конце 1830-х, а в 1840-1850-х гг. собрало вокруг себя самые мощные национальные силы. Круг единомышленников-славянофилов был широк и объединял вокруг себя выдающихся русских писателей и ученых. Наиболее крупными выразителями славянофильских идей были И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин. Вокруг них группировались И. С. Аксаков, И. Д. Беляев, Д. А. Валуев, А. Ф. Гильфердинг, Н. Д. Иванишев, П. В. Киреевский, А. И. Кошелев, В. И. Ламанский, В. Н. Лешков, Н. А. Попов, В. А. Черкасский, Ф. В. Чижов. Славянофилов поддерживали и являлись выразителями их идей русские писатели С. Т. Аксаков, В. И. Даль, А. А. Григорьев, А. Н. Островский, Ф. И. Тютчев, Н. М. Языков и др. Мировоззренческие учения славянофилов оплодотворяли научную деятельность русских ученых Ф. И. Буслаева, О. М. Бодянского, Г. П. Галагана, В. И. Григоровича, И. И. Срезневского, М. А. Максимовича, Н. А. Ригельмана.

Славянофилы чаще всего собирались в московских литературных салонах А. А. и А. П. Елагиных, Д. Н. и Е. А.

Свербеевых, Н. Ф. и К. К. Павловых. Здесь в горячих спорах со своими либерально-космополитическими противниками славянофилы пропагандировали идеи русского возрождения и славянского единства.

Космополитические силы в правительственных кругах долгое время препятствовали деятельности славянофилов. Им не позволяли иметь свой печатный орган.

статьи славянофилов выходили в «Москвитянине», а также в различных сборниках — «Симбирский сборник» (1844), «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных» (1845), «Московские сборники» (1846, 1847, 1852). Свои газеты и журналы славянофилы стали издавать только с середины 1850-х, но и тогда подвергались разным цензурным ограничениям и притеснениям. Славянофилы издавали журналы: «Русская беседа» (1856—1860), «Сельское благоустройство» (1858—1859); газеты: «Молва» (1857), «Парус» (1859), «День» (1861-1865), «Москва» (1867-1868), «Москвич» (1867-1868), «Русь» (1880-1885).

Своим творчеством славянофилы создали мощное общественное и интеллектуальное движение, сильно пошатнувшее идущее еще с эпохи Петра I космополитическое мировоззрение и низкопоклонство перед Западом. Славянофилы показали тупиковый, ущербный, бездуховный характер западноевропейской цивилизации. Призывая людей обратиться к своим историческим основам, традициям и идеалам, славянофилы способствовали пробуждению национального сознания. Много ими было сделано для собирания и сохранения памятников русской культуры и языка («Собрание народных песен» П. В. Киреевского, «Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля). Славянофилы-историки (Беляев, Самарин и др.) заложили основу научного изучения русского крестьянства, в т.ч. его духовных основ. Огромный вклад славянофилы внесли в развитие общеславянских связей и славянское единство. Именно им принадлежала главная роль в создании и деятельности славянских комитетов в России в 1858—1878.

Исследуя главные черты славянофильского учения, прежде всего следует отметить его глубоко православный характер. Христианская вера и Церковь — фундамент человеческой жизни. Они одухотворяют жизнь, придают ей смысл, определяют историю, мораль, мышление, быт. И. В. Киреевский развил философскую систему, ставшую духовной основой славянофильства. Согласно Киреевскому, существуют две формы познания — рационалистическая (свойственная западному миру) и «живая», включающая в себя религиозные, этические и

эстетические элементы. Совокупность элементов «живого знания» определяется религиозной верой. Эта форма познания присуща православно-славянскому миру. Жизнь человека, народа основана на вере, которая определяет тип образованности и характер общества. Еще более последовательно система положительного влияния христианства на общественную жизнь развита в трудах другого основателя славянофильства А. С. Хомякова. Церковь есть первореальность, духовный организм — «единство благодати», живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати». «Даже на земле, — пишет Хомяков, — церковь живет не земной человеческой жизнью, но жизнью божественной и благодатной, живет не под законом рабства, но под законом свободы». Свобода принадлежит Церкви, как целому, а не каждому члену в отдельности. «Если свобода верующего не знает никакого внешнего авторитета, — отмечает Хомяков, — то оправдание этой свободы — в единомыслии с церковью». Такое понимание свободы исключает индивидуализм, изолирующий отдельную личность. Лишь в Церкви, в братской любви с другими, личность обретает силу и полноту бытия.

Все славянофилы сходились на том, что только христианское мировоззрение и Православная Церковь способны вывести человечество на путь спасения, а все беды в мире происходят от того, что люди отошли от истинной веры и не построили истинной Церкви.

Из догматов Православной Церкви вытекает другое важное понятие в учении славянофилов — соборность, понимаемая ими в христианской традиции единения в любви, вере и жизни. Соборность в учении славянофилов — целостное сочетание свободы и единства на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям. Идея соборности наиболее глубоко разработана в трудах А. С. Хомякова.

Православие и соборное единение в любви, вере и жизни неизбежно ведут к целостности духа, служащей обязательным условием полнокровной деятельности людей, их воспитания и познания окружающего мира. Только через Церковь и соборность дух в его живой цельности способен вместить истину во всей ее полноте.

Как отмечал прот. В. Зеньковский, у славянофилов с особой силой развиваются идеи о целостности в человеке. Руководящей мыслью здесь было построение цельного мировоззрения на основе церковного сознания, как оно сложилось в Православии. Целостность в человеке есть иерархическая структура души: существуют «центральные силы нашего богообразного разума», вокруг которого должны располагаться все силы нашего духа. Эта

иерархическая структура неустойчива: тут есть противоборство центральных и периферических сил души; особенное значение Хомяков придает уходу от свободы, который обусловливает тот парадокс, что, будучи призваны к свободе,

будучи одарены этой силой, люди вольно ищут строя жизни, строя мысли, в котором царит необходимость. В этом весь трагизм человеческой жизни — нам дано лишь в Церкви находить себя, но мы постоянно уходим из Церкви, чтобы стать рабами природной или социальной необходимости. Дело здесь не в «страстях», как обычно думают, а в извращении разума. «Разумом все управляется, — обронил однажды в письме мысль Хомяков, — но страстью все живет». Беда поэтому не в страстях, а в утере «внутренней устроенности» в разуме и неизбежной потере здоровой цельности в духе (В. Зеньковский).

Цельность в человеке позволяет преодолеть отвлеченную рассудочность, присущую западной мысли. Собрав в неделимую цельность все силы тела, души и духа, разум возвышается до сочувственного согласия с верой. Рассудок и чувство согласуются с требованиями духа и подчиняются открываемому в душе «внутреннему корню разумения, где все отдельные силы сливаются в одно живое и цельное знание ума» (И. Киреевский).

Славянофилы верили в высокое предназначение, особую миссию русского народа в борьбе с мировым злом. Большинство из них считали, что русским суждено заложить новые основы духовного просвещения, опирающегося на Православие. Именно в Православии, сохранившем в чистоте святоотеческое предание, возможно проявление высших потенций человека — любви, добротолюбия, соборности, свободной стихии духа, устремленности к творчеству. Высокие потенции духовного развития русского народа славянофилы противопоставляли духовному упадку Запада. Они справедливо считали, что преобладание на Западе материальных интересов жизни над духовными неизбежно ведет к потере веры, социальной разобщенности, индивидуализму, противостоянию человека человеку. Чтобы спасти мир от духовной катастрофы, Россия должна встать в центре мировой цивилизации и на основе Православия принести свет истины западным народам. Однако это сможет произойти только тогда, когда сам русский народ проявит свои духовные силы, очистится от наносного псевдопросвещения и построит в своей стране жизнь по учению Нового Завета. Хомяков считал, что Православие через Россию может привести к перестройке всей мировой культуры. История, говорил он, призывает Россию встать впереди всемирного просвещения — история дает ей право на это за всесторонность и

полноту ее начал. «Логика истории, — писал он, — произносит свой приговор над духовной жизнью Западной Европы». К подобному же выводу приходит и И. В. Киреевский. Гибель западной цивилизации, пораженной язвой рационализма, неизбежна, ее может спасти только восприятие православно-славянской цивилизации, наиболее полно раскрывающейся в духе русского народа.

Впрочем, не все славянофилы разделяли идею о великой миссии русского народа. Данилевский, напр., в соответствии со своей теорией культурноисторических типов считал, что русским, как и всем другим народам, не «суждено разрешить общечеловеческую задачу» в силу того, что одна замкнутая цивилизация не способна конструктивно повлиять на другую замкнутую цивилизацию.

Вместе с тем и Данилевский, и многие другие славянофилы верили в возможность и необходимость создания Всеславянского союза или Всеславянской федерации — добровольного объединения всех славянских государств и народов. Объединение славян должно осуществляться вокруг России, государства, обладавшего мощной государственностью. Однако цель федерации не поглощение славян Россией, а союз, учитывающий интересы всех народов. По мнению некоторых славянофилов, столицей федерации должен стать не Петербург, не Москва, не Прага, не Белград, не софия, а бывшая столица Византийской империи — Константинополь, «пророчески именуемый славянами Царьградом».

Несмотря на огромный вклад в развитие русского самосознания, славянофилы не смогли выработать целостного мировоззрения, что в значительной степени объяснялось характером той космополитической среды, из которой многие из них вышли и которая толкала их в сторону либерализма.

Как писал русский мыслитель, митр. С.-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев): «Несмотря на стремление вернуться в лоно чистой русской церковности, слиться с истоками народной жизни, основами бытия России — ясного понимания сущности русского пути, русского служения славянофильство в целом так и не достигло. По-разному понимали члены кружка природу и цель самодержавия, по-разному оценивали современные события. Эта разноголосица мешала движению, а с кончиной его основоположников оно окончательно утеряло мировоззренческое единство, распавшись на несколько самостоятельных, весьма различных между собой течений, частично выродившись в чистый либерализм».

Тем не менее все, что было создано славянофилами в 1840—

1850-е, до сих пор продолжает оставаться важным фактором русской национальной жизни и мысли, оплодотворяя все новые и новые ее течения. Именно славянофильская мысль дала миру учение о цивилизациях Н. Я. Данилевского, изучению которого я посвятил много времени в свете впервые введенного мною в личный духовный оборот понятия русской цивилизации. Без этих старых книг, приобретенных мною у сына политкаторжанина, я мог бы заблудиться и пойти неверной дорогой.

ГЛАВА 14

«ПРОХИНДИАДА» АКАДЕМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ. -ГНЕЗДА ИЗМЕНЫ И ПРЕДАТЕЛЬСТВА. – АРБАТОВ И ИНСТИТУТ США И КАНАДЫ. - АГЕНТЫ ВЛИЯНИЯ И ШПИОНЫ. - ДОКЛАД О СОИ В ПОДДЕРЖКУ АМЕРИКИ

Семидесятые — начало 80-х годов — время, когда в стране ткалась паутина измены и предательства. Люди, которые очень скоро погубят и ограбят страну вместе с Горбачевым и Ельциным, жили среди нас. Они ходили рядом, мы встречались с ними на работе, в магазине, на отдыхе. Как правило, внешне они ничем не выделялись, свои мысли не раскрывали, более того, они, как шпионы в чужой стране, старались вести себя очень лояльно и не выделяться — разве что громче всех восхваляли коммунистическую систему и были самыми ревностными ее служителями. Работая в Институте труда, занимаясь изучением экономики США и западных стран, я по долгу службы довольно часто общался со специалистами академических институтов, прежде всего Института США и Канады (ИСКАН) и Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). Религиозный талмудизм и сионизм, менталитетом которых были пронизаны большинство сотрудников этих институтов, перешагнули границы иудейского вероучения, превратив догму об избранном народе в политическую программу подпольной политической партии, отстаивающей корыстные интересы евреев. Форма, в которой организованно существовала подавляющая часть сотрудников этих институтов, представляла нечто среднее между еврейской общиной и масонской ложей, а ее содержание — местечковый дух исключительности и русофобии. Именно поэтому в годы перестройки эти институты дали самое большое количество агентов влияния, да и просто шпионов[19]. Вспоминая сейчас «дух» этих институтов, сожалею, что слишком поздно понял, почему я всегда с таким предубеждением относился к этим научным учреждениям. Во многих сотрудниках этих институтов я тогда еще не видел предателей и изменников, а всего лишь прохиндеев, паразитов, живших по понятиям: где бы больше урвать, организовать загранпоездку, «престижно потусоваться». В основном это была серая, безликая масса отпрысков партийных и советских работников, преимущественно евреев, далеких от настоящей науки и занятых «продавливанием» своих корыстных интересов. В этих институтах я довольно часто бывал на защитах

диссертаций, разных обсуждениях, конференциях и т.п. Вспоминаю свои первые ощущения от контактов с этими институтами — разочарование. Система паразитизма, созданная в этих учреждениях, мешала продвижению по-настоящему талантливых, способных ученых. В стенах этих институтов были закрыты все пути для русских, руководство их состояло преимущественно из евреев или женатых на еврейках. Та небольшая часть русских, которые допускались на руководящие должности, неукоснительно следовала правилам еврейской партии, восторженно «принимая доминирующую роль евреев» (выражение одного из сотрудников Института США и Канады), и с готовностью проводила еврейскую линию. При этом самую трудоемкую и требующую знаний работу выполняли русские и другие нееврей, а плодами ее, выражаемыми в диссертациях, степенях, выпущенных книгах, пользовались преимущественно евреи и приближенные к ним лица.

«Научные исследования», которые якобы проводились в этих институтах, в подавляющем числе случаев являлись просто профанацией науки, способом удовлетворения еврейских амбиций. Научные звания и степени, получаемые в них, чаще всего были липовыми, так как давались не за реальный научный вклад, а за умение создать видимость научности, — впрочем, этому способствовала возникшая еще в 20-е годы советская система гуманитарных исследований. Уровень многих «корифеев» ИСКАН и ИМЭМО в лучшем случае не превышал планку бойких журналистов-международников, из среды которых они все поголовно вышли. Таковы, например, Н. Иноземцев, Г. Арбатов, Е. Примаков, В. Журкин, подавляющая часть публикаций которых написана для газет и журналов. Перечисленные «корифеи» не имели ни одного настоящего научного труда, а только сборники журналистских статей, многие из которых составлялись их референтами[20].

Подавляющая масса книг и публикаций ИСКАН и ИМЭМО годилась только в макулатуру. За десятилетия их существования из многих сотен книг и сборников, выпущенных ИСКАН и ИМЭМО, в лучшем случае только десяток добротных (и ни одного выдающегося) стали сколько-нибудь значимым вкладом в науку. У многих работников этих институтов были покровители в высших эшелонах советской системы, прикрываясь которыми они были неуязвимы. Финансировали ИСКАН и ИМЭМО по первому разряду. По сравнению с другими научными институтами, они ни в чем не нуждались.

Дух прохиндейства, пронизывавший эти институты, видимо, стал главным фактором интереса к ним

ЦРУ, «Моссада» и др. подобных организаций. Западные спецслужбы понимали, что именно в этой среде им проще всего находить объекты для разработки. Позднее один из моих зарубежных информаторов, с которым я познакомился в 1996 году, рассказывал мне, что решение поработать с «академиками» (т.е. сотрудниками академических институтов) было принято руководством ЦРУ в конце 60-х[21].

Решение поработать с «академиками» из ИСКАН приняли на волне эйфории руководства ЦРУ от успешно проведенной операции ЦРУ в Италии, не допустившей коммунистов к власти на выборах 1963-го. среди некоторых сотрудников ЦРУ бытуют воспоминания о поездках по Италии с чемоданами денег для подкупа и поддержки «нужных» кандидатов. В ходе той операции была создана широкая агентурная сеть из настоящих шпионов и агентов влияния. По данным моего информатора, с помощью масонских лож и католической церкви, широко втянутой в сотрудничество с ЦРУ, американской разведке удалось создать агентов влияния среди разных общественных течений и влиятельных политических деятелей. Тот же самый информатор рассказывал, что именно тогда в число «друзей ЦРУ» попал Берлускони. Начиная с 1960-х годов американское правительство выделяет сотни миллионов долларов на поддержку агентов влияния и подкуп государственных деятелей по всему миру. Инициатор этой политики, глава масонско-еврейской ложи «Бнай-Брит» Г. Киссинджер в своем кругу неоднократно говорил, что «гораздо выгоднее заплатить предателям, чем тратить деньги на сложные дипломатические игры и военные операции». Президент США имеет особый секретный фонд, из которого через особые представительства Госдепартамента и специальные, преимущественно общественные, организации под патронатом ЦРУ осуществлялись операции по подкупу. Один из моих информаторов, с которым я был связан во второй половине 90-х годов, свидетельствовал о том, как его начальник по ЦРУ в досаде на высшее руководство проговорился о такой операции в отношении В. Гавела. Из контекста брошенных им фраз было ясно, что одновременно с «помощью» Гавелу подобные операции производились в Польше и Венгрии. Этот же информатор считал, что обработка директора вновь созданного Института США Г. Арбатова[22] началась с подачи Г. Киссинджера. Подтверждение этих сведений я получил и из другого источника. Рассказывают, что Киссинджер ужасно гордился тем, что по его инициативе было создано гнездо «друзей сША» (точнее, «друзей ЦРУ»). «Вторая русская революция (имеется в виду развал СССР. — ***О. П.***), — признавал позднее государственный секретарь США М.

Шульман, — стала возможна благодаря таким людям, как Г. Арбатов. Они работали на разрушение системы. И преуспели в этом больше, чем Сахаров и другие диссиденты»[23]. Советчиками Арбатова в вопросах разрушения СССР были, кроме Киссинджера (встречались в 1969-м, 1972-м и другие руководители мирового тайного правительства) Д. Рокфеллер (1969-й, 1976-й), Р Макнамара (1969-й), Д. Буш-старший (1972-й, 1985-й), З. Бжезинский и т.п.[24].

В 60-70-е годы, по признанию кадрового американского разведчика Тэлбота, работавшего под прикрытием Госдепартамента США, Арбатов был «самой близкой фигурой для американской политики».

Американцы, работавшие с Арбатовым и его сотрудниками, называли их «своими парнями из Хлебного переулка»[25].

Довольно часто посещая здание Института США и Канады в Хлебном переулке рядом с Арбатом, я не мог тогда представить, какие зловещие механизмы мировой закулисной политики движутся в этих стенах. Первое впечатление — тишина и малолюдность, вроде как в цэковских коридорах, у входа охранник, придирчиво проверяющий документы. Даже в библиотеку института нельзя было попасть без специального разрешения. Закрытость была полная. Каждый контакт с сотрудником мог осуществляться только с разрешения руководства, то есть Арбатова или его заместителя. Что же хотели засекретить в институте? Участвуя в защитах, обсуждениях и конференциях, я понял, что никакой реальной научной работы почти не велось. Только редкие исследования представляли интерес. В основном это были переводы из американских источников, без своего анализа, но с добавлением цитат из классиков марксизма-ленинизма и руководителей КПСС. Вся статистика шла без корректировок — согласно советской методологии, и не могла быть сопоставлена с советскими показателями. Энергия руководства института уходила на интриги. сам Арбатов приезжал в институт нечасто, при его появлении тишина и малолюдность сменялись бурным искусственным оживлением. Некоторые сотрудники, с которыми у меня сложились доверительные отношения, рассказывали мне, как Арбатов, усевшись у себя в кабинете, сначала запирался со своими замами, а затем начинал разбирать склоки между сотрудниками, представлявшими разных влиятельных руководителей, например, между протеже Андропова, Громыко, помощника Л. Брежнева Цуканова, детьми и женами разных советских деятелей, ревниво следящими за тем, чтобы блага распределялись согласно «табели о рангах». Дожидаясь приема, я

не раз был случайным свидетелем таких разборок. Все неприличия советской руководящей системы выплескивались наружу. Люди, не представлявшие ничего для науки, в большинстве своем полные ничтожества, требовали себе благ соразмерно должности своих родителей или покровителей. В Институте США в разное время работали дети Громыко, Андропова, Примакова, секретаря ЦК Азербайджана Мамедова, председателя КГБ СССР Федорчука, первого зам. министра иностранных дел Комплектова, дети руководителей крупнейших издательств «Наука» (Г. Д. Комкова), «Политическая литература» (Сванидзе), жена зам. министра иностранных дел СССР В. Ф. Петровского, зять Н. С. Хрущева Н. П. Шмелев. И здесь я привожу лишь небольшую часть устроившихся на «теплом месте» деток и родственников важных лиц советской системы.

Однако все они были лишь ширмой, подкладкой для Арбатова и его соратников. Дух и значение института выражали не «блатные», а сплотившиеся вокруг директора представители «избранного народа» — Б. Мильнер, В. Лукин, А. Кокошин, В. Журкин, М. Мильштейн, И. Малашенко, А. Кислов. со многими из этих людей мне приходилось общаться. Все они были далеки от науки, но изрядно искусны в интриганстве. В институте сложилась атмосфера подпольной организации «избранного народа» с ее масонским духом псевдоэлитарности, за которым стоят обман и пустота. Иногда мне казалось, что в этом доме живет сам сатана. Доходило даже до мистических галлюцинаций. Однажды в конце 80-х, проходя по коридорам этого заведения, я отчетливо ощутил запах серы, казалось, вот сейчас из-за угла появится сам князь Тьмы, но вместо него мне навстречу шел Арбатов, злой и потный, под ручку с С. А. Карагановым, будущим видным деятелем масонского движения в России. В 80-90-х годах Арбатов и его соратники входили в состав масонских лож. В институте поговаривали, что «главный» и его ближайшее окружение организовали в институте ячейку «Бнай-Брит».

Арбатов начинал политическую карьеру при поддержке члена Политбюро М. Суслова, курировавшего тогда идеологию. с его помощью он стал сначала консультантом, а затем руководителем группы консультантов ЦК КПСС (1964—1967), обслуживающей Брежнева. Именно в это время у него завязываются связи с А. Яковлевым, Андроповым и Громыко, помощником Брежнева Александровым-Агентовым и Цукановым. Тщательно скрываемая ненависть Арбатова к Русскому государству, стремление нанести ему ущерб любой ценой[26] сделали его единомышленником А. Яковлева, Иноземцева, Бовина, Примакова. Именно с ними в дальнейшем у Арбатова устанавливаются особо тесные связи,

сделавшие их своего рода подпольной антирусской организацией. Подавляющая часть документов и материалов, подготавливаемых в институте, носила антирусский характер, во многих случаях свидетельствуя по сути своей о государственной измене. В 1978 году Г. А. Арбатов лоббировал для США выгодный американский проект «Северное сияние», который предусматривал постройку крупного газопровода из Западной Сибири до Архангельска и Мурманска, где предполагалось соорудить заводы по сжижению газа и отправке его в специальных танкерах в США. Российские специалисты доказывали, что в условиях агрессивной среды Севера основные сооружения планировавшегося газопровода должны были прийти в полную негодность как раз к тому времени, когда стоимость газопровода была бы оплачена поставками газа в сША. России в наследство остались бы только разрушенная экология трассы, опасно изношенные трубы и компрессорные станции на грани остановки. К счастью, тогда этот проект удалось отклонить. Органы госбезопасности неоднократно сигнализировали высшему руководству о преступной деятельности, проводимой в Институте США директором и его соратниками, однако впавший в маразм генсек Брежнев и близкие к нему типы вроде Александрова-Агентова отметали все обвинения и прикрывали своего советника.

Звездный час Арбатова настал с приходом к власти Горбачева. Он становится одним из ведущих внешнеполитических советников преступного генсека, наряду с Шеварднадзе[27] и Яковлевым, сопровождая его на всех переговорах, где шаг за шагом сдавались позиции СССР и предавались национальные интересы России: в Женеве (1985), Рейкьявике (1986), Вашингтоне (1987), Нью-Йорке (1988) и, наконец, на Мальте в декабре 1989-го.

В осуществление антирусских планов Горбачева Арбатов подготовил в ряды его черной рати целую когорту изменников Родины, воинствующих сионистов и масонов, патологических ненавистников России.

Вот несколько примеров, известных мне.

Игорь Малашенко работал в ИСКАН в 1980—1989 годы, одно время я видел его на месте ученого секретаря института. скользкий прохиндеистый тип, он был нужным человеком для всех, кто стремился «обтяпать» свои делишки закулисно. Многие его презирали и ненавидели, но боялись с ним ссориться, зная его злопамятность. В начале 90-х он стал одним из ближайших подельников Гусинского, который хотя и не очень доверял ему, но высоко ценил его умение находить людей для разных закулисных манипуляций. Гусинский сделал Малашенко генеральным

директором самой антирусской в то время телекомпании НТВ, делегировал его от Еврейского конгресса в качестве своего представителя в Наблюдательный совет подрывной антирусской организации — Института Сороса.

Ближайшим помощником Г. Арбатова в Институте США был Андрей Кокошин, считавшийся среди сотрудников человеком от КГБ (правда, некоторые полагали, что автором этих слухов был сам Кокошин). И друзья, и недруги в институте расценивали Кокошина как беззастенчивого карьериста, далекого от науки, но использовавшего ее в своих корыстных целях. По своей натуре циничный делец, он был мастером интриг. Лавируя между борющимися за влияние в институте группами, он довольно быстро занял главное место при Арбатове. Большинство сотрудников Кокошина не любили, а в середине 80-х некоторые даже стали считать его не человеком КГБ, а агентом ЦРУ. Произошло это после написания им вместе с сыном Арбатова доклада для Политбюро — о стратегической оборонной инициативе (СОИ). Доклад дезинформировал политическое руководство страны о реальных возможностях использования СОИ. Кокошин и его соавторы утверждали, что военное могущество США является непреодолимым, подводили руководство СССР к мысли о том, что с помощью СОИ Соединенные Штаты получают абсолютное военное преимущество над СССР. Из этой подсказки вытекал вывод, что СССР следует идти на уступки США. Доклад и ряд других материалов, предоставленных Институтом США Горбачеву и другим членам Политбюро, стали одним из козырей космополитических сил в вопросе отношений с США и Западом. В этих документах утверждалось, что во всех случаях у страны нет другого выхода, кроме как принимать условия, диктуемые США.

На самом деле все было иначе. Объявляя о развитии и успехах программы сОИ, президент Рейган намеренно блефовал (впоследствии он сам в этом признался). Научные изыскания в области «звездных войн» показали невозможность осуществления этого проекта. Реальной угрозы для СССР сОИ не представляла, а ее идея была чисто психологическим оружием давления на СССР. Арбатов и Кокошин способствовали упрочению позиции американцев. Большинство военных специалистов и ученых опровергли возможность осуществления сОИ, но их мнение не довели до политического руководства. А несогласных в самом институте уволили, в частности полковников Ю. В. Катасонова, Г. с. Хозина, авторов многих исследований на военные темы. Именно они рассказали, как бессовестно и подло вели себя в проталкивании этого доклада сам Арбатов с сыном и его

ближайший клеврет Кокошин. Деятельность их только в этом вопросе нанесла огромный ущерб стране. Арбатов и Кокошин были ведущими экспертами, занимавшимися подготовкой договоров по разоружению между США и СССР, способствуя одностороннему разоружению нашей страны. После прихода к власти Ельцина, по рекомендации Арбатова, Кокошин стал его главным военным советником, а впоследствии членом совета обороны и даже замминистра обороны России, будучи, по мнению многих военных, ярым защитником интересов сША.

Важным звеном антирусского механизма Института США была группа деятелей, вращавшихся вокруг Бориса Мильнера, серого кардинала, «сионистского парторга», дружившего с Абрамом Милейковским из ИМЭМО. Некоторые в институте считали эту группу просто шпионским гнездом. Именно под крылом

Мильнера работал разоблаченный американский шпион В. Мальцев, предупрежденный своим шефом незадолго до ареста и оставшийся в сША. Мне рассказывали, что людьми Мильнера были сотрудник института В. Поташев и его подельник, осужденные за шпионаж в середине 80-х, а также Игорь Сутягин — американский шпион с 1998 года, получивший пятнадцать лет тюрьмы уже в 2004 году. Сын Мильнера Юрий был соратником М. Ходорковского, заместителем председателя правления банка «Менатеп».

Из числа других сотрудников Арбатова, сыгравших печальную роль в судьбе России в качестве агентов влияния США и организаторов подрывных антирусских акций и групп, следует назвать Владимира Лукина (посол в США), Николая Сванидзе (председатель Всероссийской телерадиокомпании), Сергея Караганова (один из главных «возродителей» масонского движения в России, член масонской комиссии «Большая Европа»). Называю только тех, с кем так или иначе приходилось сталкиваться в конце 70-х — 80-е годы. Ни один из этих перечисленных выше людей не имел настоящих научных заслуг, но зато все высоко котировались за умение интриговать и обделывать делишки с нужными людьми. Конечно, в этом они не были одиноки. В советской системе сложилась порочная практика достижения успеха не по реальным результатам, а по связям и родственным отношениям в высших эшелонах власти. Эта система в конечном счете и сделала возможным превращение Института США в кузницу не только агентов влияния США, но и прямых шпионов. В середине 90-х годов я присутствовал на встрече с академиком В. Афанасьевым, бывшим главным редактором газеты «Правда». Он рассказывал о том, что еще в

конце 80-х располагал сведениями о шпионской деятельности Арбатова, передал эти сведения в КГБ, но ответа не получил.

ГЛАВА 15

МОИ ПУТЕШЕСТВИЯ. - С РЮКЗАКОМ ПО СЕВЕРУ. -МЕЗЕНЬ. - ПИНЕГА. - КАРГОПОЛЬЕ. - ОНЕГА. -БЕЛОЕ МОРЕ

Со второй половины 70-х годов мое сознание постоянно будоражило стремление познать Россию. Хотелось сделать это не просто по историческим книгам, которых я к 25 годам проштудировал множество, а наяву, практически самому увидеть и оценить масштабы ее духовной и материальной культуры, поклониться православным святыням и достопамятным местам. Еще живы были люди, родившиеся в конце XIX века, часть из которых сохраняла в себе дух Русского православного царства.

Более чем на десятилетие жизнь моя превратилась в восхитительные путешествия по определенной, созданной мной программе. В зимние месяцы я подготавливался к очередному путешествию по старым книгам и путеводителям. составлял маршрут, продумывал последовательность. А летом в течение 2—2,5 месяцев шел по этому маршруту со своими спутниками, чаще всего это были моя жена и мой верный товарищ и помощник Георгий. Сначала путешествовал пешком с рюкзаком, потом появилась машина. В общей сложности прошел более 3 тыс. км пешком и более 200 тыс. (по счетчику) на машине, сам сидя за рулем[28].

От Каргополя по Онеге до Кий-острова и Соловков, по Мезени и Пинеге до родины св. Иоанна Кронштадтского, по Печоре и старообрядческим скитам — начав с севера, я пошел на юг, постепенно расширяя свои пути на запад и восток, не пропуская ни одной общерусской святыни, монастыря, достопамятного места.

Вся Великая Россия — от Приднестровья, Буковины, Закарпатской Руси, Малороссии, Белоруссии и Прибалтики до Урала, Сибири, среднеазиатских степей, Закавказья и Крыма — открывала мне свои просторы и исторические судьбы. Русский народ, осваивавший эти территории в течение четырех тысячелетий, вложивший в них свои подвиг и труд, кровь и пот, виделся мне в терновом венце страданий и унижений, но вместе с тем — в ореоле непостижимого духовного совершенства.

Именно эти путешествия окончательно определили мою жизнь. Не будь их, я был бы иным и вряд ли написал свои главные книги о русской цивилизации. Путешествия вдохнули в мое исследование «Россия во времени и пространстве» настоящую

жизнь, наполнили его богатым фактическим материалом.

Первые большие путешествия в течение 4-х лет я провел на Север — Северная Двина, Великий Устюг, Архангельская область, Соловки и Кий-остров. Потом по бассейнам рек Онеги, Пинеги, Мезени, Печоры. Ночевали в почти заброшенных деревнях, где жило по несколько старушек, а то и вообще никого не было, лишь охотничьи сторожки с печками-времянками и сеном вместо кроватей. Шли по заброшенным, давно заглохшим дорогам, частично заросшим кустарником и даже деревьями. По старым картам начала XX века здесь значились густонаселенные села и деревни, стояли прекрасные деревянные храмы. Мы проходили через давно заросшие пепелища с остатками разобранных фундаментов. Надо всем этим звенели мириады комаров. От деревянных храмов, отмеченных в старых географических описаниях, осталось не более 5 процентов. Большая часть была «раскатана» большевиками на коровники или дрова, часть сгорела от запустения и недосмотра. Первое ощущение — чувство тяжелого ранения — и в теле, и в душе. Но именно здесь, на Севере, сохранилось то, что давно было потеряно в центральных областях России, — мировоззрение Святой Руси с ее культом православной веры, добротолюбия, нестяжательства, соборности и патриотизма. Его носителями были, как правило, древние старушки, перенесшие огромные испытания, но сохранившие в себе и веру, и доброту, и удивительную незлобивость к своим мучителям, поломавшим их жизнь.

«Явреев», с которыми они сталкивались в 20-е годы, бабушки жалели за злобу и зацикленность на выгоде. Было в этой жалости что-то эпическое, в тональности отношения Ильи Муромца или Добрыни Никитича к Жидовину. По Северной Двине в 20-е годы разъезжали целые отряды «жидов», закрывавшие церкви и увозившие лучших мужчин в тюрьму. Среди этих «жидов», по рассказам бабушек, были и китайцы, и латыши. Но самыми жадными были «явреи».

С бабушками из Святой Руси мы подолгу разговаривали, пили чай, останавливались у них на ночлег. В их двухэтажных деревянных домах не было мужчин, но было очень чисто. Даже оставаясь одни, бабушки не переставали драить свои деревянные полы, мыть окна, ухаживать за огородом. Они сами кололи дрова, топили печь, чаще всего были искренне рады нам, пришедшим из другой жизни. Их мужчины в большинстве своем упокоились далеко от родных мест — кто во время репрессий 20-30-х годов, а большинство в Великую Отечественную войну. Русский Север, большую часть которого занимала Архангельская область, начинавшаяся с буквы «А», и его мужчины в числе первых были

мобилизованы на фронт, где в большинстве своем погибли при наступлении немцев. Даже в заброшенных деревнях сохранялись литые бетонные полосы с длинным списком мужчин, погибших на фронте. Чаще всего то было перечисление трех или четырех одинаковых фамилий с разными инициалами.

Все эти бабушки были православными, но с 20-30-х годов, «когда евреи закрыли храмы», потеряли возможность посещать службы. На огромных пространствах, порой на 500 и более километров, служила только одна церковь, в которую по большим праздникам невозможно было попасть из-за столпотворения верующих. Так, на весь Каргопольский край действовал лишь один храм. То же самое было в Мезенском краю и на Печоре. Каждый из этих краев по территории был не меньше крупного европейского государства.

При бездорожье и почти полном отсутствии автомобильных дорог в бассейнах рек Пинеги, Мезени и Печоры сообщение между отдельными районами велось с помощью маленьких самолетов и вертолетов. Лететь на них было страшновато, каждый раз казалось, что они вот-вот развалятся, но, к радости пассажиров, аппарат в очередной раз благополучно касался земли. Летали они низко. Из иллюминаторов открывались бескрайние, эпические просторы с полноводным реками, несущими свои воды на Север.

Большинству бабушек из Святой Руси передвижение самолетом или вертолетом при пенсии в 18 рублей в месяц было не по карману, и поэтому они вынуждены были молиться либо дома, либо в тайных скитах, обитатели которых жестоко преследовались советской властью, хотя в отдельных случаях на них закрывали глаза. Из-за отсутствия церквей службу вели возле закрытых часовен или крестов. Одна из авторитетных старушек читала Евангелие, все молились и крестились. На Пасху собирались ночью со свечами, и в 12 часов ночи совершали крестный ход вокруг креста. Детей крестили сами старушки: прочитают молитву «Верую», приложат крест к устам младенца, и все. Одно из таких крещений в лесу у остатков почитаемой, давно закрытой церкви я видел сам.

Многие годы при большевиках большинство мужчин и женщин после окончания сельхозработ, с октября по апрель, направляли на лесозаготовки. Жили в лесу в одном бараке, мужчины и женщины, в том числе семейные пары. Даже в православные праздники никого не отпускали на службу. Каждый был обязан заготовить не менее 40 кубометров древесины. Работали ручными пилами. За кубометр платили 80 коп., за сезон зарабатывали 40—50 рублей. Отказаться от такого труда было

невозможно под угрозой тюрьмы. Что важно отметить: многие десятки жителей северных мест, рассказывавшие мне одну и ту же историю лесозаготовок, которые по своей сути были посуровей египетского рабства, не проклинали своих мучителей, а относились к этим «трудам в лесу» как к испытанию, данному свыше, души их не озлобились и не ожесточились.

Почти каждый день новое место ночевки. Сколько их было! Названия пройденных деревень звучат как народная музыка — Пустозеро, Холмогоры, Архангельск, Чухчурьма, Куроостров, Сия, Матигорье, Ненокса, Сумский погост, Рикасово, Лявля, Лешуконское, Палащелье, Коинос, Чучепала, Нисогорье, Юрома, Титлява, Кимжа, Мезень, Тимощелье, Лампожня, Долгощелье, Пинега, Вонга, Кулой, Веркола, Шардомень, Лавелы, Кеврола, Едома, Немнюга, Каргополье, Рато-наволок, Зачачье, Тойма, Красноборск, Белая Слуда, Цывозеро, Кулига Дракованова, Пермогорье, Уфтюга, Шоломля и многие, многие другие.

На родину св. Иоанна Кронштадтского в село Суру на берегу реки Пинеги мы пришли с рюкзаками за спиной. Договорились со старушкой о ночлеге, положили вещи и сразу же направились к месту, где родился великий русский святой. В 1899 году еще при его жизни на средства праведного был возведен Иоанно-Богословский монастырь, построены школа, дома для крестьян. При нашем посещении в селе и окрестностях жили потомки Иоанна Кронштадтского по его сестре Дарье. Один из них, Николай Александрович Малкин, был бригадиром на лесозаготовительном участке. Нам рассказывали, что все потомки святого были трудолюбивы и честны.

От монастыря остались только фрагменты, но главный собор, законченный строительством в 1914-м уже после смерти святого, уменьшенная копия собора, в котором праведный служил в Кронштадте, был заложен в присутствии самого о. Иоанна, который, по преданию, сказал: «Освятить я его вам освящу, а служить в нем вы не будете». Так и получилось. Жители рассказывают, что при закрытии монастыря не обошлось без «явреев», которые с особой ненавистью относились к памяти святого. собор перестроили, организовали там клуб с танцами. У крестьян отнимали книги, подаренные Иоанном Кронштадтским, его изображения. «Яв-реи» специально приезжали из Пинеги и распускали о нем гнусные слухи, о его якобы корыстолюбии и «распутной жизни». Но крестьяне не верили им, молились святому. Паломники со всех концов России постоянно еще до 1917-го шли на место рождения святого. Не прекратилось это и при большевиках, в 20-30-е годы.

Двоих странников к о. Иоанну Кронштадтскому встретил и я

в начале 80-х годов. Они были из окрестных мест. Всерьез уверяли меня, что Иоанн Кронштадтский был захоронен не в Петербурге, а здесь, в Суре, на территории монастыря. Якобы гроб его привезли ночью на пароходе и спрятали в подвале монастыря.

В окрестностях Суры на реке стояла часовня Николая Чудотворца, построенная по обету и почитаемая всеми окрестными крестьянами. Власти несколько раз жгли ***ее, а*** крестьяне — восстанавливали. Когда я там был, часовня представляла собой небольшой срубчик с крестом, к которым были привязаны разные платки и одежды, принесенные сюда по обету.

Уже стемнело, когда мы пришли к бабушке Александре Николаевне, у которой остановились на ночлег. Допоздна пили чай со сковородниками (лепешки со сметаной). На столе стояли грибы, морошка, вареная картошка — обычная еда северных мест. Разговоры о вере, о старой жизни, порушенной «яврейской властью», о «египетских» лесозаготовках. Темы одни и те же всюду, но каждый раз новая черта в понимании событий, которые происходили здесь.

Вернувшись из Суры в Пинегу, мы пешком пошли в Красногорский Богородицын монастырь, расположенный на высокой горе, с которой открывается восхитительный вид на изрезанную островами реку Пинегу и безбрежные еловые леса. Основанный в 1603 году, монастырь был славен чудотворной иконой Грузинской Божьей Матери. В монастыре было три храма и каменные стены с башнями. После прихода советской власти остались лишь руины одной церкви и два каменных здания, в которых в нищенских условиях жил «контингент» дома-интерната для психически больных. Запах помоев и нечистот. У алтаря главного храма был похоронен сосланный сюда Петром I любовник царицы Софьи князь Василий Голицын, мечтавший установить в России западные порядки.

Недалеко от монастыря около 60 пещер протяженностью 20 км, стены покрыты толстым слоем кристаллического льда. В пещере течет ручей, ход время от времени сужается, приходится проползать. Но сказочный мир, отражающийся при свете фонаря, манит идти дальше.

Возвращаемся в Пинегу, а оттуда около 200 км в Артемиево-Веркольский монастырь, основанный в XVI веке на месте обретения мощей святого праведного Артемия Веркольского (ум. 1544). Перед 1917-м в монастыре было шесть храмов. Успенский собор освящал святой праведный Иоанн Кронштадтский. В 1919-м в собор пришли еврейские большевики и объявили о его закрытии и организации в нем коммуны. Бабушки из Верколы рассказывали

мне, что, по преданию, мощи святого Артемия были спрятаны в тайном месте. Монахов, протестовавших против закрытия монастыря, пинежские чекисты расстреляли прямо во дворе. Коммуна, организованная в монастыре, просуществовала недолго. созданная из числа сельских люмпен-пролетариев, она переехала на территорию монастыря со своими домами, которые зимой новые обитатели «раскатали на дрова», а сами поселились в кельях, выгнав на мороз оставшихся монахов. Проев все монастырские запасы, продав и пропив инвентарь, строители социализма разошлись в разные стороны, до неузнаваемости испоганив православную святыню. Впрочем, потом на их место пришли новые коммунары. Эти, говорят, жили здесь до 30-х годов. Позднее в разрушенном монастыре организовали дом для престарелых, а затем детский дом и трудовой лагерь.

На другом берегу, напротив монастыря, в селе Веркола жил писатель Ф. Абрамов, незадолго до нашего приезда умерший в Ленинграде, но завещавший похоронить себя рядом с домом на берегу Пинеги. Писатель пользовался любовью своих односельчан, многие из которых стали прототипами персонажей его произведений.

Образы романов Абрамова оживали на моих глазах, некоторые бабушки спорили, кого именно из них Абрамов описал в своем романе «Братья и сестры» о тяжелой судьбе русских крестьян Пряслиных. В осиротевшем доме писателя, похороненного во дворе, мы встретили его вдову Людмилу Владимировну. Долго слушали ее рассказы об этом замечательном человеке, много раз стоявшем на краю смерти, служившем в контрразведке «СМЕРШ». После войны Абрамов был в числе тех, кто бросил вызов еврейскому засилью в русской литературе. Многие еврейские космополитические критики травили писателя, клеветали на него, стремились замолчать его великое творчество, не позволяли ему печататься. Еврейских критиков раздражало, что многие называли Абрамова совестью русского крестьянства.

Как давний почитатель творчества Абрамова, я с горечью узнал от его вдовы, что ему не дали написать главную книгу своей жизни. Это должен был быть большой роман, события которого начинались в XIX веке. В диалогах ссыльных социалистов с крестьянами писатель хотел отразить тот до сих пор не разрешенный спор между простым Русским православным народом и атеистически и прозападно настроенной интеллигенцией, которая в конце концов завела Россию в тупик.

В двух километрах от Веркольского монастыря находится село Ежемец, в котором родился святой Артемий. Там

сохранились несколько домов и разоренная комсомольцами церковь. В начале 80-х она была своего рода обетной часовней. К ней шли православные со всей округи, молились, просили помощи у святого Артемия. Все пространство разоренной церкви завешано платками, платьями, просто холстами, расшитыми крестами. На месте, где раньше был иконостас, разбитый комсомольцами, несколько поврежденных икон с частично утраченным красочным слоем. Внутри храма мы встретили несколько женщин-паломниц и пожилого крестьянина. Одна из женщин читала молитвы, остальные крестились и клали земные поклоны.

с Пинеги мы отправились на реку Мезень, пройдя сначала через село Лешуконское, стоявшее на одном из притоков реки Вашки. Деревянные мостовые. Неторопливая северная речь. Жизнь почти в другом измерении. Некоторые старушки как будто из XVII века. В этих местах, в отличие от Пинежья, бани топят главным образом по-черному, дым выходит не в печную трубу, а в отверстие в крыше. После баньки хорошо нацедить в берестяную кружку кислого кваса из жбана. Многочасовые разговоры с бабушками о старой жизни. Выпив рюмку винца, они охотно пели песни, которые передали им далекие предки. В Лешуконском был народный хор, состоявший не только из бабушек, но и из их очаровательных внучек. В местечке Шум-пала устраивались праздники народной песни. В этих местах у старушек сохранилось множество еще довоенных, а может быть, и дореволюционных деревянных коробов (вроде сундучков для хранения вещей), туесков, лукошек, прялок, мисочек, ложек. Некоторые с характерной мезенской росписью. Часть этих изделий бабушки мне дарят, польщенные моим восхищением сказочными песенными действами. Набираю целый короб таких изделий, тщательно упаковываю и отсылаю посылкой в Москву. Замечательные вещи народных мастеров из этой и других посылок, отправленные мною из северных путешествий в Москву, до сих пор радуют мой глаз и служат источником вдохновения.

Из Лешуконского идем на поиски Ущельского монастыря, основанного соловецким монахом Иовом в начале XVII века. Место, где построили монастырь, находилось при слиянии трех рек — Езеги, Вашки и Мезени. С момента освоения этих дремучих лесов русскими людьми Ущелье было центром Мезенско-Печорского края, куда сходились все местные пути сообщения и по суше, и по воде, а рядом через Лешу-конское проходила легендарная Тайбола — зимний путь через замерзшие болота, соединявший сибирь с центральными областями России.

Много дней мы шли вдоль великой реки Мезень (ее

протяженность около тысячи километров). Мезенский край, почти в два раза больше Швейцарии, до 1917 года был хранителем коренной русской культуры, заповедником православного мировоззрения. На его территории действовало более тысячи церквей и часовен. Преимущественно деревянные, многие из них были выдающимися произведениями искусства. Подавляющее большинство всего этого великолепия уничтожили в первые два десятилетия советской власти. Мезенские бабушки рассказывали, что в конце 20-х годов по деревням ходили летучие чекистские отряды, изымавшие зерно, убивавшие мужчин, увозившие с собой девушек якобы на учебу в город. Они устраивали поджоги церквей, убивали священников, кидали в костры иконы. Руководили этими погромами мезенский и лешуконский райкомы комсомола, где «первую скрипку играли явреи» (рассказ старожилки из Кимжи).

Во время моего путешествия Мезенский край был малонаселен, сотни километров, проделанные мной по этому краю на вертолетах и самолетах (обычно Ан-24), оставили в памяти бескрайние леса и болота, извилистые речки и голубые озера, иногда чудом сохранившиеся деревянные церкви на месте давно заглохших деревень, с заросшими дорогами и только изредка — дымок над избушкой охотника.

Отдельным большим путешествием было движение по реке Онеге на Белое море. Шли пешком или плыли на сплавных катерах. Онежский край в полтора раза больше территории уже упомянутой мной Швейцарии, а своими красотами ничуть ей не уступает. Эти места в глубокой древности были освоены новгородцами.

В числе первых святынь Каргопольского края идем поклониться местам, связанным с подвигами святого преподобного Александра Ошевенского (1427—1479), одного из столпов русского монашества. Преподобный основал монастырь, получивший его имя, на берегу реки Чурьяги. Ошевенская обитель стала одним из центров освоения этого края русскими. Она воспитала сонм великих подвижников Православия, святых основателей северных обителей, в частности преподобного Пахомия Кенского — учителя святого Антония Сийского.

Как мне рассказывали старожилы, монастырь был закрыт после революции. Монахов выгнали. По всей округе большевики «собирали пьяных и непутевых», из которых образовали коммуну. Монашеское имущество и запасы растащили. Постоянно варили самогон и пьянствовали, а когда нечего стало продавать, коммунары разошлись, а в монастыре устроили школу, воспитанников которой преследовали всяческие несчастья. Мощи

преподобного вывезли неизвестно куда, иконы XVI—XVII веков на подводах отправляли для продажи за границу. Часть сооружений монастыря была полностью разрушена, другая превратилась в руины. Тем не менее паломники в монастырь продолжали идти. С некоторыми из них я разговаривал. Именно они рассказали мне о судьбе монастыря после 1917-го.

Через Няндому приходим в древний русский город Каргополь (известен с XIV в.). От 17 церквей и двух монастырей сохранилось только несколько поврежденных строений. Зато есть действующая церковь Рождества Богородицы (XVIII в.) с уцелевшим иконостасом. Бабушки шепотом сообщают, что следующий действующий храм будет через 500 км в городе Онега на Белом море. Жалуются на притеснения верующих.

Устраиваемся на постой к Марии Григорьевне (83 года) в комнате прямо под крышей. Идем вдоль Онеги. По ней без конца сплавляется лес. Берег усыпан стеклом от битых водочных бутылок. Мужики пьют «по-черному». В центре закрытые соборы, рядом с ними танцплощадка, на реке купаются дети под мат пьяных мужиков.

Узнаем, что с 30-х по 60-е годы в Каргополе был лагерь, в котором сидело около 10 тысяч человек. Атмосфера его долгие годы отравляла жизнь горожан. Лагерные вертухаи, в том числе из местных, чувствовали себя вроде «избранного народа». Их не любили, но они являлись организованной силой, которой почти невозможно было противостоять.

По нашему маршруту лагеря прежде были в Пуксоозере (Мехреньлаг — более 10 тысяч заключенных), в Плесецке (Онеглаг — около 20 тысяч заключенных) и в Кодине (Сороклаг — 40—50 тысяч), наконец, на Соловках (СЛОН — в отдельные годы до 70 тысяч заключенных). С остатками этой огромной лагерной империи мы постоянно сталкивались в атмосфере тех мест, так же как впоследствии в Карелии и на Печоре. Здесь почти физически ощущалось разложение. Тысячи безымянных могил вокруг заброшенных лагерей, сотни покинутых деревень и заглохших дорог. В этих местах часто встречали бичей (по-современному бомжей), живших в заброшенных домах, нигде не работавших, промышлявших случайными заработками и воровством. В редких деревнях непременные рассказы о беглых заключенных. При нас в районе Пуксоозера ловили такого беглеца и после долгих поисков застрелили. В одном из сельсоветов в Плесецком районе на стене извещение — ориентировка на двух беглых со сроком по десять лет. Они убили охранников, переоделись в их форму и с оружием захватили машину. В таких условиях идти глухим лесом не самый лучший

выбор. Однако возвращаться назад не хочется. Идем рядом с Лекшмозером. На берегу Челмоозера осматриваем место — тут в XIV—XV веках (по разным источникам) стоял почитаемый по всей округе Кирилло-Челмогорский монастырь. Название монастырь получил по имени преподобного Кирилла Челмогорского (1286—1368), совершавшего свои духовные подвиги в этих местах. Он проповедовал Христову веру среди чуди (финнов). Всю свою жизнь он посвятил крещению язычников, и к его кончине в каргопольских краях не осталось ни одного некрещеного язычника. Столетия русские люди шли к святым мощам преподобного. с приходом богоборческой власти монастырь стал одной из первых жертв еврейских большевиков. Закрывать обитель приезжали из Каргополя. Чтобы не допустить кощунства, собралось много народа из окрестных мест. Для их разгона вызывали чекистов.

У монахов отобрали вещи и пищу, выгнали в лес. Одну церковь разобрали на кирпич. В другой поселили рабочих, разный пришлый сброд. Во время одной из пьянок случился пожар, перекрывший дверь. Все богоборцы сгорели. с особой ненавистью крушили колокольню, чтобы ее обрушить, пригнали трактор. Во время осуществления этого кощунства вниз обрушился громадный колокол, похоронив под собой богоборцев.

самыми интересными природными местами в Каргополье мне показались окрестности Лекшмозе-ра и Кенозера. Обогнув Лекшмозеро, с севера идет по возвышенным местам, можно сказать, гора, с которой открываются восхитительные лесные просторы. Пройдя через Хижгоры с деревянной церковью, усталые, но довольные приходим в Порженский погост. Дорога ведет полями, усыпанными большими валунами. Красота мест необыкновенная, и вот перед нами деревянный храм (XVII в.) с колокольней, обнесенной деревянной оградой. Подходим ближе и видим, как все обветшало и требует срочной реставрации. Но на десятки километров вокруг этого чуда никого нет. Невдалеке от погоста остатки некогда большого села Порженское. Сейчас люди в нем не живут. Выбираем себе избу и ложимся спать прямо на полу, кинув под себя немного сена.

Ранним утром встаем, умываемся в озере. На траве и деревьях густая роса. Обвязываем ноги пленкой, накидываем на себя непромокаемые плащи и начинаем путь на Кенозеро. В начале XX века через Порженское проходила дорога из Пудожа, к нашему времени дорога заросла. Мы шли по пояс в густой росистой траве, роса падала с деревьев. И если бы не пленка, в которую мы были закутаны, сразу бы намокли. Двенадцать километров по заглохшей дороге, мириады комаров и мошки

были нам как бы испытанием на пути в древнерусский рай — неожиданно перед нами открылись какие-то неестественные голубые просторы Кенозера. с глубокой древности жители этих мест жили отдельной, обособленной жизнью. Кенозеро стало местом духовных подвигов преподобного Пахомия Кенского (1450—1525), основавшего здесь Спасо-Преображенский монастырь, в котором принял иночество преподобный Антоний Сийский. Многие исследователи второй половины XIX — начала XX века отмечают особый дух этих мест, сохранивших многие традиции и обычаи старины, былины, необычно красивые деревянные храмы, часовни, обетные кресты, резные крестьянские дома. Даже в начале 80-х годов, когда я пришел в эти места, они остались в моей памяти как один огромный музей под открытым небом. В поведении жителей сохранялись доброжелательность и приветливость, а в голосах здешних женщин — гармоничная музыкальность. Конечно, и в этих местах орудовали еврейские большевики, но каким-то чудом они не смогли вытравить из окрестностей Кенозера дух Святой Руси. Наверно, нигде на Русском Севере не сохранилось столько часовен и обетных крестов на окраинах деревень, вдоль дорог, у источников и мостов, в рощах. Жители этих мест чтут старину. Это относится не только к церквям и часовням, но и к так называемым Священным рощам — отголоскам святынь еще языческих времен. В Священных рощах нельзя было рубить деревья, среди которых стояли часовни. Возле них устраивались гуляния молодежи, а рядом, у воды, проходили ночные купания. Судя по всему, в языческие времена здесь стояли капища богов, впоследствии замененные христианскими часовнями. На Кенозере особым почитанием пользуется Священная роща у деревни Шишкино. Посреди рощи часовня-сруб. Место это вызывает благоговейный трепет.

Двигаясь по Онеге, я, конечно, не мог не сделать крюк, чтобы посетить места, где прошли несколько лет моего детства, — поселок Плесецк. Удивительно, но здесь мало что изменилось. Сохранился дом, где мы жили, и школа, в которую я пошел в первый класс. Правда, она (образец деревянного модерна начала XX века) стояла заброшенной с открытыми окнами и входной дверью. В классах обломки парт. В широком коридоре, где проходили линейки и отмечались праздники, — на полу разорванные книги «классиков марксизма-ленинизма» и среди них учебник «Основы коммунистического воспитания». Листаю: год издания относится как раз к тому времени, когда я здесь учился. Из углового класса несется пятиэтажный мат — несколько страхолюдных мужиков распивают водку.

Одно из самых восхитительных воспоминаний этого путешествия — движение на сплавных катерах к Белому морю. Рев мощных машин, с которыми соперничает только шум порогов, глухие заросшие берега с деревьями, свисающими на обрывах. На протяжении десятков километров никакого жилья и лишь порой встречаются остатки заброшенных деревень и церквей, у некоторых сказочные бочковидные крыши. Места становятся еще глуше.

В одном месте Онега делает петлю, шум порогов резко усиливается, и сразу же за поворотом открывается храм с бочковидной крышей. Здесь, на речном мысу под высоким холмом, в XV веке была основана Емецкая Благовещенская пустынь, сейчас это место называется Пустынка. В начале XVI века здесь некоторое время жил святой Антоний Сийский, написавший для монастыря икону Благовещенья. с давних времен условия жизни в пустыни были очень суровы, выдерживали их только истинные подвижники. с приходом большевиков монахов выселили. В 20-е годы пытались организовать здесь коммуну, но вскоре все «коммунисты» разбежались. В конце концов возник дом инвалидов, который мы и застали. Все, кто способен, работают и получают деньги. Кто в коровнике (6 коров), кто с лошадьми (5 лошадей — пашут землю), кто в пекарне (хлеб очень вкусный). В интернате свои пахотные земли, свое мясо, молоко, овощи и картофель. Поддерживаются чистота и порядок. В бывшей церкви склад. Сохранился монастырский колокол XIX века. Между инвалидами и персоналом почти дружеские отношения. Хвастаются: «У нас каждый день кино».

Ранним утром с сожалением покидаем Пустын-ку, на прощание мне в рюкзак суют большую буханку хлеба, за ночлег денег не берут. И снова идем по деревням: Ярнема с двухэтажными избами, Усоры с шатровой часовней, Турчасово — три ряда крупных северных домов с красивейшей деревянной церковью XVIII века, Пияла — деревянный храм, Чекуево — храм и колоритные северные дома, Непеля и Мудьяга — с деревянными храмами и резными домами и много других деревень.

Все перечисленные места до 1917 года были процветающими селами, в каждом из которых было несколько храмов и часовен, стояли богатые дома. От прежнего великолепия остались только фрагменты.

Двадцатые-тридцатые годы перевернули жизнь северных крестьян. Церкви были закрыты, а многие и разрушены, священники угнаны в лагеря или расстреляны. Еврейские большевики, обещавшие золотые горы, превратили этой край в

пустыню.

Ближе к Белому морю Онега из-за порогов становится несудоходной. снова идем пешком.

В городе Онега впервые после Каргополя встречаем действующий храм, и тот на кладбище. Древний поморский город с деревянными разбитыми мостовыми выглядит запущенным. Много пьяных. В центре очередь в полкилометра в винно-водочный магазин. Огромной толпой управляют три милиционера. Дают по одной бутылке водки в руки.

Рядом плещется Белое море. В 15 км от города — сказочный Кий-остров, а на нем знаменитый Крестный монастырь, заложенный в XVII веке патриархом Никоном.

Кий-остров манит нас, но попасть туда нелегко — он считается частью запретной пограничной зоны. Идем в милицию получить разрешение. Отказывают. Идем к винной очереди, советуемся с мужиками. Тут же за шесть рублей договариваемся с одним из них и уже через два часа на его моторной лодке прибываем на Кий-остров. Тут же мужики устраивают нас, нелегалов, на квартиру к знакомому.

Кий-остров состоит из отшлифованных до блеска морской водой гранитных плит и редкой растительности. В летнюю теплую погоду плиты разогреваются, и лежать на них настоящее блаженство. Ощущения как после хорошей парилки в бане. Кости словно размягчаются, отшлифованный гранит будто прилипает к телу, не отпуская от себя. Монахи здесь лечили больных от внутренних воспалений. Большевики монахов выгнали, церкви взорвали, при нас они стояли в руинах. После войны на острове устроили дом отдыха. При нас им заправлял некто Бахмутов, художник по профессии, передавший часть своих полномочий жене, полной даме начальственного вида, чувствовавшей себя настоящей хозяйкой. Наше блаженство на острове кончилось через три дня, когда она пришла в хибарку, в которой мы жили, и потребовала разрешение на проживание, грозя сдать нас пограничникам...

ГЛАВА 16

ОБЩЕСТВО ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ. - ОБЩЕСТВЕННАЯ ИНСПЕКЦИЯ МГО ВООПИК. - ДРУЗЬЯ И СОРАТНИКИ. -БОРЬБА ЗА ПАМЯТНИКИ. - АНТИРУССКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ. - АНДРОПОВ ПРОТИВ ПАТРИОТОВ. -СТАРЕЦ ФИЛОФЕЙ. - ОСОЗНАНИЕ ВЕЛИКОЙ МИССИИ РУССКОЙ МОНАРХИИ

Конец 70-х — 80-е годы были для меня напряженными, но счастливыми. Я путешествовал, продолжал свои подпольные исследования, много читал, ощущая, что живу полной жизнью, которую не променяю ни на что другое. Материально вместе с тем был стеснен, постоянно не хватало денег, приходилось экономить.

Чем глубже я познавал Россию, тем сильнее во мне рождалось желание сделать все возможное для возрождения ее былого величия. Я постоянно искал единомышленников, которых в то время было немного. Мало кто по-настоящему понимал тот ущерб, который нанесли России еврейские большевики и их сегодняшние наследники. Пожалуй, единственной организацией того времени, в которой я мог найти единомышленников, было Всероссийское общество охраны памятников (ВООПИК). К этому времени оно стало главной патриотической организацией, объединяющей русские национальные силы, одним из центров возрождения русского национального сознания. К началу 80-х годов деятельность ВООПИК вывела процесс патриотического объединения на новый этап, на котором уже начиналось рождение общерусских политических организаций, отстаивающих национальные интересы России. В Московском городском отделении ВООПИК, заседавшем на Покровском бульваре, в то время можно было увидеть известных русских писателей, художников, почтенных академиков, врачей, инженеров, ученых.

Здесь я впервые познакомился с Михаилом Федоровичем Антоновым, Михаилом Петровичем Кудрявцевым, Геннадием Яковлевичем Мокеевым, Фаттеем Яковлевичем Шипуновым, Владиславом Станиславовичем Шумским, Игорем Сергеевичем Сычевым, Николаем Ивановичем Розовым, Виктором Дмитриевичем Ляпковым, Валерием Николаевичем Емельяновым, Дмитрием Анатольевичем Жуковым, Виктором Алексеевичем Виноградовым, Олегом Игоревичем Журиным, Анатолием Григорьевичем Кузьминым, Верой Григорьевной Брюсовой, Галиной Ильиничной Литвиновой и многими другими,

игравшими заметную роль в возрождении русского национального сознания. Каждый из них был крупной, интересной личностью, имевшей свой круг единомышленников.

Самыми значительными людьми, с которыми я столкнулся тогда на Покровском бульваре, были великий архитектор-реставратор Барановский и его ученики Виноградов, Журин, Кудрявцев, Ляпков и Мокеев. Впрочем, Барановский на Покровском бульваре почти не появлялся. Он был легендой для энтузиастов ВООПИК. Но его боевой патриотический дух вливался в каждого из нас. Посвятив всю свою жизнь спасению памятников русского зодчества, отсидев за это в лагерях по приговору еврейских большевиков[29], Барановский пользовался абсолютным авторитетом, его почитали почти как святого. Барановский восстановил (или составил проекты восстановления) более 100 памятников зодчества, собрал более 1700 имен к «Словарю древнерусских зодчих», создал клуб «Родина», сыграл ключевую роль в основании ВООПИК.

Для нас он был непревзойденным примером русского патриота.

Его ученики, конечно, не обладали такой титанической энергией, но были истинными подвижниками дела спасения памятников Отечества. Журин и Ляпков были практиками, а Виноградов, Кудрявцев и Мокеев — идеологами движения за спасение памятников.

Архитектор-реставратор Виктор Алексеевич Виноградов в 60-е годы участвовал в работе подпольного патриотического кружка Фетисова, мечтавшего создать теорию улучшения коммунистической системы. Еще в этом кружке Виноградов понял, что спасение России может произойти только в лоне Православия. Чудом избежав ареста (сам Фетисов и М. Ф. Антонов оказались в тюрьме), Виноградов под руководством Барановского участвовал в создании научнореставрационной школы-мастерской, посещал заседания патриотического клуба «Родина». Вместе с группой учеников Барановского Виноградов выступает против сноса архитектурных памятников, предусмотренного планом реконструкции Москвы. В самиздатовском журнале В. Н. Осипова «Вече» он помещает ряд статей в защиту памятников, в начале 70-х становится активным членом «Русского клуба». Лекции, которые он проводил с активистами ВООПИК (на них по соображениям конспирации пускали не всех), были хорошей школой воспитания русских патриотов, недаром в первой половине 80-х годов Виноградов стал одним из главных идеологов движения «Память».

Большое количество активистов ВООПИК собиралось на

лекции Кудрявцева и Мокеева. Людей объединяла беспредельная любовь к Древней Руси (в понимании Кудрявцева — Святой Руси). По рукам активистов ВООПИК ходила ксерокопия труда Кудрявцева «Русское храмовое зодчество», ставшая для нас настоящим учебником. Кудрявцев развивал теорию «огневидных храмов», объясняющую символический смысл завершенности русских церквей. Главное в его труде — подробная разработка символов, используемых в русских храмах, жилищах и в быту, раскрывающая духовно-нравственное содержание Святой Руси. Всю жизнь Кудрявцев вынашивал идею исследования понятия «Москва — Третий Рим» в понимании организации пространства. Первопрестольную столицу он рассматривал как мировой священный центр, «стан святых и град возлюбленный», показывал ее связь с другими священными центрами (среди которых Москва была главным). Его последняя (посмертная) работа «Москва — Третий Рим» посвящена ее символам как образа Небесного Града Горнего Иерусалима и как комплекса памятников русской воинской славы.

Для многих еще не пришедших к вере активистов ВООПИК лекции Кудрявцева были первой ступенью к Православию, внушали мысль, что вне его Россия существовать не может.

Кудрявцев вместе с Мокеевым разработали теорию архитектурного развития древнерусских городов, которую постоянно внедряли в наше сознание: решающее влияние на развитие русских городов оказывало их мысовое положение; развитие главных улиц вдоль водоразделов; «веерность» улиц, идущих от городских ворот; доминантное положение храмов (все улицы и их изломы отмечались колокольнями церквей).

среди наиболее авторитетных активистов ВОО-ПИК меня больше всех привлекал Владимир Дмитриевич Ляпков, инженер-нефтяник, большую часть своей жизни посвятивший спасению памятников Отечества. Еще с Барановским он стал участвовать в летних экспедициях по восстановлению разрушенного немцами Болдинского монастыря под смоленском. ВООПИК стал его вторым домом. Здесь он проводил почти все выходные дни, вечера и отпуска. Долгие годы он возглавлял шефскую секцию по восстановлению памятников истории и культуры. Секция объединяла десятки бескорыстных помощников — реставраторов, выполнявших самую тяжелую и неприятную работу по перенесению тяжестей, уборке строительного мусора на реставрационных объектах. Проработав несколько часов на восстановлении памятника, добровольцы устраивали чаепития, во время которых обсуждалось много разных проблем. Реставраторы рассказывали историю памятника, отвечали на вопросы. На

безвозмездные работы по спасению памятников Владимир Дмитриевич выходил не менее 30 лет, вдохновив своим примером сотни молодых людей. Он был образцом русского подвижника, бессребреника, жившего высокими духовными понятиями, и вместе с тем человеком земным и практическим.

Люди, приходившие в ВООПИК, были в чем-то особенные, они не были равнодушными, не замыкались на бытовых вопросах, а жили более высокими духовными категориями. Многих отличали искренность и бескорыстность, какая-то восторженность в отношении к родной старине, боль за ее судьбу. А еще многих из нас объединяло глубокое понимание опасности, угрожавшей России со стороны сионизма и масонства. В своем кругу каждый довольно резко обличал подрывную роль еврейства и масонства, умел привести множество убедительных примеров пагубного влияния сионизма. При этом под сионизмом понимался талмудический сионизм как расистская, античеловеческая идеология. Наиболее последовательно против иудейской идеологии выступал Емельянов, видный ученый-востоковед, одно время входивший в число лиц, подготавливавших материалы по сионизму для высшего партийного руководства. В 1978 году он подготовил устав «Всемирного антисионистского и антимасонского фронта», который украдкой распространял среди активистов ВООПИК. Чрезвычайно болезненный, нервный, он заводил присутствующих своей страстной решимостью бороться против сионизма. В Уставе своего «Фронта» он, может быть, впервые в России четко сформулировал главные задачи борьбы с этим мировым злом. Многое из того, что он говорил, было для нас откровением. Помню, как мы сидели на квартире одного из наших активистов и поочередно читали Устав Емельянова:

«Мы, подавляющее большинство коренного населения каждой из стран мира, преисполненные решимости:

— спасти себя и наши грядущие поколения от ужасов надвинувшегося господства еврейских нацистов (сионистов) и их прислужников масонов, и массового геноцида против “гоев”, т.е. против всех нееврeев, как называют нас еврейские нацисты, опираясь на принципы своего нацистского мифа о “всемирном богоизбранном еврейском народе”, призванном якобы осуществить свое полное господство над всем миром в экономической, политической, морально-идеологической, этической и административно-государственной сферах уже в 2000 году;

— памятуя, что всемирная сеть масонских лож с центром и резиденцией в г. Чарльстоне (США), которой невидимо и тайно правят хозяева Мирового сиона в лице расово чистой еврейской

ложи “Бнай-Брит” с международной резиденцией в г. Вашингтоне, и усматривая в масонах пятую колонну еврейского расизма и нацизма, его международную послушную агентуру;

— памятуя, что всемирный подпольный сионо-масонский концерн к настоящему времени сумел сконцентрировать в своих руках или контролировать прямо или косвенно более 80% экономики и 95% средств массовой информации всех стран мира, что позволило еврейским нацистам установить там оккупацию;

— памятуя, что в большинстве развитых капиталистических стран и в значительной части развивающихся стран национальный капитал почти полностью задушен сионистским капиталом, маскирующимся под вывесками т.н. многонациональных компаний, а остатки национального капитала настолько зависимы от сионистских финансовых домов, что это неизбежно ведет к перераспределению национального дохода в пользу Мирового Сиона и что такого же положения он стремится достичь в социалистических странах путем создания совместных предприятий, и это в то время, когда империализм перестал быть абстрактным явлением, а конкретно представлен во всем мире не более чем тысячью семейств, исповедующих идеи мирового еврейского нацизма, главнейшими из которых являются: Ротшильды, Липманы, Куны, Лазары, Лоебы, Дрейфусы, Гольдманы, Оппенгеймеры, Филипсы, Гетти, Гедельбаки, Саксы и др. представители сионистских капиталистических династий;

— памятуя, что такая огромная власть является фактическим захватом капиталистического мира без оружия, является акцией по ликвидации власти национальных капиталистов;

— памятуя, что подобная власть обеспечивает мировому сионизму и масонству возможность внедрения их собственных кадров в органы государственной власти, в административную, политическую, культурную, научную, идеологическую, экономическую и другие области повседневной жизни всех стран мира;

— памятуя, что эта власть охватывает также и военную область, в том числе и военные империалистические блоки (НАТО и пр.) со всеми их вооруженными силам и всеми видами вооружений, включая ядерное и биологическое, а последнее способно превратить “человека разумного” в “человека служебного”, т.е. в “двуногий скот”, как еврейские нацисты и без того называют всех “гоев” или неевреев, а нейтронная бомба в состоянии сохранить для Мирового Сиона самое для него главное — материальные ценности: здания, машины и т.п. при одновременном практически поголовном уничтожении “гоев”;

— памятуя, что руководство империалистическими военными

блоками является послушным орудием в руках мирового сионизма и мирового масонства;

— памятуя, что решение израильского кнессета о предоставлении израильского гражданства всем евреям во всех странах их проживания провозглашает, что, во-первых, каждый еврей обязан выполнять свой долг по отношению к так называемой исторической родине и Мировому Сиону, во-вторых, выполнять лишь для вида свои обязанности по отношению к стране своего рождения и проживания в качестве полноправного гражданина;

— памятуя, что выход еврейских нацистов на рубеж мирового господства к 2000 году был зафиксирован еще на I сионистском конгрессе в Базеле в 1897 г. и пока "сионистский поезд" идет строго по графику, двигаясь к цели мощью своего капитала;

— памятуя, что именно еврейский нацизм на протяжении всего XX века был и остается наиболее мощной и опасной разновидностью нацизма;

— памятуя о резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 10 ноября 1975 г., постановившей считать сионизм одной из форм расизма и расовой дискриминации;

— памятуя, что десионизация, т.е. искоренение еврейского нацизма, по сей день выпадает из международных акций по денацификации, которые ограничивались лишь немецким нацизмом и итальянским фашизмом; хотя нынешний СССР с 1917 г. оккупируют еврейские нацисты (сионисты);

— памятуя, что пока в мире имеется разветвленная система различных организаций еврейских нацистов и их пятой колонны — масонских лож, куда полностью закрыт доступ любому "гою"-немасону, и одновременно в мире нет ни одной международной организации и практически нет таких национальных "гойских" организаций, куда бы был запрещен доступ еврейским нацистам и масонам;

— считая, что "гои"-немасоны имеют право на создание закрытой для еврейских нацистов и масонов международной контрорганизации, направленной против антигойской деятельности международного сионизма и международного масонства, против их ***оккупационного режима***;

— полагая, что подобная закрытая "гойская" контрорганизация имеет право на существование до тех пор, пока такие закрытые для "гоев" организации, как Всемирная сионистская организация (ВСО), "Бнай-Брит" и остальные, не допустят членства "гоев" всех стран мира до самых высших своих постов и степеней посвящения, вплоть до самых секретных своих сейфов;

— имея в виду, что настоящий Устав ВАСАМФ соответствует по своему духу и внутреннему содержанию основным принципам и целям ООН;

РЕШИЛИ создать Всемирный антисионистский и антимасонский фронт».

Задачей антисионистского и антимасонского фронта объявлялось:

«1) Впервые в истории человечества противопоставить высокоорганизованной антигойской силе еврейских нацистов и международного масонства еще более высокоорганизованную силу всех “гоев”-немасонов на земле и спасти с помощью этой силы все “гойское” человечество от опасности установления полного мирового господства еврейских нацистов и масонов, ставящих целью физически уничтожить большую часть “гойского” человечества, а остальных, путем обработки биологическим оружием, ***необратимо*** превратить в послушный “двуногий скот”, в “человека служебного”, в роботов-големов — вековую мечту еврейских нацистов-каббалистов.

2) Важнейшей первостепенной задачей ВАСАМФ является полное освобождение “гойского” человечества в целом и каждой отдельной страны от засилья сионизма и масонства, от оккупационного режима еврейских нацистов во всех областях идеологии, государственного управления, экономики, науки, культуры, искусства, технологического прогресса, воспитательно-образовательной деятельности и т.д. путем:

а) установления подлинного равноправия всех наций, чтобы лица еврейской национальности не пользовались намного большим представительством в вышеупомянутых областях за счет урезания процентного представительства коренного населения, что существует в СССР с 1917 года;

б) так, если в СССР евреи составляют 0,69% от всего населения, то ни в одной из вышеупомянутых областей кадры еврейской национальности не должны превышать 0,6%, а этого с 1917 года нет, из-за чего все беды;

в) ликвидации так называемых многонациональных компаний, т.е. компаний, находящихся под прямым управлением сионистского капитала;

г) конфискации всех видов собственности еврейских нацистов и их прислужников — масонов, и передачи ее либо в государственный сектор, либо в распоряжение “гойского” частного капитала, объявления передачи государственной собственности в руки еврейских нацистов и масонов тягчайшим преступлением;

д) развития и поддержки национального “гайского” капитала

в капиталистических странах за счет вытеснения и ликвидации капитала еврейских нацистов и масонов;

е) запрещения сотрудничества, любых торговых операций и экономических соглашений с сионистскомасонскими компаниями и

ж) всемерной активизации идеологической работы против засилья еврейских нацистов и масонов во всех областях жизни при одновременной конфискации или изъятии из-под их контроля всех средств массовой информации;

з) объявления так называемых сионистского и масонского движений вне закона;

и) организации научных исследований международного еврейского нацизма (сионизма) и международного масонства на предмет нахождения лучших методов борьбы с ними;

к) сотрудничества со всеми органами, организациями, движениями и партиями по согласованию действий, направленных на спасение “гайского” человечества от ужасов установления мирового господства еврейских нацистов и масонов, ужасов, уже испытанных “гойскими” народами бывшей Российской империи после установления в октябре 1917 года кровавой диктатуры еврейских нацистов и их прислужников — масонов;

л) признания Организации Освобождения Палестины (ООП) единственным законным представителем палестинцев, поставивших цель вернуть свою родину;

м) предоставления ВАСАМФ статуса постоянного наблюдателя при ООН, статуса, которым, как ни странно, обладают такие, например, организации, как закрытая для “гоев” людоедская ложа еврейских нацистов “Бнай-Брит”, деятельность которой находится в прямом противоречии с Уставом ООН».

В 1979 году Емельянов издает в Париже книгу «Де-сионизация», в которой подробно рассказывает, каким образом надо бороться с мировым злом. Устав ВАСАМФ вошел в эту книгу. Хотя книга вышла незначительным тиражом и распространялась самиздатовским способом, переполох она вызвала огромный. Автор ее был объявлен сумасшедшим, обвинен в убийстве жены и на девять лет заключен в тюрьму.

В 70-е годы Емельянов много сделал для развенчания положительного образа диссидентов, которых еврейско-космополитические круги пытались представить героями. В своих трудах он доказывал, что диссиденты пытаются расшатать Россию изнутри. «Низвергать сейчас нашу идеологию и нашу форму правления, — писал он, — значит открыть двери перед захватом страны сионистским капиталом... если скинуть большевиков, к

власти придут сионисты и только сионисты, у них есть деньги и агентура плюс блестящая организованность, у нас ничего, кроме большевистской партии, которая пусть хоть плохо-бедно, но защищает нас».

Общее положительное содержание трудов Емельянова смазывалось его резко антихристианской направленностью. Автор, слабо знакомый со Священным Писанием и святоотеческой литературой, не понял главного — что только опираясь на Новый Завет (в котором иудейские сектанты словом Божьим были названы детьми дьявола и лишены избранничества) можно победить иудаизм и масонство.

Пройдя тюрьму и лечение психотропными препаратами, Емельянов превратился в инвалида. Даже внешне он был уже другим человеком. Его здоровая одержимость борца с врагами Отечества превратилась в болезненное состояние затравленного человека, к тому же воинствующего язычника, удрученного нуждой.

следует отметить, что еще в начале 80-х большинство активистов и лиц, посещавших ВООПИК, были скорее атеистами или язычниками. Православная вера рассматривалась ими как этнографический элемент культуры, а не как святыня и основа русской цивилизации. Из перечисленных мною активистов ВООПИК только Антонов, Кудрявцев и Виноградов были верующими.

Большую симпатию у меня вызывал Николай Иванович Розов, художник, скульптор-анималист, к моменту нашего знакомства он был на пенсии. Помню его в старомодном двубортном костюме с коробочкой слайдов в руках. Розов был прекрасным фотографом, собрал огромную коллекцию фотографий и слайдов памятников русского зодчества, которую неутомимо показывал со своими комментариями на вечерах ВООПИК. Последователь П. Д. Барановского, он был смелым и бескомпромиссным человеком. В числе первых включился в борьбу против проекта переброски северных рек в среднюю Азию. Многие годы он, как и я, путешествовал пешком по северу, а в 70-е годы стал собирать энтузиастов, в основном из студентов, реставрировать церкви и часовни в Архангельской области. Кое-что ему удалось сделать, но энтузиазм русских патриотов чаще всего наталкивался на равнодушие и даже враждебность местного начальства. Однажды наши пути по России пересеклись в районе Каргополя, где он тщетно пытался убедить местных руководителей выступить против поворота северных рек, доказывая им, что эта «еврейская затея» приведет край к экологической катастрофе.

Не меньшую симпатию вызывал у меня и другой активист

ВООПИК, ученый-эколог Шипунов Фаттей Яковлевич, такой же, как и Розов, непримиримый борец с проектом переброски северных рек. Он тоже много путешествовал по России и был близок к Православию. с ним у меня сложились товарищеские отношения, не прекращавшиеся до его трагической смерти (убийства?) в 1994 году на даче возле Шамординского монастыря. Хотя и встречались мы не часто. Шипунов был последовательным борцом с еврейским засильем. Вспоминаю крылатую фразу, сказанную им после торжественного вечера в апреле 1980 года, посвященного 600-летию Куликовской битвы: «Вот так бы и нам, как наши предки сбросили татарское иго, нам бы сбросить иго иудейско-масонское». Уже тогда Шипунов мечтал о создании мощной всероссийской организации, способной объединить всех русских патриотов.

Чувство воодушевления, охватившее русскую национальную интеллигенцию после празднования 600-летия Куликовской битвы, может быть, в первую очередь отразилось на ВООПИК. стало больше чисто патриотических вечеров, в оценках некоторых лекторов появились новые, смелые акценты. Все чаще и чаще при обсуждениях выступавшие обличали сионизм. Повеяло каким-то новым ветром.

Но враги не дремали. В адрес высших инстанций полетели доносы на «разнузданных патриотов». Решающее значение, по всей видимости, имел донос А. Бовина, консультанта Брежнева, редкого проходимца и афериста, с которым мне пришлось столкнуться в конце 80-х годов во время выборов в Верховный совет РсФсР. Человек со штампованным сознанием, мысливший категориями анекдотов, он подкупал людей, не знавших его лично, внешним «добродушием и балагурством», за которыми скрывались цинизм и ледяной расчет. В 1980-м Бовин познакомился с книгой Чивилихина «Память». Она возмутила его «русским духом». В ней он увидел покушение на интернационализм и довел свое мнение до Брежнева и Андропова[30]. По указанию последнего в Обществе охраны памятников началась проверка. Активистов ВООПИК обвинили в антисоветской деятельности, нарушении интернационализма и антисемитизме. В Обществе появилась комиссия из ЦК, которая уволила некоторых сотрудников, запретила ряд лекций. Все эти репрессии проходили в русле так называемого дела «русистов» (слово было выдумано председателем КГБ Ю. В. Андроповым). Против русского патриотического движения организуется враждебная кампания. В марте 1981-го Андропов направляет в Политбюро записку, в которой отмечает возникновение в кругах интеллигенции движения «русистов». «Под лозунгом защиты

русских национальных традиций, — доносил глава КГБ, — они, по существу, занимаются активной антисоветской деятельностью». Андропов ставил вопрос о скорейшей ликвидации этого движения, угрожавшего, по его мнению, коммунистическим устоям больше, чем т.н. диссиденты.

По новому делу «русистов» уже в апреле 1981-го с поста редактора журнала «Человек и закон» увольняется русский историк (в свое время зам. председателя «Русского клуба») С. Н. Семанов. В августе арестовывается публицист А. М. Иванов, автор известных в патриотических кругах статей в журнале «Вече» и работ «Логика кошмара» и «Рыцарь неясного образа», в которых раскрывается преступная сущность большевистского руководства, а история компартии справедливо показана как «непрерывная цепь заговоров, переворотов, грубого насилия, задуманных и осуществленных людьми, мечтавшими только о сохранении своей личной власти». Иванов был связан со многими представителями русской интеллигенции, в частности с художником И. с. Глазуновым и историком сема-новым. Путем подслушивания чекисты, в частности, установили, что Семанов призывал к борьбе с космополитическими силами, справедливо отмечая, что кончился «период мирного завоевания душ. Наступает революционный период... Надо переходить к революционным методам борьбы. Если мы не будем сами сопротивляться, пропадем». В марте 1982 г. Семанов был схвачен и отвезен в Лефортово (после допроса отпущен). Вместе с Семановым пострадал еще один сотрудник журнала «Человек и закон» — Г. В. Рыжиков, составивший ряд документов, в которых выдвигал требование «чистки» высшего партийного аппарата, засоренного сионистами и им сочувствовавшими.

В конце 1981 космополитические власти разгромили редакцию журнала «Наш современник», уволив двух заместителей редактора, в том числе выдающегося русского публициста Ю. И. Селезнева (вскоре после этого скончавшегося).

На совещаниях в ЦК подверглись критике такие выдающиеся книги русских писателей, как «Лад» В. И. Белова и «Память» В. А. Чивилихина. Слово «русский» как бы изымается из официального обихода. В газете «Правда» организуются выступления еврейских интеллигентов против изучения русской истории и культуры. В «Литературной газете» и журнале «Вопросы литературы» ведутся нападки на ученых, изучавших творчество русских философов Соловьева, Федорова, Флоренского.

Пользуясь поддержкой власти, еврейско-космополитические круги постоянно усиливали антирусскую кампанию, в адрес русских писателей выливали ушаты лжи и клеветы. Через месяц

после смерти Брежнева Георгий Арбатов направил новому генсеку Андропову записку с предложением полного разгрома патриотического движения. Навязчивый стиль «друга великой Америки» возмутил даже Андропова. Он ответил ему довольно резко, в том смысле, что сам знает, что делать, но с доносом согласился. Антирусская кампания усилилась.

В 1983 году западными спецслужбами и различными антирусскими центрами организуется шумная «сахаровская» кампания. Известный своей неукротимой русофобией американский президент-масон Рейган назначил День Андрея Сахарова, «борца за мир и права человека». Кампания проводилась по всем правилам холодной войны. В ней приняли участие ведущие средства массовой информации Запада и множество еврейских диссидентов в СССР

Всколыхнулись сионисты и в Институте труда. Было омерзительно видеть, как еврейские коммунисты, члены парткома, с одной стороны, официально взахлеб хвалили «исторические» мемуары Л. И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение», а с другой — неофициально шушукались по углам, поддерживая антирусские высказывания Сахарова.

В книжные магазины ходили комиссии из Главлита и КГБ, проверяли — не покупается ли запрещенная русская литература (от Киреевского до Булгакова и Бердяева). Комиссию курировал генерал Бобков, настраивавший ее членов на изъятие русской национальной литературы. Полностью было запрещено покупать и продавать православную и «монархическую» литературу (например, историка-монархиста Иловайского и др.). Чтобы не допустить распространения запрещенных изданий, КГБ проверял типографии и организации, в которых были ксероксы и другие множительные аппараты. Довольно часто ловили на ксерокопировании. Девушка, которая работала на ксероксе в Институте труда, рассказывала мне, что на предыдущем месте работы она была схвачена с поличным при пересъемке запрещенной литературы. Парень из КГБ, поймавший ее, в обмен на молчание стал домогаться. Однако она предпочла уволиться. Репрессии шли и в других областях русской жизни, не трогали только диссидентов-западников.

На некоторое время в коридорах ВООПИК наступила тишина. Я нашел себе дело в Общественной инспекции по охране памятников ВООПИК (МГО ВООПИК). Нашей задачей было выявлять все случаи нарушения закона об охране памятников, составлять протоколы и передавать их руководству. А нарушений встречалось огромное множество, поэтому работы нам хватало. Многие исторические здания и церкви находились в плохом

состоянии и требовали реставрации, однако чаще всего арендаторы этих памятников деньги тратить не хотели и постепенно доводили их до аварийного состояния. В таких случаях мы ехали к ним составлять протокол о допущенных нарушениях и преступной халатности, и начиналась тяжба.

В Общественной инспекции МГО ВООПИК я проработал около 7 лет. Обследование тех или иных памятников было связано с изучением множества документов, в том числе архивных. Работа эта требовала времени, при том что у меня была еще основная работа и много других дел. Тем не менее в инспекции я работал с увлечением, она позволяла мне разобраться в делах, которые выходили далеко за рамки охраны памятников.

Именно тут я особенно ясно осознал, что памятники Отечества являются одним из главных выражений народного духа, материальным воплощением национального сознания. И поэтому борьба за памятники для меня и моих товарищей по ВООПИК была борьбой за Россию, за сохранение начал ее национальных особенностей.

В этой борьбе нам противостояли могущественные силы нигилистов из партийно-советских органов власти, прямых наследников еврейских большевиков и продолжателей их политики. Конкретно это были влиятельные чиновники из Главного архитектурно-планового управления (ГЛАВАПУ) и Госинспекции по охране памятников. среди этих чиновников-нигилистов, преимущественно евреев и космополитов, преобладало мнение о необходимости сноса большей части исторической застройки Москвы и строительства на ее месте современных зданий. Особенную ненависть чиновники-нигилисты испытывали к православным церквям и зданиям, построенным во второй половине XIX — начале XX века. Ценнейшие памятники русской архитектуры взрывали по ночам, а уже днем десятки самосвалов вывозили строительный мусор, в который они превращались, на свалку. Всего с середины 1950-х по конец 1980-х, по подсчетам нашей инспекции, было разрушено более 200 исторических зданий.

Если за 1955—1975 годы в среднем сносилось 70 домов, то за 1976—1986 годы — 80. А всего с середины 70-х годов по наше время было уничтожено около 900 домов исторической застройки.

В 1972 бульдозеры сгребают Казанскую церковь (XVII—XIX века) на Октябрьской площади, перестроенную в XIX веке в память победы России над Турцией, годом раньше сносятся постройки Головинского Казанского монастыря (XIX век) на

Кронштадтском бульваре. В 1977 совершенно бессмысленным образом бульдозерами срывается древнее кладбище возле церкви Иоанна Предтечи в Дьякове (возле Коломенского). В этом же году начинается снос церкви Михаила Архангела при университетских клиниках (конец XIX века, архитектор А. Ф. Мейснер). И только вмешательство П. Д. Барановского и общественности останавливают варварский акт, но здание успели превратить в руины.

В 70-е годы сносится церковь Рождества Богородицы XVII века в с. Богородском-Воронове (ныне ул. Островитянова), до неузнаваемости перестраиваются церковь Алексия (1658 г.) и церковь Николы в Огуденцах (XVIII в.). В 1972 г. сносится читальня им. И. О. Тургенева у Сретенского бульвара.

В 80-е годы сносятся Дом Рахманинова с сознательным уничтожением всего его художественного убранства, усадьба Остерман-Толстых, палаты XVIII века на ул. Энгельса, палаты XVII века на Кадашевской набережной, Дом Белинского в Рахмановском переулке, флигель церкви Иоанна Воина, Дом Щепкина на ул. Ермоловой, дом по улице Мясковского, связанный с именем Чайковского.

В 1986 тихо, практически незамеченным общественностью, погибает на ул. Достоевского уникальный памятник русского зодчества — комплекс сооружений «Крестьянского молочного союза», построенный И. Бондаренко в 1923—1924 гг. в нетипичных для того времени формах русского модерна.

Кроме уже перечисленных выше в середине 80-х годов сносятся следующие памятники архитектуры и истории: придел церкви Николы в Сабурове, жилые дома XIX века (Денисовский пер., 6, пер. Отопани, 5, Б. Сергиевский, 13), а также дом причта церкви Николы в Звонарях (ул. Жданова, 8).

В 1986 снос памятников архитектуры продолжается — исчезают жилые дома XIX века: ул. Арбат, 42, 2-й Спасоналивковский пер., 5, 7, ул. Островского, 45, Новокировский проезд, 42, Сретенский бульвар, 7/1, Луков пер., 5, 7, Костянский пер., 8, 10, ул. Землячки, 6, 1-й Колобовский пер., 5/8, Дегтярный пер., 4 (Дом Федотова). В этом же году бульдозеры уничтожают еще несколько памятников истории — флигель усадьбы XVII века (Б. Коммунистическая, 11), здание цирка (1880 г.) на Цветном бульваре.

В 1987 бульдозеры вгрызаются в памятники архитектуры и ценной исторической застройки на Преображенской площади, 6 и 53/57, улице Бурденко, 7, в Петропавловском пер., 5, на Яузском бульваре, 4, в Девяткином пер., 5, Подкопаевском пер., 2—4, на Трубной ул., 13, и во многих других местах Москвы.

В 1986—1987 практически до основания уничтожается ценный исторический и археологический памятник — село Дьяково, являющееся частью заповедника «Коломенское». Мощные бульдозеры разрушили десятки домов, срыли тысячи деревьев, сильно повредили культурный слой, хотя незадолго до этого на базе Дьякова планировалось организовать архитектурноэтнографический музей (на что было принято соответствующее решение Моссовета).

При проведении так называемого Третьего кольца через Немецкую слободу и некоторые другие исторические районы Москвы уничтожено значительное число памятников исторической застройки XVIII—XIX веков и ряд захоронений видных деятелей культуры.

Чиновники-нигилисты в борьбе против памятников русского зодчества Москвы использовали рецепт известного архитектора Гинзбурга, приведенный в 1930 году в журнале «Советская архитектура»: «Мы не должны делать никаких новых капиталовложений в существующую Москву и терпеливо лишь дожидаться износа старых строений, истечения амортизационных сроков, после которых разрушение этих домов и кварталов будет безболезненным процессом дезинфекции Москвы».

По этому рецепту в первой половине 80-х годов 7500 зданий Москвы находилось в неудовлетворительном техническом состоянии, а многие превратились в настоящие трущобы.

Конечно, два десятка энтузиастов из Общественной инспекции не могли остановить волну погромов русских исторических памятников, осуществляемых наследниками еврейских большевиков. Хотя кое-что сделать удавалось. спасли от погрома несколько памятников по линии прохождения Третьего кольца, сберегли от перестроек и небрежения церкви апп. Петра и Павла на Басманной (XVIII в.), ап. Иакова Заведеева в Казенной слободе (XVII в.), Успения в Казачьей слободе (XVII в.), Георгия Неокесарийского (XVII в.), Покрова в усадьбе «Братцево» (XVII в.). Помню наши «баталии» за усадьбы XVIII века «Михалково», «Черемушки», старый Головинский проезд.

Однако это было ничтожно мало по сравнению с масштабами погромов, осуществляемых врагами России под предлогами реконструкции Москвы. При Андропове на первый план выдвигается гигантский проект построения в Москве десятков огромных административных зданий, предусматривающий массовые сносы древних церквей и других памятников архитектуры. стиль намеченных построек как будто бы был срисован с планов архитектуры Тель-Авива (часть их была осуществлена на нынешнем проспекте Сахарова).

Одно из таких зданий собирались строить в ста метрах от Кремля, в древнейшем месте Москвы, а рядом с ним, между Остоженкой и Кропоткинской набережной, предполагалось возведение целого элитарного городка для чиновников с домами улучшенной планировки и улучшенным обслуживанием, своего рода новое «Царское село», как в Кунцеве. При этом коренные жители выселялись, древнейший район Москвы на 60% должен был превратиться в новостройку.

Строительство огромных административных зданий намечалось и в районе Цветного бульвара, предполагалось уничтожение большей части исторической застройки не только самого бульвара, но и прилегающих переулков.

Начинался снос домов в заповедных зонах Остоженки и Цветного бульвара. Широкомасштабное дорогостоящее строительство бюрократических учреждений осуществлялось в условиях сознательного урезания средств на ремонт и реставрацию памятников архитектуры и исторической застройки.

Постоянно сталкиваясь с погромами московских памятников, наблюдая варварство и нигилизм со стороны партийных и советских властей, многие из наших активистов сжимали кулаки. Разрастался конфликт между защитниками культурного наследия России и его погромщиками, воинствующими мракобесами, главными среди которых были евреи и связанные с ними космополиты-западники. Таким образом, конфликт приобретал национальный характер, причем провоцировали его отнюдь не русские.

Нам, русским, не хватало организованности для сопротивления, ибо советская власть, имевшая преимущественно еврейские корни, не позволяла мобилизоваться для отпора. Любые активные попытки остановить погромы и назвать их подлинных зачинщиков квалифицировались как антисоветская деятельность и проявление антисемитизма.

В начале 80-х в стенах ВООПИК, может быть больше, чем где-либо еще в России, идет активный процесс возрождения национального сознания, частично удушенного еврейскими большевиками. История России как бы заново проходила через наши души — от светлого и радостного через русское язычество, через Новгород и Псков мы постепенно возвращались к пониманию величия Православия и Монархии.

Увлечение древними Новгородом и Псковом было особенным этапом национального самосознания. Из рук в руки ходили книги об этих городах. И, конечно, ездили мы туда как на паломничество. Новгород, Псков с окрестностями я посетил с женой. В течение месяца мы обошли почти все церкви и

монастыри этих городов и самые достопамятные места в их окрестностях, любовались прекрасными фасадами. Именно здесь для меня открылось, что истинное влияние Новгорода и Пскова состоит не в абстрактном свободолюбии и вече, а в умении мобилизовать народный дух в высшей форме свободной власти — Православной Монархии. Неудивительно, что именно в этих местах окончательно сформировалась русская государственная теория.

Это я понял одной бессонной ночью, в палатке, разбитой мной возле остатков псковского Спасо-Елеазаровского монастыря, в котором в XVI веке жил один из выдающихся мыслителей Древней Руси монах Филофей. По дороге сюда я сильно повредил ногу, ходьба вызывала острую боль, а заснуть получилось только на рассвете. Долго размышлял. солнце в это время садилось поздно. В 11 вечера было еще светло, я перечитывал книгу, в которой излагалось учение монаха Филофея о Москве как о Третьем Риме. Иногда впадал в забытье, просыпался от боли в ноге и почти физически ощущал присутствие великого старца, сформулировавшего идею особой миссии русского народа в борьбе с мировым злом, воплотившимся в «ожесточенном иудействе». Филофей провозгласил, что русский царь является наследником величия римских и византийских императоров, а Москва по своему духовному значению является «Третьим Римом» и главным хранителем христианской веры. Обращаясь к царю, старец писал, что «все царства православной веры сошлись в твое единое царство, во всей поднебесной ты один христианский царь». Власть самодержцу нужна не сама по себе, а чтобы быть щитом «правой веры», защищать Православие, сохранять духовные ценности Святой Руси — добротолюбие, нестяжательство, соборность — от посягательств сил мирового зла.

Филофей подчеркивает преемственность русского самодержавия от Владимира святого и Ярослава Мудрого, считая русского царя духовным наследником дел, начатых ими.

«Первый Рим, — учил Филофей, — пал от нечестия, второй (Константинополь) — от засилья агарянского (мусульманского), третий Рим — Москва, а четвертому — не бывать».

Русский народ принял миссию Третьего Рима не по принципу национализма, а исключительно в силу уверенности в своем Православии, в святости Руси. Все происходящее в жизни людей и народов определяется и совершается Всевышнею и Всесильною Десницею Божиею; Мощию и Промышлением Божиим возводятся на престолы цари и достигают своего величия; во всемогуществе Бога и его Промысле — источник правды на земле. Действием

Промысла Божия, согласно пророческим книгам, пал старый Рим вследствие уклонения в ересь Аполлинария и служения на опресноках; за ним пал и новый Рим, то есть Константинополь, вследствие измены Православию на VIII соборе и принятия латинства. Поэтому София Цареградская была попрана и сделалась достоянием внуков Агари. Остается невредимою только славная соборная церковь Успения Божией Матери всей новой и великой Руси — Третьего Рима. Эта общерусская святыня сияет своим благочестием во всей вселенной ярче солнца. Третий Рим есть последний в историческом бытии человечества. Четвертому Риму не бывать. Так в последовательном ходе исторической жизни народов все православные христианские царства пали и слились в одно царство Русское, вследствие чего русский царь является единственным христианским царем во всем поднебесье. Царство Русское есть последнее мировое царство, за которым наступит вечное царство Христа.

Бессонная ночь возле Спасо-Елеазарова монастыря (его собор возвышался в 100 метрах от нашей палатки среди елочек) запала в мою душу на всю жизнь. Надолго во мне сохранялось такое чувство, будто я лично побеседовал со старцем Филофеем. Идея особой миссии русских царей стала моим личным убеждением. Только царь может спасти и возродить Россию.

На следующий день нога уже почти не болела, и мы с женой направились в Крыпецкий монастырь, расположенный среди болот, кишащих ядовитыми змеями, порой выползавшими на дорогу. Здесь у меня произошла еще одна знаменательная встреча. В руинах собора мы увидели иконостас из бумажных икон, а недалеко от него в одном из бывших приделов брошенные на пол еловые ветви с ватными одеялами на них. Оказывается, здесь ночевали паломники из Вологодской области. Они приехали поклониться святому Савве Крыпецкому (XVI в.), мощи которого покоились здесь под спудом. Паломники рассказали нам о том, что в Гражданскую войну евреи-чекисты расстреляли здесь несколько монахов, заставив оставшихся в живых зарыть их прямо во дворе. Помолившись, мы пошли все вместе к святому озеру и окунулись в него, а потом долго беседовали. Я пересказал им учение старца Филофея о Третьем Риме. Оказывается, они знали и почитали старца. Более того, они почему-то считали Филофея выходцем из северных монастырей (хотя подтверждения этому я не нашел), много рассказывали о вологодских святых и настоятельно советовали пройти с паломничеством по монастырям, которые основали ученики святого Сергия Радонежского, «истинные хранители чистоты Православия». слова их запали в душу, и в следующем году я решил последовать

совету богомольцев.

ГЛАВА 17

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РУССКОЙ ФИВАИДЕ. – КОЛЫБЕЛЬ РУССКОГО ДУХА. - ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИСИХАСТЫ. -СУДЬБА СЕВЕРНЫХ МОНАСТЫРЕЙ

В путешествие по Вологодской земле я взял с собой книгу духовного писателя А. Н. Муравьева «Русская Фиваида севера», вышедшую в Петербурге в середине XIX века. В ней вологодская земля сравнивалась с Фиваидой, знаменитым местом духовно-нравственных подвигов раннего христианства, чем подчеркивалось ее великое значение в становлении отечественной культуры и развитии духовности. В самом деле, в XV веке многие ученики и последователи святого Сергия Радонежского обосновались именно в этих местах и именно здесь прославились своими духовными подвигами, прочно вошедшими в историю русской культуры под названием «умного, духовного делания», или исихазма. Места эти стали одной из главных колыбелей русской духовности.

Духовный опыт исихастов (и прежде всего Нила Сорского) оказал большое влияние на жизнь России XIV—XV веков, способствовал формированию и кристаллизации высоких духовных понятий, воспитанию культуры мысли и чувства, сдержанности в страстях, развитию «силы любви», отказу от материального стяжательства. А самое главное — формированию неразрывности веры и жизни.

В искусстве подвижничество русских исихастов перекликалось с созданием глубоко духовных образов Феофана Грека, Андрея Рублева, Дионисия Глушицкого и других художников этого времени.

«Наша северная Фиваида, — писал исследователь древнерусской духовной культуры И. Концевич, — ничем не уступала своему африканскому прообразу. Насельники девственных лесов Заволжья по духовной силе, мощи святых подвижников, по высоте их достижений были равны отцам первых веков христианства. Но как знойная африканская природа с ее ярким, синим небом, сочными красками, жгучим солнцем и бесподобными лунными ночами отличается от акварельных нежных тонов нашей северной природы, с голубой гладью ее озер и мягкими оттенками ее лиственных лесов с их изумрудной зеленью ранней весной и богатой гаммой золотых красно-коричневых тонов в сентябре, — таким же образом отличается святость отцов египетской пустыни — стихийно бурная и могучая,

как лава, извергающаяся из вулкана, эта святость, подобно яркости южной природы, отличается от нашей святости, тихой, величавой и кристально светлой, как светел и ясен лучезарный и тихий вечер русской весны. Но как тут, так и там то же “умное делание”, то же безмолвие».

Почему же Вологодчина стала Русской Фиваидой, почему она так приглянулась последователям «умного делания»? Да прежде всего потому, что в то время здесь было идеальное место, чтобы скрыться от мира в пустыне, уйти в безмолвие, самоуглубление. Более близкие к центру места были уже плотно заселены и «суетны», а заволжские леса представлялись настоящей пустыней.

До того, как сюда пришли последователи «умного делания», на Вологодской земле было немного монастырей. Правда, Спасо-Каменный монастырь и великоустюжские обители возникли еще в XIII веке. с приходом учеников Сергия Радонежского с конца XIV века монастыри растут один за другим: Кирилло-Белозерский, Ферапонтов, Спасо-Прилуцкий; позднее, уже в XV веке, — Покровско-Глушицкий, Павло-Обнорский, Дионисиево-Глушицкий (Сосновецкий), Лопотов-Пельшемский, Корнилиево-Комельский,

Александрово-Куштский, Нило-Сорская и Семиго-родняя пустыни. К середине XIX века, когда по Вологодчине путешествовал автор «Русской Фиваиды», здесь насчитывалось 37 монастырей.

И вот через сто тридцать лет я решил повторить путь автора «северной Фиваиды», пройдя по тем местам, которые он описал с теплотой и любовью.

По мнению К. Случевского, русские монастыри на севере России играли такую же роль твердыни, как рыцарские замки в Западной Европе, «и начинались твердыни эти с землянки, с брусяной церковки, с деревянной кельи, владетелями их, “вечными владетелями” были отшельники в овчинковых тулупах и худых одеждах, а не в стальных рыцарских доспехах с широкими перьями на шлемах и по плечам».

Одной из первых таких «твердынь» стал Спасо-Каменный монастырь на маленьком острове Кубенского озера. Добраться туда было нелегко, специальных катеров не было, плывем на перекладных. От старинного рыбацкого села Устья, в котором сохранились, но в неважном состоянии, три церкви, часовня и, главное, — старинная планировка центральных улиц, — плывем на маленьком катере на Завод, а оттуда — лодкой в монастырь.

Места удивительно живописные. То тут, то там открываются маленькие зеленые острова, сходятся и расходятся протоки — идеальные места для отдыха и размышлений. Задолго до острова

показываются монастырская колокольня и неясный силуэт построек. По преданию, монастырь был основан Глебом Васильевичем Белозерским в 1260 году при Иване Калите. При Дмитрии Донском настоятелем монастыря был поставлен святой Дионисий Святогорец (ск. в 1425 г.), монах со Святой Горы, введший здесь афонский устав. «Он был первый святитель у нас из земли Заволжской», — писал составитель его жития старец Паисий

Ярославов, друг и соратник святого Нила Сорского. Позже Дионисий Святогорец благословил учеников своих Дионисия Глушицкого и Александра Куштско-го основать на Глушице и на Куште монастыри. В середине XV века совершал в этих краях свой духовный подвиг Иоасаф Каменский из рода князей Заозерских, один из видных подвижников того времени, проповедник «умного делания», самоуглубления, «высокого почитания чувства любви, как высшей добродетели и нестяжательства». Однажды святому Иоасафу явился сам Иисус Христос и сказал ему: «Мир тебе, возлюбленный Мой угодник. Ради тебя Я населил эту пустыню отшельниками, которые восхваляют Мое имя... Заповеди Мои — самое сильное оружие против бесов». Мощи святого Иоасафа сохранялись до 1930-х годов.

По мере приближения к острову усиливаются недоумение и горечь. Оказывается, живописная колокольня вся в трещинах и накренилась, а неясные силуэты построек по мере нашего приближения превращаются в циклопические руины.

Спасо-Преображенский собор монастыря был первым каменным храмом на Русском Севере, послужившим прообразом для храмов других северных монастырей. Его строительство вели в 1478—1481 годах ростовские зодчие на вклад удельного князя Андрея Меньшого, который владел Вологдой, Кубеной и Заозерьем.

Построенный из кирпича с использованием белокаменного декора, собор отражал влияние древнемосковского и ростовского зодчества — четырехстолп-ный, трехапсидный, крестово-купольный храм на невысоком подклете. Над тремя ярусами кокошников возвышались две главки: большая и малая (над приделом), стены, апсиды; барабан глав покрывал богатый декор из керамических рельефных плиток, поребрика, бегунца и нишек.

Монастырь (прежде всего Преображенский собор) был взорван в 30-е годы с целью использовать его на кирпич. Однако разобрать строение не удалось. Огромные глыбы не поддавались, а только крошились. Погибли Преображенский собор, все церкви, трапезная, кельи. Колокольня накренилась.

Лет двадцать назад на острове жил сторож рыбзавода,

который охранял, конечно, не руины монастыря, а базу рыбаков, но порядок на острове поддерживал. Потом ставку сторожа упразднили, дом, где он жил, сожгли. На остров стали приезжать рыбаки-«частники». Они жгли костры где попало, сжигали все, что найдут, били бутылки. Да раз в год на острове собирались после выпускного вечера школьники-выпускники, «оттягиваясь» до упора, ломая все, что попадалось под руку.

Не так далеко от спасо-Каменного монастыря находился еще в 20-е годы, тоже на острове, только другого маленького озера, Балавинский монастырь XVII века. От его двух храмов сохранились лишь фундаменты, густо заросшие деревьями.

В 8—10 км от Спасо-Каменного монастыря находится другой известный монастырь, связанный с именем святого подвижника Александра Куштского, ученика Дионисия Святогорца, пришедшего в эти дикие болотистые места в начале XV века. Места эти тогда входили во владения удельных ярославских князей Дмитрия и Симеона, которые взяли Александра Куштского под свое покровительство. Окрестных крестьян святой Александр Куштский своим примером учил доброте и нестяжательству. Значительная часть построек монастыря разрушена в 1930-х — ограда, древнее кладбище, до неузнаваемости перестроена Николаевская церковь XVIII века, в которой находились под спудом мощи святого Александра Куштского. Теперь здесь баня (!). В 60-е разобрана колокольня, увезена в Вологду шатровая деревянная церковь (сейчас она отреставрирована и стоит на территории Спасо-Прилуцкого монастыря). Сохранившиеся сильно перестроенные строения монастыря занимает Усть-Кубенский дом-интернат для престарелых и инвалидов.

Был рядом с Кубенским озером и четвертый монастырь, основанный в начале XVI века, — Сямский. В 1544 году четырнадцатилетним подростком этот монастырь посещал будущий царь Иван Грозный. Обитель постигла общая участь. Великолепный собор 1764— 1777 годов, значительная часть ограды с двумя воротами и башнями были разобраны на кирпич. Сохранившиеся постройки — колокольня, дом настоятеля, две оставшиеся башни — превращены в руины. В 20-е годы на территорию монастыря свезли дома раскулаченных крестьян и устроили поселок-коммуну «Искра». Местные жители вспоминают, как коммунары варили самогон и каждый день ходили пьяные. Окрестности г. Грязовца в древности были связаны с именем двух учеников святого Сергия Радонежского — святых Павла Комельского и Сергия Нуромского, а в XIX веке — с именем Игнатия Брянчанинова.

Святой Павел Комельский (Обнорский) родился в Москве.

Тайно оставив дом отцовский, где принуждали его вступить в брак по расчету, скрылся на Волге, постригшись в монахи в 22 года в одном из монастырей. Несколько лет был своего рода «личным секретарем» Сергия Радонежского, а затем близ Троицы в пустыни провел 15 лет в уединенном безмолвии. Получив одобрение Сергия, Павел несколько десятилетий странствовал по Руси и наконец пришел в эти места, где три года жил в дупле липового дерева в Комель-ских лесах на реке Грязовице, а позднее на реке Нур-мы в 1414 году основал Павло-Обнорский монастырь, в котором, по преданию, прожил до возраста 112 лет.

Когда сюда пришел Павел, места эти были «леса черные, блата, мхи и чащи непроходимые». Около него постоянно селились другие взыскующие отшельничества, и составлялось пустынническое братство. Как писал Ключевский: «По задачам иночества монахи должны были питаться от своих трудов», «свои труды ясти и пити, а не жить подаяниями мирян». Общежительный монастырь под руководством деятельного основателя представлял рабочую общину, в которой занятия строго распределялись между всеми, каждый знал свое дело и работы каждого шли на «братскую нужду». Распорядок монастырских занятий представлял собой «чин всякого рукоделия»: кто книги пишет, кто книгам учится, кто рыболовные сети плетет, кто кельи строит; одни дрова и воду несут в поварню, другие готовят хлеб и варево. Так было в Павло-Обнорском монастыре, так было и в других пустынных монастырях.

Трудовой характер пустынных монастырей стал твердой основой их дальнейшего развития. Более чем за пятьсот лет руками монахов на месте землянки Павла вырос настоящий «град небесный».

Павло-Обнорский монастырь был расположен в живописной долине, сжатой со всех сторон отлогими горами. Троицкий собор воздвигнут в 1516 году, по преданию, в нем сохранялись иконы Дионисия (Ферапонтовского). с северной стороны к собору примыкала церковь Иоанна Предтечи, с южной — Казанская церковь с приделами Павла Комельского и Сергия Радонежского. Чуть поодаль располагалась теплая Успенская церковь, бывшая в древности трапезной, с примыкающими к ней настоятельскими покоями. Над ее алтарем возвышалась высокая трехъярусная колокольня.

Монастырь был обнесен высокой каменной стеной с башнями, по бокам монастыря с востока и запада возвышались два огромных холма, насыпанные монахами при расчистке русла реки Обноры и обсаженные красивыми елями. На восточном

холме был воздвигнут обширный двухэтажный скитский храм; на западном холме, называемом «Голгофа», — устроена деревянная часовня, внутри которой находилось художественно выполненное скульптурное изображение Христа.

У самого моста тоже была часовня, в которой стояло ведро воды с почерпалом для утоления жажды путников в знойный день. На стене находилась икона, изображающая Павла, в руках которого был свиток с надписью: «О если бы ведали всю силу любви».

В 30-е и последующие годы все постройки и стены монастыря были взорваны или разбросаны, разорены древние кладбища, утрачена могила Павла Комель-ского. Никаких часовен и в помине не осталось. Сохранились в аварийном состоянии остатки Успенской и скитской церквей и кельи. Долгие годы сооружения монастыря использовались под детский дом, место получило название «Поселок “Юношеское”». Бледные, плохо одетые дети, разбитые рогатками окна, фекалии в помещениях остатков Успенской церкви, собака с подбитой лапой, шарахающаяся от каждого шага людей, — такова «мерзость запустения».

Неподалеку от Павло-Обнорского монастыря сохранились руины собора другой обители, созданной еще одним учеником Сергия Радонежского — Сергием Нуромским, греком по происхождению, пришедшим на Русь с Афонской горы, похороненным в своем монастыре. Его мощи сохранялись здесь до 30-х годов. В 6 км от огорода Грязовца, на слиянии двух рек — Нурмы и Таницы — до 30-х годов XX века существовал огромный Корнилиево-Комельский монастырь, основанный в 1497 году убежавшим в пустынь святым Корнилием Комельским (из ростовских бояр), впервые поселившимся здесь в покинутой разбойниками одинокой избе. Для основанной им обители святой Корнилий Комельский написал особый устав, в котором использовал уставы святых Иосифа Волоцкого и Нила сорского, как бы пытаясь объединить в одном документе идеи «стяжателей» и «нестяжателей». Введенский собор монастыря был построен в XVI веке, Воскресенская церковь с настоятельскими покоями, ризницей и библиотекой возведена в XVII-м, а также — еще четыре церкви, три часовни и целый ряд других сооружений. В окрестностях монастыря обнаружили минеральные источники и устроили лечебницу для паломников и больных.

Место это, как и многие другие места на Руси, связано с преданиями, сохраняемыми местным населением. Рассказывают, что при нашествии татар в первой половине XVI века монахи во главе с Корнилием удалились из стен монастыря, прося Бога пощадить обитель. Когда татары подошли, то обитель им

показалась большим городом с массой войск, и они в страхе бежали.

В 30-40-е годы все церкви и стены, и другие сооружения монастыря были взорваны и разобраны на кирпич для строительства льнозавода. Пропали и мощи святого Корнилия Комельского. сохранившиеся отдельные постройки использовались в войну как лагерь для военнопленных, позднее школа механизаторов, а затем как помещения психиатрической больницы.

В окрестностях Грязовца, недалеко от впадения реки Коктыш в реку Лежу (ныне усадьба совхоза «Бушуиха»), находился Арсениево-Комельский монастырь, основанный святым Арсением Комельским, игуменом Троице-Сергиевой лавры, откуда он ушел в 1529 году в комельские леса, ища уединения. Все постройки и стены монастыря (кроме келий) были разрушены в 30-40-е годы, Ризоположенский собор XVIII века снесен уже в 70-е. Та же участь постигла все сооружения Николо-Озерского монастыря, основанного в 1520 году святым Стефаном Комельским, мощи которого хранились здесь под спудом. Монастырь был устроен по повелению самой Богородицы, которая явилась святому Огефану и указала ему место будущей обители.

О дорогами в Вологодской области очень плохо, далеко не все райцентры связаны между собой хорошими шоссе, а уж села да деревни и подавно. Поиск почти каждого монастыря и дорога к нему по огромным колеям и ямам превращается в экзотическое путешествие с приключениями. Но особенно ужасен путь к монастырям в Кадниковском районе.

Семь километров от Кадникова до Григорьево-Пельшемского монастыря, основанного в 1426 году святым Григорием Пельшемским, из рода галичских бояр Лопотовых (предание рассказывает, что он прожил 127 лет), мы преодолевали на гусеничном тракторе (даже мощные грузовики типа «Урал» здесь не проходят). Приближаясь к реке Пельшме, ощущаешь зловоние и видишь белые, потрескавшиеся мертвые берега, лишенные всякой растительности, черную воду без признаков жизни. Трактор то падает в яму, то, сильно накреняясь вбок, идет вдоль реки. Местные рабочие рассказывали, что река погибла уже в 70-е годы из-за сбросов в нее вредных химических веществ Сокольского целлюлозно-бумажного комбината. Жители деревень, расположенных вдоль реки (Дор, Лопотово), давно покинули их, и они стоят, чернея разрушенными избами.

Постройки древнего монастыря ХУП—ХУШ веков разрушены еще до войны, их остатки лежат в руинах, вся территория заросла бурьяном в человеческий рост, деревьями и крапивой. Мощи

святого старца исчезли, как пропали и святыни, связанные с его почитанием в этих местах, — железные вериги и кольчатая рубашка, которую надевал святой, умерщвляя свою плоть. По преданиям, в монастыре сохранялись иконы святого

Дионисия Глушицкого, с которым Григорий Пель-шемский дружил и у которого в сосновце прожил десять лет, занимаясь переписыванием книг. В советское время в монастыре был детский дом, позднее переехавший отсюда в другое место, но сохранивший территорию монастыря для нужд подсобного хозяйства.

Так же на тракторе нам пришлось добираться до другого монастыря Кадниковского уезда — Семиго-родной пустыни, основанной в XV веке среди густого леса и болот монахами Дионисиево-Глушицкого монастыря. Семь небольших гор с селениями на них в древнее время дали название волости «Семигород-ная», а по волости — и обители. Главную святыню и достопримечательность обители составляла чудотворная икона Успения, написанная, по преданию, известным иконописцем святым Дионисием Глушицким.

Другой достопримечательностью обители был очень изящный ковчег больших размеров и оригинальной формы, хранившийся в ризнице на особом столе. Дверцы ковчега украшали живописные изображения Неопалимой Купины и Архистратига Михаила работы В. Боровиковского.

От огромного монастыря (жители его называли городом) почти ничего не сохранилось. Еврейские большевики до основания уничтожили все церкви и высокие стены с башнями, сохранились лишь кельи (в них устроили психинтернат). Ни икон, ни ковчега с живописью Боровиковского не сохранилось. Куда они пропали, никто не знает — ни местные жители, ни областные музейные работники. Старожилы рассказывают, что в 30-е годы, когда «очищали» церкви, книги, иконы, кресты бросали в большие костры на территории монастыря. Один из них вспоминает, что сам разбирал монастырскую церковь на кирпич для своего дома.

Заоникиева Богородицкая пустынь, основанная св. Иосифом в XV веке в 14 км от Вологды, потеряла значительную часть своих сооружений, а оставшаяся находится в руинах — собор, теплая церковь, стены, башни лежат как после бомбежки. Пропали мощи св. Иосифа и камень преподобного Серафима Саровского. Между руин бродят дети, воспитанники детского дома, который расположился в бывших кельях. В 30-е годы, по рассказам старожилов, в монастыре располагался спецпоселок, где содержались сосланные крестьяне с западнорусских земель,

которых местное население называло «крестоватики». С питанием в поселке было плохо, «крестоватики» пухли от голода и тихо умирали, находя последний покой в общей могиле в «веретье», недалеко от пустыни.

Ни один «крестоватик» на родину не вернулся. Местные жители, которые пытались им помочь, подвергались репрессиям.

Еще в 20-е годы на изгибе высокого берега реки Мологи, среди соснового бора, стоял основанный купцами Строгановыми Николаевский монастырь, обнесенный каменной стеной с башнями, являя собой со всех сторон сказочное зрелище. Первые упоминания о монастыре относятся к XV веку. Сохранившиеся в 20-е годы постройки монастыря относились к XVI — началу XIX века. Старожилы рассказывают, как в 30-е годы по окрестным деревням ходили приезжие из города члены Союза воинствующих безбожников и требовали подписать письмо о ликвидации монастырских церквей, а равно и тех, кто подписать откажется, грозя объявить таких кулаками или подкулачниками со всеми вытекающими отсюда в то время последствиями. Люди были так парализованы страхом, что большинство письмо подписали. Сооружения монастыря (кроме келий) были взорваны и потихоньку разбирались на кирпич. В 60-70-е годы еще сохранилась каменная ограда, внутри которой располагались длинные корпуса братских келий. С западной стороны к зданиям келий примыкали настоятельские покои с деревянной светелкой наверху. На ее фасаде, выходящем на монастырский двор, располагалась веранда, украшенная резьбой. Тут же находилось здание поварни, трапезной.

Все это было утрачено в 60-70-е годы, ибо памятники находились без присмотра. Нижняя часть построек была использована для фундамента огромного здания базы отдыха Череповецкого металлургического завода.

Из Моденского монастыря мы направляемся к местечку Сосновец, где, по данным старого путеводителя, находились мощи святого Дионисия Глушицкого.

В Большой советской энциклопедии (3-е издание) о нем сказано: «Дионисий Глушицкий (1362—1437), русский живописец, резчик по дереву, книгописец, игумен ряда монастырей, основанных им на берегу реки Глушица».

До нашего времени дошло несколько произведений художника. В Третьяковской галерее находится известная, наверное, всем любителям русского искусства икона, один их выдающихся образцов русского иконописания, школа-портрет «Кирилл Белозерский» (1424). В Вологодском краеведческом музее можно увидеть иконы «Успение» и «Иоанн Предтеча в

Пустыне». Искусство Дионисия пронизывают удивительная теплота и человечность образов.

Родился Дионисий близ города Вологды, но кто были его родители и как он провел детство и юность, неизвестно — не сохранилось никаких сказаний. По его поступкам и творчеству можно судить, что натура эта была тонкая, мятущаяся, деятельная, не знавшая покоя и жившая в постоянном молитвенном напряжении. В Спасо-Каменном монастыре на Кубенском озере начинается подвижническая жизнь святого Дионисия. Его учителем становится святой Дионисий Святогорец.

Ища уединения, Дионисий Глушицкий перебирается на другую сторону озера и в местности под названием святая Лука возводит храм (позднее святолуцкий монастырь). Но вокруг вновь собираются люди, и подвижник уходит в глубь лесов на реку Глушицу, где близ села Устья в 1402 году основывает Глушицкий Покровский монастырь, получивший в 1407 году статус Лавры, ставший центром развития иконописания, живописи и книгописания. суета жизни вновь стала тяготить инока, и, бросив все, он тайно ушел из монастыря и поселился в удивительно красивом лесу, среди болот, под толстой сосновой кущей, отчего это место прозвали «Сосновицы». Тут и был основан Сосновецкий Глушицкий монастырь, мощи святого Дионисия были положены в церкви Иоанна Предтечи. Всю свою жизнь Дионисий Глушицкий писал иконы, резал по дереву, шил одежды, переписывал книги и даже ковал. Все созданное им он рассылал по окрестным храмам и монастырям, многие из которых были построены им же.

Всего преподобный Дионисий создал пять мужских монастырей и один девичий — во имя святителя Леонтия Ростовского — для своих учениц и руководил ими всеми. Сам же он дважды посещал своего авву, архиепископа Ростовского Дионисия, бывшего игумена Спасо-Каменного монастыря, в епархию которого входила и страна Вологодская. святитель благословил его иконой Божией Матери и снабдил новые монастыри церковной утварью. среди учеников преподобного Дионисия прославились святостью жизни своей: преподобные Макарий, Амфилохий и Тарасий, Григорий Пельшемский и Филипп Рабангский. После кончины преподобного в Лавру поступил преподобный стефан Комельский.

Учеников своих преподобный Дионисий учил ничего не называть своим, непрестанно молиться и помнить о часе смертном, особенно учил их послушанию.

Одному иноку, который наловил много рыбы без благословения, преподобный велел эту рыбу выбросить, говоря: «сеющий от благословения, благословение и пожнет; послушания

хочет Бог, а не жертвы!» У одного брата после его смерти нашли несколько монет; преподобный велел деньги эти выбросить вместе с телом этого ослушника и не сразу разрешил его похоронить, чтобы страхом навсегда уничтожить ослушание.

После правого поворота на отворотку через сто метров дороги, ведущей к нашей цели, обрывается асфальт, а дальше идет сплошное месиво проселочной дороги, прочерченное глубокой и широкой колеей. Еще в 100 метрах находится место, где в древности стоял один из центров искусства и книгописания — Покровский монастырь. Надев резиновые сапоги, перебираемся через грязь.

Река Глушица спустя 500 лет сильно оскудела и заросла и далеко отошла от монастырского холма, на котором сейчас живописно, но сиротливо стоит небольшая деревянная церковь, окруженная современными скромными могилами. От древних построек, которые здесь еще стояли в 1920-е годы, — Покровского собора, колокольни, двух корпусов келий, красивой деревянной ограды и древнего кладбища — не осталось и следа.

В 1951—1952 годы памятники архитектуры XVIII века — Покровский собор и красивая колокольня — были проданы сельсоветом председателю колхоза Николаю Филипповичу Щепину на кирпич для строительства фундамента скотного двора. Подрядили несколько колхозников, и они решили разрушить церковь, уронив на нее колокольню. Подрубили основание колокольни, но не рассчитали, и она упала раньше времени, похоронив под собой нескольких богоборцев. Погибло двое, а кирпича добыть не сумели. Крепкий известковый раствор так связал кирпичи, что они при попытках извлечения просто ломались.

Под руинами остались мощи учеников святого Дионисия — преподобных Тарасия и Макария. Пропали рукописи XV—XVIII веков.

До Сосновецкого Глушицкого монастыря, где хранились мощи святого Дионисия, — по тяжелой проселочной дороге (даже грузовая машина здесь пройти не может) 7 километров. Нам повезло. В Сосновец, где находится психоневрологический интернат, едет единственный возможный в этих местах вид транспорта — мощный гусеничный трактор с прицепом.

Прицеп болтается с одного бока на другой, попадает в ямы и резко из них выбирается, еле удерживаемся за борта двумя руками. Дорога удивительно живописная: поля, затем молодые сосновые леса с разнотравьем, временами болотные топи.

Вот поворот, невольно ожидаю увидеть появление сказочной обители великого святого Древней Руси такой, какой она

изображена на фотографиях начала XX века (в 1920 году было торжественно отмечено 500-летие монастыря). Но за поворотом, на месте монастыря, в бесформенно разросшейся зелени дикого леса, вновь наступившего на когда-то отвоеванное у него пространство, сохранилось только небольшое здание настоятельских покоев и кельи в сильно перестроенном виде.

В 1930—1960-е годы монастырь потерял почти все свои постройки — великолепный собор и церковь 1745 года, высокую колокольню, надвратную Входоиерусалимскую церковь, ряд келий, древнее кладбище, высокую каменную ограду с величественными башнями по углам. Часть икон и утвари была увезена из монастыря еще до войны и, как рассказывают, передана за границу, остальное было просто расхищено или погибло.

Сейчас всюду какие-то ямы, груды кирпича, бурьян, крапива, деревья, растущие где попало, равнодушные лица психических больных.

Нельзя сказать, что память о Дионисии Глушицком стерлась из памяти жителей окрестных деревень. Имя его знакомо всем старожилам. До 70-х годов нашего века в деревнях Рыкуля и Пустыня 14 июня и 15 октября, на день святых Дионисия Глушицкого и его ученика Амфилохия, жители варили пиво и приглашали к себе на праздник всю округу, сохранились в памяти и отдельные предания. Один из старожилов рассказал трогательное предание о лошади Дионисия, которая не хотела сдвинуться с места с телом покойного хозяина, и пришлось впрягать другую, чтобы отвезти его к месту захоронения.

Пытаемся вместе со старожилами найти место, где под спудом хранились мощи святого Дионисия Глушицкого. Одни показывают здесь, другие — там. Самый авторитетный старожил останавливается возле недавно построенного голубого деревянного павильона. Здесь?! Молча останавливаемся и читаем молитву.

Рассказывая о Сосновецкой Дионисиево-Глушицкой обители, нельзя не вспомнить еще одного ее монаха, святого Игнатия Брянчанинова — выдающегося русского религиозного мыслителя. Вся жизнь Игнатия Брянчанинова связана с Вологодчиной. Здесь, в селе Покровском Грязовецкого уезда (дом его сохранился, в нем сейчас помещается санаторий), он родился, начал свою духовную жизнь в Новозерской обители. Некоторое время жил в Оптиной пустыни. После пострижения в монахи в сосновецком монастыре становится строителем Григорьево-Пельшемской обители. Как отмечает И. Концевич: «В жизнеописании Игнатия Брянчанинова сплетаются имена и традиции древнего заволжского старчества

его родины, и сам он является одним из видных представителей нового возрожденного старчества». «Умное делание», внутреннее подвижничество Брянчанинова сродни деяниям выдающихся русских исихастов XV века. Закончил свою жизнь Брянчанинов в Николо-Бабайском монастыре на Волге. В 30-е годы мощи его были утеряны, а после канонизации в 1988 году разысканы под полом жилой комнаты детского санатория, в который была превращена бывшая церковь. В 1990-е мощи святого Игнатия были перенесены в Тологский монастырь.

Следующая наша дорога по Русской Фиваиде — паломничество в Нило-Сорский монастырь, находящийся в 20 км от г. Кириллова.

Нил Сорский родился за 4 года до упокоения святого Дионисия Глушицкого в семье московского боярина Майкова и в юности занимался перепиской книг. Он рано поступил в Кирилло-Белозерский монастырь, где духовно сблизился с его настоятелем Паисием Ярославовым, который в свое время отказался от митрополичьего сана.

Молодым человеком он совершил паломничество на Афон, где стал ревностным последователем учения исихастов, учеников святых Григория Синаита и Григория Паламы. Целью жизни, — говорили его учителя, — является достижение «первобытной чистоты». Этому препятствует «чувственность», делающая душу «плотского человека» вожделеющей и «страстной». Возвратить «потерянное» можно лишь посредством «созерцания» божественной энергии. Человек обнаруживает энергию в себе самом при помощи обрядового «самоуглубления», безмолвия. Наряду с безмолвием исихасты практиковали также своеобразную йогу: «слезы теплые» и «удержание дыхания». Это, на их взгляд, позволяло собрать ум в «единовидную стяженность», приучить его не отвлекаться на окружающее, сделать способным к «сосредоточению на едином».

По возвращении на Родину Нил Сорский основал первый в России скит в глухом лесу среди болот на реке Сорке, где ввел особый строгий скитский устав по образцу афонского с обязательным участием монахов в производительном труде, чему он показывал личный пример. Чтобы построить скит, монахам пришлось наносить целую гору земли. скитяне, числом 12, жили в маленьких тесных кельях на большом расстоянии друг от друга и только в канун воскресного дня и на праздники собирались вместе. Трудовой характер русских пустынных монастырей обрел при Ниле сорском новое дыхание. святой настаивал на монашеской нищете во исполнение обета нестяжания, считал, что монастырь не должен иметь никакой собственности.

Творчески развивая учение исихастов, Нил сор-ский уделял особое внимание вопросам психологии человеческих страстей. Его учение легло в основу русской психологии, он предлагал свою научную схему развития страстей, разрабатывая формы их регулирования. Он учил, что усилием воли и переменой внешнего образа жизни человек должен преодолевать свои страсти на ранних стадиях их развития.

В качестве идейного главы нестяжателен Нил сор-ский поддерживал политику, направленную на лишение монастырей земли, выступал за реформу монашества на строгих началах скитской жизни, рекомендовал отказаться от насилия и гонений по отношению к еретикам, предлагал перевоспитывать их силой убеждения.

Деятельность Нила Сорского оставила глубокий след в культурной жизни Древней Руси и продолжилась в трудах его учеников Вассиана Патрикеева и Артемия Троицкого. На соборах 1490 года и 1503 года Нил Сорский осудил ересь жидовствующих.

В поселок Пустынка, как сейчас называется Нило-Сорская пустынь, ведет скользкая глинистая дорога. Основные постройки монастыря сохранились, хотя многие из них сильно перестроены для приспособления к нуждам психоневрологического дома-интерната. В 50-е годы были полностью разрушены сооружения скита.

Монастырь представляет собой сомкнутый в квадрат комплекс сооружений, выполняющих одновременно роль стен с башнями по углам, надвратной церковью с западной стороны и собором и настоятельским корпусом во дворе квадрата.

Колокольня не сохранилась, сильно перестроен главный собор, уже с улицы чувствуется сильный запах мочи, в центральной части собора стоят 80 коек для слабоумных лежачих больных, со всех сторон в тебя упираются десятки бессмысленных взглядов. состояние построек неудовлетворительно. Мощи святого Нила сорского, почитавшиеся вплоть до 20-х годов, утрачены. старожилов в этих местах не сохранилось, окрестные деревни (Бутово, Ершово, Кузьминки и др.) полностью обезлюдели. Приезжие сотрудники психинтерната, живущие в поселке, на вопрос о месте захоронения мощей неуверенно указывают на место возле северной части алтаря. Неподалеку сохранилось опрокинутое надгробие одного из последних игуменов монастыря с надписью «Здесь покоится тело раба Божьего игумена Нилсорской пустыни Амвросия. Мир праху твоему Христолюбивый труженик».

Машина медленно едет, в некоторых местах соскальзывая в кювет по глинистой дороге, возвращается к асфальту, в ушах

слышатся крики безумных больных, тяжелая грусть переполняет душу...

В более или менее удовлетворительном состоянии в Русской Фиваиде сохранились только четыре монастыря: Кирилло-Белозерский (основан в XIV в.), Ферапонтов (основан в XIV в.), спасо-Прилуцкий и Михаил-Архангельский. Но только два первых сохранили свои интерьеры (да и то частично).

Кирилло-Белозерский монастырь основан в XVI веке учеником Сергия Радонежского Кириллом Белозерским на берегу северского озера и похож на целый город, с сотнями помещений. Это одна из крупнейших на Русском Севере обитель, ей удалось избежать горькой участи многих своих «собратьев», сохранить мощи своего основателя Кирилла Белозерского. сразу же после закрытия в 1924 году монастырь использовался под музей, хотя преобладающее количество его художественных ценностей было вывезено. Огромный комплекс, почти полусотня архитектурных сооружений, требует повседневной реставрации и ремонта, между тем часть зданий не ремонтировалась почти с начала XX века. Работы ведутся вот уже несколько десятилетий, а отреставрировано не более пятой части строений. Центральные памятники монастыря закрыты для посещения, а когда откроются — никто не знает. Музейные работники жалуются на качество реставрационных работ.

В 20 км от Кирилло-Белозерского монастыря, среди живописных озер стоит Ферапонтов монастырь, связанный с именем святого Мартиниана Белозерского (ск. в 1483 г.), мощи которого покоятся здесь. Этому монастырю Н. Рубцов посвятил свои стихи:

Диво дивное в русской глуши!
И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил
До черты небывалой досель.

Фрески Дионисия в соборе Рождества Богородицы (построен в 1490 г.) Ферапонтова монастыря — одно из высших достижений русской и мировой культуры — долгое время находились под угрозой из-за аварийного состояния помещения. В 70-е — начале 80-х годов отмечались неоднократные случаи попадания воды и снега внутрь собора и на них. Шум, который подняло Общество охраны памятников, позволил добиться ремонта помещения. Реставрация фресок Дионисия велась много лет, скрыв их от многих посетителей монастыря.

Один из лучших монастырей Русской Фиваиды — Спасо-Прилуцкий, основанный в 1371 году. С приходом к власти большевиков монастырь до 70-х годов занимала тюрьма, что делало его недоступным для посетителей, да и для реставраторов. Здания монастыря сильно обветшали, многие из них находились в аварийном состоянии, интерьеры утрачены. В 70-х годах развернулась реставрация, благодаря которой монастырь хоть и медленно, но все же стал приводиться в порядок.

В Горицком женском монастыре, основанном в 1544 году вдовой удельного князя Андрея Старицкого (родного дяди Ивана Грозного) Евфросиньей Владимировной на берегу реки Шексны, в начале 1930-х большевики устроили погром. Монахини были либо расстреляны, либо утоплены. На многие годы обитель превратилась в скотный двор, опустевшие храмы стояли в окружении груд навоза.

Пройдя сотни километров, я проследил судьбу всех монастырей Русской Фиваиды. Каковы же итоги? Всего после 1917 года из 37 вологодских монастырей XIII— XVII веков, бывших общенациональными святынями, 25 оказались разгромлены полностью или почти полностью, семь монастырей хотя и сохранили свой облик, но находились в аварийном и неудовлетворительном состоянии, и только четыре монастыря остались в первозданном виде. Во многих случаях были утрачены мощи великих русских святых, на поклонение которым в течение веков шли тысячи паломников.

Да только ли монастыри пострадали на древней земле? Русская Фиваида по своим пространствам значительно больше таких западноевропейских государств, как Дания, Швейцария, Нидерланды, взятых вместе. По моим подсчетам, к началу XX века на этой огромной земле было накоплено культурное наследие, по своему потенциалу превышающее культурные ценности большого европейского государства, — не менее 8 тыс. памятников архитектуры и истории, в том числе более 2 тыс. церквей и часовен, великолепные усадьбы, тысячи деревянных строений, украшенных прославленной вологодской резьбой. Десятки тысяч икон, картин, скульптур, предметов прикладного искусства, колоколов. Смерч еврейской революции, пронесшийся над Русской Фиваидой, смел более половины этого колоссального богатства, погибло не менее 4 тыс. памятников архитектуры и истории. Из сохранившихся большая часть — в неудовлетворительном (нередко и аварийном, руинированном) состоянии и не в состоянии выполнять свои духовные и культурные функции. Всего из культурного фонда Русской

Фиваиды было выведено три четверти памятников архитектуры и истории, которые являлись не просто драгоценным материальным наследием, но духовным итогом жизнедеятельности десятков поколений русских людей на этой земле. Отчуждение драгоценной культуры предков, отказ от духовных итогов их жизнедеятельности привели к страшным результатам. На многие сотни километров стоят тысячи покинутых сел и деревень, потерянная земля ощерилась сорняками и чертополохом. То, что поднималось и культивировалось веками, вернулось в первобытное состояние.

Из паломничества по северной Фиваиде я вернулся особенно расстроенным и удрученным. Преступления, совершенные в этом краю русских святынь еврейскими большевиками, были особенно чудовищны. Погром русских святынь осуществлялся как особый ритуал. Множество рассказов старожилов и музейных работников рисовали в моем сознании образ еврейского погромщика. Одним из таких характерных персонажей был во второй половине 20-х Карп

Рафаилович Шершевский, начальник Вологодского НКВД. Пробыл он здесь недолго, но старожилам запомнилось, как он лично с группой чекистов ездил, сжигая церкви, стрелял по иконам, сам расстреливал монахов. Парикмахер по профессии, имея образование в два класса еврейской школы, он настаивал на немедленном закрытии музеев Вологодской области как контрреволюционных учреждений. Фотографию этого изверга я видел в Вологодском краеведческом музее. Меня поразило, насколько внешне он был похож на Ю. В. Андропова, нового генерального секретаря ЦК КПСС.

После Ленина Андропов был первым евреем, занявшим высший государственный пост. Приехав в Москву из северной Фиваиды, я почти физически ощутил радость всех антирусских сил, приветствовавших приход к власти в России еврейского кадра. Воспряли отпрыски выкорчеванной Сталиным «ленинской гвардии». По зарубежным радиоголосам давали почти хвалебные отзывы о новом генеральном секретаре, перемежаясь с усилившейся критикой русских патриотов.

ГЛАВА 18

ЗОЛОТОЕ ВРЕМЯ «ПАМЯТИ». - ПОСЕЩЕНИЕ ЕЕ ВЕЧЕРОВ. - ПРАЗДНИКИ РУССКОГО ДУХА. - ЗНАКОМСТВО С БЫВШИМ СОВЕТСКИМ РАЗВЕДЧИКОМ. - ЦРУ, МАСОНЫ И ПАПА РИМСКИЙ ПРОТИВ РОССИИ. - ЕВРЕЙСКИЕ ТАЙНЫ ИНСТИТУТА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА.. - ЕВРЕЙСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИЗМЕННИКИ. - СТАЛИН ПОЖАЛЕЛ ЕВРЕЕВ

После смерти Брежнева русское движение входит в новую фазу. Качественно меняется сам тип русского патриота. Привыкший за годы советской власти скрывать свои патриотические убеждения, он перестает бояться высказывать их. Впервые за многие десятилетия русские начинают объединяться, сначала для защиты своих святынь, а затем и против своих внутренних врагов. Начавшись с маленьких ручейков, русское движение постепенно превращается в полноводную реку. Конечно, поживи Андропов больше, он несомненно постарался бы раздавить русское движение. Но его преемник Черненко, продолжая политику Брежнева на умиротворение противостоящих сил, тем самым дал патриотам время организоваться. Именно за эти три года, прошедшие между Андроповым и приходом Горбачева, русское движение приобретает новое качество, выразившееся в создании патриотической организации «Память». создание ее проходило на моих глазах. Я лично знал практически всех ее организаторов, а с некоторыми и дружил. Все они были так или иначе связаны с Обществом охраны памятников.

Корни «Памяти» уходят в коридоры Московского городского общества охраны памятников, находившегося в здании дома, ранее принадлежавшего писателю

Телешову, называемого патриотами «Телешовкой». Во второй половине 70-х ответственным секретарем Московского общества был Эдуард Николаевич Дьяконов, бывший морской офицер, деятельный патриот, посвятивший свою жизнь патриотическому воспитанию русской молодежи. Деятельность Дьяконова на посту ответственного секретаря Общества вызвала ряд доносов со стороны космополитических кругов в КГБ и ЦК КПСС, в результате чего он был смещен со своей должности — но идеи своей не оставил. Дьяконов продолжил претворение ее в жизнь на общественных началах, в рамках Молодежного творческого

объединения при МГО ВООПИК. В 1979-м он объединяет свои силы с группой активных патриотов из Министерства авиационной промышленности, которую возглавлял Геннадий Иванович Фрыгин, инженер-металлург. Группа Фрыгина действовала под «крышей» Общества книголюбов.

Именно из этих активистов сложилась группа энтузиастов, назвавших себя «Витязями», составившая будущее ядро объединения «Память». До этого они в течение нескольких лет встречались на субботниках по восстановлению памятников истории и культуры под эгидой ВООПИК. Главной целью группы «Витязи» было достойно отпраздновать 600-летие Куликовской битвы. Идею названия «Витязи» подал скульптор Б. Строганов. Актив группы составили ответственный секретарь МГО ВООПИК Э. Н. Дьяконов (фактический руководитель «Витязей»), сотрудник архитектурной секции МГО ВООПИК Г. сальников, слушатель Высшей партшколы ЦК КПСС С. К. Смирнов, слесарь завода «Союз» К. Н. Андреев, заместитель директора конструкторского бюро АСУ А. Г. Гладков, постовой милиционер гостиницы «Россия» В. В. Скрыпник и др. Впоследствии именно эти люди составили первый Совет «Памяти». Кроме регулярных субботников по восстановлению памятников члены группы совершали совместные походы и поездки по историческим местам и к православным святыням. Среди членов группы распространялись книги русских философов, историков и мыслителей, самиздатовская литература, журнал «Вече», «Протоколы сионских мудрецов», антисионистская литература.

Члены группы участвовали также в работе Молодежного творческого объединения при МГО ВООПИК, заседавшего на ул. Разина под колокольней Знаменского монастыря. Обсуждение стихов и прозы русских писателей на этих заседаниях часто перерастало в доклады и споры о судьбе России. Духовными наставниками объединения были Н. Рубцов, С. Куняев, Ю. Кузнецов, Д. Жуков, О. Волков. На заседаниях выступали ученые, архитекторы, писатели, художники (И. Кобзев, О. Михайлов, О. И. Журин, В. А. Виноградов и др.).

«Витязи» принимали активное участие и в работе Общества книголюбов, которое совместно с МГО ВО-ОПИК устраивало встречи с патриотически ориентированными деятелями русской культуры. Встречи эти чаще всего проходили в Музее им. Николая Островского (в т.н. «салоне Зинаиды Волконской»), а также в ДК Метростроя, ДК им. Чкалова, ДК им. Горбунова, ведомственных домах культуры Минавиапрома (сотрудником которого был Г. И. Фрыгин).

16 апреля 1980 г. в Центральном лектории Политехнического

музея произошло важнейшее патриотическое событие — состоялся торжественный вечер, посвященный 600-летию Куликовской битвы. Зал был переполнен. Люди стояли в проходах. В зале присутствовали практически все, кто впоследствии вошел в Совет и актив объединения «Память». Выступали художники И. С. Глазунов, И. О. Комов, писатели В. Чивилихин, Д. Жуков, Ю. Селезнев, поэты Ю. Кузнецов и А. Марков, космонавт В. Севастьянов, музыканты Ю. Дунаев и В. Кобзев. Все они составляли цвет русского патриотического движения того времени. Вечер прошел в духе восторженного единения русских людей.

Вторая половина 1980-го и 1981 г. проходят под знаком брожения и собирания сил. Вечера и встречи, проводимые бывшими «Витязями», активистами ВООПИК и Общества книголюбов, становятся все острее и напряженнее. На них ставятся все более серьезные вопросы. Примерно в 1981 г. власти запрещают встречи под колокольней Знаменского монастыря. Однако движение было уже невозможно остановить. создавалось совершенно новое по качеству патриотическое объединение. Критическая масса была, по-видимому, достигнута 17 июня 1982 г. на вечере, посвященном 170-летию Бородинской битвы. Несмотря на то что он состоялся в небольшом зале, его эффект для будущего актива «Памяти» был не меньшим, чем эффект от вечера, посвященного Куликовской битве. В июне — октябре 1983 г. происходит целая серия вечеров, на которых выступали Д. Жуков, В. Крупин, С. Куняев, В. Сорокин.

Организуя первые вечера, субботники и походы по историческим местам, будущее Патриотическое объединение «Память» не имело названия. Собственно рождение названия «Память» произошло в ноябре 1982 г. после вечера-размышления по книге В. А. Чивилихина «Память». Как сообщает первый председатель Совета «Памяти» Г. И. Фрыгин, «стали думать о названии», и он предложил назвать объединение «Память». Это всем понравилось. Более того, на этом же собрании приняли решение просить Чивилихина возглавить общество «Память». Однако в связи с болезнью и смертью писателя это решение не было выполнено.

Первоначально «Память» именовалась любительским объединением. До марта 1982 г. его главной площадкой был Музей им. Н. Островского («салон Зинаиды Волконской»). Здесь «Память» провела не менее 15 вечеров. Однако на встрече с доктором исторических наук Н. Н. Яковлевым наблюдателям из райкома партии не понравилась его резкая критика агента влияния США директора Института США и Канады Г. Арбатова.

Критика эта была восторженно поддержана слушателями. Заседания в этом музее на некоторое время прекратились.

Зато у «Памяти» появилось еще несколько площадок — ДК Метростроя, ДК им. Чкалова и ДК им. Горбунова, а также ряд других культурных учреждений. С осени 1983 г. «Память» начинает именоваться Патриотическим историко-литературным объединением.

В 1983 в актив объединения «Память», кроме перечисленных выше, вошли эколог, кандидат геологоминералогических наук Ф. Я. Шипунов, актриса О. Ф. Гобзева, преподаватель режиссуры массовых представлений Н. А. Детков, заведующая политическо-массовым отделом ДК Горбунова В. И. Мотова, преподаватель английского языка Е. С. Бехтерева. В 1983 г. Совет «Памяти» добился официальной регистрации объединения в отделе культуры райкома партии при Дворце культуры им. Горбунова (ставшем известным под названием «Горбушка»), принадлежащем заводу им. Хруничева. Официальная регистрация давала возможность проводить вечера «Памяти» в одном из самых известных Дворцов культуры, в зале на 1,5 тыс мест. Но даже такого большого зала порой не хватало, чтобы вместить всех желающих.

Вечера, субботники, походы «Памяти» приобретают широкий размах. Интересы патриотического объединения охватывают все сферы жизни русского народа.

В середине 70-х писатель Шевцов издал вторую книгу своей трилогии «Набат». Она пользовалась большой популярностью в патриотических кругах, так как рассматривала вопросы борьбы с сионизмом. Иван Михайлович рассказывал мне, как всполошились в ЦК, узнав о том, что Шевцов написал новую «антисемитскую книгу». Издателям «современника», куда принес свою рукопись автор, предложили рассыпать набор. Однако издатели Ю. Прокушев и В. сорокин проявили принципиальность и гражданское мужество, и книга дошла до читателя.

Смелый поступок издателей не прошел безнаказанным. Ю. Прокушев и В. Сорокин лишились постов. Чтобы не привлекать внимание к книге, проеврейская критика решила не поднимать шума, промолчать. Лишь французская газета «Монд» статьей эмигранта Л. Плюща оповестила своих читателей, что «известный антисемит» Шевцов издал в СССР новый антиеврейский роман «Набат».

Несмотря на противодействие, Шевцов продолжал работать над третьей книгой «Набата» — «Остров дьявола». Как он мне сам рассказывал, «я решил показать тактику и методы сионистов по захвату власти в разных странах, их неотвратимое шествие к

заветной цели — мировому господству еврейства. Я хотел предупредить общественность о смертельной опасности сионизма, о его подрывной деятельности в СССР, готовящей ликвидацию советской власти и установление на всем пространстве России иудо-масонской диктатуры антифашистского толка.

Я осознавал, что в обстановке брежневско-сусловского режима издать такую книгу будет невозможно. Но мысль, что Брежнев и Суслов не вечны, вселяла надежду. “Остров дьявола” я решил издавать отдельно, без первой и второй книги, т.к. это позволял сюжет романа. Издательство “современник”, куда я передал рукопись, возглавляли уже другие, робкие и начальству послушные люди. И внутренние рецензенты учинили разгром “Острова дьявола” как антисемитского произведения. Рукопись была положена в стол, ожидая своего времени, и была опубликована только в 1998 году».

Из писателей-«радонежцев», кроме Шевцова, мне особенно был близок Игорь Иванович Кобзев, создатель общественного музея «слова о полку Игореве». Музей этот был еще одним русским клубом. Вокруг него объединились около 100 человек самых разных профессий, были студенты и даже школьники. Но все они прежде всего были членами ВООПИК. Игорь Иванович с радушием принимал всех. Великолепный поэт, добрый, искренний человек, он полностью отдавал себя творчеству и любимому делу. Еврейские литераторы его ненавидели. Особенно после того, как он поставил на место некоего Липкина, нагло заявившего в своем графоманском стихотворении:

Без союзов язык онемеет
И, пожалуй, сойдет с колеи.
Человечество быть не сумеет
Без народа по имени «и».

Ответ Игоря Ивановича был таков:

Хоть вы избрали, Липкин,
Эзоповский язык,
Читатель без ошибки
В ваш замысел проник.
Итак, выходит, что же?
Вы из чужой семьи?
Вам Родины дороже
Народ на букву «и»?
Не подрывайте корни союза Эс-Эс-Эр,

Где поит вас и кормит
Народ на букву «р».

В сентябре 1982 года в музее Николая Островского прошла встреча с председателем Русского клуба писателей Дмитрием Анатольевичем Жуковым. Он рассказывал о своей книге «На семи холмах», в то время подвергавшейся клеветническим нападкам со стороны еврейских кругов. Особенное неудовольствие талмудистов вызвала позиция Жукова в защиту святыни русского народа Оптиной пустыни. Еврейские критики, ссылаясь на Ленина, называли эту позицию «поповской». На это Дмитрий Анатольевич Кобзев однажды заявил: «Лучше поповской, чем жидовской». Книги Жукова были очень популярны среди русских патриотов, особенно его повести «Огнеопальный» и «Владимир Иванович». В наших кругах Жуков был известен как автор запрещенного советскими властями «антисемитского фильма» «Тайное и явное». На вечере ему задали на эту тему несколько вопросов. Ответы Жукова были для многих из нас откровением. О Жукове ходили слухи, что он является сотрудником КГБ, но это нисколько не портило ему репутацию среди патриотов. Мы знали, что КГБ проявлял к «Памяти» особый интерес, и располагали точными сведениями, кто в наших рядах сотрудничает с этой организацией. Было также известно, что в КГБ идет борьба между патриотами и космополитами. Естественно, члены «Памяти» стояли на стороне патриотов, настоящих борцов за государственную безопасность России, и выступали против космополитов, врагов России. Последних мы стремились разоблачать. Особенно негативное отношение было к «иуде-Бобкову», которого мы уже тогда считали врагом Родины. Бобков посылал на наши вечера своих агентов, а потом докладывал Андропову об антисоветской деятельности «Памяти».

Ноябрь 1982-го. Вечер размышлений по книге В. А. Чивилихина «Память». Книга эта стала настольной для русских патриотов. В ней открывалось величие России, ее героев и подвижников. Публикация книги стала важной вехой в возрождении русского национального сознания, пробудив у десятков тысяч русских людей теплые, благодарные чувства к жизни и деяниям своих героических предков. «Память, — писал Чивилихин, — это ничем не заменимый хлеб насущный, сегодняшний, без коего дети вырастут слабыми незнайками, не способными достойно, мужественно встретить будущее».

На вечере выступали профессор А. Г. Кузьмин, исследователь славянофилов В. А. Чалмаев, поэт Г. Серебряков. Последний

читал стихи о героическом прошлом русского народа — «Стою у поля Куликова», «Боброк», «Мамай», а также стихотворение «Дрозды» (речь в котором на самом деле шла о «жидах»):

Над рябиновым стягом,
Над молчаньем воды
Вновь разбитной ватагой
Закружились дрозды.
Облепили, куражась,
Куст рябиновый весь:
Ненасытная жадность
И завидная спесь...

На вечере было принято решение в воскресенье поехать на могилу историка Татищева и привести ее в порядок. Что и было впоследствии сделано.

В феврале 1983 года в «Телешовке» провели вечер — день рождения патриарха русской реставрации П. Д. Барановского. Выступали все его ученики и последователи. Докладчики сообщили не только о научных достижениях Барановского, но впервые публично назвали тех, с кем ему приходилось бороться, отстаивая памятники. Назывались имена разрушителей исторической Москвы в конце 20-х—30-е годы. Кроме известных имен Троцкого, Кагановича, Хрущева я впервые услышал имена еврейских руководителей НКВД, лично занимавшихся закрытием и уничтожением храмов и монастырей, составлением списков православных священников, «подлежащих ликвидации». Имена этих погромщиков и убийц были еврейскими:

Агранов Янкель Саулович, Бак Борис Аркадьевич, Бельский Абрам Михайлович, Даганский Александр Юльевич, Кацнельсон Зиновий Борисович, Радзивиловский Израиль Моисеевич, Симановский Пинхус Шоломович.

Художник Розов, зачитавший имена преступников, выдержав паузу, сообщил, что все они по настоянию Сталина были казнены как «враги народа» в конце 30-х годов. Последние слова были встречены бурной овацией. Действия Сталина все присутствующие оценивали как справедливое возмездие.

После вечера мы собрались в кабинете ответственного секретаря ВООПИК, и Розов показал нам то, чего не осмелился показать всем присутствующим на вечере, — книгу о строительстве Беломорско-Балтийского канала. Зачитал имена еврейских палачей, замучивших там десятки тысяч русских людей, — Френкель Нафтанаил Аронович, Берман Матвей Давидович, Коган и др. Все мы были потрясены услышанным!

Запомнились мне несколько вечеров, так или иначе связанных с масонской темой. Прежде всего это вечер-встреча в марте 1983 года с доктором исторических наук Н. Н. Яковлевым, впервые в советское время рассказавшим об участии масонов в политической жизни России в начале XX века. Многие из нас знали его книгу «1 августа 1914». Отвечая на многочисленные вопросы, Яковлев поведал нам о том, что не смог написать в книге, — о связи масонов с мировой еврейской закулисой, считающей масонство своим оружием. Яковлев рассказал о видном деятеле еврейской закулисы Пинхусе Моисеевиче Рутенберге, являвшемся одновременно крупным масоном и организатором провокаций против царской власти 9 января 1905 года. Рутенберг стоял за спиной Гапона, призывавшего петербургских рабочих идти к царю. Во время этой встречи еврейские активисты и масоны планировали убийство царя.

На вечере «Русь крылатая» (2 апреля 1983 г.) всех поразило сообщение писателя В. Пигалева, доказывавшего, что гибель А. с. Пушкина связана с деятельностью масонов. После встречи Пигалев передал одному из наших активистов ксерокопию книги В. Ф. Иванова «Русская интеллигенция и масонство» (Харбин, 1934). В течение недели мы размножили ее и пустили по рукам.

В книге Иванова был приведен убедительный исторический материал, позволявший автору сделать вывод, что «история русской интеллигенции за последние 200 лет стала историей масонства». Значительная часть самых известных интеллигентов, оказавших пагубное влияние на судьбу России, принадлежала к этой подрывной организации. Масонство выпестовало в своих ложах почти всех российских революционеров и разрушителей русских устоев. Для нас, членов Общества охраны памятников и «Памяти», из книги Иванова следовал важный практический вывод — о необходимости беспощадного искоренения масонства из русской жизни. Антимасонство так же, как и антисионизм, стало важнейшей составляющей идеологии нашего движения.

Интерес к этой теме среди активистов ВООПИК и «Памяти» был огромен. Кроме названных выше двух вечеров, посвященных масонской теме, только в 1983 году прошло по крайней мере еще два известных мне мероприятия.

Одно из них «Память» провела в Доме культуры им. Чкалова 20 мая. Выступал здесь исследователь масонства Владимир Яковлевич Бегун. Чтобы получить его согласие на выступление, активисты «Памяти» организовали его вызов из Минска, где он жил, телеграммой заместителя министра авиационной промышленности. Личность Бегуна вызывала у меня глубокую симпатию, еще больше поражало мужество, с которым он бросал

вызов мощным закулисным силам в правящих кругах СССР. Большую часть вечера Бегун рассказывал о главных положениях своей новой, еще не вышедшей в свет книги «Дети вдовы», раскрывал связь международного сионизма, масонства и «пятой колонны» внутри нашей страны. В ответе на один из вопросов он намекнул на причастность к масонству умершего в 1982-м члена Политбюро М. суслова, что вызвало замешательство в первых рядах зала, где сидели почетные гости Минавиапрома. Впоследствии я встречал Владимира Яковлевича в узком кругу единомышленников, он рассказывал о непрекращающейся травле, которую вели против него еврейские круги. Внезапная смерть Бегуна в 59 лет породила слухи об убийстве. После его смерти остался незаконченный фундаментальный труд о преступной деятельности мирового масонства.

В июле 1983-го в том же Доме культуры им. Чкалова проходил вечер-встреча с журналистом-международ-ником Владимиром Викторовичем Большаковым, подготовившим ряд трудов о подрывной деятельности сионизма и масонства. На этом вечере один из активистов ВООПИК предложил купить у вдовы собирателя книг о масонстве часть его коллекции. Не дождавшись конца вечера, мы направились к ней. Я не пожалел. Литература по масонской теме в те годы была очень редка. У вдовы я приобрел сочинения Пыпина, Пекарского, Т. Соколовской, значительно обогатившие мои знания о масонстве.

Масонский и еврейский вопрос на вечерах «Памяти» в то время поднимался даже тогда, когда он не касался темы вечера. Помню, сколько вопросов о масонах задавали писателям Д. А. Жукову и В. В. Кожинову на вечере памяти поэта Н. Рубцова. Из зала прислали записку с предложением обратиться к правительству «запретить на территории СССР сионистские и масонские организации, квалифицировать их деятельность по статье “измена Родине”. Кожинов, прочитавший эту записку, переждав одобрительные аплодисменты, многозначительно вздохнул...

Вечера «Памяти» будили в сознании многих русских людей теплые, благодарные чувства к жизни и деяниям своих героических предков. «Память» становится одним из важнейших центров пробуждения и развития русского национального сознания. После вечеров «Памяти» русские люди собирались за чаем в своих квартирах, обменивались впечатлениями и редкой литературой. Как ранее в клубе «Родина» и в «Русском клубе», среди членов «Памяти» ходили редкие издания отцов и подвижников Церкви, книги по русской философии, антисионизму, «Протоколы сионских мудрецов». среди членов

«Памяти» зреет понимание еврейского и масонского вопроса в России, многие негодуют по поводу еврейского засилья в СССР. Все больше и больше членов «Памяти» задаются вопросом: как противостоять врагам России, и прежде всего сионизму?

Магнитофонные записи вечеров «Памяти» попадали в самые отдаленные уголки России: записывали их прямо в зрительном зале и затем передавали своим знакомым по всей стране. (Объединение не имело права иметь денежные средства, а их сбор был запрещен, поэтому вся деятельность «Памяти», которая требовала огромных затрат сил, времени и личных средств, проводилась совершенно бескорыстно как организаторами мероприятий, так и их участниками.) Таким образом, патриотическое движение набирало силу, вселяя в народ веру в свою правоту, в возможность перемен, придавало ему ощущение единения нации, собственной причастности и ответственности за происходящее, а порой и мужество, необходимое для отстаивания своих идеалов.

Среди наиболее значительных мероприятий «Памяти», которые повлияли на принятие государственных решений, была постоянная работа по отмене постановления ЦК КПСС о переброске северных рек на юг для орошения земель казахстанских и др. засушливых земель в связи с якобы понижающимся уровнем Каспия. Осуществление этого проекта грозило затоплением и полным уничтожением Русского севера. Ученые: докт. мат. н. с. Я. Лемешев, канд. геол.-мин. н. эколог Ф. Я. Шипунов, канд. геол.-мин. н. С. Н. Чернышев, специалист по подземным сооружениям докт. т. н. Е. М. Пашкин, канд. геол.-мин. н. С. Ю. Жуков, докт. геол.-мин. Н. Е. Подольский, доктор искусствоведения Брюсова выступали на вечерах «Памяти», при участии организаторов объединения написали в Президиум ЦК десятки писем, обращений и статей, опровергавших научную обоснованность проекта, требуя немедленной его отмены. В результате осуществление проекта было отложено, а после провала докторской диссертации его вдохновителя («Память» устроила своеобразную демонстрацию протеста, названную сторонниками проекта «десантом», явившись на заседание научного совета в полном составе) проект был окончательно отменен.

Почти все вечера «Памяти» сопровождались выступлениями русских певцов, музыкантов, фольклорных ансамблей, известных артистов. В моем сознании эти вечера остались как праздник, триумф возрождения русского духа с необыкновенным богатством мысли и талантливости выступающих, с чувством высокого эмоционального подъема и озарения присутствовавших

в зале. Некоторые из сидевших рядом со мной просто преображались, с глаз их спадала пелена. На вечерах они узнавали то, что от них скрывали на протяжении почти 70 лет.

С момента своего возникновения и до 1985 года «Память» была своего рода клубом единомышленников — но не организацией, ставящей своей задачей борьбу с темными силами сионизма и масонства (хотя к выводу о необходимости объединения для такой борьбы мы приходили почти на каждом вечере). Самым главным результатом деятельности «Памяти» в этот период было национальное воспитание сотен русских людей, многие из которых в дальнейшем стали членами патриотических партий и организаций. Активисты «Памяти» создали своего рода рынок русской патриотической, антимасонской и антисионистской литературы, которую можно было по умеренным ценам приобрести для национального просвещения. За короткий период в ксерокопиях появились десятки названий книг и брошюр, которые русские люди расхватывали с жадностью неофитов. Особенным спросом пользовалась литература, рассказывающая о еврейском характере Октябрьской революции, разоблачающая чудовищные преступления еврейских большевиков.

Мне особенно запомнился распространяемый в виде брошюры фрагмент книги некоего Хасана Джема «Масонство в мире и Турции» (Стамбул, 1976). В частности, в ней говорилось: «Роль евреев, масонов и сионистов в советских революциях, будь то революция 1905 года или октябрьская революция 1917 года, чрезвычайно велика. В революции 1917 года из примерно 20 руководящих революционеров почти все были еврейского происхождения, исповедовали идеалы сионизма и состояли в масонских ложах. Так, основатель Красной армии Троцкий, сыгравший не меньшую роль, чем Ленин, в успешном осуществлении советской революции, был евреем: сионистом и масоном.

Триединство — масонство, еврейство, сионизм, которое создало капитализм, обрушило на мир в качестве альтернативы также и большевизм. Евреи, масоны и сионисты и сегодня, превознося то капитализм, то коммунизм, жонглируют двумя этими противоположными мировоззрениями и тем временем проворачивают свои дела».

Далее в брошюре приводился список советских масонов, в котором наряду с настоящими масонами были деятели, явно к ним отношения не имевшие. Эта, для многих первая, информация о масонстве приводила людей в шок.

Чуть позднее еще большую сенсацию среди нас произвела

другая, более серьезная, капитальная книга Дикого «Евреи в России и СССР». Автор ее, опираясь на серьезные источники, нарисовал такую яркую картину преступлений «избранного народа» против России до и после 1917 года, что некоторые участники вечеров «Памяти» призывали к созданию народных трибуналов для гласного суда над все еще живущими еврейскими большевиками вроде Кагановича. Я сам видел людей, готовых лично повесить этого еврейского преступника.

Осенью 1982 года в стенах «Телешовки» судьба свела меня с двумя интересными людьми — бывшим сотрудником внешней разведки Николаем Ивановичем и журналистом-международником Петром Павловичем[31]. Обоим было уже за 60, оба прожили большую часть жизни за границей, много повидали, но сохранили в себе любовь к России — но не советской, а той, какой она была до 1917 года. Первое время я встречался с ними на краеведческих лекциях, проводимых исторической секцией, и на некоторых вечерах «Памяти». По тем специфическим вопросам, которые я задавал докладчикам после лекций, и стал ясен круг моих интересов. Вначале я к этим двум мужчинам относился очень настороженно, ибо знал, что в наших рядах действуют стукачи от Бобкова. В конце 1983 года лед растаял. Петр Павлович пригласил меня и Николая Ивановича зайти к нему. Вместе мы пили чай и обсуждали разные вопросы о масонах XVIII века, рылись в богатой библиотеке хозяина. И как-то незаметно перешли к современным масонам. Именно с этой встречи у меня возникла мысль разобраться в механизме влияния мирового масонства на внутреннюю жизнь России. Помню захватывающий рассказ хозяина о деятельности одной из самых зловещих фигур иудейско-масонской закулисы — еврейском большевике Якове Блюмкине[32], хасиде и сатанисте, не стеснявшемся признавать своего личного участия в массовых убийствах русских людей. Еще до революции он вступил в тайное изуверское общество, занимавшееся ритуальными убийствами христиан. После захвата власти еврейскими большевиками Блюмкин стал чекистом и координатором деятельности большевиков по части связи с тайными антихристианскими обществами. Для борьбы с Православием в стенах ЧК при его участии был разработан бредовый проект использования против Русской Церкви методов воздействия тайных иудейских (прежде всего хасидских) сект и масонских лож. В этом проекте Блюмкину отводилась особая роль. Для поддержания контактов с влиятельными сатанистами и масонами Блюмкин объездил весь Восток, Западную Европу и Америку, завязал тесные отношения со злейшим врагом России Троцким. Для поддержания всех этих контактов еврейские

большевики выделяли Блюмкину огромные средства. В частности, для установления добрых отношений с иудейскими сектами Блюмкину были переданы из Румянцевской библиотеки древние хасидские рукописи. О некоторых своих «подвигах» Блюмкин докладывал лично Ленину, а после того, как тот впал в маразм, — Дзержинскому. В одном из писем к Ленину Блюмкин рассказывал о том, из какого материала создавалась киевская ЧК, ставшая символом невероятных зверств, соединявших тайные иудейские ритуалы с утонченным садизмом. Штат этой организации подбирали из числа еврейских бандитов и проституток. Днем эти «сотрудники» служили в ЧК, а по ночам одни грабили буржуев уже по собственному почину, в то время как другие привычно искали клиентов из «любви к искусству». Петр Павлович считал, что именно через Блюмкина большевики осуществляли связь с Великим Востоком Франции. Постоянно контактируя с видными иудейскими и масонскими деятелями, Блюмкин вообразил себя сверхчеловеком, чуть ли не еврейским мессией. Он считал, что ему все можно и никто не сможет его остановить. Сталин же, с беспокойством следивший за консолидацией тайных иудейских сил, понимал, что если не сумеет их подавить, то лишится власти. В середине 20-х годов он наносит первые удары по тайным иудейским и масонским обществам. На этой волне был схвачен и расстрелян Блюмкин — по официальной версии, за связь с Троцким.

То, что иудейским конспираторам не удалось осуществить в России, свершилось в Соединенных Штатах. Здесь в XX веке официальная, преимущественно еврейская власть срослась с тайной иудейской и масонской властью, став неотъемлемой частью американского истеблишмента.

Николай Иванович был уверен, что ЦРУ США во многих своих операциях в зарубежных странах опирается на масонские ложи. В свою очередь, многие руководители ЦРУ являются крупными масонами. Николай Иванович считал, что вплоть до начала 60-х годов все операции американских спецслужб были малоуспешны. Первой по-настоящему эффективной операцией США против СССР стала интрига ЦРУ и масонских лож, связанная с продвижением на место папы римского многолетнего агента ЦРУ, никому не известного польского архиепископа Войтылы. План был разработан высокопоставленными масонами, сумевшими в 60-70-е годы занять ключевые посты в руководстве Ватикана. Главную роль здесь играл руководитель Ватиканского банка (Института религиозных дел)[33] архиепископ Пол Марцинкус, а также главы конгрегации по делам епископов Себастьяно Баджо и государственный секретарь Ватикана Жан Вийо. ЦРУ, активно

работавшее в Италии и Ватикане с 50-х годов, через свои структуры способствовало укреплению позиций перечисленных выше лиц. Главной задачей операции было «создать знамя для борьбы с коммунизмом» сначала в Польше и Восточной Европе, а затем, воспользовавшись структурами католической церкви, перенести это знамя на территорию СССР. По данным, которыми располагал Николай Иванович, на эту операцию американское правительство выделило больше 100 млн, которые были использованы на «обработку» и подкуп католических иерархов и на создание благоприятного для Войтылы общественного мнения. Конечно, «обработка» иерархов шла не напрямую, а от имени якобы независимых организаций. Через сложную систему созданных ЦРУ «благотворительных» фондов и общественных организаций внушительные средства переводились католическим иерархам, от которых зависело решение вопроса об избрании Войтылы сначала кардиналом, а затем и папой римским.

В самый решающий момент некоторые кардиналы не поддались на уговоры, и вместо Войтылы главой Ватикана был избран патриарх Венеции Альбино Лю-чано — Иоанн-Павел I, который с самого начала выступал против масонского влияния на католичество и высказался за смещение Марцинкуса, Вийо и Баджо. Однако через 33 дня после избрания папой Лючано умер при таинственных обстоятельствах, был похоронен без вскрытия тела, а на его пост спешно избран Войтыла — под именем Иоанна-Павла II.

Укрепив свою власть, Иоанн-Павел II заключил секретное соглашение с президентом США Рейганом о совместной тайной борьбе американского правительства и католичества против России и ее союзников в Восточной Европе. Была разработана совместная программа, в которой расписывались обязанности каждой из сторон. Американская сторона брала на себя финансовое обеспечение подрывных акций против России, осуществляемых совместно католиками и ЦРУ, а Ватикан предоставлял американским «рыцарям плаща и кинжала» возможность использовать инфраструктуру католической церкви в СССР и Восточной Европе, а также привлекать к тайным операциям католических священников в качестве связных, резидентов и содержателей шпионских явочных квартир.

Иоанн-Павел II полностью отменил запрещение католикам вступать в масонские ложи и сам вошел в одну из итальянских масонских лож. В октябре 1983 года итальянский журнал «Oggi» опубликовал фотографию, изображавшую папу Иоанна-Павла II, одетого в соответствии с ритуалом масонских лож и принимавшего участие в масонской агапе с распростертыми

руками, в «цепи братьев», собравшихся за столом. За спиной папы виднелась черная доска с изображением сатанинских символов. В цепочке «братьев» оказался и кардинал Уго Полетти.

С 1983 года вторым человеком в католической церкви стал польский иудей кардинал Лустигер, подготавливаемый в случае смерти Иоанна-Павла II на папский престол. «Приникнув к христианству, — заявлял этот крещеный иудей, — я не отрекся от моего еврейского происхождения. Наоборот, этим шагом я его совершенствовал».

Полученная от Николая Ивановича информация после проверки по другим источникам была использована мною при работе над книгой «Тайна беззакония». сообщая мне эти сведения, он ссылался на открытые западные источники. Полагаю, впрочем, что тут он несколько лукавил. Самого главного Николай Иванович мне тогда не сказал. Для самого важного своего откровения он «созрел» только через десять лет. Оказывается, вся эта информация доводилась до высшего руководства КГБ, но не использовалась им для принятия мер. Вплоть до крушения СССР тайные операции ЦРУ против СССР через структуру католической церкви никто и не пытался остановить. Советская контрразведка как бы закрывала глаза на шпионскую деятельность католических священников, особенно на Украине. Табу было наложено также на разработку поступающих фактов о сотрудничестве папы римского и других высших лиц Ватикана с ЦРУ.

На долгие годы Николай Иванович и Петр Павлович стали моими старшими товарищами, консультантами по вопросам подрывной деятельности против России зарубежных спецслужб, масонства и тайных иудейских организаций. Именно они рассказали мне о существовании секретного Особого архива КГБ СССР, который стал главным источником материалов для моих первых книг о масонстве и сионизме. В начале 90-х годов Николай Иванович познакомил меня еще с некоторыми из своих бывших коллег. Наши отношения мы не афишировали, на лекциях в «Теле-шовке» в присутствии других «острые» вопросы не обсуждали.

После нескольких лет моего знакомства с бывшими разведчиками судьба свела меня с человеком, очень близким им по духу. В нашем институте появился худощавый, подтянутый старик лет под 80 — Афанасий Федорович Бордадын. В своей жизни он побывал на разных важных должностях, одно время даже был ми-нистромпрофессионально-технического образования. Несмотря на хорошую пенсию, он не хотел бросать работу, нуждаясь в постоянном общении с людьми.

Бордадын явно не без сочувствия наблюдал за моим противостоянием еврейской партии. Я чувствовал, что в его душе таилось что-то неизжитое до сих пор, позволяющее нам по некоторым вопросам понимать друг друга с полуслова. В чем состояло это «неизжитое», я понял позже, во время наших откровенных бесед. Еще до войны Бордадын работал заместителем директора Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР (предшественника печально известного Института мировой экономики и международных отношений). Об этом институте он рассказал мне столько интересного, что теперь я очень сожалею о том, что ограничивался лишь отдельными заметками, а не записал его рассказы полностью. Излагаю все, что сумел сохранить и запомнить.

Институт мирового хозяйства, когда туда пришел Бордадын, был, по его словам, «чисто еврейским гнездом». Почти все сотрудники были евреи, они же занимали все руководящие должности. Как только кто-то из евреев уходил или умирал, на его место назначался кто-то из своих, тоже евреев. Существовал негласный список соискателей на должность. Деловые качества сотрудников руководство не волновали, главное, чтобы он был из евреев и знал иностранный язык. Нередко на научные должности, требующие специальной подготовки, назначали литератора, журналиста или переводчика. Поэтому подавляющую часть «научных трудов» института составляли переводы на русский язык журнальных статей из иностранных изданий, которые разбавляли цитатами из «классиков марксизма-ленинизма». О том, что институт выпускает откровенную халтуру, знали и наверху, но его не трогали, так как у его руководителей были серьезные покровители среди крупных еврейских большевиков. Институт возглавлял «махровый венгерский еврей» Е. с. Варга, соратник знаменитого еврейского революционера-палача Белы Куна, повинного в массовых убийствах русских людей в Крыму, с институтом были тесно связаны В. Куусинен, И. Пятницкий (Таршис) и ряд других крупных деятелей так называемого Третьего интернационала, подрывной, преимущественно еврейской организации[34].

среди русских сотрудников института ходили легенды о встречах их руководителей и прежде всего Варги с «пламенными революционерами». Это были «удивительно примитивные, злобные люди». Во время разных банкетов и попоек пик их общения наступал, когда они начинали хвалиться друг перед другом, как «шлепали контру» и «топили попов». Ненависть их к христианской Церкви носила патологический характер и

удивляла даже таких атеистов, как Бордадын. Рассказывали, что, когда Каганович взрывал Храм Христа Спасителя, Варга, узнавший об этом, заранее отпустил сотрудников института, чтобы увидеть это преступление, посмотреть на «нашу победу» — посрамление христианской святыни.

После ареста и расстрела Б. Куна и Тарширса позиции Варги пошатнулись. Зимой 1941 года Бордадын и группа русских сотрудников решаются на опасный шаг — написать о еврейском засилье в институте письмо Сталину: в нем они сообщали о «нездоровой обстановке и семейственности», приводили цифры по национальному составу сотрудников. сам Варга в этом письме как бы не затрагивался, хотя критиковались «свои люди» в его окружении. Этого письма Варга и его люди Бордадыну не простили и направили, в свою очередь, донос на него в НКВД о том, что он якобы занимается восхвалением фашистской Германии. Начавшаяся война остановила разбирательства. Варга снова осмелел, освободиться от «халтурщика» удалось только в 1947 году (правда, в 1945-м была уволена его «правая рука» в руководстве, некто Левина). сам Институт мирового хозяйства был ликвидирован (формально слит с Институтом экономики), большинство «еврейских халтурщиков» уволено[35].Бордадын был свидетелем многих безобразий, которые совершали сионисты против русских людей. В 1943-м было принято решение переименовать киностудию «Мосфильм» в «Русьфильм» с переориентацией ее деятельности только на фильмы русской национальной тематики. «Какой поднялся вой»! Законное стремление русских людей иметь свою киностудию в еврейских кругах объясняли антисемитизмом. Увольнение нескольких бездарных актеров воспринималось сионистами как начало еврейских погромов. Центром сионистской пропаганды в СССР был так называемый Еврейский антифашистский комитет, возглавляемый еврейским националистом Михоэлсом, тесно связанным с американской разведкой, поручившей ему организовать сбор секретных сведений о Сталине, его личной жизни и окружении. При любой власти сбор секретных сведений о главе государства, особенно в период войны, рассматривается как государственная измена. Кроме того, Еврейский антифашистский комитет под прикрытием оказания помощи евреям в разных областях СССР начал создавать подпольные националистические и религиозные организации, также ориентировавшиеся на сионистские центры за рубежом. «Откуда что взялось»? Пламенные еврейские большевики (и прежде всего Михоэлс), декларировавшие «свою безграничную любовь к советской Родине и товарищу Сталину», на самом деле оказались

«пламенными еврейскими националистами», для которых «еврейская солидарность ценилась выше пролетарского интернационализма». Сталин, получив сведения о преступной деятельности Еврейского антифашистского комитета, был крайне возмущен предательством его руководителя. И здесь Сталин проявил человеческую слабость. Вместо того, чтобы наказать преступника по суду (а по советскому закону Михоэлс заслуживал высшей меры наказания), Сталин отдает распоряжение ликвидировать его тайно. «Совершенно очевидно, что в эту тяжелую для страны пору ему не хотелось связываться с “международной еврейской общественностью”, за которой стояла мировая еврейская закулиса». Руководствуясь этими же соображениями, три года спустя он приказал тайно ликвидировать и другого видного еврейского большевика, уличенного в государственной измене, Литвинова[35]. «Впрочем, — заметил Бордадын, — Сталин, возможно, и был прав, ликвидировав изменников тайно. Какую волну антиеврейских настроений вызвали бы публичные процессы над евреями-изменниками. Сталин пожалел евреев!» [36]

ГЛАВА 19

ПАЛОМНИЧЕСТВО ПО СВЯТЫНЯМ РУССКОГО СЕВЕРА. - ОЛОНЕЦКИЙ КРАЙ И ЗАОНЕЖЬЕ. - ЧУДОВИЩНЫЕ ЗЛОДЕЯНИЯ ЕВРЕЙСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ. - СОЗДАНИЕ ЦАРСТВА АНТИХРИСТА. -РИТУАЛЬНОЕ СЖИГАНИЕ ИКОН. - ОСКВЕРНЕНИЕ СВЯТЫХ МОЩЕЙ. - СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ СОЛОВКОВ. - СИЙСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Желание совершить паломничество по святыням Карелии появилось у меня после рассказов Розова на вечере «Памяти». Ужасающие подробности совершенных там зверств, услышанные от него, вызвали у меня сомнения. Однако сведения, которые я собрал, путешествуя по этому краю, превзошли все мои ожидания. Из многочисленных встреч со старожилами, краеведами, музейными работниками сложилась трагическая история этого русского края под властью еврейских большевиков, превративших его в своего рода концентрационный лагерь, где вся жизнь подчинялась тюремной дисциплине, отступление от которой чаще всего каралось смертью.

Мой маршрут по Карелии начался с Олонца, через Петрозаводск, вокруг Онежского озера, Пудож— Вытегра. Далее на Повенец—Медвежьегорск—Сегежу— Выгозеро—Кемь и Соловки. С начала 20-х годов вся территория этого края находилась на особом режиме и подчинялась скорее начальникам лагерной системы, чем обычной советской власти. Десятки лагерей с сотнями тысяч заключенных, располагавшихся на сравнительно небольшой территории, были своего рода царством антихриста, как называли их жившие здесь старообрядцы-беспоповцы. Число заключенных в этих лагерях значительно превышало население самой Карелии. До сих пор мало кто знает, что в результате чудовищных экспериментов еврейских большевиков на Русском севере погибло почти все коренное население этих земель, жившее здесь до 1917 года, а нынешние жители в подавляющем большинстве приехали сюда из других регионов России. Первый удар по коренному населению был нанесен в начале 20-х годов после массовых крестьянских восстаний в этих местах. Были расстреляны тысячи человек, а часть сослана в Сибирь. На их место селили крестьян из Тамбовской и Воронежской областей, родственники которых принимали участие в Антоновском восстании. Большая часть населения Карелии погибла при насаждении здесь глобальной

лагерной системы. Любые протесты против нее мужского населения заканчивались массовыми расстрелами. Огромная массовая зачистка мужского населения Карелии была произведена еврейским начальником ГУЛАГа в 1936—1937 году. НКВД по определенному списку арестовывал от 30 до 50% мужского населения. Забирали без объяснений, в порядке профилактики, ибо коренное мужское население этого края постоянно пребывало на грани восстания. Например, в деревнях Великогубского сельсовета в середине 30-х забрали около половины всех мужчин, и никто из них не вернулся. Краеведы рассказывали мне, что таким образом пострадала почти каждая карельская деревня. Большую часть репрессированных карельских мужчин определяли в местные лагеря, где вместе с русским населением других регионов они становились объектом самых зверских экспериментов.

Зверства, которые творились в северных лагерях, трудно поддаются описанию. Здесь совершались все «казни египетские». Заключенных не только расстреливали и морили голодом до смерти, но и топили в проруби, жгли на костре, бросали в топку котельной, отрезали конечности, зарывали заживо в землю. В беседах со мной многие очевидцы тех событий, краеведы, музейные работники в качестве организаторов этих страшных преступлений чаще всего называли имена Матвея Давидовича Бермана, Якова Давидовича Рапопорта, Семена Григорьевича Фирина, Нафталия Ароновича Френкеля.

Но самым главным среди них в этом царстве антихриста был Берман, возглавлявший систему лагерей с 1930 до 1936 года. Именно на этот период приходятся самые беспощадные репрессии против священников и монашествующих (подавляющая часть их была расстреляна), массовые закрытия и сожжения церквей. Берман — сын еврея, сосланного в Сибирь за уголовные преступления, с детских лет был воспитан в ненависти ко всему русскому. За несколько месяцев на посту председателя глазовской Чека он проявил себя как сторонник «беспощадных чисток буржуазии», с ноября 1918 года занимался организацией карательных отрядов — так называемых особых формирований — в Екатеринбурге, Перми и Вятке, занимавшихся бессудными расстрелами всех противников советской власти. Некоторое время он работал в екатеринбургской ЧК под руководством цареубийцы Юровского. В ЧК, а потом в ОГПУ—НКВД у него сложилась репутация специалиста по карательным операциям. Управляя лагерями, Берман с необыкновенной легкостью «разменивал человеческие жизни». Только при строительстве Беломорско-Балтийского канала от невыносимых условий жизни

и репрессий погибло более 100 тыс. заключенных.

В этот год я проехал вдоль всего канала. Возле его берега сохранилось множество могил. Заключенных «пускали в расход» при любой попытке к бегству. Расстреливали без суда и следствия и тут же закапывали без креста и даже холмика. На месте могилы через полгода земля оседала и образовывалась ямка, по которой можно было определить место захоронения. Когда таких ямок стало очень много, создали бригаду для выравнивания земли. Одна бабушка из этих мест рассказывала мне, какой переполох начался здесь после войны, когда начали углублять канал. Оказалось, что множество могил было устроено прямо на его дне, и когда запустили специальную машину, она стала выносить на поверхность обломки человеческих костей и черепов. Покопавшись в этой земле, можно было найти нательные крестики, маленькие медные иконки, хранившиеся у русских людей, «жидами умученных».

До 1917 года Карелия по количеству деревянных храмов и часовен была совершенно особенным, сказочным местом архитектурных ансамблей, вроде сохранившихся до сегодняшних дней Кижей. После установления здесь лагерного царства антихриста все они были уничтожены. В середине 30-х, скорее всего по указанию того же Бермана, была проведена кампания по разборке деревянных церквей для строительства складов, сараев и бань. Знаменитые Кижи сохранились совершенно случайно. Рассказывают, что в них были устроены особые склады ГУЛАГа.

Наше паломничество по Карелии, древней Олонецкой земле, которую русские люди взялись осваивать еще в X веке, началось с Александро-свирского монастыря, основанного в 1500 году великим русским святым Александром Свирским (1448—1533).

Александр свирский в сонме русских святых занимает особое место. Он единственный из всех сподобился великого откровения Святой Троицы. Будучи иноком Валаамского монастыря, по особому велению свыше он удалился в свирские леса, где и произошло явление ему Святой Троицы. Это откровение несло таинственный смысл и было знаком любви Бога к русскому народу. В лице преподобного Александра Свир-ского — русского «новозаветного Авраама» — сама Святая Троица избрала русских народом-богоносцем, исповедником истинной веры Христовой. На месте этого события возник чудесный город-монастырь, высоко почитаемый русскими царями и особенно Иваном Грозным. В монастыре воздвигли шесть больших храмов, включая два соборных — Троицы и Преображенский, в котором хранились мощи великого святого. Значение Александра Свирского в русской истории сравнивается со значением Сергия

Радонежского. Учениками Александра Свирского были святые Андриан Ондрусовский, Никифор и Геннадий Важеозер-ские, Александр Куштский, Иона Яшезерский и многие другие подвижники северного края, составлявшие Русскую Фиваиду.

С приходом к власти еврейских большевиков монастыри стали одной из первых жертв злодейского режима. Вооруженный до зубов отряд красногвардейцев захватил монастырь и потребовал от братии выдать им деньги и ценности. Захватив богатства, скопленные братией за столетия, красногвардейцы убили всех монахов во главе с настоятелем. Через год еврейские большевики вывезли из монастыря нетленные мощи святого Александра Свирского и отправили их в Военномедицинскую академию в Петроград. Рассказывают, что всеми этими акциями руководил большевик Ов-сей Герш Аронович Зиновьев (Апфельбаум), диктатор Северной коммуны, фактически всего северо-запада России. По его указанию монастырь был превращен в концентрационный лагерь, просуществовавший, по сведениям старожилов, до начала 50-х годов. Все святыни монастыря были уничтожены, включая келью Александра Свирского, деревянные церкви и часовни. Позднее в монастыре разместили психиатрическую больницу для тяжелобольных. Однако к моему приезду монастырь был уже покинут людьми. Разбитые окна, сорванные двери, ветер в огромных пространствах главных соборов...[37]

Из Александро-свирского монастыря отправляемся к Задне-Никифоровской пустыни, основанной учеником Александра свирского Никифором Важеозерским. На пути у нас древний русский город Олонец (упоминается с 1137 г.), при большевиках он был обезличен, разрушено большинство церквей и колоколен. На месте крепости разбит парк. Возле храма познакомились с монахиней Варварой (в миру Натальей Егоровной Лопской), 81 года. Разрушение города проходило на ее глазах, началось прямо с 1918-го — свою роль сыграла сравнительная близость к Петрограду. В отношении к православным особо сильно лютовал все тот же Зиновьев. Когда началось строительство лагерей, то «зачастили комиссии из жидов, одетых во френчи». Всех священников позабирали, храмы закрыли. В окрестных монастырях устроили тюрьмы. Рассказывали о том, как закрывали Андрусову Николаеву пустынь в 30 км от Олонца на берегу Ладожского озера. Основана она была учеником Александра свирского святым Адрианом (| 1550), восприемником дочери царя Иоанна Грозного. В пустыне было два храма, в одном из которых, Введенском, почивали мощи святого. Для закрытия монастыря приезжал отряд чекистов. Они собрали монахов и

требовали их отречения от Бога. Отказавшихся расстреливали на месте. Все ценности были разворованы, а храмы разрушены. Такая же ужасная участь постигла и другой древний монастырь Олонецкой земли — Сян-дебскую Успенскую пустынь. Она была основана в XVI веке учеником святого Александра свирского Афанасием Сяндебским (| 1550 г.). Святой Афанасий был свидетелем великого чуда явления Александру свир-скому Пресвятой Богородицы. В единственном храме монастыря хранились мощи его основателя. По рассказам монахини Варвары, закрывать пустынь приехали те же чекисты, которые убивали монахов в Андрусовском монастыре, но на этот раз они только выгнали монахов, заявив, что сооружения пустыни переходят к трудовому народу. В течение года ранее процветающее хозяйство монастыря был расхищено, а поля превратились в пустыню, заросшую сорняками. Матушка Варвара вспоминала, как в первой половине 30-х годов в этих местах начальником НКВД был Карп Рафаилович Шершев-ский. Этот лютый зверь заставлял местное начальство составлять планы закрытия последних церквей. сам он занимался охотой на оставшихся священников и монашествующих. По его настоянию было расстреляно практически все белое и черное духовенство, некоторых из них он убивал лично.

Продолжаем путь, дорога петляет. Большие селения вдоль дороги не имеют лица, иногда редкое исключение, как в селе Новинка, где возле двухжирных (двухэтажных) северных домов находится кладбище с часовней. Сворачиваем на Интерпоселок — так сейчас называется Западно-Никифорова пустынь, расположенная на озере Воже в удивительно живописном месте. Дул сильный ветер. солнце ярко освещало узкую полосу песчаного берега, усыпанного камнями, покрытыми мхом, под небольшими соснами. Как и все в этих местах, большевики превратили монастырь в тюрьму. Монахов затолкали в грузовые машины, не дав даже собраться, увезли под конвоем. старожилка тетя Настя рассказывала со слов монахов, что, уезжая отсюда, монахи плакали. После войны в монастыре был лагерь для военнопленных, а позднее интернат для психически больных.

Проезжаем Святоозеро, бывшее когда-то центром округа, на его берегу стояла красивая церковь, уничтоженная большевиками. Обедаем и ночуем у озера в машине. Разговариваем с местными. Корова здесь дает 1200 литров молока в год, а в Финляндии, недалеко отсюда, в сходных условиях — 4000. Есть ли у вас здесь в поселке верующие? Нет. Главная радость в жизни — водка. В кустах пьяная парочка, не замечая никого, пытается совокупиться. У молодца по пьяному делу не получается. Недовольная молодка,

матерясь, убегает.

Несколько дней проводим в Петрозаводске, посещая оттуда на пароходе Кижи и пытаясь разыскать Клименецкий монастырь, расположенный на одном из островов Онежского озера. Монастырь, основанный святым Ионой Клименецким, был полностью разрушен большевиками. По свидетельству местных старожилов, вплоть до начала 1920-х годов на острове сохранялись три больших деревянных храма, обнесенных оградой, обликом похожих на кижские церкви. В одном из них, храме Захарии и Елизаветы, хранились мощи святого Ионы, почитаемого всей округой. Примерно в то же время был уничтожен самый древний в этих местах Палеостровский монастырь на Онежском озере. В конце XVI века основание ему положил святой Корнилий Палеостровский, инок Валаамова монастыря, совершавший здесь чудеса со своим учеником Авраамием. В XVII веке монастырь был захвачен раскольниками, которые пытались в этих местах создать нечто вроде своего государства «древнего благочестия». По легенде, сюда в ноябре 1688 года собралось 2700 человек. Не желая подчиниться царю, раскольники устроили пожар, в котором все погибли. После этой трагедии монастырь был восстановлен и служил до начала 1920-х годов. Большевики превратили его в тюрьму, я же увидел только бесформенные руины, отдельные постройки, ограды из неотесанного камня и отсутствие всякой жизни. Мощи святых Корнилия и Авраамия Палеостровских исчезли, но на берегу озера сохранилась скалистая пещера — место подвигов святого Корнилия.

Вторым после Палеостровского по древности монастырем Олонецкого края был Муромский, расположенный на берегу Онежского озера при впадении в него реки Муромки. Места здесь сказочно живописны. Открывающиеся просторы озера, золотой песок, скалы и валуны в воде, огромные сосны и ели.

Во второй половине XIV века сюда пришел для духовных подвигов греческий монах Лазарь († 1391 г.) из Константинополя. В Россию он был послан просить у святого Василия Новгородского копию иконы Софии Премудрости Божией. Пораженный глубокой верой русского народа, он решил остаться с ним, чтобы служить Христу на северных окраинах России. Рядом с рекой Муром у Онежского озера Лазарю было явление Пресвятой Богородицы, которая благословила его на обращение в христианство живших здесь языческих племен. «Неверные станут верными, и будет одно стадо и один пастырь», — рекла Богородица и передала Лазарю икону. На месте явления возник монастырь, к которому потянулись монахи с разных мест, в том

числе и со святой Афонской горы. Стараниями святого Лазаря Муромского были обращены в христианство все язычники, жившие вокруг монастыря. Более 500 лет монахи Муромского монастыря духовно окормля-ли этот суровый край. К 1917 году среди огромных старых деревьев стояли два высокие храма — Успенский собор и церковь Воскресения Лазаря, а также часовня Лазаря Муромского с мощами святого. Наравне со святым Лазарем монахи почитали и другого своего настоятеля, святого Иосифа (XV в.).

Муромский монастырь пострадал от еврейских большевиков в числе первых. Сразу же после захвата ими власти все имущество было конфисковано. В стенах древней обители возникла коммуна имени Льва Давидовича Троцкого. Как и в других подобных случаях, коммунары, пропив переданное им имущество, разошлись кто куда. По рассказам, некоторое время здесь было одно из хозяйств ГУЛАГа, а после войны дом инвалидов.

Как и в древности, попасть в этот монастырь можно только по воде. Я приплыл сюда на рыбацком катере по реке, текущей среди болот в заросших зыбких берегах. От былого величия остались только огромные деревья на старом кладбище и руины храмов и братского корпуса. сохранявшаяся монахами в деревянном футляре церковь Воскресения Лазаря увезена в Кижи. На месте, где стояла часовня с мощами святого Лазаря, пустота.

Из других поездок по святым местам Олонецкого края, расположенным на его реках и озерах, особенно вспоминаются совершенные творения православного зодчества в Кондопожском погосте (1774), в Космозере (1770) и на Лычном острове (1620). Они представляют собой распространенный на Русском севере тип приходской церкви — монастыря, включающего две церкви и колокольню, окруженные деревянной оградой с красивыми воротами. Из многих сотен таких комплексов сохранились единицы. От комплексов в Кондопоге и Космозере и на Лычном острове сохранилось только по одной церкви, да и то находятся они в аварийном состоянии. Великолепный вид издалека и горькое чувство вблизи, когда замечаешь вездесущие следы разрушений. В этих храмах веками сохранялся русский дух, а сегодня мы ощущаем только пустоту и заброшенность.

Ночевали на маленькой поляне возле Космозера, варили уху на костре, пили чай с рыбаками. Все они неверующие, предлагали купить старые иконы.

До 1917 года храмы в монастырях Карелии сохраняли огромное количество икон так называемого северного письма. Иконы эти были близки новгородской иконописной школе по яркости и энергичности красок, мужественности и ясности

образов и особой декоративности. свои мастерские были у каждого монастыря, иконы писали даже некоторые крестьяне. Из рук в руки передавались составленные мастерами пособия, как писать иконы и готовить краски. Древние центры иконописи находились в Палеостровском и Муромском монастырях. В северных иконах XV—XVIII веков в первозданной чистоте выражены православные чувства русского человека, сердечность и добродушие в отношении мира. Для русских людей образы иконы были особым символическим языком духовного общения, пристрастий, привязанностей, любви к Божьему миру, его гармонии и совершенству. В иконе русский чувствовал себя частью священной истории, искренне поклонялся Христу и его угодникам и так же искренне отвергал все, что Христу противостояло. Особенностью оформления церквей в северном крае было так называемое «небо» — сложная система веерообразно расходящихся досок, врубленных одним концом в стену, а другим в замкнутый круг. В центре «неба», в круге — полуфигура Христа или композиция «Отечества» с тремя ликами Троицы (Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой). Вокруг — Богоматерь и Иоанн Предтеча, ангелы и святые. Космическая картина завершалась четырьмя летящими и трубящими ангелами, по четырем частям света. Восточную стену занимала икона «страшный суд».

После страшного погрома 20-30-х годов от десятков тысяч северных икон сохранилось всего несколько тысяч в фондах музеев. Россия лишилась одной из главных форм духовного общения.

Возвращаясь с Лычного острова, мы расположились на ночлег возле когда-то знаменитого на весь мир водопада Кивач, воспетого великим Державиным. Знаменит Кивач был до середины 1930-х годов, когда большевики приказали взорвать его, чтобы сделать лоток для лесосплава деревьев, заготавливаемых заключенными. Из могучего водопад превратился в заурядный, но все равно впечатление производит.

Дальнейший наш путь лежал в места, где в XVIII— XIX веках прятались знаменитые на всю Россию старообрядческие скиты. Хотя с тех пор прошло немало времени, дорог здесь не прибавилось. Проехали древний город Повенец, считавшийся когда-то «концом света». После 1917-го из восьми церквей и часовен этого города не осталось ни одной, долгое время Повенец был центром тюремной империи Бермана. Когда-то отсюда по рекам, лесам и болотам лежал трудный путь к Белому морю.

В эти места я ехал с таким чувством, будто они смогут объяснить мне, почему произошел раскол в Русской Церкви,

подорвавший духовное единство русского народа. Старообрядцы были моими предками по матери, и это подстегивало мой интерес к здешним краям. Через песчаные таежные дороги и болота мы с большим трудом добрались до реки Выг. Двести лет назад здесь был духовный центр старообрядцев-беспоповцев поморского согласия. Они отрицали священство и царя и подчинялись только своим наставникам. Читая старинные описания их жизни, мне нравилось, что они вплоть до середины XIX века сохранили здесь древнерусские формы крестьянской жизни. Центр крестьянского царства располагался в селе Данилово, где жил наставник — большак, управлявший всеми скитами, а в 27 скитах на началах самоуправления вели «мирскую» жизнь тысячи старообрядцев. Браки между ними заключались без совершения таинств, тоже наставником. Каждое поселение обладало самостоятельностью: общие дела решались на сходах жителей скита. Труд строился на артельных началах и принципах «Домостроя», как святое дело и добродетель. Работали все от мала до велика — расчищали дремучие леса, поднимали целину, строили дома и многочисленные постройки, ловили рыбу, били зверя. Взяв в аренду 13 078 десятин земли в Каргопольском уезде, крестьяне-старообрядцы построили там свои фермы-«пустыни», активно занялись хлебопашеством и скотоводством. Продуктивность скота и эффективность использования земельных угодий у старообрядцев были одними из самых высоких в России. Выговцы завели свою мукомольную фабрику, а также меднолитейное производство, снабжавшее значительную часть России медными крестами. Не гнушались крестьяне и торговлей — хлебом, маслом, рыбой, звериными шкурами, медными изделиями — в крупных городах России: Петербурге, Москве, Архангельске, Казани, Рыбинске, а также за границей — в Норвегии и других странах. Для торговли они имели свои суда и пристани. Торговых представителей крестьянского царства все знали как честных и порядочных купцов, торговавших товарами высокого качества и, как правило, более дешевыми, чем у других продавцов.

В XVIII — первой половине XIX века крестьянское царство на реке Выг достигло поразительных результатов, став одним из самых цветущих мест Российской империи. Достаточно сказать, что доход на душу населения был в выговских скитах во много раз больше, чем в среднем по России.

Кроме хозяйственных успехов, выговские скиты создали и развивали свои школы, библиотеки, мастерские по переписыванию древних книг, певческое училище и иконописную мастерскую.

Еще в 1694 году на Выге был создан «общежительский» мужской монастырь, основателями которого стали Андрей Денисов и Даниил Викулин. По имени последнего монастырь стал называться Даниловским.

Через 12 лет недалеко отсюда на реке Лексе возник и женский монастырь.

В своей основе старообрядчество было движением за сохранение народных православных обычаев, традиций и идеалов, против принятия правящим классом чужеземных порядков и отказа его от родной старины. На первых порах старообрядцы сумели доказать, каких высоких культурных и экономических идеалов можно достичь, следуя идеалам святой Руси. Однако отрыв старообрядцев от основной части русского народа давал о себе знать с каждым годом все больше, абсолютизировалось старое, отрицалось новое. А самое главное — под влиянием отрицания православного священства и царской власти старообрядцы постепенно превращались в организацию, противостоящую остальной России. Царь и Церковь связывали Россию в одно целое, а у старообрядцев эта связь была утрачена — вместо царя и священников у беспоповцев был наставник, обладавший абсолютной властью. В результате создавалась структура, сочетавшая в себе в организационном плане что-то от протестантизма, что-то от масонства, одинаково противостоящих основам Православной Русской Церкви. К середине XIX века некоторые старообрядческие скиты поморского согласия превратились в своего рода подпольную организацию, подобно социалистам и масонам, противостоящую основам Русского государства, так как выступали и против царя, и против Церкви. Многих смущал незаконный характер сожительства между старообрядцами — мужчинами и женщинами. По указу Николая II обитатели наиболее радикально настроенных скитов были выселены из этих мест, а оставшиеся подчинились Церкви, стали совершать таинства крещения и брака. Царь запретил чинить старые монастырские постройки в Данилове, и постепенно они сами по себе рассыпались...

По дороге на Выг несколько раз встречаем огромные лесовозы, оставляющие в песчаной почве глубокие колеи. Моя машина постоянно застревает в песке, наконец въезжаем в Данилово. Перед 1917 годом здесь стояло около сотни домов, сейчас гораздо меньше. От знаменитого духовного центра старообрядцев поморского согласия остались только почти сровнявшиеся с землей холмики, кладбище, источник, истлевшие фрагменты бревенчатого частокола, покосившийся амбар и дорожки, ведущие к заболоченному берегу реки Выг с живописно

растущими кувшинками и белыми лилиями.

У одного из домов встречаю бабушку Настю. Она рассказывает, что из коренных жителей никого не осталось. Последний свидетель прошлого из старообрядцев, некто Гробов, умер в 1980-м. В деревне все приезжие, верующих нет.

Баба Настя со слов прежних жителей рассказывает мне, что частокол из бревен стоял вокруг всей деревни. По преданию, на месте источника было совершено самосожжение раскольников. Раньше к источнику приходили странные люди молиться. Последние годы никто уже не ходит. В войну в Данилове были военный аэродром и госпиталь. Чтобы отапливать казармы и госпиталь, рощу на древнем кладбище старообрядцев срубили на дрова. Для этих же целей были разобраны часовня и ограда, спилены многие кресты. Пройдя вверх по реке Выг, мы обнаружили остатки старообрядческой мельницы. От монастыря на Лексе не осталось и следа, не сохранилось ни одного из 27 скитов, стоявших в этой округе в середине XIX века. Культура старообрядцев поморского согласия полностью покинула эти места; правда, рассказывает баба Настя, еще в 1950-е годы у некоторых жителей сохранялись литые медные иконы, изготовленные в Даниловском монастыре, их чаще всего клали в гроб, даже неверующим.

Обойдя всю округу, мы зашли в старинное село Чел-мужи, существовавшее здесь еще в начале XVI века, задолго до раскола. В начале XVII века недалеко от этого села, в Толвуе, томилась в ссылке мать основателя династии Романовых — царя Михаила Федоровича. Местные жители старались облегчить ее тяготы и после воцарения ее сына были щедро вознаграждены землями. До 1917 года в селе на берегу Онежского озера стояли две красивые деревянные церкви, окруженные высокой оградой. Погром пережила только одна — Богоявленская (1605). Большевики устроили в церкви склад концлагеря, находившегося в 5 км от Челмужи в Курт-Наволке. Место, которое имело историческое название Боярщина, у заключенных получило название «бабака», рассказывали, что сюда приезжало веселиться со своими наложницами лагерное начальство, оформляя их кладовщицами. Из осквернённой церкви доносились до деревни пьяный визг и выстрелы в потолок и по иконам перепивших начальников.

Заключительным этапом нашего паломничества было посещение Соловецкого и Валаамского монастырей. Для русских людей они всегда были местами особенными.

До 1917 года многие писатели, посещавшие Олонецкие земли и Заонежье, соловецкий и Валаамский монастыри, чаще всего называли этот край большим сказочным монастырем, ибо храм

для всех живших здесь был центром мироздания, а все, что здесь делалось, совершалось во славу Божию.

Писатели, побывавшие на соловках и Валааме, да и во многих других северных монастырях, отмечают их удивительную ухоженность, необыкновенное трудолюбие монахов, сумевших в сложных климатических условиях севера создать настоящие оазисы. Основоположники монастыря — великие русские святые преподобные Герман, Зосима и Савватий — определили

духовный образ жизни (моление и богоугодный труд).

«Труд — дело святое», — говорили монахи, создавая настоящие образцовые хозяйства, выращивая на севере южные фрукты, превращая бесплодную, каменистую землю в цветущий сад, возводя чуть ли не голыми руками сложные инженерные сооружения.

Хочется пересказать впечатление писателя В. И. Немировича-Данченко, побывавшего вместе с богомольцами на Соловках в самом начале XX века.

Монахи с гордостью показывают Василию Ивановичу сооружения соловецких доков.

«— Наши, из крестьян строили, — говорят они.

— А кто наблюдал за постройкой?

— Тоже монашек из мужичков!

— И техников не было?

— Зачем нам техники: у нас Зосима и Савватий есть. Чего не поймем, они наставят!»

И за границей Василий Иванович не встречал сооружения более прочного и красивого. Бока его обшиты гранитом, все до последней мелочи изящно, несокрушимо и удобно. Своими руками монахи построили канал, соединивший доки со Святым озером.

«— Ведь это Святое озеро может иссякнуть?

— Нет, Святое озеро у нас связано каналами с другими озерами. Через Святое озеро и резервуар святого Филиппа в доки идет вода восьми-десяти озер. Мы еще как приспособили: канал, который проводит воду в шлюзы, движет также и машину лесопильного завода!

— Как строился док?

— Днем и ночью строили беспрерывно. Днем богомольцы, под присмотром монахов, а ночью одни монахи, сами. А за всеми работами крестьян монах смотрел!

— Тяжела работа была?

— Нет, многим в это время разные явления были. Подкрепляло это. Мы ведь так: как затомимся — сейчас молитву хозяину обители, ну как рукой и снимет; или псалом хором споем

— и опять за работу».

Немирович-Данченко наблюдает за работой монахов, которые в это время устанавливали в доки пароход. Все это время иеромонах и наместники тянули бечеву и работали наравне с простыми богомольцами. Если в других местах поют «Эй, дубинушка, ухнем», то здесь — псалмы. Понукали ленивых мягко и снисходительно. Не было слышно ни бестолкового крика, ни не идущих к делу советов и замечаний. Все совершалось в строгом порядке.

«— А что, кроме ремонта, в доках делаете?

— Как же, теперь пароход “Надежду” сами здесь соорудили. Винты для пароходов делаем. Скоро и машины станем производить. Дай срок — все будет!

— Ну а с чего наместник работает там вместе с простыми мастерами?

— У нас первое дело — пример. Как гостиницу строили — сам архимандрит камни таскал. Кирпичи на тачках возил. Труд — дело святое, всякому подобает. Не трудишься, так и дела не стоишь!

— Экое богачество, — удивляется рядом крестьянин. — Видимо, что Промыслом Господним все!

— И что чудно, братец мой, никого не приставлено, а все как следовает идет!

— Вот монашек, по-ихнему в больших чинах, — а тоже канат тянет!»

Писатель обошел хозяйственные постройки соловецкого монастыря. Везде чистота, порядок. Работа кипит, но шума не слышно и суеты не видать. Монахи работают рядом с богомольцами, а начальники работ трудятся вместе с ними.

На Соловках мы пробыли восемь дней — достаточно времени, чтобы определить масштабы погрома, совершенного еврейскими большевиками. Спали мы в маленькой келье, в которой стояли вплотную друг к другу четыре узкие железные кровати. В этой же комнате во времена ГУЛАГа жило восемь заключенных. Нары стояли в два ряда. Все сохранившиеся на островах здания церквей находились в аварийном состоянии. Дух концлагеря еще не выветрился. Разговаривали со стариками, сидевшими здесь в начале 30-х годов, которые приехали поклониться безымянным могилам, где лежат их друзья и родственники. Они считают, что здесь убиты сотни тысяч лучших русских людей, цвет нации. Трупы закапывали всюду, стоим у переговорного пункта. Вот здесь, говорит один из стариков, была одна из братских могил. Еще недавно здесь недалеко жил бывший заключенный, случайно спасшийся при массовом расстреле, его закопали живым, а он

сумел выбраться. Считал, что его спасли соловецкие святые. Вернулся сюда помолиться им и остался навсегда.

Самые первые могилы заключенные рыли на монастырском кладбище. На этом месте был построен госпиталь. Когда рыли фундамент, вынимали толстые слои костей. Вырыли яму и бульдозером сбросили кости в нее.

старички дали мне прочитать переписанные на машинке отрывки из воспоминаний бывшего соловецкого заключенного, описавшего первые свои часы пребывания в соловецком концлагере:

«Нас встретил короткий субъект, напоминавший антисемитскую карикатуру из черносотенного журнала. Мелкокурчавый, рыжий, с оттопыренными ушами, вывороченными губами, над которыми нависал мясистый нос. Это был Абраша Шрейдер. В руках его список этапа и палка — “дрын”. Он начал командовать: “По вызову брать вещи и бежать к мачте. Живо!” Первый заключенный со своим мешком поплелся к мачте. Абраша наскочил на него с матерной бранью и ударил дрыном. У последующих прибавилось прыти. Я еле плелся. Но охота пускать в дело дрын скоро

прошла. Вслед за перекличкой нас отвели на ровное место, и Шрейдер произнес “приветственное слово”. Речь его начиналась потоком изощренной матерщины. Был упомянут рот, печень, пупок, горло, сердце. Кто-то из “урок” улыбнулся. Как коршун, налетел на него Абраша и начал избивать...

После паузы он закричал во всю силу своей жидкой глотки: “Вы думаете, это тюрьма, где у вас там разные фигли-мигли?!” Эффектная пауза и вслед: “Это не тюрьма. Это, — еще тоном выше, — концлагерь!”»

Старички показали мне место под колокольней, где проходили расстрелы. Евреев в руководстве концлагеря было много. Старички помнят Эйхманса, Дукиса, Сенкевича, Бухманда. Особенно плохо лагерная верхушка относилась к священнослужителям и «черносотенцам» — так они называли всех, стоявших на русских национальных позициях. Множество духовных лиц и русских патриотов было сброшено с лестницы Секир-ной горы, а также умерщвлено на горе Голгофа. За время существования Соловецкого концлагеря еврейские большевики замучили многие тысячи священников и монахов.

Соловецкий монастырь еврейские большевики закрыли в 1920 — сразу же после упрочения своей власти в этом крае. А с 1923 они превратили его в особую сверхтюрьму, прежде всего для своих политических противников. Неописуемые богатства монастыря были расхищены. Драгоценные древние книги, иконы

и убранства соборов и церквей были вывезены для продажи за границу через американского еврея Хаммера. Только небольшая их часть осталась в русских музеях.

С особым кощунством еврейские большевики отнеслись к святым мощам великих русских святых. Из Преображенского собора (1556 г.) вынесли позолоченный ковчег с частицами мощей святого митрополита Филиппа, из Троицкого Зосимо-Савватиевского собора — увезены в Петроград мощи основателей монастыря святых Зосимы и Савватия, а из церкви Германа — мощи святого Германа и святого Маркелла... Я объехал самые отдаленные места, проплыл по соловецким озерам и каналам, посетил скиты, в которых совершали свой духовный подвиг соловецкие святые, и все время меня не покидало чувство, что земля, по которой я иду, соединилась с мощами сонма святых мучеников, а вода, которую я пью прямо из озера, — смешана с их святой кровью. Непобедимый дух святых мучеников и высшее торжество Православия выражались в особой энергии, которую источала эта святая земля.

Вернувшись с Соловков на материк, мы прошли по побережью Белого моря. До 1917 года эти места были своего рода обрамлением соловецкой святыни, с десятками великолепных деревянных церквей и погостов. Самым значительным здесь был город Кемь (известен с XIV века), древний форпост русского народа на освоенном Севере. Из древностей этого города, сохранившихся в аварийном состоянии, — деревянная Успенская церковь и каменный Воскресенский собор (XIX век). В 30-х годах в Кеми не осталось ни одного священника. С самого основания соловецкого концлагеря в Кеми находилось его управление и пересыльный пункт. Самые важные еврейские начальники концлагеря жили не на Соловках, а в Кеми. В 30-х годах они разрушили красивую деревянную церковь, а на ее месте поставили памятники борцам за революцию или, как выразилась верующая сотрудница краеведческого музея, «борцам антихриста». В 1937 году были отправлены в лагеря члены семей расстрелянных ранее священников.

В обрамлении Соловков видное место занимал также Сумский посад — богатое поморское село, давшее России множество мореходов. Гордостью Сумского посада был «монастырек» — архитектурный комплекс из двух церквей, колокольни и окружающей все строения красивой ограды. Рядом с «монастырьком» стояло подворье Соловецкого монастыря, а поодаль — пристань и склады. «Монастырек» был местом паломничества к мощам почитаемого на Русском Севере святого Елисея Сумского (XV—XVI вв.), ученика преподобного Зосимы

Соловецкого. Почитание святого всеми окрестными крестьянами раздражало еврейских большевиков. Несколько чекистов арестовали и увезли священников, а церковь закрыли. Однако крестьяне продолжали собираться у церкви, стояли на коленях и молились. По решению еврейской власти мощи осквернили, отвезли их в город Беломорск, где под глумливые комментарии показывали комсомольцам-безбожникам. Продолжалось это недолго. Клуб вместе со святыми мощами сгорел. А к «монастырьку» продолжали собираться крестьяне. Местная ячейка безбожников ночью устроила в церквях погром, вытащила и сожгла книги и иконы, хрустальные люстры били об пол, а вскоре деревянную церковь разобрали и продали на дрова. Оставалась вторая, каменная. В ней уже не было икон, окна и двери выломаны, а крестьяне продолжали приходить. Тогда лагерное начальство приказало церковь взорвать, а щебень пустить на строительство дороги. Перед взрывом церкви демонтировали ее мраморный пол, чтобы установить его в одном из зданий управления лагерей. Судно, которое везло этот пол, затонуло.

На месте «монастырька» сколотили бараки для заключенных. От всех древностей в селе остались только старый монастырский амбар да мореходная лодка XVII века. Как выразился один местный старожил, чудом выживший после всех погромов: «Сумский посад сейчас ворона расстрелянная».

Иудейский лагерный смерч, пронесшийся над Беломорьем, не оставил после себя ни одного живого священника или монаха (отступников не считаю), ни одной святыни. Все северные церкви и монастыри были закрыты, подавляющая часть их зданий уничтожена. В великом русском городе Архангельске из 18 церквей и часовен еврейские большевики разрушили 13, в перестроенном виде осталось пять. Взорваны до основания оба древних городских монастыря — Михаила Архангела (XII век — он дал название городу) и Николо-Карельский (XIV—XV вв.). Древние иконы этих монастырей еврейские большевики сжигали «показательным судом», ритуально, на глазах молодежи.

Волна еврейских ритуальных костров из христианских икон и книг прошла через Холмогоры на родине Ломоносова (здесь полностью уничтожены монастырь и 6 храмов) к Сийскому монастырю, одному из главных местных центров православной книжности и иконописи. Основателем Сийского монастыря был святой Антоний Сийский, поселившийся в 1520 году среди лесов и болот на озере, через которое протекает река сия, впадающая в северную Двину. Антоний Сийский был иконописцем. В монастыре был создан выдающийся памятник русского иконописания — Сийский иконописный подлинник с 500

изображениями-прописями, ставшими своего рода школой для многих поколений иконописцев, снабжавших своими произведениями монастыри и даже Москву.

Шли пешком через озера и заросшие болота. В лесу много брусники и малины, этими ягодами долго питался святой Антоний, когда поселился в этих местах. К монастырю пришли вечером. Остановились в деревне напротив монастыря, у бабы Маши. Ведем долгий разговор за чаем. Красота здесь была неописуемая, рассказывала она, хозяйство содержалось в порядке. По праздникам сюда съезжались крестьяне со всех окрестных деревень, некоторые за 100 верст ехали, чтобы поклониться Божьему угоднику Антонию. Много чудес было у его мощей — исцеления, прозрения. При советской власти все изменилось. В начале 20-х годов приехали комиссары, монастырь закрыли, монахов разогнали, а некоторых увезли. Монастырское имущество — книги, иконы — вывозили на телегах в мешках из-под зерна. По ночам по монастырским помещениям «шныряли воры», тащили все.

В числе первых из Троицкого собора пропала главная святыня монастыря — серебряная рака с мощами святого Антония. В пристроенной к южной стене собора усыпальнице в поисках золота вскрыли раку с мощами местных святых Никанора и Исайи, учеников святого Антония, а также игумена Феодосия и старца Паисия. С соборной колокольни сбросили старинные часы и все колокола. Когда их сбрасывали, земля дрожала. Разграбив монастырь, большевики устроили в нем тюрьму для малолетних преступников, затем дом инвалидов, интернат для психически больных детей, потом дом отдыха, а в последнее время пионерский лагерь. Остатки былого великолепия сохранили лишь собор, трапезная, остатки надвратной церкви. Разобрали на строительство дороги и разные хозяйственные нужды колокольню, настоятельский корпус, внушительные стены монастыря.

Окунувшись в озеро, мы пошли спать на сеновал. На следующее утро, еще раз обойдя все окрестности монастыря, я с утешением подумал, что необыкновенную красоту окружающих лесов и озер большевикам не удалось погубить. Она будет залогом будущего возрождения святой обители.

ГЛАВА 20

ПО ТАЙБОЛЕ НА ПЕЧОРУ. - КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ ЛАГЕРНОЙ СИСТЕМЫ. - ПУСТОЗЕРСК - УСТЬ-ЦИЛЬМА. - ПОМОРСКИЕ СКИТЫ. - РАЗРУШЕНИЕ ВЕРЫ

Мы вышли из Архангельска и двинулись по дороге, проходившей рядом с заброшенным железнодорожным путем, который в конце 40-х — начале 50-х годов строили по воле Сталина, мечтавшего оживить эту ледяную окраину России. По его мысли, железные дороги должны были связать Архангельск с Норильском, а в дальнейшем пройти через Якутию на Чукотку. строились большие планы освоить богатейшие ресурсы окраины. После смерти Сталина лысый преемник великого вождя выступил против гигантского имперского проекта, сулившего для России огромные выгоды. Мы двигались вдоль пути несбывшихся мечтаний, проклиная партийных пигмеев, похоронивших этот край. Шли, а больше летели на вертолетах по обширному пространству Русского Севера, именуемого Тайболой, между рек Пинега и Мезень, покрытому хвойными лесами и болотами. С глубокой древности здесь пролегал зимний санный тракт на Печору, летом же эти места были почти непроходимы. Первая большая остановка в Ухте, возле известного еще с XVII века нефтяного района. Промышленник М. Сидоров пробурил здесь первую в Россию нефтяную скважину. Сам город был построен после войны и сохранил облик Сталинского регулярного строительства этой эпохи. Из Ухты через бурые пересохшие болота, небольшие топи и бесконечные леса в Ижму, некогда богатое село с двумя церквями (сейчас обе в аварийном состоянии).

Возле остатков Преображенской церкви встретили пятерых старушек. Они пришли сюда, чтобы прочитать молитвы в день Преображения (было это 19 августа). Все они не русские, а коми. По договоренности с зав. складом (за деньги) им открывают на праздники дверь церкви, где сейчас склад, и они молятся. Рассказывают также, что священника у них нет, последнего убили еще до войны, а «явреев они не знают, но своих антихристов хватает».

В Ижемском районе много оленеводов, но на лето оленей угоняют в тундру. У оленеводов, по местным понятиям, много денег, водку покупают ящиками, закусывают олениной. Здесь много ненцев, которые приняли обычаи коми и называют себя

коми, а многие коми считают себя русскими. Православная Церковь, преимущественно старообрядческая, была здесь главным цивилизующим фактором. Убийства священников, закрытие и разрушение храмов привели к одичанию населения. Главный интерес мужиков — водка. Многие женщины чувствуют себя несчастными. Почти отсутствует культурный фон.

Против Ижмы на другой стороне реки старинное село Мохча с высокой старинной церковью, в которой устроили маслозавод; жуткий запах гниющего молока. Уезжаем от него в Сезябск на попутном «запорожце» с покореженными боками, покрытыми от руки масляной краской для забора, топором вырублен деревянный бампер, передние и задние номера разные. В Сезябске красивая Благовещенская церковь с обезглавленным верхом и разрушенной воинствующими безбожниками колокольней. Здесь склад сельпо, но в день Благовещенья верующим разрешают зайти в бывшую церковь помолиться. Раньше в Ижемской округе стояло множество высоких обетных крестов, видных издалека. В 30-е годы большевики и союзы воинствующих безбожников ездили по деревням с пилами и топорами, валили их на землю, отдавали тем, кто победнее, на дрова. Старожилы рассказывают, что в то время случалось множество пожаров у тех, кто топил печь обетной святыней, а двое слегли и к весне умерли. сейчас в округе остался только один обетный крест в деревне Косель.

Несколько часов идем пешком до села Мошьюги. Перед селом священная языческая роща и лиственница. В центре села обезглавленная церковь (в ней клуб), рядом деревянная трехъярусная колокольня. Поражают монументальные двухжирные северные избы, похожие на крепости. сохранился один дом конца XVII века. Оформление изб аскетично, но они великолепно вписываются в огромные пространства. Каждая такая изба-крепость состоит из двух половин, соединяющихся между собой сенями, вход в сени с крыльца парадной части дома. Пол и окна подняты высоко над землей, внизу хозяйственные постройки.

И снова по ухабистой дороге идем в Щельяюр. Тайга, мелкие тонкие деревья и красивые бело-голубые мхи, ковром застилающие землю. Щельяюр живописно расположен на берегу Печоры среди холмов в том месте, где река сильно мелеет. От большого богатого села сохранилось несколько двухжирных северных изб-крепостей, застроенных с разных сторон советскими бараками. Вдоль главной улицы идут разбитые деревянные тротуары. В одном месте различаем сильно перестроенную церковь Кирика и Улиты (там сейчас клуб).

Старожилы рассказывали, как в этих местах закрывали церкви и часовни, как жгли книги и иконы, верующих людей увозили в тюрьмы. «Край наш, — рассказывали старожилы, — был очень богомольным, но с приходом новой власти за веру стали преследовать и сажать в тюрьму. Местная власть досталась пьяницам и бездельникам, работать они не хотели, а только обирали тех, кто побогаче».

Чем больше я путешествовал по Северу, тем сильнее убеждался в том, что именно здесь Россия дала самый решительный бой антихристу, воплощенному в еврейских большевиках. К началу XX века Русский север в большей степени, чем другие области России, сохранял в себе дух святой Руси. Именно здесь еврейские большевики были особенно безжалостны. Они не только закрыли все церкви и убили священников, но и отравили весь край смрадом концентрационных лагерей. В царское время в этих краях тюрем почти не было, иудейская советская власть создала здесь тюремно-лагерную индустрию по истреблению и пыткам русских людей. Именно в северные лагеря привозили, мучили, а потом убивали сотни тысяч русских священников и монахов. Физическим истреблением священства большевики, как слуги антихриста, не сумели одолеть святую Русь, которая затаилась в душах русских людей. На крови мучеников и страдальцев выросли новые поколения православных людей, для которых борьба со слугами антихриста стала главной задачей жизни. Еврейские большевики, ставившие задачу уничтожения России, на самом деле закалили души лучших русских людей. Возникло новое качество русского человека, выше своей жизни ставящего борьбу с «детьми дьявола».

На Печоре существовало несколько гигантских лагерей: Ухтинско-Печорский (с 1929 г.) — 55 тыс заключенных (1938 г.), Ухто-Ижемский (с 1938 г.) — 37 тыс заключенных (1949 г.), Интинский (с 1941 г.) — 19 тыс заключенных (1948 г.), Воркутинский (с 1938 г.) — 73 тыс заключенных (1951 г.), Печорский (с 1950 г.) — 59 тыс заключенных (1951 г.). Общая численность заключенных этих лагерей была значительно больше свободного населения этого края.

Крестным отцом лагерной системы Печорского края был видный еврейский большевик, профессиональный убийца Янкель Моисеевич Иоссель-Мороз. В Чека он работал с 1918-го, прославился необыкновенной жестокостью. В 1929 году застрелил подследственного и за превышение власти на семь лет лишен свободы и исключен из ВКП(б), но по личному указанию Ягоды был еще в положении заключенного направлен руководить Ухтинской экспедицией ОГПУ, ставшей с 1931 года Ухтинско-

Печорским лагерем. К моменту расформирования лагеря во власти этого преступника находилось 55 тыс. заключенных. В 1938 году Иоссель-Мороз становится начальником Ухто-Ижемского лагеря.

Местные краеведы, ссылаясь на рассказы бывших заключенных, живших в этих краях на поселении, сообщают о его издевательствах и пытках над заключенными из священников и интеллигентов. На глазах священников Иоссель-Мороз стрелял в иконы, спрашивая: «Где ваш Бог?» Выражавших протест он сажал в холодный карцер. Некоторые умирали. Лагерный доктор тут же составлял справку о естественной смерти.

Знаменательный факт. Некоторое время начальником Ухто-Ижемского лагеря сразу же после Иоссель-Мороза был еще один пламенный еврейский революционер Цесарский, бывший помощник Ежова. Этот тоже с особой ненавистью относился к священникам, но, чувствуя скорый арест, беспробудно пил.

«На бескрайних просторах Печоры, — вспоминал бывший заключенный, — эти лагерные начальники чувствовали себя чем-то вроде удельных князей, хозяевами не только лагеря, но и всего окрестного свободного населения. Известие о расстреле двух этих преступников в Москве вместе с Ягодой было воспринято как должное, как справедливое возмездие»...

Свой вклад в разрушение Печорского края внесли и масоны. После 1917 года группа масонов во главе с личным секретарем А. Ф. Керенского Питиримом сорокиным приезжала сюда, чтобы отделить его от России, создав независимое государство Коми. Сам

Питирим Сорокин рассчитывал стать основателем и премьер-министром нового безрелигиозного государства, которое полностью перечеркнет результат освоения этого края русскими. Однако против попытки масонского реформатора создать такое государство выступили сами коми. сорокин со своими сторонниками вынужден был бежать.

То, что в 1920-30-е годы разрушили еврейские большевики, создавалось здесь русскими с XII века. Места эти назывались Югорской землей. В конце XV века строится городок, названный Пустозерском, ставший центром освоения всего Печорского края и портом, связывающим Печору с Сибирью. В XIX веке в Пустозерске было три храма, улицы с двухэтажными деревянными избами.

С XVI века Пустозерск — место ссылки государственных преступников. Пятнадцать лет здесь провел в заключении, а затем был казнен за «хулу на царя» протопоп Аввакум с «соузниками» — Епифанием, попом Лазарем и дьяконом Федором. За покушение

на царскую власть сюда были сосланы боярин Артамон Матвеев, а при Петре I князь Василий Голицын (позднее переведен на Пинегу). В XVIII веке подходы к Пу-стозерску со стороны моря затягивает песком, и городок теряет свое прежнее значение, превратившись в село.

Плывем сюда на катере по Печоре. Крутые берега с поломанными тонкими деревьями. Чувствуется приближение тундры. Селений почти нет, иногда встречаются заброшенные черные избы. Мрачно и сурово. Потом несколько часов пешком по лесу к деревне Устье, а от нее на моторке по Городецкому озеру. Берега заросли невысокой травой, поднялись выше — и вот перед нами то, что осталось от русского форпоста на Крайнем Севере. Еле видны обвалившиеся срубы, упавшие кресты. Крест упал и на месте казни протопопа Аввакума. Ни одной церкви, даже в руинах! В конце 20-30-х годов XX века эти места находились во власти ГУЛАГа. Пустозерск использовался администрацией в хозяйственных целях. Рассказывают, что один из лагерных начальников продал в соседнюю деревню под сарай сруб Преображенской церкви (построенной в первой половине XIX в.).

После того как Пустозерск потерял былое значение, его роль перешла к селу Усть-Цильма, возникшему еще в XVII веке при впадении реки Цильмы в Печору. От своеобразного села, как его описывал Максимов, сохранилось мало. село обезличено. Тон задают советские бараки и поломанная деревянная мостовая.

Деревянная церковь Николая Чудотворца перестроена под клуб, колокольню разрушили, а стоявшую рядом старообрядческую церковь разобрали «на хозяйственные нужды». Усть-Цильма одно из немногих мест, в котором сохранился древнерусский обычай Горка, когда на Петров день 12 июля женщины в старинных одеждах сходятся с пением на лужайке у реки, а все село собирается сюда веселиться, как на праздник. среди песен много было православных духовных стихов. В 20-30-е годы Горку за пение этих песен запретили. Но женщины все равно собирались по домам и пели свои старинные песни. Так как праздник Горки не совпадал с нашим путешествием, то я по совету местных жителей пошел послушать северные песни на дому. Договорились с одной известной певуньей Марфой Николаевной Тирановой, пригласившей своих подруг, а сам я пришел с бутылкой сладкого вина и конфетами. Несколько часов подряд слушали спокойные, протяжные северные песни, без надрыва и резких нот...

В Усть-Цильме сохранилось немало старообрядцев, есть и такие, которые с «мирскими» и разговаривать не хотят, и пить не дадут из своей посуды. собираются они друг у друга, а чаще у

того, «где больше святых (икон)», подолгу молятся. Усть-Цильма с XVIII века стала гнездом раскольников поморского согласия беспоповского толка. Отвергая священников, они предпочитали наставников-мирян, не имевших благодати на проведение служб. Вместо церкви у старообрядцев-поморцев существовал своего рода религиозный клуб. Усть-цильмские раскольники были связаны с выгов-скими скитами. На словах защищая православную веру, поморцы-беспоповцы на самом деле все дальше отходили от нее. То, что я увидел, путешествуя по рекам Цильме и Пижме, было настоящей гибелью веры. И «явреи» здесь в данном случае были ни при чем. Мне рассказывали, что они, напротив, поддерживали старообрядцев в пику православным.

Для старообрядцев поморского согласия места эти считаются священными. Здесь на реке Пижме в начале XVIII века был основан выходцами из Выга старообрядческий Великопоженский скит. В 1743 году в нем затворились и совершили самосожжение 86 человек. Впоследствии скит был восстановлен и закрыт уже в середине XIX века. На этом месте сейчас деревня скитская. Где по реке, где пешком добираемся до Степановской, а через реку уже скитская. Могильники среди рощи, где похоронены старообрядческие мученики, когда-то давно к ним совершалось паломничество. Сейчас полная тишина. Как будто все забыли это место.

Последняя часовня в Скитском стояла на месте самосожжения, но позже была перенесена в Замеженье и перестроена под жилой дом. Старую веру здесь уже мало кто поддерживает, несколько оставшихся старообрядцев собираются для молитвы в амбаре или рядом с ним. Играет у них роль часовни.

Остановились у самой старой жительницы Скитского Феодосьи Федотовны Осташевой, она пригласила своих соседок, а я записывал их рассказы. Вот один из них:

«Царя мы не чтили, так уж повелось издавна, но при царе нам жилось лучше. Молиться нам не запрещали, жили как хотели. Была богатая часовня. Нашу общину поддерживало Преображенское кладбище в Москве, а деньги давал лично богач Рябушинский, также поморского согласия. Наставником общины перед революцией был Ефрем Кирилов, родственник Рябушинского по жене. Кирилов торговал мехом и сильно разбогател. Главной его мечтой было установить свою власть над всей тундрой. Он даже обращался к царю с просьбой продать ему эти земли, но получил категорический отказ. По легенде, Кирилов спрятал в этих местах не только свои богатства, но и часть золота Ря-бушинского, который бежал за границу. Пришедшие к власти

большевики поверили этой легенде. Между Кириловым и большевиками началась война. У Кирилова был вооруженный отряд, а большевики тогда были слабы. Первоначально Кирилов сумел установить свою власть над этим краем. Поговаривали, что он мечтал создать свое старообрядческое государство, вел переговоры с англичанами, получил от них через посредничество Рябушинского оружие и вооружил своих сторонников. Войну с большевиками Кирилов вел несколько лет с переменным успехом, все требовал от них признать его право на эти земли. В 1921 году он был схвачен вместе с двумя своими братьями в деревне Новожиловской. Большевики требовали от братьев, чтобы они отдали золото. Привезли их в Чека в Усть-Цильму, стали пытать. Потом заставили самих выкопать могилы и снова пытали. Обрезали уши, нос, стреляли в разные места, братья золота не выдали, их сбросили в яму и закопали еще живыми».

Золото Кирилова большевики искали все годы советской власти и, говорят, кое-что нашли.

Последним наставником старообрядческой общины в скитском был сидор Нилович Антонов, муж сестры Кирилова, по рассказам, помогавший последнему хранить оружие и золото в тайниках на Умбе. В роли наставника сидор Нилович был самым неподходящим кандидатом. Он плохо знал священное Писание, плохо разбирался в старославянском языке, не мог никого научить читать старые книги. В результате после смерти Антонова никто не мог занять его место по безграмотности.

Феодосья Федотовна и ее соседки наперебой рассказывали мне, какой грешник был их наставник. Читал священное Писание, а по нему не жил. Имел трех жен и множество наложниц, «перепортил» всех своих двоюродных сестер. Много мошенничал и врал. Брал деньги за службу, но не исполнял. Желающих читать по-церковнославянски не учил. Особенно вспоминали они, как Антонов украл у геологов карту с результатами обследования реки Умбы. Начальник партии был за это невинно осужден. Грех этот открылся случайно. По забывчивости Антонов продал старую книгу, в которую была вложена записка с указанием, где спрятали планшет с картой геологов. Незадолго до смерти приезжали из прокуратуры, сделали у него обыск, увезли четыре ящика старинных книг. Одной из женщин он признался, что не верит в Бога. «Бога нет, а есть только пристрастия на земле», — говорил он, склоняя к греху. В очередной раз согрешив, молился, плакал, из глаз текли крупные слезы. Вместе с ним из этих мест для многих ушла вера. «Мы его даже не поминаем — недостоин», — сокрушенно говорили мне бабушки, продолжавшие сохранять свою веру.

Уезжая отсюда, я сделал очень важный вывод — без почитания Царя, Церкви и священства вера жить не может. Только они суть драгоценный сосуд, который сохраняет веру и передает ее потомкам. Уже гораздо позднее, занимаясь изучением масонства, я понял, почему так много старообрядцев вступали в масонские ложи. Без Царя, Церкви и священника они превращают веру в произвол, не зависящий от традиций и благодати, а только от человеческого хотения, «пристрастия на земле» — как сказал последний поморский наставник Пижемского края.

ГЛАВА 21

ЗАВЕРШЕНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ПУТЕШЕСТВИЙ И ПАЛОМНИЧЕСТВ. - ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ. - РИТУАЛЬНЫЙ ПОГРОМ РУССКИХ СВЯТЫНЬ. - УНИЧТОЖЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ СОКРОВИЩ. - РУКОВОДИТЕЛИ ПОГРОМА ЯГОДА И ГУБЕЛЬМАН. - «СОЮЗ ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ» И НКВД. - БЕЗУСПЕШНЫЕ ПОПЫТКИ ОПУБЛИКОВАТЬ РЕЗУЛЬТАТЫ СВОИХ ИССЛЕДОВАНИЙ О СУДЬБЕ РУССКИХ СВЯТЫНЬ

С середины 80-х годов особое место в моих исследованиях занимали вопросы о судьбе русских святынь и памятников. Много путешествуя, опрашивая сотни старожилов в разных местностях России, я пытался докопаться до ответа на вопрос: кто же запустил механизм варварского уничтожения святынь и памятников русского народа?

Первый интерес к этим исследованиям во мне пробудила моя бабушка Поля, которая в разрушениях церквей полностью винила «жидов, извергов антихриста, ненавидящих православных за верность Богу». В ее сознании богоборчество большевиков было отражением ненависти сатаны к Богу. Большевиков она считала представителями сатаны, а разрушение храмов актом «жидовской мести». Она не раз рассказывала мне о погромах церквей и осквернении икон, свидетелем которых была.

В начале 30-х годов бабушка на Рождество приехала в Москву погостить у родственницы. В центре города, у стен бывшего монастыря (на месте которого ныне размещается кинотеатр «Россия»), обвешанного антирелигиозными транспарантами и плакатами, среди сугробов пылали большие костры, вокруг которых мельтешили фигурки людей. Время от времени они подбегали к кострам с какими-то предметами в руках и, показав их окружающим, швыряли в огонь. Доносились возбужденные, даже радостные крики.

сначала бабушка не могла разобрать, что происходит. Только подойдя ближе, она увидела: в костер летели тяжелые старинные книги, иконы, богослужебные облачения, различная церковная утварь. Проходило обычное для тех времен комсомольское мероприятие — антирелигиозный праздник. Руководили святотатством два молодых «жида» с остервенелыми лицами, напоминающими бесовские образины с иконы «Страшный суд».

Юные атеисты, преимущественно подростки и школьники,

тащили из разных мест, в том числе из собственных и соседских квартир, иконы, книги, предметы церковного культа, соревнуясь друг с другом, кто больше принесет. Бабушка вспоминала, как за тулупчик одного подростка цеплялась пожилая женщина, пытаясь отобрать у него большую книгу, но он, оттолкнув ее, бросил книгу в костер. Женщина зарыдала. Многие из людей, проходивших по улице мимо костра, старались не глядеть друг другу в глаза. Из занавешенных окон домов, выходивших на площадь, украдкой выглядывали настороженные лица. В разных частях площади стояли милиционеры.

В родных местах бабушки уже прошли и раскулачивание, и ссылки, и закрытие церквей, но такого она еще не видела. Родственница, у которой она остановилась, закрыв плотно дверь, рассказывала, задыхаясь от слез:

— Древние храмы, простоявшие сотни лет, взрывают и на воскресниках разбирают на кирпич, многих священников сослали, и церкви не служат.

— И некому пожаловаться?

— Что ты, упекут на Соловки. По заводам ходят члены общества «Безбожник» с письмами о закрытии и сносе церквей. Не подпишешь, о тебе сразу сообщат в НКВД!

Этот рассказ бабушки я вспомнил, когда начал путешествовать. Во многих местах, где я был, старожилы рассказывали похожие истории. Материалов о погромах русских церквей у меня собиралось все больше.

Однажды, изучая подшивки газет «Правда» и «Известия» для моей работы «Россия во времени и пространстве», я натолкнулся на целый пласт статей о погромной деятельности еврейских большевиков.

Приведу некоторые цитаты:

«Правда», 8.01.1930: «В фабричном и городском районах Твери с большим успехом прошли антирелигиозные карнавалы. На “Пролетарке” в карнавале участвовало 7 тысяч человек. сожжено свыше 1000 икон».

«Правда», 15.01.1930: Руководство органа по государственной охране памятников сообщает, что оно «постановило 11 января 1930 года снять с учета около 6000 памятников искусства и старины (из общего числа около 8000), из коих до 70 процентов являются памятниками церковной архитектуры».

«Правда», 22.01.1930: Восторженный репортаж еврейского публициста Мойши Фридлянда (псевдоним — Михаил Кольцов) о разрушении Симонова монастыря: «Закладывают пироксилиновые шашки в стене симонова мужского ставропигиального, первого класса монастыря в Москве… А потом грохот… менее сильный,

чем ожидалось. столб, нет, не столб, а стена, широкая, плотная, исполинская, черная стена медленно вздымается и еще медленнее сползает в просветлевшем небе. Еще один удар — стена опять густеет и долго не хочет растаять.

Чистая, до блеска белая, острая горка круто подымается вверх. Тянет взбежать по ней. Нет, это замечательно! — собор раздробился на совершенно отдельные, разъединенные цельные кирпичики. Они лежат как горка сахара-рафинада, слегка обсыпанные известковой пудрой, годные хоть сию минуту для новой постройки! Они звонко ударяются друг о друга под ногами, как разбросанные жесткие кубики. Из них, из освободившихся молекул старого будет построено трудящимися нечто новое, другое, не крепость для князей церкви, а дворец для самих трудящихся.

В шестую годовщину, в ленинскую ночь, большевистская партия заложила новую смену пироксилиновых шашек. Под старую деревню. Под остатки ее бесчисленных маленьких капиталистов. Между самых глубоких корней ее старого уродливого уклада — для того, чтобы на ее месте создать новый, общественный, социалистический.

И пятнадцатый съезд уже за поворотом, мы идем открытым морем дальше, на встречные огни шестнадцатого. Новые взрывы, и с ними взлетает, отрывается от земли целый класс, доселе живучий и крепкий, как стены этого монастыря!»

«Пора убрать “исторический” мусор с площадей, — звучит погромный призыв в газете «Вечерняя Москва» (27.03.1930). — Улица, площадь не музей... И это место должно быть очищено от все еще засоряющего его векового мусора — идеологического и художественного». «Новое городское строительство за последнее время очень часто наталкивается на необходимость сломки тех или иных построек, находящихся под охраной соответствующих органов, как исторические памятники архитектуры и зодчества. На этой почве происходит много недоразумений, заключающихся главным образом в том, что “исторические памятники”, часто незаслуженно претендующие на “постоянное бытие”, не дают возможности развиваться городскому строительству» (Известия, 25.05.1927).

Изучив множество документов эпохи революции и 20-30-х годов, я пришел к выводу, что разрушение исторических памятников не было делом отдельных некультурных одиночек, но частью большой программы уничтожения духовных святынь русского народа, которого еврейские большевики — носители иудейского менталитета, решили превратить в раба. А раб не должен иметь своей культуры и своих святынь. Еврейский

менталитет сформирован на догмах Талмуда, требующих от еврея уничтожения и посрамления храмов и святынь всех других народов, особенно христиан, именуемых гоями и акумами.

В начале 80-х годов в моих руках появился чудовищный документ иудейской идеологии, сокращенный свод основных законов Талмуда «Шулхан-арух». Один из законов Талмуда гласил: проходя мимо разоренного храма акумов, каждый еврей обязан произнести: «Слава Тебе, Господи, что Ты искоренил отсюда этот дом идолов». Когда же еврей проходит мимо еще нетронутого храма, то он должен сказать: «слава Тебе, Господи, что Ты длишь свой гнев над злодеями». Когда еврей видит хорошо выстроенные дома акумов, то он должен говорить: «Дома надменных разорит Господь», но когда он видит развалины дома акума, он должен произнести: «Господь есть Бог отмщения».

За более чем 2000 лет существования Талмуда это погромное отношение к святыням христиан стало частью национального сознания наиболее радикальных элементов «избранного народа»[38]. Буквально с первых месяцев прихода к власти еврейских большевиков в стране начинается массовый погром христианских святынь. Уже в конце 1917 — начале 1918 года закрываются и подвергаются ограблению первые церкви и монастыри. Превратив Кремль в штаб борьбы с православной Россией, Ленин, воспитанный матерью-еврейкой, приказывает закрыть все кремлевские храмы и монастыри, конфискует их ценности. Высказал свое отношение к христианским ценностям и большевик № 2 Троцкий (Бронштейн). Во время наступления на Петроград войск Юденича Троцкий со своими соратниками рассматривал панораму Петрограда со множеством златоглавых церквей. Один из его соратников посоветовал: «Надо бы подвести под Петроград динамиту да взорвать все на воздух». А на вопрос «А не жалко ли вам Петрограда?» ответил: «Чего жалеть: вернемся, лучше построим». Эта погромная идея восхитила Троцкого: «Вот это настоящее отношение к культуре».

В 1921-м по предложению Ленина начинает выходить журнал «Безбожник», ставший идеологическим центром подготовки кадров в борьбе с Православной Церковью. На базе этих кадров создается «союз безбожников», в 1929 году получивший название «союз воинствующих безбожников». Во главе журнала и союза был поставлен старый еврейский большевик Миней Израилевич Губельман (псевдоним — Емельян Ярославский).

Целью «союза воинствующих безбожников», как определил ее сам Ленин, была «пламенная борьба с православием всеми возможными средствами». Возникает не имевший аналогов в мировой истории строго централизованный, управляемый из

единого центра, работающий по единому плану «большевистский штаб» по закрытию и ликвидации православных церквей.

«Союз воинствующих безбожников» работал в тесном сотрудничестве с НКВД. Все основные руководители НКВД в центре и на местах по должности входили в его Совет. Енох Гершенович Ягода (Иегуда) и Янкель Саулович Агранов — руководители НКВД — состояли в Центральном совете «Союза воинствующих безбожников». соответственным образом в члены советов областных организаций безбожников входили руководители областных отделений НКВД. По данным сводок союза, «хорошо проявили себя в борьбе с религиозной контрреволюцией следующие товарищи: начальники Горьковского НКВД Зильберман, Погре-бинский, Израиль Дагин; начальники НКВД саратовского края Израиль Леплевский, Мойша Дименгман; начальники НКВД Воронежской области Дукельский, Мойша Шенкман; начальники НКВД Тверской области Яков Дейч, Вениамин Мойсыф; начальник НКВД Куйбышевской области Семен Соломонович Берричевский».

В задачи погромного «союза безбожников» и НКВД входили:

— подготовка «митингов» трудящихся, на которые выносились резолюции о закрытии и сносе церквей;

— сбор подписей под заранее заготовленными «письмами трудящихся», якобы призывающими закрывать и сносить церкви, сбрасывать колокола, причем сведения о лицах, которые отказывались подписываться, передавались в НКВД;

— организационная работа по подготовке взрывов и разборке памятников архитектуры и истории;

— проведение антирелигиозных праздников и карнавалов с издевательствами и избиениями верующих, разведение костров из книг и икон и др.

Члены «союза воинствующих безбожников» лично снимали колокола, срывали кресты, разбивали и уничтожали иконы и книги. Зачастую такая «работа» привлекала в общество большое количество опустившихся и деклассированных элементов. Во многих случаях во время закрытия и уничтожения церкви устраивались грабежи. Тащили все, что можно, — предметы богослужения, ризы и облачения, до безобразия напивались церковным вином, выламывали для продажи печи и полы и многое другое.

«Союз воинствующих безбожников» строился по военному признаку, разбиваясь на большое количество ячеек, отрядов и групп. В 1923 году численность Союза достигала 1 млн человек, а к 1941 году — 3,5 млн, или 96 тыс первичных ячеек.

Руководящий костяк и основной актив погромной

организации состояли из евреев. Большая часть погромных элементов рекрутировалась из городской молодежи. Крестьян и рабочих среди безбожников было мало. На 2-м съезде безбожников из 920 делегатов было 575 служащих и учащихся, 264 рабочих и 109 крестьян[1].

Для подготовки кадров аппарата «Союза воинствующих безбожников» были созданы центральные, краевые и областные антирелигиозные курсы. Работники аппарата, ведущие групповую и индивидуальную агитацию, получали подготовку на специальных совещаниях и в семинариях.

Союз издавал массовым тиражом целый ряд газет и журналов: газету «Безбожник», журналы «Безбожник», «Антирелигиозник», «Воинствующий атеизм», «Деревенский безбожник». Главным редактором всех этих изданий был Губельман.

Одновременно существовало акционерное издательское общество «Безбожник», выпускавшее сотни названий пропагандистской и методической литературы. В большинстве крупных городов было создано более 40 антиправославных музеев.

В функции членов аппарата Союза входила подготовка фальшивых «писем и ходатайств трудящихся» типа — «пора покончить с религиозным дурманом», «требуем закрытия», «считаем необходимым использовать для производственных целей или на стройматериалы».

Вот один из образцов «ходатайств трудящихся», сфабрикованный погромщиками:

«Мы, жители села такого-то, ходатайствуем о закрытии церкви такой-то. Новая жизнь, открывшаяся перед нами при советской власти, не нуждается в религиозных предрассудках. службы, проводимые попами в церкви, есть обман, затуманивание голов трудящегося народа. Протестуя против религиозного обмана и всяких выдумок духовенства, трудящиеся села обращаются в райисполком о ликвидации церкви и передаче для культурных нужд жителей села (для использования кирпича для строительства колхозного коровника).

Подписи трудящихся».

В городах тоже подготавливались письма и ходатайства, собирались большие митинги, но здесь кроме этого для имитации «воли народа» использовались газеты. От имени трудящихся и членов «союза воинствующих безбожников» в газетах появлялись откровенно погромные статьи.

Вот пример, найденный мною в газетах того времени. Ярославская газета «северный рабочий» от 18 февраля 1932 года:

«Подлинно социалистическим городом, а не музеем церковных древностей, должен стать Ярославль.

Очистить площади и улицы города от “Варвар великомучениц”, “симеонов столпников” и других церквей.

Ярославская общественность во главе с “союзом воинствующих безбожников” призывает к сносу с советской пощади, имеющей административное значение для Ярославля, церкви Ильи Пророка.

Мы требуем сноса церкви Всех святых, находящейся в середине Комитетской улицы и ломающей ее. По тем же соображениям требуем сноса на Советской улице церкви Варвары великомученицы, Симеона столпника около школы Карла Маркса, церкви Николо-Надейного и церкви около пединститута.

Мы требуем очистить весь берег Которосли и Волги от всех церквей и сноса Успенского собора — Михаила Архангела[39].

Члены горсовета Союза воинствующих безбожников (фамилии) Представители рабочих (фамилии)».

Во время митингов и собраний трудящихся активистами СВБ составлялись протоколы собраний «трудящихся», которые служили дальнейшим основанием для погромных действий.

«Протокол общего собрания рабочих ремонтно-тракторной мастерской Ярселькредсоюза от 5.10.1929 года. Присутствующих 10 человек (фамилии).

***Слушали:** тов. Ковалев информирует собрание, что в связи с переходом на непрерывную рабочую неделю и 3-хсменностью предприятий, рабочему отдыху будет мешать колокольный звон и, к тому же, наша страна нуждается при индустриализации в цветных металлах, а они висят, не принося никакой пользы. Тов. Ковалев предлагает поднять кампанию по прекращению колокольного звона во всех церквях г. Ярославля и сноса таковых на индустриализацию страны, что уже провела в своем решении районная конференция безбожников 1-го района г. Ярославля.*

***Постановили:** заслушав доклад тов. Ковалева, общее собрание приветствует мысль о закрытии колокольного звона и передачу колоколов на индустриализацию страны, со своей стороны предлагаем обратиться через печать ко всем рабочим г. Ярославля с призывом о поддержке, а райсовет безбожников просим ходатайствовать перед вышестоящими инстанциями о поднятии вопроса о прекращении колокольного звона и передаче их на индустриализацию страны.*

*Председатель **В. Ковалев** секретарь (подпись неразборчива)».*

В помощь погромщикам выходили книги и статьи. Так, при

проведении кампании по снятию колоколов издательство «Атеист» в 1928 году выпустило в свет книгу профессора Гидулянова «Церковные колокола на службе магии и царизма».

Заслуживает внимания реклама этой книги, опубликованная в журнале «Антирелигиозник»: «Вопрос о прекращении колокольного звона, о снятии и полезном использовании колоколов привлекает к себе внимание советской общественности. Поэтому всякая книга, способствующая его освещению, заслуживает внимания. Книга П. В. Гидулянова написана с практической установкой. Она дает необходимые факты пропагандистам-антирелигиозникам, которым предстоит быть застрельщиками в движении за снятие колоколов, охватывающем все большие слои трудящихся. К числу таких факторов следует отнести статистические данные о колоколах в СССР и за границей. Оказывается, что в нашей стране не только без пользы, но и с вредом, служит религиозной агитации, пропадает в колоколах около двух миллионов пудов ценнейших металлов: меди, олова, цинка. Профессор Гидулянов указывает и практические пути использования колокольного металла: имеющие художественную ценность колокола могут дать валюту, так как за границей они в цене, а обыкновенные дадут дефицитные металлы».[40]

Запланированное закрытие и уничтожение церквей, снятие колоколов, уничтожение церковных художественных ценностей пытались представить как действия стихийные, проводящиеся по единодушному требованию трудящихся. В погромном журнале «Антирелигиозник» отмечалось: «В ряде сел церкви закрывались немедленно по вынесении постановления сходов о закрытии, так как противников закрытия почти не находилось или вовсе не было»[41]. Конечно, это была наглая, чудовищная ложь, под знаком которой проходила вся деятельность «союза воинствующих безбожников». На самом деле повсюду существовало постоянное сопротивление русских людей погромным актам союза. Опросы старожилов, проведенные мною во многих городах и селах, показали, что подавляющая часть русских противостояла закрытию и разрушению церквей. Однако те же старожилы отмечали, что протесты очень быстро подавлялись с помощью милиции и НКВД.

Закрытие и уничтожение церквей, сжигание книг и икон, снятие колоколов часто приводили к серьезным волнениям. В Витебске безбожники бросились закрывать церкви и довели дело до уличного боя. В Нижне-Волжском крае в одном селе прошел слух, что безбожники заберут колокол. Полторы тысячи женщин собрались у него и дежурили несколько суток[42]. Когда проходил

слух, что собираются закрывать церковь, массы людей, как правило, приходили и дежурили у храма, чтобы предотвратить кощунство.

Надругательство над чувствами православных, уничтожение их святынь проходили при полной поддержке и даже подстрекательстве политического руководства страны и органов безопасности. случаи самообороны со стороны верующих, попытка защитить себя от хулиганствующих молодчиков сВБ, как правило, кончались заключением православных, осмелившихся защищать свои святыни, в концентрационный лагерь. Камни, летящие в верующих, идущих с хоругвями и иконами в крестном ходу, оскорбления, уничтожение на глазах православных священных для них предметов (например, сожжение икон на кострах) вызывали взрывы возмущения. Но этого только и нужно был провокаторам из «союза воинствующих безбожников». сразу же появлялись сотрудники НКВД и «шили дело». Устные увещевания хулиганов расценивались как религиозная пропаганда, за которую отправляли в концлагеря, а если уж кто-то из православных, не выдержав кощунств безбожников, давал им физический отпор, то это рассматривалось уже как контрреволюционное восстание, за которое полагался расстрел. Отданным на полный произвол погромщиков миллионам православных разрешали только молчать, а иначе тюрьма или расстрел.

Вот как писали об этом в журнале «Антрелигиозник»: «Когда безбожники в день пасхи объединились для проведения праздника “Первой борозды” в центральном черноземном округе, кулачество, через своих агентов — попов и сектантов, — кое-где восстановило часть населения против безбожников в день праздника. В Дальневосточном крае... был случай, когда над членами безбожной ячейки сБ по наущению попов был учинен самосуд. Виновные (3 человека) приговорены к расстрелу»[1]. Вместе с тем погромщикам порой тоже доставалось. Губельман в одной газете признает, что «на фронте религиозной борьбы у нас немало жертв — убитых, подожженных и т.п....»[1].

Было бы удивительно, если бы этих жертв не было. Отдельные организации безбожников устраивали социалистическое соревнование (даже записывая его в свои обязательства), кто больше закроет церквей и не даст людям праздновать православные праздники.

С самыми яркими эпизодами деятельности «Союза воинствующих безбожников» я сталкивался именно в центральных областях России. По этим областям Ягода и Губельман рассылали особые директивы, которые касались

прежде всего уничтожения святых мощей как «контрреволюционных объектов». С ними еврейские большевики боролись, как с главными врагами.

В Благовещенском Митрофановском монастыре в Воронеже хранились мощи святого Митрофана Воронежского. Этот святой был особенно почитаем Петром I. Святой Митрофан благословил Петра на борьбу с врагами, не боясь порицать его за некоторые западнические акции, унижающие достоинство русских. Однажды святой отказался прийти во дворец Петра, пока на дороге к нему будут стоять скульптуры языческих богов. После смерти святого его гроб нес сам Петр I. «Стыдно нам будет, если мы не засвидетельствуем нашей благодарности сему пастырю — отданием чести. Итак, вынесем его сами». Ежегодно на паломничество к мощам святого Митрофана приходили тысячи людей. Еврейские большевики привели к ним вооруженный отряд. Драгоценная рака святого была украдена, а мощи осквернены. При попытке православных защитить святыню чекисты застрелили несколько человек, а потом вытащили из машины мешки и начали обдирать драгоценности с икон, срывать серебряные ризы.

На всю Россию было известно имя святого Тихона Задонского, замечательного духовного писателя, создавшего такие великие сочинения, как «сокровище духовное, от мира собираемое» (1770), «Истинное христианство» (1776). Его творения «были любимым чтением благочестивых русских людей и имели громадное влияние на русскую религиозную литературу и проповедничество» (монахиня Таисия). К великому святому, жившему в Богородском монастыре в Задон-ске, приходили со всей России, он прославился многими чудотворениями. Еврейские большевики не могли терпеть великой славы святого Тихона, мощи его были осквернены чекистами. Все они, как мне рассказывали старожилы, погибли ужасной смертью от рук своих же соплеменников, а один отравился, выпив вместо водки яд... Серебряная рака, в которой хранились нетленные мощи святого, была украдена. Чекисты и активисты «союза воинствующих безбожников» разграбили церкви и библиотеку монастыря.

С особой ненавистью Губельман относился к подвижникам Православия XIX века, его бесили их духовная борьба против иудейской революции, умелое объяснение талмудической подоплеки учения социалистов. Такие подвижники Православия, как впоследствии канонизированные Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник, уже при жизни были высоко почитаемы, а после смерти поклониться их могилам шли люди со всей России. Это поклонение было в самом деле знаком отрицания иудейской

революции.

По распоряжению Губельмана тамбовская ячейка «союза воинствующих безбожников» организует погром на могиле Феофана Затворника в Успенско-Вышенском монастыре (Тамбовская губерния), в здании обители устраивают свинарник и другие хозяйственные помещения, а в 1938 году по рекомендации того же Губельмана в монастыре организуется психиатрическая больница. Во время своих путешествий я ее еще застал. В главном соборе стояли сотни кроватей, на которых тихо умирали хронические больные, без нормального ухода и лекарств... К святому, создавшему духовные произведения, вошедшие в сокровищницу русской духовной мысли, больше нельзя было прийти и поклониться. Могила была утрачена, и только в 1990-е годы святые мощи были обретены.

Великий православный мыслитель и духовный писатель Игнатий Брянчанинов последние годы своей жизни провел в Николо-Бабайском монастыре (Костромская губерния), здесь он написал свой знаменитый духовный труд «Отечник», здесь он почил. Паломники стали приходить к его могиле еще до 1917 года. Имя преподобного было свято для всех, кто боролся с еврейской революцией. Еще при жизни Игнатия Брянчанинова Николо-Бабайский монастырь превратился в святой город, к которому шли тысячи паломников. Погром святынь монастыря начался после 1917, в 20-30-е годы все храмы были разграблены, а могила Игнатия Брянчанинова раскопана и осквернена. Местные старожилы рассказывали, что чекисты и безбожники выкопали святые кости. После ухода святотатцев православные собрали останки и снова похоронили их. Впоследствии в том небольшом перестроенном храме, в котором лежали под спудом мощи святого, устроили спальню для мальчиков пионерского лагеря. И это детское учреждение я застал во время своих путешествий в середине 80-х годов. От многочисленных построек монастыря и красивейших каменных стен осталось несколько сильно перестроенных сооружений. Опоганен и изуродован был даже весь ландшафт. Место на берегу Волги, которое современники называли одним из красивейших в России, превратилось в пустырь.

Самые крупные погромные акции против Русской Церкви осуществляются в конце 20-х — начале 30-х

годов. «В ближайшие годы, — заявлял Губельман на антирелигиозном совещании ЦК в 1929 году, — нам придется выкорчевать в СССР капиталистические элементы иного порядка, чем в 1917—1921 годах. Если раньше мы имели дело с несколькими десятками тысяч помещиков и несколькими

десятками тысяч капиталистов, то сейчас мы имеем дело... с 3—4 миллионами кулаков, составляющих основной актив современных религиозных организаций.»[1] Ягода, опираясь на установки Ленина и Дзержинского, рапортует о готовности НКВД окончательно ликвидировать Русскую Церковь.

В начале 1929 года за подписью Лазаря Моисеевича Кагановича на места пошла директива, в которой подчеркивалось, что Православная Церковь является единственной легально существующей контрреволюционной силой, имеющей влияние на массы. Этим фактически была дана команда к широкому применению репрессивных мер в борьбе с Православием.

Каганович стал идейным руководителем генерального плана реконструкции Москвы, согласно которому предполагалось уничтожить до 90 процентов православных храмов русской столицы. «При реконструкции города, — писал он в книге «Генеральный план реконструкции города Москвы», — практически возникает вопрос об отношении к памятникам старины. Схема планировки отвергает слепое преклонение перед стариной и не останавливается перед сносом того или иного памятника, когда он мешает развитию города».К 1936—1937 году погромная деятельность «Союза воинствующих безбожников» достигла апогея. Из примерно ста тысяч русских церквей и часовен было закрыто более 95%. Не менее трети закрытых церквей были взорваны и разобраны без остатка, другие осквернены и перестроены. Были сожжены и уничтожены десятки миллионов икон и церковных плит, разбиты и пущены на переплавку около 400 тыс колоколов.

Первым городом, принявшим на себя главный удар погромщиков в силу своего положения, стала Москва. В книге «За социалистическую реконструкцию Москвы и городов СССР» (М.—Л., 1931) Л. М. Каганович писал: «Когда ходишь по московским переулкам и закоулкам, то получается впечатление, что эти улочки прокладывал пьяный строитель... Мы должны знать, где и как строить, проложив ровные улицы в правильном сочетании, выправлять криволинейные и просто кривые улицы и переулки».

Осуществление так называемой социалистической реконструкции Москвы для иудея Кагановича было только поводом уничтожить столицу Третьего Рима, священный центр христианства.

В Кремле были снесены основанные еще в XIV веке Чудов и Вознесенский монастыри, с именем которых были связаны самые замечательные события духовной и государственной жизни России. Собор Чудова монастыря был построен в конце XV —

начале XVI веков. Собор Вознесенского монастыря служил усыпальницей великих московских княгинь, начиная с жены Дмитрия Донского и до Петровской эпохи. По приказу Кагановича в Кремле была взорвана самая древняя церковь Москвы — собор Спаса на Бору, а также любимый русскими царями храм Благовещенья на Житном дворе. На Красной площади взорвали Казанский собор (XVII в.), построенный князем Пожарским как памятник победы над польскими интервентами, а недалеко от него снесены знаменитые Иверские шатровые ворота Китай-города вместе с Китайгородской стеной. Только чудо спасло от погрома храм Василия Блаженного (под него уже готовились заложить взрывчатку). Снесли великолепные храмы — Никола

Большой крест на Ильинке и Успения на Покровке, еще более совершенные, чем сохранившаяся до наших дней церковь Покрова в Филях.

На улице Никольской разобрали Владимирскую церковь, построенную как памятник избавления от татарского нашествия, и небольшую церковь Троицы в Полях, а недалеко от них, в начале улицы Мясницкой, — Гребневскую церковь, рядом с которой захоронены были русский поэт Тредиаковский и ученый Магницкий, создатель первого русского учебника по арифметике.

Полвека строился Храм Христа Спасителя — памятник победы народов России над наполеоновскими полчищами. В его галереях была начертана летопись Отечественной войны 1812 года, а на особой доске выбиты слова: «Да будет сей храм стоять века, вознося славу русскому народу». В создании храма участвовали лучшие архитекторы и художники того времени, в том числе суриков, Маковский, Васнецов, Верещагин, Клодт. Рубильник в положение взрыва перевел сам Каганович.

Всего за 1927—1937 годы в столице Православия было взорвано 150 церквей с колокольнями (без домовых и часовен) и около 1500 исторических зданий, многие из которых были построены выдающимися русскими архитекторами, в том числе Баженовым, Казаковым и др.

В большинстве русских городов было утрачено не менее половины храмов. В Архангельске после сноса сохранилось не более трети памятников архитектуры, из почти тридцати церквей осталось не более шести (из них четыре перестроены). В частности, был разобран Троицкий собор (1709—1765), «один из самых светлых и красивых соборов в России», и два старинных монастыря, один из которых, Михайло-Архангельский с собором XVII века, дал имя городу.

Мать городов русских, Киев, лишился всех самых значительных храмов, в частности, Михайловского Златоверхого

монастыря XII—XIX веков с собором Архангела Михаила, построенным в 1108—1113 годах и украшенным уникальными мозаиками, Никольского военного собора, построенного в 1690—1696 годах архитектором О. А. Старцевым в стиле малороссийского барокко с семиярусным резным иконостасом, готовилась к взрыву София Киевская и Печерская лавра.

Совершая погромы Православной Церкви, враги русского народа одновременно включают в свои планы и разрушение выдающихся архитектурных сооружений, созданных лучшими русскими зодчими.

Из построек великого русского зодчего Василия Баженова после разных «реконструкций» 30-х годов не сохранились в Москве дом Анненкова на Петровке (угол Кузнецкого моста) с красивой угловой ротондой, дом Прозоровского на Большой Полянке, церковь Георгия на Всполье, церковь Спаса в Глинницах на Старой площади; в Липецкой области в Вешаловке великолепные готические сооружения усадьбы Знаменка, в художественном отношении не менее интересные, чем комплекс в Царицыно, а также великолепные усадебные постройки в Баловнево.

Пострадали и творения М. Казакова. В Кремле разобрали Малый Николаевский дворец и готическую палатку Архангельского собора, на Никольской улице — Успенский собор Никольского Греческого монастыря, в Зачатьевском монастыре на Остоженке взорвали великолепный по своей красоте и изысканности собор, на Покровке снесли красивую ротондальную церковь Иоанна Предтечи, на Таганке церковь Воскресения Христова Словущее. Сама могила зодчего, умершего в Рязани, оказалась в 30-е годы на территории предприятия и была утрачена.

В Брянске взорвали собор Свенского монастыря, построенный архитектором Мичуриным по проекту Растрелли.

В Иваново-Вознесенске снесли великолепный пятиглавый спасский собор, украшенный снаружи мозаикой, созданный по проекту Федора Шехтеля. Все в этом соборе — от беломраморного иконостаса с золоченой бронзой до утвари, облачения и живописи — было создано по рисункам выдающегося архитектора-художника. Такая же судьба постигла другие произведения этого архитектора — три церкви в Москве и в селе Балаково на Волге.

В Торжке Тверской области в 1932 году в соборе уничтожили 30 ценнейших картин-икон выдающегося русского художника В. Боровиковского. Такая же участь, только позднее, постигла иконостас работы В. Боровиковского в Покровской церкви села

Романовка Брянской области.

В Хвалынске на Волге разрушили церковь, расписанную Петровым-Водкиным.

В селе Гринево Погарского района Брянской области был утрачен иконостас церкви Троицы, принадлежащий кисти О. А. Кипренского.

Известны многочисленные случаи уничтожения произведений выдающихся русских художников В. Сурикова, И. Репина, Д. Левицкого, В. Серова, М. Врубеля, К. Маковского и других.

При закрытии церквей большая часть икон сжигалась на кострах или разрубалась на дрова. В некоторых местах была организована добыча золота из икон. В частности, свидетели, жившие рядом с Семигородной пустынью в Вологодской области и Аносиным монастырем под Москвой, рассказывали мне, как иконы окунали в чаны с кислотой, на дно которых оседало золото, а затем бросали в костер, где уже горели непригодные для использования в хозяйственных нуждах старопечатные книги. Кстати говоря, массовые случаи сжигания старопечатных книг имели место и при закрытии церквей во времена Хрущева.

В гальваническом цеху подмосковного завода имени Менжинского в 30-е годы наладили новый вид «золотодобычи». Золото смывали с листов обшивки куполов церквей и церковной утвари. Купол Храма Христа спасителя дал 422 кг золота, всего же с московских церквей «намыли» несколько тонн драгоценного металла.

со подобным способом добычи золота еврейскими большевиками я также столкнулся в Дивногородском Успенском монастыре Воронежской губернии. Обитель находилась на берегу реки Дон при впадении в нее реки сосна, в пещерах под огромными меловыми столбами, называемыми в народе «дивами». В этом удивительно красивом, величественном месте в XII веке возник пещерный монастырь, основанный византийскими монахами. В его тесных пещерах я живо ощутил, какое чувство могло владеть монахами, стиснутыми в этих узких пространствах, — замкнутости и вечности бытия, близости к Богу.

старожилы рассказывали мне, что с первых лет советской власти монастырь постоянно подвергался погромам. Насельников расстреливали и уводили в концлагерь, в пещерах искали оружие и штаб контрреволюционной организаций. В 1927 году из Москвы приехала комиссия для устройства в этих красивейших местах санатория для героев революции. Комиссия состояла, по свидетельству очевидцев, «сплошь из жидов», один из которых заявил, что эти места напоминают ему Палестину. Уже летом состоялся первый заезд «героев революции», преимущественно

евреев. Им особенно полюбились эти места. В первый год в здании монастыря сохранялось много церковных сокровищ и икон. Все было разворовано «героями», а чтобы уничтожить иконы и книги, они жгли костры. Старожилы рассказывали, что «герои революции» использовали иконы как мишень в тире, приходили в заброшенный храм пострелять, а один «герой» предложил добывать из икон золото. Притащили большой монастырский котел, заполнили его кислотой и стали окунать в него иконы.

Во второй половине 30-х годов уничтожаются архивные материалы, относящиеся к взорванным храмам и памятникам. Так, была ликвидирована большая часть архивов Оружейной палаты и Патриарший архив. Изымались материалы и Центрального государственного архива древних актов и других центральных хранилищ. Из памяти русских пытались стереть их прошлое.

Ценности закрытых музеев распределялись между оставшимися музеями (помещения которых, впрочем, не позволяли обеспечить нормальных условий для их хранения), передавались в Государственный музейный фонд и продавались за границу или же просто разворовывались.

Огромные художественные ценности России вывозились иностранцами за границу по баснословно низким ценам после уплаты 15-процентного экспортного налога. Целое состояние составило на русских художественных ценностях семейство иудеев Хаммеров. Они вывозили иконы и древние книги вагонами. За ничтожную цену они завладели одним из сокровищ императорского двора — платиновым пасхальным яйцом с бриллиантами, выполненным мастером Фаберже в 1906 году. В начале Второй мировой войны яйцо было продано египетскому королю Фаруку за 100 тыс долларов, что по ценам 1986 года составляло более миллиона.

Шведский банкир иудей Улов Атберг, будучи в 20-е годы в Москве, собрал коллекцию в сотни икон XV—

XVII веков. Уезжая, он получил специальное разрешение Луначарского на вывоз своей коллекции за границу, где выгодно ее перепродал.

Продажа русских икон и художественных ценностей за границу стала постоянным источником пополнения советской казны. Внешнеторговые организации в течение 20-х годов постоянно продавали за границу иконы и предметы церковного искусства, украденные у православных, картины великих русских художников, реквизированные из усадеб и особняков, художественные ценности, изъятые из музеев.

с 1928 года началась распродажа ценностей Государственного Эрмитажа, Русского музея, Третьяковской галереи, других центральных музеев. Распродажей сокровищ за границу руководил Наркомат внешней торговли, возглавляемый А. Микояном. За короткий срок были проданы десятки тысяч русских икон и произведений искусства.

Продажа велась втайне. Ряд уникальных приобретений сделал американский миллионер Э. Меллон. «В результате блестящих покупок Меллона, — писал антиквар Дж. Дьювин, — Эрмитаж лишился величайшей в мире коллекции картин». Были проданы картины Рембрандта, Боттичелли, Рафаэля, Веласкеса, Тициана, Хальса, Веронезе, Перуджино, Яна ван Эйка, Ван Дейка, Шардена и многих других. За картины Рембрандта, Хальса, Веронезе, Ван Дейка и Шардена оптом уплачено 2,6 млн долларов; всего за 21 шедевр из Эрмитажа Меллоном на счета «Нодлер энд компани» переведено 6,7 млн долларов. В 1935 году эти картины стоили 50 млн долларов, вскоре после войны — вдвое дороже, а в середине 80-х оценивались в 350—400 млн долларов.

Можно было бы долго перечислять проданные за границу художественные сокровища — перечень займет многие тома. Следует сказать, что продавалось все, на что находился покупатель, — иконы, картины и скульптура, ковры и мебель, керамика и стекло, художественное оружие и рыцарские доспехи, изделия художественного металла и гобелены, книги и рукописи. Тогда же ушли за границу величайшие святыни — древнейший Синайский кодекс Библии, Новый Завет, переписанный святым митрополитом Алексием, рукописные и древнепечатные книги XIV—XVII веков.

К осени 1987-го я в основном закончил свои путешествия по России. Подводя итоги, дополняя их своими исследованиями источников и архивов, я сумел создать самую общую картину катастрофы, которая произошла в России по вине еврейских большевиков. Святыням и культурным сокровищам России был причинен невосполнимый ущерб, который прежде всего, по моему мнению, был актом мести наиболее радикальных слоев евреев Православию и православным. А если говорить на языке христианской мистики — это было преступление рати дьявола против Бога.

Начиналась «перестройка», и у меня появилось желание донести результаты своих путешествий и исследований о судьбе русских святынь до соотечественников. Так возникла моя большая статья «Путешествие в Китеж-град», в которой я подробно изложил с приведением многочисленных фактов, как «дети

дьявола» совершали погром Православной Руси. Статью я отнес в редакции двух журналов — «Наш современник» и самого известного тогда журнала «Новый мир».

В «Нашем современнике» статью я отдал в руки Сергея Васильевича Викулова. Этот поэт был мне глубоко симпатичен, чем-то он напоминал моего отца, в нем сохранялся дух поколения победителей. Викулов был настоящий русский человек, хотя и прошедший советскую школу, но сохранивший русские (а не советские) патриотические чувства, душевную искренность и какое-то особенно трепетное отношение к Родине, свойственное настоящим русским поэтам. Ждать ответа Викулова мне пришлось около месяца. Наконец мы встретились.

— Если я опубликую вашу статью, мой журнал сразу же закроют, да и мне кажется, вы здесь много преувеличили, слишком все чудовищно и тон слишком церковный.

— Я не преувеличиваю, а наоборот многие факты опустил, чтобы не касаться таких личностей, как Ленин и Дзержинский (в статье я действительно их не затрагивал, всю главную ответственность перекладывая на Троцкого и троцкистов).

— О Троцком и Губельмане вы много интересного рассказали, но все равно эту статью мы опубликовать не можем, слишком она религиозная, с упором на церковь.

Впоследствии в «Нашем современнике» я опубликовал довольно много статей и стал постоянным автором журнала, однако эту статью так и не сумел «пробить». После ухода Викулова с поста главного редактора я предложил статью новому хозяину журнала С. Ю. Куняеву, тот долго ее продержал и тоже отказал без всяких комментариев. По словам одного из сотрудников, Куняеву не понравились чрезмерная церковность и монархизм.

Главный редактор «Нового мира» сергей Павлович Залыгин встретил меня приветливо. Выслушав мой короткий рассказ, заверил меня, что прочитает мою статью сам. Его вердикт после прочтения был таков: материал очень важный, форму и подачу его нужно изменить, полностью убрать слово «евреи», «достаточно оставить только фамилии, они сами за себя говорят». Переписать некоторые части, чтобы не было поводов для обвинения в антисемитизме. статью передали редактору, который должен был подготовить ее к печати. Однако, прочитав ее, редактор, по его собственным словам, пришел в ужас. Статья антисемитская и не может быть опубликована на страницах «Нового мира». Переделать ее невозможно, сергей Павлович главный редактор недавно, он не вполне понимает, что статья не соответствует направлению журнала. Отправившись снова к

Залыгину, я услышал, что он уже в курсе и передает статью другому, более «ловкому» редактору. Этим ловким редактором оказался Александр Гангнус, сводный брат еврейского поэта Евгения Евтушенко. Гангнус общался со мной с ледяной настороженностью, а недели через три дал мне прочитать «отредактированную» статью. Воистину, это был перл иезуитского творчества. Восемьдесят страниц моей статьи он сократил до пятнадцати, полностью убрав все упоминания о роли еврейских большевиков в погроме русских святынь. От себя вставил несколько фраз. В целом получилась статья, перевернувшая мои выводы наоборот. Не еврейские большевики громили русские святыни и культурные сокровища, а сами русские виновны в гибели своих памятников и святынь. статья была перепечатана заново, на бланке редакции. «Поставьте свою подпись, — сказал Гангнус, — мы опубликуем этот материал в ближайших номерах под рубрикой “Из почты читателей”». Я молча забрал свою статью и вышел.

На просторах нашей великой страны начиналась так называемая перестройка. К власти пришли люди, чьи отцы и деды громили Россию в 20-30-е годы. Но об этом я расскажу в своей следующей книге «Перестройка как преступление».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Глава 1

Первое родовое воспоминание. — От Дуная до Волги. — Предки по матери. — Труженики и просветители. — Смерть моих прадеда и прабабушки от рук еврейских большевиков. — Первое известие об антихристе.....14

Глава 2

Вязники и Муромские леса. — Предки по отцу. — Патриоты и богомольцы. — Полотняная и лесная промышленность. — Захват нажитого. — Бегство от еврейских большевиков. — Эпоха Сталина. — Отношение к нему моих родственников... 29

Глава 3

Рождение на Урале в Екатеринбурге. — Крещение у старообрядцев. — Жизнь в Прионежье в Плесецке. — Возвращение в Москву. — Без квартиры и имущества. — Первые открытия. — Первое знакомство с еврейским вопросом..... 45

Глава 4

Увлечение историей. — Поиски библиотеки Ивана Грозного. «Французские могилы». — Исследовательские экспедиции и раскопки. — Первая любовь. — Первая стычка с представителями

«избранного народа» в Одессе и Москве. — Я бросаю школу. — Поступление на работу. — Никитинские субботники — Иудейско-масонское гнездо.....59

Глава 5

Созревание национального чувства. — Осознание духовной брани двух начал — русского и антирусского. — Презрение к Окуджаве. — Восхищение И. Глазуновым, М. Лобановым,

В. Солоухиным, И. Шевцовым. — Тяга к организованным патриотам. — клуб «родина». — ВООПИк.....84

Глава 6

Учеба в Кооперативном институте. — Друзья-наставники. — Наука, история и патриотизм. — Национальное воспитание. — Книги и романтические увлечения.....106

Глава 7

ЦСУ СССР. — Фабрика фальсификаций. — Подготовка документов для политического руководства. — Сионистская партия. — Два мира: русские и сионисты. — Моя научная работа. — Защита диссертации. — Начало подпольных исследований. — Россия во времени и пространстве. — Знакомство с помощником Берии. — Его откровенные рассказы и трагическая гибель.....132

Глава 8

Поездка по Прибалтике. — Латвия, Литва, Эстония. — Симпатия к этим местам. — Столкновение с провинциализмом и русофобией. — Встреча с будущей женой 154

Глава 9

Подведение первых научных итогов. — Понимание сути советской общественной системы. — Социализм как одна из форм развертывания сатанизма.....159

Глава 10

Прощание с ЦСУ. — Поиск новой работы. — Институт труда. — Имитация науки. — М. Г. Мошенский и евреи. — Совхоз «Заветы Ильича». — Исследование масонских гнезд. —

Н. И. Новиков и Авдотьино. — Граф Орлов-Давыдов в «Отраде».....168

Глава 11

Наступление сионизма. — Сионистское подполье в Институте труда. — Два еврейских «гения». — Вечер в ЦДЛ. — Альманах «Метрополь».....187

Глава 12

Размышления о капитализме. — Религиозный характер собственности. — Моя бабушка о еврейских капиталистах. — Талмуд как основа капитализма. — Капитал — это собственность, присвоенная по законам Талмуда. — Либерализм

как ширма для присвоения труда слабых.....202

Глава 13

С поличным в КГБ. — Контора глубокого бурения. — Неблагонадежный и невыездной. — Лучшие русские книги от бывшего каторжника. — Изучение славянофилов. — Славянофильство — первый шаг к Святой Руси.....216

Глава 14

«Прохиндиада» академических институтов. — Гнезда измены и предательства. — Арбатов и Институт США и Канады. — Агенты влияния и шпионы. — Доклад о СОИ в поддержку Америки.....228

Глава 15

Мои путешествия. — С рюкзаком по Северу. — Мезень. — Пинега. — Каргополье. — Онега. — Белое море.....240

Глава 16

Общество охраны памятников. — Общественная инспекция МГО ВООПИК. — Друзья и соратники. — Борьба за памятники. — Антирусское наступление. — Андропов против патриотов. — Старец Филофей. — Осознание великой миссии русской монархии.....258

Глава 17

Путешествие по Русской Фиваиде. — Колыбель русского духа. — Отечественные исихасты. — Судьба северных монастырей. . 285

Глава 18

Золотое время «Памяти». — Посещение ее вечеров. — Праздники русского духа. — Знакомство с бывшим советским разведчиком. — ЦРУ, масоны и папа римский против

России. — Еврейские тайны Института мирового хозяйства. — Еврейские большевики как государственные изменники. — Сталин пожалел евреев.....309

Глава 19

Паломничество по святыням Русского Севера. — Олонецкий край и Заонежье. — Чудовищные злодеяния еврейских большевиков. — Создание царства антихриста. — Ритуальное сжигание икон. — Осквернение святых мощей. — Святая земля Соловков. — Сийский монастырь.....334

Глава 20

По Тайболе на Печору. — Крестный отец лагерной системы. — Пустозерск. — Усть-Цильма. — Поморские скиты. — Разрушение веры.....358

Глава 21

Завершение десятилетия путешествий и паломничеств. — Подведение итогов. — Ритуальный погром русских святынь. — Уничтожение культурных сокровищ. — Руководители погрома

Ягода и Губельман. — «Союз воинствующих безбожников» и НКВД. — Безуспешные попытки опубликовать результаты своих исследований о судьбе русских святынь.....369

notes

Впрочем, в отношении других Кузнецовых я это утверждать не могу, проследить их судьбу мне не удалось. Известно только, что другой сын Василия Егор (г.р. 1857) имел четырех сыновей.

2

Перед конфискацией бабушке удалось вывезти настенные часы, кое-что из семейной мебели — стол на витых ножках и два кресла, а также чемодан с полотном и вышивками, которые производились на родительской фабрике. Сейчас все это хранится у меня.

3

Тогда он еще носил имя палача русского народа Янкеля Свердлова — Свердловск.

4

В 90-е годы это здание было передано замечательному русскому художнику-патриоту Илье Сергеевичу Глазунову. В нем он создал Академию живописи и ваяния.

5

Маркиш Э. Столь долгое возвращение. Тель-Авив, 1988. С. 337—338.

Там же.

Об этом Солоухин рассказал мне в середине 90-х годов. Он очень боялся, что у него обнаружат эту книгу, и отвез ее на сохранение в сША, передав архиепископу Антонию в Лос-Анджелесе, завещав опубликовать ее в случае своей смерти. Писателю удалось издать ее при жизни в 1995 году.

8

Здесь и далее рассказ о деятельности И. М. Шевцова дается в изложении самого Ивана Михайловича. Впервые опубликован мною в энциклопедическом томе «Русский патриотизм» (М., 2003).

Мне известны имена некоторых из них, несколько человек еще живы и пользуются заслуженным авторитетом в патриотических кругах, доказав своей жизнью приверженность русскому делу.

10

Бобков возглавил службу безопасности международного афериста В. Гусинского. Продолжал собирать досье на русских патриотов.

11

Впоследствии я получил подтверждение этим данным из уст еще одного хорошо информированного источника — бывшего помощника Берии Людвигова.

12

Маркиш Э. Столь долгое возвращение. Тель-Авив, 1989. С. 343.

13

Через несколько лет Кудрова убрали из Института США и Канады. Незадолго до этого у меня был с ним интересный, еще более откровенный разговор касательно «публики», составлявшей костяк института. В этих откровениях были боль и желчь.

14

Через тридцать лет, когда мои книги стали достаточно известны, ко мне с требованием «жуткой конспирации» пришли два пожилых еврея и сообщили, что готовы передать мне секретные документы о ядерной программе Израиля и об участии в ней американских специалистов. Они сообщили, что не разделяют сионистской идеологии Израиля и видят в ней беду для всего еврейского народа. Материалы эти я брать у них не стал, а рекомендовал ходокам обратиться в российские компетентные органы. сделать это они отказались, потому что им известно, что «там полно наших сионистов».

15

В 1992-м Бобков уволился из КГБ и возглавил спецслужбу одного из руководителей международного сионистского движения, президента сионистской организации «Российский еврейский конгресс».

16

Впрочем, не следует думать, что отношения в сионистской среде складывались безоблачно. Там тоже были свои свары. Например, свара между Владовой и Коробчинским, который сообщил в КГБ, что Владова поддерживает отношения с Яновым. После этого случая они несколько лет друг с другом не разговаривали, а потом, как будто ничего и не было, снова подружились.

17

Журнал этот, выпускаемый Максимовым, имел нескрываемый местечковый душок. Его часто обсуждали институтские сионисты. По признанию самого Максимова, журнал, впрочем, как и многие книги, выходил на средства ЦРУ (Завтра. № 3. Январь 2001).

18

Я дружил с одной девушкой, за которой он безнадежно ухаживал. В силу своей внутренней испорченности Коробчинский считал нас любовниками и люто меня ненавидел и как русского патриота, и как соперника. Рассказывали, что его не раз заставали, когда он шарил по чужим столам. Видимо, в тот злополучный вечер он сунул свой нос в мой стол и сообщил кому следует о своей находке.

19

Институтам ИМЭМО и ИСКАН предшествовал менее известный Институт мирового хозяйства и мировой политики (1924—1927), возглавляемый видным еврейским большевиком Варгой, превратившим учреждение в сионистское гнездо, в антирусский центр. В середине 80-х я познакомился с зам. директора этого института и получил от него много интересных сведений (см. главу 18).

20

Самое чудовищное состояло в том, что все эти «корифеи» получали звания академиков АН СССР, подтверждая тем самым, как низко пали настоящие российские академики, проголосовав за включение в свои ряды этих «ученых».

21

Хотя отдельные разработки велись и раньше.

22

Институт США был сформирован по предложению Андропова, он же предложил на пост директора этого института своего бывшего сотрудника по ЦК КПСС Арбатова. С тех пор Андропов был своего рода крышей для всех тайных операций против России, которые проводились в стенах этого института.

23

Arbatov G. The Systems. An Insider's Life in Soviet Politics. Random House, 1992. P. XVII.

Ibid. p. 287, 288, 305.

Ibid. Foreword to the American Edition.

26

Сотрудники института рассказывали мне, с какой неприязнью он относился ко всякому проявлению русского чувства, смеялся над понятием патриотизма. «Пока я здесь директор, — заявлял он, — в институте не будет русопятов».

27

В институте рассказывали, что сама идея назначения на пост министра иностранных дел Шеварднадзе принадлежала Арбатову.

28

Чтобы описать все мои путешествия по России, понадобилось бы несколько больших книг, здесь же я рассказываю лишь о некоторых впечатлениях, исканиях и встречах.

29

В 1933 году он отказался готовить к сносу храм Василия Блаженного на Красной площади и получил за это срок, но вместе с тем привлек к происходящему внимание высших руководителей страны — и тем самым спас памятник (Сталин лично отменил снос).

30

Впоследствии в своих воспоминаниях Бовин сообщил, что написал о книге Чивилихина критическую статью в «Литературную газету» (см.: А. Бовин. XX век как жизнь. М., 2003. С. 380-382).

Имена этих лиц мною намеренно изменены.

32

Широкой публике Блюмкин был известен как убийца посла Мирбаха.

33

Ватиканский банк напрямую был связан с итальянской масонской ложей П-2, являвшейся одним из орудий ЦРУ США.

34

Добавлю то, о чем Бордадын не знал: большая часть руководителей Третьего интернационала, в том числе Бела Кун и Куусинен, в своей подрывной деятельности были связаны с масонскими ложами. Третий Интернационал имел свою спецслужбу, также сотрудничавшую с масонами. Возглавлял ее Таршис.

35

Варга снова оказался на коне при Хрущеве. В 1956 году он вместе с Арзуманяном организует Институт мировой экономики и международных отношений, по-старому опираясь преимущественно на еврейских литераторов, журналистов и переводчиков.

36

Бывший министр иностранных дел СССР Литвинов был уличен в передаче секретных сведений американским спецслужбам. Момент этот был документально зафиксирован советской контрразведкой. Запись беседы изменника с иностранным агентом была предоставлена Сталину, который дал послушать ее А. Микояну.

В 1990-х годах монастырь начал возрождаться руками православных подвижников. В 2007-м, когда я снова приехал сюда, монастырь возвышался в прежнем величии, являя непоколебимость русского духа.

Еще раз отмечу, что как православный человек я далек от предъявления обвинений в этом всему еврейскому народу, особенно к тем, кто принял Христову веру.

39

Как мне удалось установить, кампания погромщиков «Союза воинствующих безбожников» прошла «успешно». Из 80 церквей города до нашего времени сохранилась лишь половина.

40

Осенью 1930 года в Москве и других городах России был запрещен колокольный звон. За 1925—1938 годы по РСФСР, Восточной Украине, Восточной Белоруссии снято на переплавку 385 810 колоколов, общим весом в 36,4 тыс тонн бронзы. В результате деятельности погромщиков от всего существующего колокольного богатства России до нашего времени сохранилось лишь несколько процентов.

Антирелигиозник. 1929, № 9. С. 123.

Антирелигиозник. 1929, № 7, с. 26.